

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Г. Е. Афанасьев, С. Н. Савенко, Д. С. Коробов

**ДРЕВНОСТИ
КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ**

Москва
Научный мир
2004

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
А94

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.

А94 ДРЕВНОСТИ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ. – М.: Научный мир, 2004.
– 240 с., 16 цв. вкл.

ISBN 5-89176-288-9

Представляемая работа Г.Е. Афанасьева, С.Н. Савенко и Д.С. Коробова знаменует собой новый подход к археологическому картографированию. В основу исследования положены как архивные материалы, так и собственные полевые исследования, благодаря чему число известных памятников археологии в окрестностях Кисловодска – этого наиболее изученного региона Северного Кавказа – удвоилось и к настоящему времени составляет более 800 объектов.

Монография состоит из трех частей, которые посвящены истории изучения Кисловодской котловины, освещению современных методов геоинформатики, применяемых в данном исследовании, и описанию памятников археологии, изученных в процессе работы.

Книга рассчитана на археологов, историков и краеведов, преподавателей и студентов исторических факультетов ВУЗов, а также всех, кто интересуется археологией Северного Кавказа и применением современных компьютерных технологий в археологии.

**УДК 902/904
ББК 63.4(2)**

ISBN 5-89176-288-9

© Г.Е. Афанасьев, С.Н. Савенко, Д.С. Коробов, 2004
© Научный мир, 2004

Научное издание

Г.Е. Афанасьев, С.Н. Савенко, Д.С. Коробов

ДРЕВНОСТИ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

«Научный мир»

Тел./факс (095) 291-28-47 E-mail: naumir@ben.irex.ru.

Internet: http://195.178.196.201/N_M/n_m.htm

Лицензия ИД № 03221 от 10.11.2000

Подписано к печати 19.07.04.

Формат 60х84/8.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 32. Укл. Печ. л. 29,76.

Тираж 350 экз. Заказ 436.

Отпечатано в ОАО «Московская типография № 6»
115088, Москва, Южнопортовая ул., 24

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

Посвящается 200-летию города Кисловодска

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>Глава 1. ОЧЕРК ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РАЙОНА КИСЛОВОДСКА И ВЕРХОВЬЕВ ПОДКУМКА</i>	9
Досоветский период	9
Советский и современный периоды	18
<i>Глава 2. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИС И ДЗ ДЛЯ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКОГО И ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ</i>	50
Основные направления применения ГИС- и ДЗ-технологий в археологии	51
Археолого-географическая информационная система «Кисловодск»	60
Новые методические приемы для палеоклиматического и палеоэкономического моделирования	62
<i>Глава 3. ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ</i>	89
ЛИТЕРАТУРА	201
СПИСОК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ	220
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	225
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ	226

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основным источником информации в археологии является археологический памятник. На сегодняшний день в нашей стране археологическими разведками выявлены десятки тысяч археологических объектов, 49 тысяч из них официально находятся на учете как памятники археологии [Макаров, 2004]. Исследователи обнаружили памятники, провели обследование и зафиксировали среди прочих характеристик их географическую привязку. Накопление информации о памятниках повлекло за собой создание археологических карт. Они создавались по территориальному (памятники определенных регионов), хронологическому (памятники отдельных хронологических периодов) и специализированному (картографирование определенных типов памятников или же отдельных категорий находок) принципам. Таким образом, мы имеем дело с конкретным, достаточно разработанным направлением археологической науки.

Уже во второй половине XIX в. в среде археологов России возникло понимание острой необходимости упорядочивания археологических материалов в рамках археологических карт. Состоявшийся в Тифлисе V Археологический съезд поручил персонально В. Б. Антоновичу, В. Тизенгаузену и Д. Н. Анучину разработать вопрос о составлении археологических карт. В итоге Д. Н. Анучин подготовил и опубликовал специальную работу, посвященную системе условных обозначений, которые целесообразно применять на археологических картах [Анучин, 1884б]. В ее основу были положены принципы, традиционно использовавшиеся в археологическом картографировании во Франции. В начале XX в. вышло несколько работ в русле составления археологических карт. Одни из них охватывали территории губерний, другие – уездов, третьи ограничивались долинами рек. Так, В. Б. Антонович издал карту Киевской и Волынской губерний [Антонович, 1895]. Д. И. Багaley опубликовал карту Харьковской губернии [Багaley, 1905]. А. Н. Нарцев выпустил в свет археологическую карту Тамбовской губернии [Нарцев, 1905]. А. А. Плетнев подготовил археологическую карту Тверской губернии [Плетнев, 1903], а Ф. Покровский – Виленской [Покровский, 1893]. Археологическая карта Глазовского уезда Вятской губернии была составлена Н. Г. Первухиным [1896], а памятники долины р. Оки были картографированы В. А. Городцовым [1905а].

Задача составления полной археологической карты нашей страны была поставлена еще в 1919 г. при создании Государственной академии истории материальной культуры. Однако столь грандиозная задача в то время была трудноосуществимой. В довоенные годы продолжают работы в этом направлении, но по отдельным, сравнительно небольшим, регионам. Так, например, Б. А. Койшевский публикует археологическую карту Середкинского района [Койшевский, 1931], а А. А. Мансуров – археологическую карту р. Прони [Мансуров, 1937]. Но в то же время появляются работы, в которых при составлении археологических карт наряду с административным делением учитывается и гидрографическое положение региона [Милонов, 1928]. Одной из первых археологических карт,

связанных с регионом Северного Кавказа, была совместная работа М. В. Покровского и Н. В. Анфимова по картографированию памятников Прикубанья [Покровский, Анфимов, 1937].

Для археологического картографирования этого времени была типична разнохарактерность принципов отбора материала и его представления. Прежде всего, не было единства в самом понятии «археологический памятник». Бесспорными категориями, подлежащими нанесению на карту, были городища, курганы, могильники, стоянки. Относительно других категорий памятников у исследователей не было единого мнения. В одних случаях учитывались монетные находки и клады, находки костей четвертичных животных и даже окаменелости, в других все это игнорировалось. В качестве топографической основы использовались различные карты с разным отсчетом меридианов, с разной насыщенностью знаками, чаще всего без обозначения рельефа, с разным масштабом и даже без него.

Положение дел значительно изменилось в предвоенные годы, после выхода в свет методического пособия А. А. Мансурова [1939]. Автор не только раскрыл понятие «археологическая карта», определил ее значение и принципы организации работ по ее составлению. Специальному анализу подверглись содержание основной археологической карты, топографическая основа, масштаб и топографические индексы. Много внимания А. А. Мансуров уделил подготовке к полевым работам, использованию и организации источников, проведению полевых работ и научной паспортизации памятников. Наконец, был подробно рассмотрен процесс обработки полевых материалов, научной паспортизации памятников, оформления основной археологической карты и подготовки материалов к публикации.

Успехи отечественной археологии, широкое развитие полевых исследований в 1970–1980-е гг. позволили создать на этой базе археологические карты отдельных, наиболее полно изученных, регионов Российской Федерации, таких как Татарская АССР [Археологическая карта..., 1981], Ленинградская область [Лапшин, 1990, 1992] и ряд других. Однако этим археологическим картам были свойственны разные уровни подачи информации, разные уровни обобщений и различные принципы подачи графических и картографических материалов.

В 1970-е гг. в Институте археологии АН СССР началась работа над программой «Свод памятников истории и культуры народов СССР». Для этого в институте был создан Сектор сводов, который возглавил В. В. Седов. Предполагалось, что в свод будут включены все памятники археологии, архитектуры и истории. В рамках этой программы были проведены широкомасштабные разведки по десяткам регионов страны, обследованные памятники паспортизированы. Были выработаны основные методические принципы описания археологических памятников и их размещения на картах [Седов, 1988]. На основе архивных исследований и новых сведений о памятниках были написаны первые два тома, но издание свода так и не состоялось.

В 1992 г. Отдел археологических сводов и карт Института археологии РАН приступил к работе над новым научно-издательским проектом «Археологическая карта России» (до 1999 г. под редакцией Ю. А. Краснова, с 2000 г. – А. В. Кашкина). Проект предполагает создание археологической карты для всей территории России, причем по единой программе, с унифицированной структурой научно-справочных статей и единым принципом подачи картографических материалов. «Археологическая карта России» (АКР) представляет собой серийное научно-справочное издание энциклопедического характера, содержащее в сжатой форме важнейшие сведения о недвижимых объектах археологического наследия и серию карт, на которые нанесены все археологические памятники России, известные к настоящему времени.

АКР строится на единых для всего издания принципах. Памятники археологии рассматриваются в нем по областям, краям, республикам, входящим в состав Российской Федерации. Памятникам каждого из субъектов федерации посвящается отдельный выпуск, который может состоять из нескольких частей или книг. В каждом выпуске памятники группируются по районам, внутри районов

– в алфавитном порядке по названиям населенных пунктов, близ которых памятники располагаются и к которым осуществляется их географическая привязка. Каждый выпуск включает в себя введение, в котором рассматриваются физико-географические особенности региона, история его археологического изучения, характеризуются типы памятников, дается краткий историко-археологический очерк края. Основную и важнейшую часть каждого выпуска составляют научно-справочные статьи об отдельных памятниках археологии. Каждый выпуск снабжен обзорными картами расположения археологических памятников по районам, крупномасштабными врезками к ним для отдельных территорий, насыщенных памятниками, планами и фотографиями памятников различных типов, рисунками основных категорий вещевого материала, найденного при раскопках и разведках, библиографическим, систематическим и хронологическим указателями. Важным моментом работы над серией АКР является точная локализация памятника. В литературе и архивных источниках нередко встречаются очень приблизительные данные о местоположении памятников. В АКР этот недостаток по возможности исправляется тщательной проверкой имеющихся данных по современным крупномасштабным картам.

Создание АКР – важная часть работы по инвентаризации археологического наследия, которая является, с одной стороны, источниковедческой базой для дальнейшего изучения памятников археологии, а с другой – основным и необходимым условием деятельности по охране и использованию этого наследия. Издание значительно облегчает кабинетные изыскания археологов, позволяя определять районы распространения тех или иных типов памятников, различных элементов материальной и духовной культуры древности и средневековья, находящих отражение в археологическом материале, границы древних историко-культурных общностей и т.п. Основываясь на информации о памятниках, содержащейся в книгах серии АКР, можно решать любые исследовательские задачи в области ландшафтной археологии [Кашкин, 2004].

Со времени начала работы над АКР (1992 г.) вышли из печати 20 книг серии, в которых представлены свыше 13 тысяч памятников археологии Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской и Тульской областей. Ведется работа по подготовке выпусков АКР, посвященных памятникам г. Москвы, Белгородской, Ленинградской, Нижегородской, Тверской, Ярославской областей.

Однако следует признать, что «Археологическая карта России» – проект весьма традиционный и не всегда отвечает современным информационным тенденциям.

Появление около тридцати лет назад первых географических информационных систем (ГИС) и их последующее развитие в корне изменили представления о современном картографировании. Кардинальное отличие ГИС от бумажной карты заключается в том, что каждый объект ГИС – будь то нанесенные на карту точка, линия или полигон – имеют, с одной стороны, информацию о положении в пространстве (геокодировку в определенной системе координат), а с другой – набор признаков, формируемый пользователем ГИС с помощью соответствующих таблиц с базами данных. Таким образом, пользователь может легко осуществлять поиск и вывод на карту любого признака, отраженного в таблице, выяснять и картографировать топологические связи разных по своей природе объектов, представленных на карте в виде так называемых «слоев», осуществлять пространственный анализ имеющейся на карте информации с помощью специально встроенных в пакет ГИС программ-модулей [Коробов, 2004б].

Представляемая работа Г. Е. Афанасьева, С. Н. Савенко и Д. С. Коробова знаменует собой новый и современный подход к археологическому картографированию. В основу исследования были положены как архивные материалы, так и собственные полевые обследования авторов. Надо отметить, что благодаря именно этим исследованиям число известных памятников археологии в окрестностях Кисловодска удвоилось и к настоящему времени составляет более 800-объектов (с учетом их

бытования в различные хронологические периоды). А ведь традиционно этот регион Северного Кавказа считался наиболее изученным.

В чем же принципиальное отличие археологической карты Кисловодской котловины от подобных исследований других регионов?

Прежде всего, для нее характерна точная локализация археологических памятников с применением приемников GPS. Каждый памятник привязывался к системе географических координат при помощи приборов спутниковой навигации Trimble Navigation и Garmin III + Global Positioning System (GPS), позволяющих определять географические координаты местонахождения на поверхности Земли (долготу и широту) с точностью до 15–30 м, а также высоту над уровнем моря с точностью до 10 м. Следует отметить, что в 2000 г. точность координатных измерений в плане возросла до 3–5 м в связи со снятием Правительством США ограничений на использование спутниковых сигналов системы GPS [Chartrand, 2000].

На каждом из обследованных памятников Кисловодской котловины фиксировалось несколько точечных измерений, однако в базу данных входило лишь одно, для обозначения памятника на карте ГИС в виде точки. При этом если на памятнике фиксировались разновременные напластования, в базу данных заносилось количество записей, соответствующее всем культурно-хронологическим периодам.

Сам процесс картографирования осуществлялся в электронной форме, с использованием программ для создания ГИС, так что фактически была создана универсальная археолого-географическая информационная система «Кисловодск». Она включает в себя несколько векторных слоев, отображающих речную сеть, изолинии рельефа местности, современные грунтовые и шоссейные дороги, родники, населенные пункты в окрестностях Кисловодска. Отдельным слоем в виде точек наносятся археологические памятники. Эта точечная информация сопровождается базой данных, в которой имеются сведения о названиях памятников, их типе, культурной атрибуции. Памятники имеют сквозную нумерацию, которая является результатом фиксации археологических объектов в процессе полевого исследования. Всего в базу данных занесены сведения о более чем 800 памятниках (с учетом их деления на разные периоды). Кроме того, к этой информации присоединены растровые слои с аэрофотосъемкой и космосъемкой региона, а также специально созданная программа моделирования климатической ситуации (современной и раннесредневековой) в Кисловодской котловине. Созданная подобным образом археолого-географическая информационная система (АГИС) «Кисловодск» является первым подобным опытом на территории России и по-своему уникальна для мировой практики.

Монография состоит из трех глав, которые посвящены истории изучения Кисловодской котловины (глава 1, С. Н. Савенко), освещению современных методов геоинформатики, применяемых в данном исследовании (глава 2, Г. Е. Афанасьев) и собственно описанию памятников археологии, изученных в процессе работы (глава 3, Д. С. Коробов).

А. В. Кашкин, зав. Отделом археологических сводов и карт
Института археологии РАН

Глава 1

ОЧЕРК ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РАЙОНА КИСЛОВОДСКА И ВЕРХОВЬЕВ ПОДКУМКА

ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Район Кисловодска и его окрестностей в географическом отношении принадлежит к бассейну верхнего течения р. Подкумок, но обладает явно выраженной ландшафтной спецификой. В научной и научно-популярной литературе для определения особенностей рассматриваемого района применяются следующие термины географического характера: «Кисловодское плато», «Кисловодское плоскогорье», «Кисловодская, -ие долина, -ы», «Кисловодская котловина». В строго научном отношении данные понятия неоднозначны, и еще в начале XX в. стал обсуждаться вопрос о корректности их применения к кисловодскому ландшафтно-территориальному образованию [Григорьев, 1913. С. 1–6]. К числу наиболее приемлемых, с нашей точки зрения, может относиться термин «Кисловодская котловина», введенный в 1960-е гг. [Месяц на Кавказских..., 1965. С. 100, 101] и с начала 1970-х гг. утвердившийся преимущественно в археологической литературе [Рунич, 1973а. С. 15, 16; 1974б. С. 95–109]. Он позволяет достаточно четко очертить часть бассейна Подкумка в пределах значительно понижающегося обширного участка рельефа овальных очертаний, ограниченного водораздельными линиями Кабардинского, Джинальского и Боргустанского хребтов, замыкающими системы малых рек Аликоновки, Березовки, Ольховки, Белой. Локальный геоверсум не имеет четких границ только на участке соединения с широкой долиной Подкумка между Кисловодском и с. Терезе Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской республики.

На остальной территории верховьев Подкумка можно выделить еще две ландшафтные территории: бассейн р. Эшкакон и собственно верховья Подкумка.

В административном отношении рассматриваемый район сегодня связан с южной частью Предгорного района Ставропольского края, городской территорией Кисловодска и большей частью Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской республики.

Самым ранним из известных на сегодняшний день свидетельством об археологических объектах верховьев Подкумка считается описание «Крепости Боргустан» турецким путешественником Эвлией Челеби, посетившим район ее местонахождения в 1666 г. [Челеби, 1979. С. 90, 91]. Начиная с работ Е. П. Алексеевой [1959. С. 43] данное описание соотносится со знаменитым средневековым

археологическим комплексом Рим-Гора, расположенным возле современного районного центра Уч-кекен, в 18 км к западу от Кисловодска, в долине Подкумка, вблизи его слияния с р. Эшкакон. Достоверность художественно насыщенных, красочных характеристик Э. Челеби оценивается неоднозначно, и обычно исследователи обращают внимание на сам факт описания крупной крепости. Но нам представляются интересными и другие детали изложения автора. Указание на то, что жившие в то время в округе крепости ногайцы использовали ее в оборонительных целях, сочетается с упоминанием о том, что на ней нет «ничего, кроме самого сооружения».

Это, вероятно, подтверждает факт археологического состояния объекта во второй половине XVII в. Примечательно известие о посещении «Крепости Боргустан» шахом Тимуром, который, по свидетельству Шереф-ад-Дина Йезди, пробыл в 1395 г. в местности Баштаке (Пятигорье – С. С.) несколько дней [Тизенгаузен, 1941. С. 180, 181]. Помимо крепости Э. Челеби описывает и «Боргустанские ущелья», которые у входа были перегорожены серией старинных арочных ворот в три ряда, сооруженных, по мнению путешественника, Искандером Зулькарнейном (Александром Македонским – С. С.). Протяженные ущелья («8 часов пути») были насыщены пещерами, используемыми ногайцами под жилье.

Еще в 1983 г. в совместной работе А. П. Рунича, Я. Б. Березина и С. Н. Савенко [1983. С. 62] было замечено, что Э. Челеби говорит о широкой округе крепости Боргустан, связанной авторами с долиной Подкумка. «Ущелье Боргустана» может быть соотнесено с Эшкаконом, узкая теснина которого с обрывистыми скальными берегами и террасами начинается недалеко от Рим-Горы. Многочисленные пещеры имеются в скальных выходах по течению Подкумка вплоть до района Кисловодска. Часть из них содержит культурный слой различной мощности и хронологической принадлежности.

Очередное известие о горе Боргустан и древнем городе «Боргустан-Кала» на ней оставил в 1785 г. пристав Большой Кабарды князь Ураков, выполнявший правительственное поручение по составлению реестра озер, рек, гор и т. п. на землях, подвластных императрице Екатерине II [Смирнов, 1951. С. 117]. Автор описал много кладбищ, несколько каменных крестов вокруг города и указал на мнение кабардинцев о связи его с «венгерцами».

Данные об археологических памятниках Предкавказья стали накапливаться в ходе развертывания деятельности академических экспедиций российских ученых в последней трети XVIII в. Работавший в долине Подкумка в 1793 г. академик П. С. Паллас дополнил сведения о Боргустане и впервые назвал ряд объектов в Кисловодской котловине: остатки древнего укрепления, «построенного, возможно, татарами» по соседству с источником Кислой воды, обжитые погребальные курганы и другое [Гориславский, 1992. С. 13].

Говоря о Боргустане, П. С. Паллас называет его естественным, содержащим ямы, склепы, фрагменты керамики, укреплением, предположительно являвшимся колонией франков или других европейцев (венетянцев и генуэзцев). На склонах горы он отмечает террасы, которые считает естественными, но указывает, что некоторые инженеры предполагают их искусственное происхождение. П. С. Палласу принадлежит запись одной из самых ранних легенд об этом памятнике.

Сведения о Боргустане, основанные на данных П. С. Палласа, но имеющие некоторое самостоятельное значение, содержатся в труде одного из ранних российских кавказоведов С. М. Броневского, опубликованном в 1823 г. [Новейшие географические..., 1823. С. 37, 38].

Начало и 20–30-е гг. XIX в. ознаменовались усилением внимания к древним памятникам России, и античным объектам южных районов особенно. К 1826 г. относится первое «Высочайшее повеление», предписывающее собрать немедленно по всем губерниям сведения о том, «в каких городах есть остатки древних замков и крепостей или других зданий древности и в каком состоянии они находятся» [Ковалевский, 1911. С. 1, 2]. Отдельные посетители Кавминвод (например, И. Родожичский) сравнивали некоторые возвышенности, курганы, скальные выступы с памятниками античности.

Интерес к памятникам древности стал проявляться и у местных представителей военной и гражданской администрации и интеллигенции. К археологии тяготели известные кавминводские архитекторы, братья Бернардаци, один из которых, Джузеппе (Иосиф), помимо известий о храмах Верхней Кубани, оставил упоминания о раннемусульманских позднесредневековых погребальных объектах между Кисловодском и Эссентуками [Лавров, 1966]. Археологией увлекались и венгерский ученый Жак-Шарль де Бесс и российский академик М. Купфер – участники первой эльбрусской экспедиции 1829 г., проходившей, в частности, через район Кисловодска [Соснина, 1993].

Со специальными археологическими целями на Кавминводы в 1834 г. прибыл Фредерик Дюбуа де Монпере – швейцарский археолог, этнограф, натуралист французского происхождения [Дюбуа де Монпере, 1937. С. 154–156]. Он первым заговорил о древнем торговом пути, шедшем из Закавказья через Северный Кавказ по долине р. Подкумок. Ученый провел небольшие раскопки на территории древнего города Бург-Усана (Рим-Гора) и достаточно подробно остановился в своей книге на районе Кисловодска.

Дюбуа де Монпере отмечает остатки большого города у подножья крепости на скалистой горе Бургусант, говорит о вырубленных в скале двух-трех лестницах, ведущих на вершину, покрытую развалинами жилищ, руинами небольших размеров. В ходе раскопок помимо различных предметов было обнаружено несколько маленьких медных крестиков. Важно указание на дополнительные укрепления в виде насыпей у подножья горы, вероятно прикрывавшие жителей, спускавшихся за водой.

Более детально было описано им также «укрепление», замеченное в районе Кисловодска П. С. Палласом. Дюбуа де Монпере проследил обращенную в степь насыпь, замыкавшую долину Подкумка ниже соединения с реками «Нарзаном» и «Кокуртом» и поднимающуюся по высокому правому берегу Нарзана до знаменитых источников. На ограниченном валом пространстве указано несколько курганов и многочисленные гроты, «соединенные иногда по 2–3» и «высеченные» в грядках песчаника, охватывающих долину с востока. Уверенность в искусственном происхождении гротов и их обилие позволили ученому предположить, что в Кисловодской котловине в древности проживали племена троглодитов («пещерников»), описанные античным географом Страбоном. Таким образом, была продолжена тема использования пещер и гротов рассматриваемого района в качестве жилья.

Показательно, что помощь исследователю в его знакомстве с памятниками археологии Пятигорья оказывали представители местного военного руководства, например, генерал Энгельгардт – командант Пятигорска и командир Кисловодской кордонной линии.

Положительную роль в деле сохранения и изучения древнего культурного наследия сыграли новые правительственные инициативы – «Общий наказ гражданским губернаторам» (1837 г.) и предписание о воспрещении разрушать памятники древности и «блюсти за их сохранением» (1848 г.) [Ковалевский, 1911. С. 2]. Обстоятельные работы на Кавминводах были проведены археологом Авраамом Фирковичем в 1849–1850 гг. [Фиркович, 1857. С. 377–382]. Ученый собирал сведения о памятниках и учитывал каменные кресты, плиты с надписями и изображениями, изваяния, производил раскопки курганов.

Он одним из первых наряду с древним названием «Боргустан» приводит и термин «Рим-Гора» с его вариантами «Рум-Кале», «Урим-Кала» и этимологией – «греческая крепость». К числу признаков проживания греков на городище он относил надписи и явные следы христианства.

О Рим-Горе были собраны обширные легендарные сведения, в том числе и предание о штурме крепости, принадлежавшей влиятельной княгине «Ак-Билек» («белоручка»), Тимур-Ленгом. Исключительно примечательным является мнение о посещении Рим-Горы Петром I в 1721 г., выдвинутое на основании надписи, обнаруженной в одной из окрестных пещер.

В ходе раскопок на городище и расположенных поблизости курганах был получен достаточно представительный материал, включавший монеты, фрагменты оружия, керамики и т. п. Каменные кресты и плиты в то время находились не только около горы, но и на расстоянии нескольких верст в

долине Подкумка. В 13–14 верстах в сторону верховьев реки исследователь осмотрел еще одно крупное городище (Уллудорбунла – С. С.) и некрополь, сведения о которых были получены от одного из «кавказских пленников» – старого казака Смирнова.

Большой заслугой А. Фирковича было создание своеобразного археологического «музеума» под открытым небом в Елизаветинском сквере г. Пятигорска, куда были свезены многие монументальные памятники Предкавказья, в том числе и из верховьев Подкумка [Краснокутская, Коваленко, 1998. С. 6, 7]. Этот музей просуществовал до начала 80-х гг. XIX в., а затем часть наиболее ценных экспонатов была перевезена в Государственный исторический музей в Москву. Подобную археологическую выставку ученый составил и в общественном саду ст. Ессентукской.

Стабилизация политической обстановки на Северном Кавказе в 50-е гг. XIX в. положительно повлияла на последующее развитие изучения археологического наследия в регионе. В рассматриваемый период складываются несколько объективных и субъективных предпосылок усиления научного и общественного интереса к объектам древней и средневековой истории и культуры. Люди объективно сталкивались с древностями в ходе развертывания различных строительных работ, при которых имели место случаи разрушения древних погребений и культурных слоев поселений. Государственные органы в центре и на местах усиливали внимание к учету памятников, контролю за их состоянием и практикой исследования. В связи с этим в 1859 г. создается Императорская археологическая комиссия, призванная содействовать сохранению памятников, выдавать правительственные разрешения на ведение раскопок и контролировать их осуществление. Заметную роль в сборе сведений о памятниках, их изучении и популяризации играли губернские статистические комитеты. Кавминводы, включая район верховьев Подкумка, до начала 60-х гг. XIX в. входили в состав Ставропольской губернии, в которой статистический комитет функционировал с 1858 г. (аналогичный комитет во Владикавказе начал работу в конце 1872 г.). Постепенно оживлялась научно-исследовательская деятельность.

Особое внимание следует уделить научно-просветительским общественным организациям, и в первую очередь Русскому географическому (1845 г.) и Русскому археологическому (1846 г.) обществам. Если последнее на ранних стадиях функционирования только эпизодически уделяло внимание Северному Кавказу, то Русское географическое общество (РГО) в 1851 г. открыло свою первую региональную организацию именно на Кавказе, с центром в Тифлисе. Под патронажем Кавказского отдела РГО был создан музей, в фонды которого уже тогда стали поступать археологические материалы из Кавминвод (например, находки у каменного моста в верховьях р. Кумы [Каталог музея..., 1856]). В дальнейшем предметы из Кисловодска и Рим-Горы (мраморная вазочка изящной формы [Уварова, 1902. С. 160]) хранились в фондах Кавказского музея в Тифлисе (открыт в 1867 г.). Членами Кавказского отдела РГО являлись многие археологи-кавказоведы второй половины XIX – начала XX в., включая и тех, которые работали на памятниках Пятигорья.

В 50-е гг. XIX в. увеличивается число научных и научно-популярных публикаций о Кавминводах. Появляются первые путеводители, в которых среди достопримечательностей указаны и некоторые особо значимые археологические памятники. В верховьях Подкумка это прежде всего Рим-Гора. Ученые самых различных специализаций в своих наиболее обстоятельных трудах не оставляли без внимания историко-культурные объекты. В качестве примера можно привести работу Ф. А. Баталина, который проводил разнообразные географические, природно-климатические и иные исследования в регионе в 1856 г. В книге содержатся данные о вале у ст. Кисловодской и древнем пути по долине Подкумка, почерпнутые из трудов предшественников, устной информации и дневников одного из известных знатоков местной истории и этнографии А. Ф. Реброва [Баталин, 1861. С. 77, 78].

Благодаря начавшейся в 1863 г. активной деятельности на Кавминводах известного врача, общественного деятеля, организатора науки, создателя Русского бальнеологического общества (г. Пятигорск), С. А. Смирнова [Краснокутская, 1999. С. 221–226] внимание к историко-культурной пробле-

матике в регионе усилилось. В 1866 г. в Пятигорске открывается первый «геогностический» музей с экспонатами геолого-природного характера. Создателем его являлся Ф. Байерн, активно, хотя и не профессионально занимавшийся и кавказской археологией [Байерн, 1871].

В 1867 г. через Пятигорск по долине Подкумка пролегает путь братьев Нарышкиных, совершавших путешествие с археологической целью в Сванетию [Нарышкин, 1877. С. 325–368]. Особенно путешественников заинтересовали экспонаты Пятигорского археологического музея под открытым небом. Данными об их знакомстве с памятниками верховьев Подкумка мы не располагаем.

Созданное в 1864 г. Московское археологическое общество (МАО) почти с самого начала (1868 г.) уделяло особое внимание Кавказу. У его членов зрела мысль о необходимости учреждения Кавказского отдела [Цулая, 1982. С. 75]. В марте 1873 г. был утвержден устав Общества любителей Кавказской археологии в Тифлисе. В конце 1870-х гг., накануне V Археологического съезда (1881 г., Тифлис), на Кавминводах развернулись разведка и раскопки, часть которых проводилась в районе Кисловодска. Ведущая роль в этом принадлежала основателю МАО графу А. С. Уварову, который еще в 1876 г. говорил о необходимости проведения съезда на Кавказе [Колесникова, 1999. С. 23].

Во время начала работы Подготовительного комитета V съезда из Кисловодска стали поступать известия об археологических находках на дачных усадьбах Неймана, Кривошеина и других. Некоторые предметы попадали к зарубежным специалистам. Так, ряд изделий кобанского времени В. Ф. Миллером был передан Е. Шантру, который дважды (в 1879 и 1881 гг.) бывал на Кавказе, осматривал и раскапывал памятники кобанской культуры [Chantre, 1886. P. 155]¹. В ходе реализации подготовительной экспедиционной программы 1879 г. курган эпохи бронзы близ ст. Кисловодской исследовал Е. Д. Фелицын [Корневский, 1996. С. 4].

Раскопки в Кисловодске и его окрестностях летом 1881 г. проводили профессор Варшавского университета Д. Я. Самоквасов (рис. 1) и лично граф А. С. Уваров с женой, П. С. Уваровой, активной помощницей в деле руководства Московским археологическим обществом. Раскапывались в основном курганы эпохи бронзы и позднего средневековья. Интересные материалы были получены в урочище «Три камня» на возвышенности между реками Нарзаном, Березовкой, Подкумком и Аликоновкой, где Д. Я. Самоквасов раскопал 5 из 22 больших насыпей. В работе участвовал профессор П. И. Висковатов, который делал полевые рисунки. В урочище «Против третьей балки» – в 4 верстах от ст. Кисловодской по шоссе в Эссентуки – выявлены 16 позднесредневековых каменных гробниц и 57 курганов, из которых раскопаны 11 гробниц и 6 курганов [Самоквасов, 1885, 1887; и др.]. Эти материалы демонстрировались на V Археологическом съезде, неоднократно публиковались, и не только автором раскопок [Анучин, 1884а].

Рис. 1. Д. Я. Самоквасов

¹ ГИМ, оф. № 15709–15718.

С конца 1881 г. в Тифлисе действует еще одно общество археологии и истории. В начале 1880-х гг. в Пятигорье и Кисловодске бывал венгерский художник М. А. Зичи, находившийся на российской службе. Он многое сделал для популяризации историко-культурных достопримечательностей Кавминвод. Параллельно он проявлял живой интерес к древностям и приобретал их у местных жителей, особенно у князя И. Урусбиева [Zichy, 1897; Ференц, 1960].

Находившийся в Кисловодске в 1885 г. выдающийся кавказовед М. М. Ковалевский получил известия о захоронениях в скалах в районе горского аула Хасаут. Он организовал небольшую экспедицию с участием И. Урусбиева, крупного русского музыканта С. И. Танеева, фотографа Д. И. Ермакова, иностранных путешественников. Ими были проведены работы на скальных захоронениях. Долина р. Хасаут не относится к изучаемой нами территории, да и к Кавминводам вообще, но в ходе этих исследований М. М. Ковалевский побывал и на Рим-Горе, возле которой раскопал курган с безынвентарным погребением [Ковалевский, Иванюков, 1886. С. 100, 101].

В Хасауте М. М. Ковалевский работал и в 1886 г. [Миллер, 1888. С. 104]. Возможно, какие-то исследования в тот год велись и в окрестностях Кисловодска, но достоверных данных об этом пока выявить не удалось. В этом же году по пути к храмам Верхней Кубани побывал на Рим-Горе археолог и художник Д. М. Струков. Он сделал ряд рисунков объектов на памятнике, которые позднее были опубликованы Н. Е. Макаренко. В 1887 г. курганы в Кисловодске раскапывал Д. А. Постников².

В конце XIX в. сохранялся общественный интерес к археологическим памятникам Верхнего Подкумка, о чем свидетельствует включение в маршруты экскурсий для отдыхающих Рим-Горы и некоторых других мест [Владыкин, 1885. С. 146, 147; Москвич, 1896; и др.]. Причем путеводители рекомендовали определенных «специалистов» по данным маршрутам из числа кисловодских извозчиков.

Начало XX в. ознаменовалось рядом важных для развития изучения археологических памятников событий. Вновь был поднят вопрос на правительственном уровне о необходимости принятия действенных мер по охране памятников древности от разрушения. Министерство внутренних дел империи затребовало в 1901 г. сведения о памятниках и их состоянии. В первое десятилетие работала комиссия по подготовке законопроекта об охране древностей, который был внесен в Государственную Думу в 1911 г., но не был принят.

Положительное значение имело открытие в 1901 г. Тифлисского отделения МАО.

В 1902 г. развернулась деятельность основанного еще в 1899 г. Кавказского горного общества (КГО) в Пятигорске – первой местной туристической и научно-просветительской организации, в уставные цели которой были включены задачи сохранения и изучения историко-культурных памятников и достопримечательностей [Ежегодник Кавказского..., 1904. С. IV]. Члены общества сразу приступили к самостоятельным археологическим работам [Колесникова, 1998. С. 98–107]. Открытый лист на раскопки в Пятигорском отделе первым получил секретарь КГО, уполномоченный директора Кавминвод И. И. Апухтин.

С 1902 г. в регионе стали активно действовать профессиональные археологи и историки – сотрудник Петербургского археологического института В. Р. Апухтин (рис. 2), приват-доцент университета Св. Владимира в Киеве (позднее профессор) А. Н. Грен, закавказский археолог В. А. Скиндер.

Своеобразной оценкой состояния изученности археологического наследия Кавминвод является очерк А. Н. Грена «Кавказские Минеральные Воды в археологическом отношении» [Грен, 1902]. Исследователь характеризует и свои собственные работы. Для нашей темы определенным интересом представляет попытка археологического изучения пещер в районе железнодорожной станции Минутка, не давшая, правда, существенных результатов.

² ГИМ, оф. № 19207-217 (19208).

Рис. 2. В. Р. Апухтин

В. Р. Апухтин в течение нескольких лет в начале XX в. вел работы на Кавминводах и в ущелье Хасаута. Он сотрудничал с Кавказским горным обществом, проводил показательные раскопки для учеников местной гимназии, выступил с идеей создания Северо-Кавказского археологического общества и разрабатывал проекты его документов, внес существенный вклад в формирование археологической коллекции Пятигорского краеведческого музея, созданного КГО в 1905 г. Проводил он раскопки также в Кисловодске и его окрестностях. На выставке, организованной на XII Археологическом съезде (август 1902 г., Харьков), в коллекции В. Р. Апухтина были представлены материалы из разграбленного могильника в пещере и в каменных ящиках в Медовой балке, в 4 верстах от п. Михайловского в верховьях Подкумка. В 1904 г. небольшие совместные работы на Рим-Горе провели члены КГО и В. Р. Апухтин. А в 1906, 1907 и 1909 гг. В. Р. Апухтин исследовал курганы в Кисловодске, в частности на землях станичного училища³. Содержавшиеся в них материалы относятся к эпохе бронзы. Погребения часто были безынвентарными, но с «окрашенными» костяками.

Один из основных создателей КГО в Пятигорске, автор текста Устава Кавказского горного общества, лидер и председатель общества с 1906 по 1910 г. (год смерти) Р. Р. Лейцингер также заинтере-

ресованно занимался археологией и в 1906 г. получил открытый лист и право на работы в Пятигорском отделе, Нальчикском и Баталпашинском округах. Особенно интересна для нас Эшкаконская экспедиция 1906 г. [Савенко, 2000б. С. 31–36; и др.]. В ходе экспедиции был осмотрен и исследован ряд памятников в ущелье р. Эшкакон в районе хутора Байчорова и возле Рим-Горы. В публикациях обзорного отчета об этих работах содержится, по-видимому, первое упоминание о скальных погребениях Эшкакона. Описываются детали других погребальных сооружений, этническая и культурная принадлежность которых не уточняется. Обращает на себя внимание одна из открыток знаменитого кавминводского фотографа, члена КГО с 1906 г. Г. И. Раева под названием «Пещеры близ аула Байчорова (жилище первобытных людей)». На ней изображена одна из историко-культурных достопримечательностей Эшкаконского ущелья, зафиксированная в ходе экспедиции.

В 1906 г. стала действовать Ставропольская ученая архивная комиссия под руководством известного археолога и краеведа Г. Н. Прозрителева [Белоконь, 1999. С. 73–85], который активно интересовался археологическими памятниками Кавминвод. В 1910–1911 гг. Г. Н. Прозрителев имел деловую переписку с В. Р. Апухтиным.

Летом 1907 г. в регионе работал петербургский (в тот период) археолог и художник Н. Е. Макаренко [1911]. Основной целью исследований в верховьях Подкумка вновь стала Рим-Гора. Здесь были тщательно осмотрены пещеры с изображениями крестов, собран подъемный материал. По

³ Архив ИИМК, 1902. Ф. 1. № 110; 1908. Ф. 1. № 134. Л. 8, 9.

дороге из Кисловодска к Рим-Горе очередной раз были отмечены многочисленные курганы и большое количество пещер, до исследования которых, по мнению ученого, «нельзя утверждать, что в них нет следов древнего жительствова».

В 1913 г. на участке Кисловодского станичного училища, возле курганов, которые в 1909 г. раскапывал В. Р. Апухтин, случайно было открыто захоронение в каменной гробнице, где находились предметы вооружения и другие изделия. В связи с этим директор училища развернул раскопки и доследовал несколько погребений с находками средневекового облика – стременами, наконечниками стрел, бронзовыми зеркальцами и т. п. [Археологическая находка, 1913]. Из курганов Кисловодска происходит коллекция И. И. Филиппова, собранная в 1913–1914 гг. и переданная автором раскопок в Пятигорский музей в 1927 г. Она состояла в основном из предметов эпохи бронзы.

В рассматриваемый период продолжалась практика организации и проведения экскурсий на археологические объекты. В июне 1913 г. в одной из таких экскурсий на Рим-Гору принял участие известный русский археолог, художник и философ Н. К. Рерих [Петербургский Рериховский..., 1999. С. 342].

Определенное значение для Кавминвод имело создание во Владикавказе по инициативе директора Терского областного музея П. П. Раскопова «Общества защиты и сохранения в Терской области памятников искусства и старины» [Колесникова, 2000. С. 56–59]. Последние археологические работы досоветского периода в рассматриваемом районе проводились в 1917 г. В апреле было образовано и стало действовать первое местное отделение Кавказского горного общества в Кисловодске. Руководство и актив общества продемонстрировали стремление развивать все основные направления работы головной общественной организации, в том числе и в сфере историко-культурного наследия. При отделе был образован небольшой музей [Савенко, 2000а. С. 38, 39]. В это же время в Кисловодске находился один из крупнейших русских археологов граф А. А. Бобринский. На основании открытого листа им были проведены раскопки кургана в районе товарной станции на левом берегу р. Белой⁴. В кургане было 5 погребений со скорченными костяками и отдельными предметами инвентаря. Фрагмент орнаментированного глиняного сосуда передан исследователем в музей Кисловодского отдела Кавказского горного общества.

С именем графа А. А. Бобринского в Кисловодске связана крупная археологическая коллекция, помещавшаяся в 9 ящиках. Обстоятельства, при которых она попала в Кисловодск, нам неизвестны. Коллекция была конфискована советскими властями и передана в Госбанк г. Пятигорска. Одно разбитое зеркало из нее поступило в Пятигорский музей⁵. Возможно, данная ситуация как-то связана с другим графом Бобринским, отчество которого – Алексеич – совпадает с именем археолога. Граф Г. А. Бобринский был арестован осенью 1918 г. и в конце октября расстрелян в Пятигорске красноармейцами [Красный террор..., 2001. С. 15, 16, 29].

Имеются данные о том, что в 1917–1918 гг. в Кисловодске пребывал еще один крупный ученый – исполняющий обязанности директора Археологического института в Петрограде профессор Н. И. Веселовский. Сведениями о каких-либо полевых работах ученого мы не располагаем.

С последними предреволюционными годами связана деятельность на Кавминводах еще одного названного выше археолога – В. А. Скиндера. В Пятигорске вышел ряд его публикаций археологического содержания с привлечением материалов из-за пределов региона [Скиндер, 1906]. Вел он совместные с В. Р. Апухтиным и самостоятельные работы на памятниках Пятигорья и Кисловодска в частности. Коллекция В. А. Скиндера хранилась у его вдовы и в 1934 г. была продана в Пятигорский музей.

Все приведенные выше данные позволяют назвать досоветский период развития археологических исследований в районе Кисловодска и бассейне верхнего течения р. Подкумок временем посте-

⁴ Архив ИИМК. Дело ИАК № 35, 1917 г. о раскопках гр. А. А. Бобринского в Терской области в 1917 г.

⁵ Пятигорский краеведческий музей. Архив Н. М. Егорова.

пенного несистематического накопления материала, ограниченных раскопок и начальных попыток историко-культурной оценки полученных материалов.

Отдельные частные мнения и выводы авторов приводились выше, но следует кратко остановиться еще на некоторых заслуживающих внимания положениях. Следует вспомнить, что российская археология начала приобретать научный характер только во второй половине XIX в., и именно в этот период А. С. Уваров, Д. Я. Самоквасов и некоторые другие ученые стали отстаивать значение памятников древности как источников для изучения этнических, социальных, культурных аспектов истории народов [Уваров, 1873. С. 266–269; Самоквасов, 1876. С. 262–265]. К этому времени уже сложился определенный интерес к кавказской археологии в отечественной [Берже, 1881. С. 1–13] и зарубежной, прежде всего французской [Харузин, 1895. С. 247–264], науке. Европейских ученых привлекало к Кавказу желание разобраться в происхождении «варварских» древностей эпохи бронзы, раннего железа и так называемых «меровингских древностей», а также интерес к индоевропейской истории и антропологии. Памятники и находки из изучаемого района в дискуссиях по данным проблемам специально не фигурировали, но, вероятно, привлекались в общей массе доступных артефактов.

Д. Я. Самоквасов был автором одной из ранних хронологических классификаций в русской археологии. Он распределил российские древности по 5 обобщенным историко-культурным эпохам, присвоив последним этнические наименования: киммерийская, скифская, сарматская, славянская, татарская [Самоквасов, 1895. С. 44–50]. Памятники Пятигорья (включая Кисловодск) исследователь относил к трем эпохам: киммерийской, скифо-сарматской и монголо-татарской (половецко-татарской).

Предложенная классификация содержала в себе полезные для последующего развития кавказской археологии предположения и догадки, но имела и много неточностей, которые вызывали критику еще в дореволюционный период. Это, прежде всего, мнение о том, что на Кавказе не обнаружено могильников древнее VII в. до н. э. («киммерийской эпохи»). Эту точку зрения в определенной мере разделял и А. С. Уваров, а позже В. Р. Апухтин. Но в дискуссии с А. А. Спицыным, который выделил на Северном Кавказе районы с погребениями эпохи бронзы с «окрашенными костяками» [Спицын, 1899. С. 53], доводы Д. Я. Самоквасова явно уступали в убедительности. На материалах курганных погребений Кисловодска и Пятигорска Д. Я. Самоквасов сделал еще одно ошибочное предположение – о распространении антропофагии и человеческих жертвоприношений у местных племен [Кореневский, 1990б. С. 26].

Вскоре после выхода в свет монографического труда Д. Я. Самоквасова «Могилы русской земли» крупнейший российский археолог В. А. Городцов также выступил против хронологического ограничения северокавказских курганных памятников «киммерийской эпохой», заметив, что скифам могли предшествовать не только киммерийцы, но и другие народы и «древности каменной и бронзовой культуры». Ученый также не согласился с высказываниями ряда кавказоведов, в том числе В. Ф. Миллера, о культурной отсталости Кавказа и его древнего населения [Городцов, 1910. С. 315–317].

На дальнейшее развитие северокавказской археологии, и в частности на изучение памятников Кавминвод, оказали существенное влияние классификационно-типологические разработки В. А. Городцова, выделившего ямную, катакомбную и срубную культуры эпохи бронзы в южнорусских степях [Городцов, 1905б. С. 174–225], мнение А. А. Спицына о связи катакомбных погребений с аланам [Спицын, 1909. С. 69–74], идентификация средневековых христианских древностей и скальных захоронений Верхней Кубани и Кабарды В. Ф. Миллером и М. М. Ковалевским как «древнеосетинских» (аланских) [Ковалевский, Иванюков, 1886. С. 100, 101; Миллер, 1888. С. 102–105] и ряд других версий досоветских ученых.

СОВЕТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ

Октябрьская революция и последовавшие затем годы напряженного социально-политического противостояния неблагоприятно отразились на процессе развития археологических исследований в регионе. Кроме непосредственных военных действий, существенно проявился и очередной негативный для сохранения памятников археологии фактор – «бум огородничества» в городах Кавминвод, связанный со стремлением людей преодолеть голод времен гражданской междоусобицы. В результате вновь пострадали многие курганы, культурные слои поселений, отдельные грунтовые могильники. Находимые при этом древние предметы редко доходили до музеев и специалистов, обычно они безвозвратно утрачивались.

Но и в это время научный интерес к археологии на Кавминводах не угасал. В 1918 г. была обнаружена «подкумская черепная крышка» древнего человека [Гремяцкий, 1922. С. 92]. Хотя она найдена за пределами рассматриваемого района, не упомянуть о ней нельзя, так как в дискуссию о ее датировке и достоверности были вовлечены многие ученые и краеведы [Егоров, 1933. С. 223–225], а отголоски темы дошли до 70–80-х гг. XX в. [Природа и древний..., 1981. С. 155].

Сразу же после окончания военных действий в регионе (1920 г.) в Пятигорске создается Совет обследования и изучения Терского края. В начале 1921 г. он преобразован в Пятигорское отделение Северо-Кавказского института краеведения, созданного во Владикавказе в мае 1920 г. [Северо-Кавказский институт..., 1924. С. 3–14]. Большую роль в зарождении советского музейного дела и краеведения в регионе начиная с 1920 г. играют историк и краевед профессор Д. М. Павлов [Коваленко, 1992. С. 37–39; Дмитрий Михайлович Павлов, 1994. С. 128–131] и известный уже по дореволюционному периоду археолог В. Р. Апухтин. Они вошли в состав созданного Постановлением РАИМК от 26.06.1921 г. Прикумского (Пятигорского) отделения Северо-Кавказской археологической комиссии. Имела отношение к исследованию археологического наследия Кавминвод и созданная в феврале 1921 г. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия.

В 1920–1921 гг. памятниками региона активно интересовался Б. В. Лунин, собиравший сведения об объектах древности Терской области, включая регион Кисловодска. Совместно с представителями местного археологического общества при Пятигорской гимназии исследователь провел раскопки курганов на Константиногорском плато возле Пятигорска [Лунин, 1927б. С. 3–17]. Работы не затронули район Кисловодска и его окрестностей, однако внимание к нему со стороны краеведов и археологов в рассматриваемый период сохранялось.

В марте 1921 г. именно в Кисловодске состоялась первая Северокавказская конференция по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы [Назаренко, 1922. С. 255, 256]. На ней обсуждалась идея организации археолого-этнографического института на Северном Кавказе. После организации в Пятигорске Прикумского районного музея с задачами краевого (1921 г.) планировалось создание музеев в ряде городов Терской области, включая Кисловодск. В Кисловодске были заложены основы Карачаевского музея, переведенного затем в Баталпашинск (Черкесск). Сотрудники Прикумского (Пятигорского) отделения Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии начали составление археологической карты Пятигорья, включая Кисловодскую котловину и верховья Подкумка. В планах научно-исследовательской деятельности значились работы на Рим-Горе.

К началу 1922 г. из-за отсутствия финансирования почти свернулась работа Пятигорских отделений Института краеведения и этнолого-археологической комиссии. В сложных, конфликтных условиях в это время проходила деятельность Д. М. Павлова и особенно В. Р. Апухтина. Последний вынужден был уехать в 1925 г. сначала в Ставрополь, а затем в Ростов-на-Дону. С этого времени нет известий о его занятиях археологией в Пятигорье.

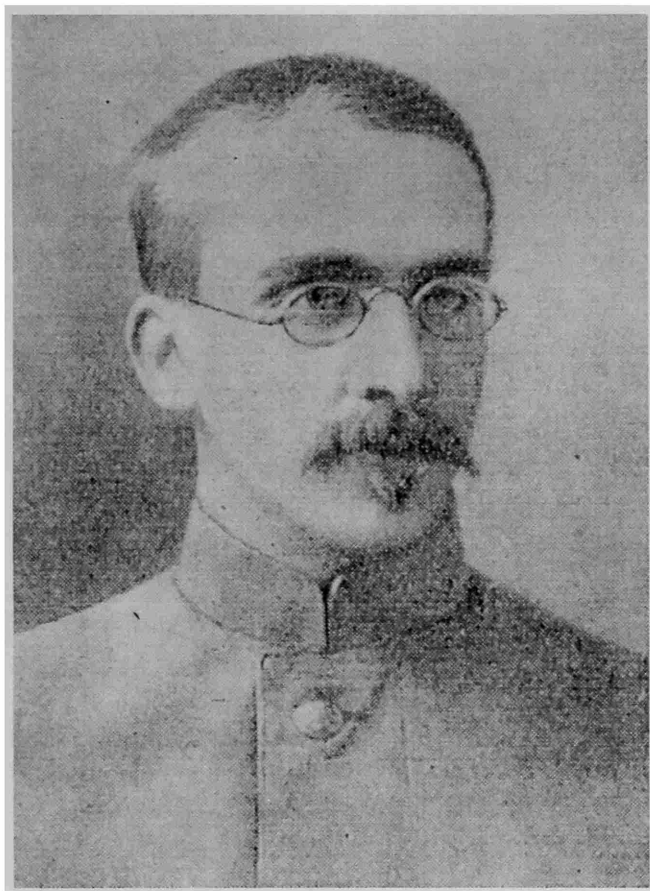

Рис. 3. Н. М. Егоров

Д. М. Павлов принимает активное участие в возрождении в 1923–1924 гг. Кавказского горного общества в Пятигорске. С 1924 г. в Пятигорском краеведческом музее начинает работать еще один яркий местный археолог-краевед – Н. М. Егоров (рис. 3) [Кузнецов, 1966. С. 292, 293]⁶. Он многое сделал для развития археологических исследований на Кавминводах, включая окрестности Кисловодска и верховья Подкумка. В частности Н. М. Егоров записал в фонды Пятигорского музея часть коллекции В. Р. Апухтина, конфискованной у ученого ОГПУ в 1922 г.

С середины 1920-х гг. поддерживает тесные связи с Д. М. Павловым и нередко бывает в Кисловодске председателем Ставропольской этнолого-археологической комиссии Г. Н. Прозрителев [1924. С. 32]. В Кисловодске жили члены его семьи, в частности дочь.

В 1925 г. Н. М. Егоров вместе с краеведом Т. К. Дорошенко, членом КГО Я. И. Фроловым и некоторыми другими проводил сбор археологических материалов в районе Пятигорска и Кисловодска. Из кисловодских объектов, выявленных в том году, в книге записей фондовых экспонатов Пятигорского музея рукой Н. М. Егорова отмечены: фрагмент черепа человека, фрагменты сосу-

дов, каменное изделие, найденные у Лермонтовской скалы во второй магистрали водопровода, и фрагменты сосудов, обнаруженные у подножия первой скалы по дороге из Подкумка в Кисловодск. К этому же году относятся краеведческие экскурсии на памятники археологии кисловодских любителей старины. Так, по устной информации краеведа Е. С. Виноградова, он под руководством М. Д. Сивоконя посещал Клин-Яр, на вершине которого были обнаружены черепки и человеческий череп.

В 1926 г. возобновились археологические экскурсии КГО на Рим-Гору. В это время отделение Общества вновь действует в Кисловодске. Члены КГО проводили детальные разведки, а Н. М. Егоров с Я. И. Фроловым произвели небольшие раскопки на Рим-Горе [Разведки у Рим-Горы, 1926; Археологические разведки..., 1926; Лунин, 1927а. С. 39]. Тогда же на памятник планировал выехать и Б. В. Лунин. Н. М. Егоров открыл в 1926 г. и первый из выявленных катакомбных могильников на территории Кисловодска – «на Георгиевском плато».

Научные исследования на Рим-Горе были проведены в сентябре 1927 г. профессором В. Ф. Смолиным (Казань). В них участвовали Н. М. Егоров и другие сотрудники музея, председатель КГО Е. А. Ларин, члены Общества профессор Д. М. Павлов, С. Ф. Авсеньев и другие, профессор П. Н. Чирвинский (Новочеркасск), сотрудница Исторического музея (Москва) Н. С. Воскресенская. Было расчищено несколько ограбленных катакомб на основном могильнике, в том числе с «двумя» и «тремя» камерами, которые ученый предположительно отнес к VII–VIII вв. н. э. [Смолин, 1928. С. 87–89].

⁶ Неопубликованные сведения о работах Н. М. Егорова в основном взяты из музейных архивов и фондов Пятигорского и Кисловодского краеведческих музеев.

В 1926–1927 гг. дважды была опубликована работа Д. М. Павлова о памятниках искусства и культуры Карачая [1926. С. 233–264; 1927.], в которой затрагивались и объекты верховьев Подкумка. Ученый продолжал работать над археологическими картами региона.

В сентябре 1928 г. в Пятигорский музей поступили находки кобанского типа из одного из разрушенных курганов у Рим-Горы.

В 1929 г. в районе Кавминвод работала Северо-Кавказская экспедиция под руководством А. А. Иессена. Из памятников интересующего нас района вновь была затронута Рим-Гора [Научные экспедиции..., 1930; Миллер, 1931. С.26–30]. С этого времени А. А. Иессен поддерживал контакты с местными археологами и получал от них сведения о памятниках и находках. Эти материалы отложились в архиве ученого⁷. С 1929 г. с Н. М. Егоровым начинает сотрудничать А. П. Рунич (рис. 4) [Березин, Савенко, 1996. С. 12]. В этом же году стало известно раннесредневековое поселение у Кольцо-Горы [Федоровский, 1929]. В архиве Н. М. Егорова содержатся данные об интересном сообщении С. П. Соловьева (датированном 23.06.1929 г.) о находке погребений с кольцевыми выкладками из крупных камней в верховьях левого берега притока р. Эшкакон – Чирак-Кола.

Рис. 4. А. П. Рунич

В 1930 г. опубликована статья А. М. Дьячкова-Тарасова о древнем торговом пути из Хорезма в Византию через Кавказ [1930. С. 148–156], в которой он развил идею о трансконтинентальном (Великом Шелковом) пути, проходившем, в частности, по долине р. Подкумок.

В 1931 г. кисловодский краевед Е. С. Виноградов открывает раннесредневековое Катыхинское городище и фотографирует остатки крепостной стены.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Кисловодске разворачивается масштабное санаторно-курортное строительство, в ходе которого затрагиваются территории многочисленных археологических памятников. Так, в 1932 г. при строительстве объектов санатория ОГПУ «Кисловодск» на ул. Коминтерна, 32 был обнаружен комплекс кобанского времени. Вероятно, он относился к могильнику, открытому еще в конце 70-х гг. XIX в. на бывшей усадьбе полковника Неймана. Погребения в каменных ящиках стали выявляться и на Крестовой и Барановской горках, на месте, где разворачивалось строительство санатория Комиссии содействия ученым (КСУ) – Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) (им. Горького).

Заметил их В. В. Попов (Симферополь), имевший опыт полевых работ и доследовавший в 1933 г. три погребения. С. Н. Замятнин провел здесь первые профессиональные исследования [Замятнин, 1935. С. 213–226]. Работы финансировались ГАИМК и КСУ при Совете народных комиссаров СССР, то есть носили отчасти хоздоговорный характер. Раскопанные 8 могил в каменных ящиках VIII–VI вв. до н. э. предоставили ученым первый научно зафиксированный материал кобанского времени. Могильник, получивший название «Кисловодского», изучался затем в разные годы целым рядом ученых.

В 1933 г. С. Н. Замятнин провел в окрестностях Кисловодска шурфовку значительного числа гротов в песчаниках и известняках с целью поиска памятников палеолита. Оказалось, что пещеры в

⁷ Личный рукописный архив А. А. Иессена, папки 10, 13, 15, 16 (Архив ИИМК).

песчанике были по большей части заселены в прошлом, но возраст культурных напластований в них не старше II тыс. до н. э. Отсутствие находок палеолитического времени, установленное в ходе работ в известняках, ученый объяснял тем, что пещеры, заселенные в верхнепалеолитическое время, не сохранились до наших дней [Замятнин, 1950. С. 58].

Осенью 1934 г. на начальном этапе строительства правительственного санатория «Красные камни» в Кисловодске был снесен крупный курган, запечатленный на некоторых дореволюционных фотооткрытках. В нем было около 10 погребений, содержащих материалы позднебронзового и раннекобанского облика. Часть вещей была передана в Пятигорский музей прорабом строительства Д. В. Озолиным, и одно погребение доследовано Н. М. Егоровым, В. В. Поповым и директором Пятигорского музея М. С. Якуценой. В октябре того же года строители разрушили катакомбное аланское погребение – с деформированными черепами и типичными орнаментированными сосудами – на дороге к строящемуся санаторию Наркомтяжпрома. Его также доследовали Н. М. Егоров и М. С. Якуцены.

В 1936 г., также в связи со строительными работами, Н. М. Егоровым был открыт еще один катакомбный могильник – на дороге из Буденновской слободы к санаторию Наркомтяжпрома (им. Орджоникидзе).

Отдыхавший в Кисловодске начиная с середины 1930-х гг. профессор Крымского медицинского института В. В. Бобин сочетал пребывание на курорте с полевыми исследованиями. В частности, в 1936 г. он доследовал разрушенные погребения в кургане на ул. Черняховского, а в 1937 г. продолжил раскопки могильника на Крестовой горке и расчистил 2 каменных ящика на площадке против основного здания санатория им. Горького [Бобин, 1958. С. 149].

В середине 1930-х гг. с развитием музейного дела в Кисловодске был тесно связан известный краевед Б. С. Виноградов. В его архиве, хранящемся в Кисловодском историко-краеведческом музее, имеются сообщенные краеведу сведения о некоторых археологических объектах, в частности о могильнике эпохи раннего средневековья в районе п. Конзавод. С именем Б. С. Виноградова связано открытие раннеаланского городища в Катыхинской балке. После 1935 г. в Кисловодске работал и другой краевед – Н. Н. Михайлов (рис. 5) [Массон, Ртвеладзе, 1992. С. 7–10]. Он наблюдал за работами на Кисловодском могильнике и, занимаясь туризмом, открыл несколько археологических объектов на Кавминводах в предвоенные годы, о которых сообщил Н. М. Егорову. Показательны и находящиеся в рукописном архиве Н. Н. Михайлова зарисовки случайно обнаруженной в 1937 г. строителем К. М. Еловским катакомбы V–VI вв. н. э. (на левом берегу р. Подкумок, в районе свинарника, на расстоянии 1,5 км к западу от моста на дороге в п. Нежинский)⁸.

Весной и летом 1938 г. Н. М. Егоровым был открыт знаменитый могильник Березовский 1 на дороге от пригородного хозяйства санатория Наркомзема в ауле Элькуш [Крупнов, 1960. С. 186]. Тогда же исследователю стало известно и о другом раннесредневековом катакомбном могильнике – в самом поселке пригородного хозяйства («Пчелосовхоз», п. Левобе-

Рис. 5. Н. Н. Михайлов

⁸ В конце 1990-х гг. К. М. Еловский еще проживал в Кисловодске, и мы уточняли у него обстоятельства находки.

резовский), – получившем название Березовский 2. В 1938–1939 гг. Н. М. Егоров раскопал около 15 каменных ящиков на могильнике Березовский 1; он стал вторым после Кисловодского могильника статистически представительным памятником кобанского времени в этом районе. На могильнике Березовский 2 сотрудники Пятигорского музея доследовали 2 катакомбных захоронения с интересными находками, в том числе бронзовым котлом с железной дужкой, украшениями.

Осенью 1938 г. А. П. Рунич обнаружил могильник с каменными ящиками на возвышенности в 800 м к юго-востоку от Клин-Яра. В предвоенный период Н. М. Егоров и А. П. Рунич доследовали на нем более 10 погребений. Краеведы также периодически осматривали цистерны и остатки построек на городище Клин-Яр.

В 1939 г. в окрестностях Кисловодска открыт целый ряд памятников. В июне дети случайно наткнулись на обрушившуюся катакомбу в 400 м к юго-западу от Лермонтовской скалы. Фрагментированный сосуд из нее попал в Пятигорский музей. По всей вероятности, катакомба относилась к раскапываемому впоследствии могильнику Лермонтовский 1, ранние материалы из которого публиковались Г. Е. Афанасьевым и А. П. Руничем [Афанасьев, Рунич, 1970. С. 222–226]. Погребение найдено и на ул. Объездной в Кисловодске («Пятигорская правда» от 11.10.1939 г.). При рытье котлована для здания у карьера системы Наркомпути, в 2 км от станции Подкумок, обнаружены 2 подбойных погребения под курганом с материалами эпохи позднего средневековья. Отдельные погребения разрушались в конце 1930-х г. и на Георгиевском плато.

1939 годом датирована рукопись обобщающей работы Н. М. Егорова «Краткий очерк древнейшей истории района Кавказских Минеральных Вод (по материалам Пятигорского межрайонного краеведческого музея и по личным наблюдениям)», хранящаяся в фондах Кисловодского историко-краеведческого музея (архив А. П. Рунича). В ней краевед свел воедино все известные к тому времени данные о памятниках региона, включая и рассматриваемый нами район, а также высказал замечания теоретического историко-культурного характера.

В 1940–1941 гг. в Кисловодске открыты 2 интересных раннеаланских катакомбных могильника первых веков н. э. Это обнаруженный в июне 1940 г. могильник в Буденновской слободе за так называемыми «вторыми воротами» на левом берегу широкой балки, идущей к р. Белой, в глинище (первые находки собрал и передал в Пятигорский музей шофер городского отделения Госбанка К. И. Вальков) [Кузнецов, 1990. С. 251–256]. И уже во время войны (в 1941 г.) при рытье траншеи для защиты от авиабомб были разрушены погребения позднесарматского времени около бывшей школы № 2 («Церковная горка»). Сведения эти имеются в архиве Н. М. Егорова и подтверждены в начале 1980-х гг. устной информацией Б. Я. Березина, участвовавшего в рытье траншей. Находки поступили в школу и, вероятно, были утеряны.

В предвоенный период развития отечественной археологической науки были опубликованы работы обобщающего аналитического характера, посвященные в основном целым регионам (Восточная Европа, Кавказ, Северный Кавказ), но имевшие определенное значение для понимания и изучения древностей Кавминвод. К их числу следует отнести, например, работы Ю. Готье [1930], А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого [1935. С. 176], статьи Б. Б. Пиотровского [1931] о египетских предметах в Северо-Кавказском крае, А. А. Иессена [1936] о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Но только в части из них привлекались отдельные материалы из Пятигорья и района Кисловодска. Так, в изданной в 1931 г. популярной брошюре И. Стеллецкого об археологических памятниках Кавказа упоминается ряд пещер у ст. Подкумок, на р. Березовке, по пути из Кисловодска к Эльбрусу [Стеллецкий, 1931. С. 21–23]. Таким образом, автор затрагивает тему жилого и хозяйственного использования кисловодских пещер в древности, поставленную дореволюционными исследователями и развитую в работах С. Н. Замятниной.

Особый интерес для нас представляет раздел, посвященный археологии Кабардино-Балкарии, в томе III фундаментального издания «Материалы и исследования по археологии СССР» [Материалы

по археологии..., 1941]. Предгорья и горы Кабарды и Балкарии, особенно западная их часть, были близки в культурном отношении к Пятигорью на различных этапах древней и средневековой истории. Показателем осознания этого сходства являются утвердившиеся в предвоенный период термины «Кабардино-Пятигорье», «кабардино-пятигорский тип» и т. п. Поэтому при рассмотрении материалов из Кабардино-Балкарии ученые нередко привлекали комплексы и находки Кавминвод, включая Кисловодскую котловину. Так, в обобщающей статье А. А. Иессена об археологических памятниках Кабардино-Балкарии приводятся данные о раскопках В. Р. Апухтина, В. А. Скиндера, Б. В. Лунина в Пятигорье, о Кисловодском могильнике, Рим-Горе и т. п. [Иессен, 1941. С. 7–50]. Б. Е. Деген, публикуя материалы из курганов в Кабардинском парке, в качестве аналогий ввел в научный оборот комплексы из кургана у ст. Кисловодской, раскопанного в 1914 г. с участием И. И. Филиппова [Деген, 1941. С. 237, 238, 248. Табл. XIV].

Великая Отечественная война прервала ход изучения археологических памятников Кисловодской котловины и верховьев Подкумка. Обращают на себя внимание имеющиеся в архиве Н. М. Егорова, переданном во второй половине 1990-х гг. в Пятигорский краеведческий музей В. А. Кузнецовым, сведения о германских ученых – археологах и этнографах, находившихся на Кавминводах во время оккупации осенью 1942 г. Не исключено, что они вели какие-то работы в регионе.

Вскоре после окончания войны, в 1946 г., на Крестовой и Барановской горках вновь продолжает раскопки В. В. Бобин, а Н. М. Егоров доследует два разрушенных и один сохранившийся каменный ящик на могильнике Березовский 1. Во второй половине 1940-х гг. опубликовали ряд работ обобщающего характера исследователи-кавказоведы Е. И. Крупнов, А. А. Иессен и другие. Они основывались на предвоенных разработках.

В 1947 г. продолжались работы Н. М. Егорова и А. П. Рунича. В частности, они вновь посещали Клин-Ярские могильник и городища. Н. М. Егоров выезжал в Кисловодск по сигналу о разрушении катакомб у конторы строительства санатория Наркомтяжпрома на ул. Войкова, 23.

Активизация археологических исследований приходится на 1950-е гг. Археологическая проблематика присутствует на историко-филологическом факультете Пятигорского педагогического института, где в этот период преподает доцент П. Г. Акритас, занимавшийся в основном памятниками Кабардино-Балкарии [Акритас, 1955]. Организуются поездки студентов на памятники, в частности в верховья Подкумка, в которых принимают участие Н. М. Егоров и другие археологи-краеведы. В 1950 г. на базе станичной школы №1 (позднее №8, сейчас это городская средняя школа №9) учитель истории Б. А. Королев создает историко-археологический кружок, собирает материалы для школьного музея и вынашивает планы преобразования его со временем в городской краеведческий музей. В становлении и развитии кружка определенную роль сыграли профессора В. В. Бобин и М. А. Гремяцкий.

По сохранившимся любительским материалам можно судить о том, что кружок часто предпринимал археологические экскурсии по окрестностям Кисловодска – в частности, к отрогам Боргустанского хребта, по долине р. Невольки и в другие районы. Можно предполагать, что Б. А. Королев открыл и катакомбный могильник Кольцо-Гора 1, или Лесхоз, названный им Боргустанским. В одном из захоронений он обнаружил комплекс XI–XII вв., содержащий бронзовую решму с фигуркой «пляшущего человечка». Подобные предметы были найдены С. Н. Савенко в 1984 г. в богатом погребении 41 могильника Кольцо-Гора 1 [Савенко, 1986б. С. 79, 80. Рис. 5, 1].

Б. А. Королев провел ряд раскопок по открытым листам ИИМК. В 1951 г. он частично доследовал курган эпохи средней бронзы на ст. Подкумок, в 1951–1952 гг. – аналогичные курганы на землях ст. Кисловодской – в районе железнодорожной станции Минутка и на территории средней школы № 1⁹. Он же в 1952 г. доследовал погребения в каменных ящиках на левом берегу р. Подкумок,

⁹ Возможно, часть кургана у школы ранее исследовал И. И. Филиппов.

поселение с каменными фундаментами домов на вершине Крымушкиной горы, позднесредневековые погребения на правом берегу реки на крайних северных отрогах Джинальского хребта в районе «Дуго-Яра», осматривал промоины русла Подкумка на отрогах Боргустанского хребта, изучал участки культурного слоя поселения Кольцо-Гора и ряда других близко расположенных бытовых памятников. Были выявлены остатки домов, землянок и полуземлянок, четырех печей для обжига керамической посуды, одна из которых хорошей сохранности. У горы Четырехпечье (?) в промоине зафиксированы печь с 15 продухами в своде и часть жилища. Среди находок – раскрашенный кувшинчик необыкновенно тонкой работы, фрагментированная стеклянная ваза, 57 фрагментов «амальгамированных» сосудов. В последних работах участвовали профессор В. В. Бобин, Е. Гремяцкая, Н. М. Егоров, М. И. Рыбенко. В докопанном разрушенном каменном ящике в могильнике на левом берегу Подкумка найдена, в частности, «статуя женщины». На Крымушкинском поселении Б. А. Королев прослеживал планировку более 40 строений и окружающие их валы. Железный наконечник стрелы с длинным черешком обнаружен на левом берегу Подкумка ниже железнодорожного моста на территории могильника. По информации П. Г. Акритаса были предприняты работы на частично разрушенном кургане на месте строительства железнодорожного тупика ст. Подкумок.

В 1951 и 1955 гг. на памятниках Крестовой горы в Кисловодске продолжал работы В. В. Бобин [1958. С. 153–157]. Исследователь, в частности, раскопал участки поселения первой половины I тыс. до н. э. Были раскопаны и несколько каменных ящиков. В полевом сезоне 1955 г. приняли участие известные археологи Б. А. Куфтин, М. Е. Массон, П. Г. Акритас. В начале 1950-х гг. в пединституте учился будущий крупный археолог-кавказовед, специалист по эпохе раннего средневековья В. А. Кузнецов.

В первой половине 1950-х гг. на Кавминводах продолжали активно работать Н. М. Егоров и А. П. Рунич. Несколько важных открытий было сделано ими и в рассматриваемом районе. Так, в 1953 г. в ходе строительного-дорожных работ был выявлен интересный Эшкаконский могильник «кобанского времени». Тогда его исследовал Н. М. Егоров [1956. С. 135–140]. Примечательны известия о случайных находках в этот период. Так, в 1950 г. на дне р. Подкумок найден бронзовый шлем с надписями [Бронзовый шлем..., 1952. С. 116]. В районе аула Терезе (Малокарачаевский район) в 1952 г. была обнаружена «братская могила», в которой находилось около 500 черепов (устная информация кисловодчанина С. Г. Хачатуряна). Н. М. Егоров доследовал катакомбу в районе Лермонтовской скалы, информацию о которой получил от экскурсовода С. И. Васильева. В конце мая 1955 г. погребение было случайно обнаружено при возведении опоры на типовой подстанции «Минутка».

Продолжали издаваться обобщающие статьи, связанные с материалами Кавминвод. Так, А. А. Иессен, исследуя проблему выделения прикубанского очага металлургии и металлообработки в конце «медно-бронзового» века, широко привлекал данные из памятников региона, включая и окрестности Кисловодска (аул Терезе, Кисловодский, Березовский могильники, курганы в урочище «Три камня») [Иессен, 1951. С. 82, 101, 107, 115, 117–122]. Существенное значение для изучения позднесредневековых погребальных комплексов Пятигорья сыграла работа О. В. Милорадович о кабардинских курганах XIV–XVI вв. [Милорадович, 1954. С. 343–356]. Продолжил традицию совместного анализа материалов Кабарды и Пятигорья Е. И. Крупнов [1952].

В определенной мере переломной в развитии археологического изучения Кисловодской котловины и верховьев Подкумка стала вторая половина 1950-х гг. Кроме продолжающихся раскопок В. В. Бобина (1956–1958 гг.) на территории санатория им. Горького (Крестовая и Барановская горки) и ряде других объектов Кисловодска (ул. Станичная, 68, ул. Черняховского и другие), на могильнике Кисловодском впервые работал отряд Северокавказской археологической экспедиции под руководством Е. И. Крупнова [1958. С. 109; Археологические экспедиции..., 1962]. В состав отряда входили будущие крупные кавказоведы Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин, В. Б. Виноградов и один из

«патриархов» советской археологии Н. Я. Мерперт. Все они в своих дальнейших исследованиях уделяли большое внимание памятникам и материалам Кавминвод.

Н. Н. Михайлов вновь стал проявлять живой интерес к археологии в 1956 г., когда начал регулярно посылать в Пятигорский музей информацию о разрушающихся в Кисловодске археологических памятниках (рис. 6), а затем и сам случайно обнаружил остатки раннесредневекового погребения с саблей (?) в канализационной траншее на просп. Ленина в курортной зоне Кисловодска. Несколько позже в ходе его экскурсий были зафиксированы выходы культурного слоя в районах Красного Солнышка, Синих камней, Замка, Медовых водопадов, Гришкиной балки, долины Подкумка, Кольцо-Горы, Кабан-Горы, Долины очарования, а также открыт могильник скифского времени в районе Сафоновского колодца и кобанское поселение на Казачке. В том же году А. П. Рунич открыл обширный могильник, датируемый в интервале I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., в районе отстойника Кисловодского озера, и первые находки с этого памятника поступили в Пятигорский музей. Данные факты повлияли на решение Н. Н. Михайлова выступить с инициативой создания городского «археологического общества» и музея в Кисловодске [Михайлов, 1957]. Газетное обращение по этому поводу было подготовлено при поддержке краеведа Б. С. Виноградова. Но особенно важным было создание в 1957 г. Кисловодской археологической секции под руководством Н. Н. Михайлова (рис. 7), члены которой уже к началу 1967 г. выявили, поставили на учет и сделали достоянием науки более 150 новых археологических памятников района [Михайлов, 1967]. Активными участниками секции были Г. Е. Афанасьев, В. А. Никитин, Ю. И. Евдокимов, Э. В. Ртвеладзе, В. Богдасаров, Ю. И. Абрамова, В. Козлов. Масштаб и значение этих работ можно представить, сравнив полученные материалы с теми данными, которые были известны до начала 1957 г. Последние обобщил Н. М. Егоров в своем рукописном приложении к археологической карте района, выполненной в 1958 г. для Пятигорского краеведческого музея. Музей, кстати, специально обращался тогда к населению с призывом «взять на учет все памятники культуры, древнейшие могильники и курганы в районе, нанести их на схематическую карту» [Будем изучать..., 1959].

Уважаемый Николай Николаевич!
 В понедельник 27.03 т. Милерко передал мне
 Ваше письмо о находках на Новой горе, с полу-
 четным следоват. туда. Но покуда до сих пор ре-
 шительно противится этому. По первому
 предположению это курган и, возможно, очень
 интересный. Хотелось бы, если Ваша кисловодская
 поездка позволяет, чтобы Вы еще раз посетили
 это место. А если бы Вам удалось познакомиться
 с франкоязычными и расспросить их, не нашли ли
 они там чего-нибудь и более интересное
 Пятигорск 27.3.56
 Уваж. Вас Н. Егоров

Рис. 6. Письмо Н. М. Егорова Н. Н. Михайлову от 27 марта 1956 года

До 1957 г. ученые продолжали в своих работах использовать данные, полученные в основном в дореволюционный или довоенный периоды. Так, изучая курильницы «северокавказского типа», Т. Б. Попова смогла обнаружить только один подобный культовый предмет из окрестностей Кисловодска в старых собраниях ГИМ (инв. № 76990) [Попова, 1957. С. 172]. Разрабатывая проблему древних торговых путей, П. Г. Акритас имел очень обобщенные представления о памятниках долины Подкумка [Акритас, 1957. С. 407–415]. Е. И. Крупнов в монографии по древней истории Кабарды анализирует отдельные материалы Березовского и Эшкаконского могильников [Крупнов, 1957. С. 106, рис. 24, 1; С. 114, рис. 32, 3; С. 128, рис. 34, 5]. Картина существенно меняется в работах 1959–1962 гг. Объем известных археологических данных значительно возрастает. В 1957 г. А. П. Рунич впервые осуществляет самостоятельные археологические исследования по Открытому листу ОПИ Института археологии. В ходе работ раскапывались могильники №1 (Отстойник) и №2 (Задвижка) у Кисловодского озера, содержавшие погребения в каменных ящиках кобанского времени и раннесредневековые в катакомбах. Продолжено изучение могильника Березовский 1 и некоторых других памятников Пятигорья.

Совместные систематические работы А. П. Рунича и Н. Н. Михайлова начались осенью 1958 г., когда развернулось строительство Кисловодской мебельной фабрики в нынешней промышленной зоне города. Еще в августе этого года В. В. Бобин зафиксировал разрушенные погребения кобанского времени в Крымушкинской балке. В октябре и ноябре стали выявляться остатки землянок и катакомб X–XII вв. н. э. Тогда же в полевых исследованиях последний год участвовал Н. М. Егоров. Кроме начала изучения могильников Мебельная Фабрика 1 (кобанский) и 2 (раннее средневековье) в зоне строящихся объектов обнаружено много случайных находок. Так, на месте поселения Десять Пещер был открыт клад из нескольких десятков медных византийских монет, из которых сохранился только фоллис Юстиниана I (525–566 гг.) [Афанасьев, 1979а. С. 8, 9]. Продолжалось также исследование могильников №1 у Кисловодского озера и Березовских 1–3 (№ 2 – раннее средневековье, остальные – кобанское время). Погребения доследовались на позднесредневековом кабардинском могильнике на правом высоком берегу Подкумка, к северу от очистных сооружений Кисловодска. Открыты поселение Пикет, каменные ящики у Лермонтовского источника, поселение и погребение катакомбного типа в районе ул. Суворова (д. 10) и другое. Н. Н. Михайлов расчистил фундамент небольшой постройки на городище Отстойник (Горное Эхо). А. П. Рунич в 1957–1958 гг. раскапывал погребения на могильнике Рим-Гора 1. Летом 1958 г. в ущелье р. Эшкакон было разрушено еще

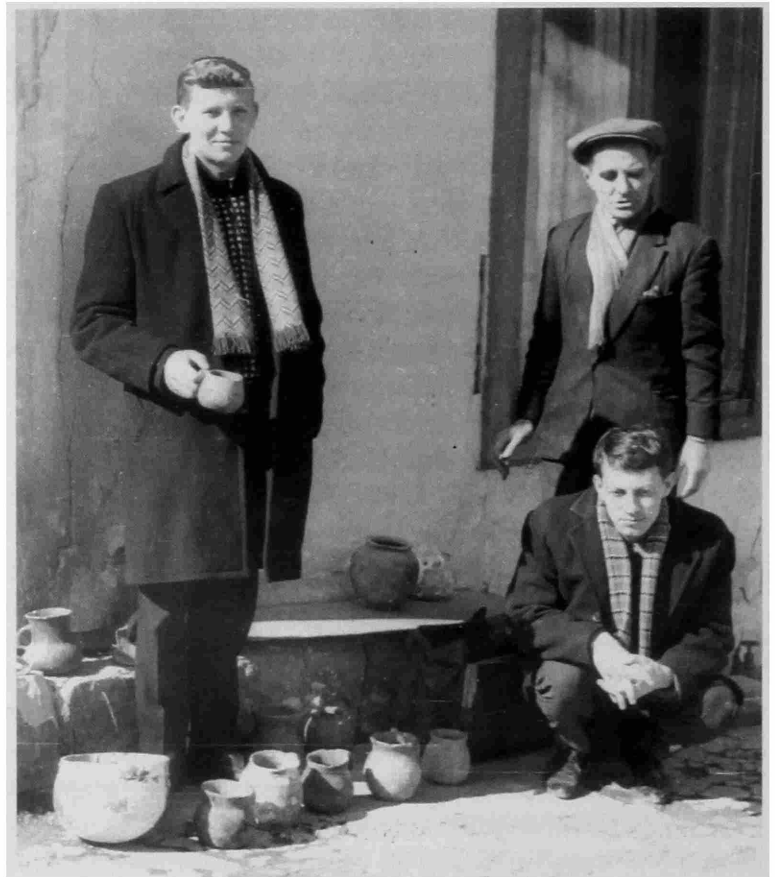

Рис. 7. Н. Н. Михайлов, Э. В. Ртвеладзе и И. М. Мизиев в фондах Кисловодского краеведческого музея

несколько курганов в могильнике, открытом в 1953 г. Н. М. Егоровым. Доследование их осуществлялось под руководством сотрудника Пятигорского краеведческого музея М. И. Рыбенко. В результате работ были получены представительные и яркие материалы VIII – начала VII в. до н. э., в том числе комплексы с кремацией [Фоменко, 1998. С. 7–12]. В этом же году Н. Н. Михайлов и Г. Е. Афанасьев обследуют памятники кобанской культуры и раннего средневековья в районе аула Элькуш.

Не менее насыщенными были работы 1959 г. А. П. Рунич и Н. Н. Михайлов продолжали раскопки могильников №1 у Кисловодского озера, Мебельная Фабрика 1 и 2, начали исследование катакомб X–XII вв. у Кольцо-Горы. Г. Е. Афанасьев открыл укрепление скифского времени на широком мысообразном скальном выступе правой стороны Крымушкинской балки. В районе п. Учкеекено Малокарачаевского района изучался христианский (?) грунтовый могильник с фигурными каменными надгробиями над погребениями и скальный могильник Кая-Баши. Н. Н. Михайлов доследовал 3 каменных ящика на могильнике Крестовая Горка. К деятельности по охране археологического наследия Н. Н. Михайлов широко привлекал учителей – любителей краеведения (М. В. Воронов, А. И. Корзун, Е. С. Виноградов и другие), учащихся городских школ №1, 5, 12 и других, в которых создавались краеведческие уголки и музеи [Савельева, 1964. С. 342–346]. Он проводил археологические экскурсии для туристов (например, на Клинь-Яр). В ходе этой деятельности были обнаружены находки скифского времени у Медовых водопадов, поселения на самой Лермонтовской скале и возле нее – у Чертова Грота, на Батарейной скале, а также укрепление у птичника п. Мирный. В конце июня на старом хоздворе в Ребровой балке при строительстве овощехранилища в котловане выявлены 2 погребения. Совместно с сотрудником Пятигорского краеведческого музея Е. Е. Ивашевым Н. Н. Михайлов проводил доследование захоронений в одном из курганов на ул. Черняховского. В 1959 г. в районе Кисловодска проводил разведочные исследования В. А. Кузнецов. Он обстоятельно поработал на поселении Кольцо-Гора и осмотрел целый ряд других объектов: городища у Клинь-Яра, Отстойника, Малого Седла (Глухая Балка), Острый Мыс, поселения у мебельной фабрики и против горсвалки [Кузнецов, 1961. С. 211–214]. Усилиями Н. Н. Михайлова в 1959 г. на базе открытой в 1956 г. выставки истории курорта возле Нарзанной галереи (Кисловодск) была развернута археологическая экспозиция. Впервые идея выставки обсуждалась еще в январе 1957 г., когда Н. Н. Михайлов получил согласие на ее проведение у руководства Кисловодского курорта.

1960 г. стал знаменательным для истории изучения не только Кисловодской котловины и верховьев Подкумка, но и всего Северного Кавказа. Вышли в свет несколько крупных обобщающих трудов по археологии региона, и прежде всего «Древняя история Северного Кавказа» Е. И. Крупнова. Книга была посвящена в основном памятникам кобанской культуры предскифского и скифского времени, но содержала также обзоры истории изучения региона, очерки по истории хозяйства, религиозных верований и т.п., охватывавшие значительно более широкий культурно-хронологический материал. Много места в монографии уделено могильникам и поселениям рассматриваемого района (могильники Березовский 1, Кисловодский, Эшкаконский, у Мебельной Фабрики и другие) [Крупнов, 1960. С. 180–200. Табл. XI–XIV, XIX, XXXI–XXXIII, XXXV, XXXVII]. Не меньшее значение для изучения эпохи средней бронзы имела книга одного из старших учеников Е. И. Крупнова – В. И. Марковина – «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы». В ней также содержался раздел, посвященный истории изучения, и разносторонне анализировались материалы из Кисловодска и его окрестностей. Кроме уже известных археологических источников из раскопок Д. Я. Самоквасова, И. И. Филиппова, А. А. Бобринского привлекались новые находки Б. А. Королева и отдельные, не введенные ранее в научный оборот комплексы: курганы на горе Джинал близ Кисловодска, на пути к горе Бермамыт и некоторые другие из коллекции Пятигорского краеведческого музея [Марковин, 1960. С. 34–40, 53–57, 70–75, 85, 94, 99–103, 107–110, 118, 125, 126, 132, 133, 142, 146–148].

Вышедшая в 1960 г. работа Е. П. Алексеевой «О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии» [Алексеева, 1960] носила научно-популярный характер, но для нас важно то,

что уже в ранних своих работах она исходила из детального подхода к памятникам, собирая о них всю доступную информацию. Этому принципу Е. П. Алексеева следовала и в дальнейшем. Ее монографии [Алексеева, 1963, 1971, 1976], обобщающие статьи [Алексеева, 1988. С. 65–96; 1990. С. 7–36] и особенно последняя книга об археологических памятниках Карачаево-Черкесии [Алексеева, 1992a] значительно облегчают нашу задачу по представлению истории исследования древних и средневековых объектов Малокарачаевского района до начала 1990-х гг. Нам остается только подчеркнуть значимость отдельных памятников и работ исследователей и дополнить некоторыми сведениями опубликованные данные. Е. П. Алексеева и сама в 1960-е гг. периодически работала в интересующем нас районе. Она детально характеризует и деятельность в верховьях Подкумка и Кисловодской котловины еще двух крупных исследователей Карачаево-Черкесии – Т. М. Минаевой (1963 г.) [Савенко, 1997б. С. 18–20] и Х. Х. Биджиева (с 1972–1973 гг.). В монографиях [Минаева, 1971; Биджиев, 1993] и специальных статьях [Биджиев, 1982. С. 59–83] данных авторов картина истории археологического изучения дополняется и уточняется.

В 1960–1961 гг. А. П. Рунич не запрашивал в Институте археологии АН СССР открытые листы. Но в эти годы не ослабевала полевая деятельность Н. Н. Михайлова и его питомцев из археологической секции. Одной из причин такой активности был рост масштабов строительных работ в Кисловодске и окрестностях. Членам секции удавалось спасти немало археологических материалов, но не меньше гибло под гусеницами и ковшами землеройной техники. Н. Н. Михайлов часто и остро ставил проблему охраны археологических памятников Кисловодска [Михайлов, 1960б]. Так, в 1960 г. Ю. И. Евдокимовым было открыто поселение и укрепление на отроге Джинальского хребта выше средней школы № 7 («Туркмения»). По данным краеведа Е. С. Виноградова, архива Н. М. Егорова и одного из открывателей – Г. Г. Горобца, здесь была найдена хорезмийская монета VII в. н. э. [Виноградов и др., 1983. С. 113]. Н. Н. Михайлов, Г. Е. Афанасьев и В. Богдасаров впервые осмотрели скальный мыс с остатками укрепления и поселения под ним, получивший позже название Аланская Крепость [Михайлов, 1961]. В сентябре зафиксировано укрепление Мосейкин Мыс. А. П. Рунич, Г. Е. Афанасьев и Э. В. Ртвеладзе открыли скальный могильник Тихий Уголок [Рунич, 1961]. Погребения в ходе строительных работ выявлялись на месте строительства павильона «Аэрофлот», во дворе дома 33 по ул. Клары Цеткин (снесенный курган), на месте строительства гостиницы «Кавказ» у «Буденновского базара», на высокой террасе к западу от ст. Подкумок (в глинище). Большой подъемный материал был собран во время работ по озеленению Крестовой горы. Сборы подъемного материала осуществлялись и на ряде других объектов.

В январе 1961 г. Н. Н. Михайловым получены находки первых веков н. э. с «Церковной горки» и с места строительства гостиницы «Кавказ». Этот год, как уже говорилось выше, ознаменовался и первыми работами в районе Е. П. Алексеевой, которая провела небольшие раскопки на Рим-Горе и курганов первых веков н. э. возле Учкекена. В этом же году началось разрушение курганов в с. Терезе, давших много интересных находок позднесарматского времени, включая редкие импортные изделия [Алексеева, 1976. С. 57–60]. Э. В. Ртвеладзе, Г. Е. Афанасьев и В. Богдасаров произвели разведки в верховьях рек Аlikоновка и Эшкакон, в результате чего были открыты городища Нарт-Баши, Водопадное и Медовое.

В 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Локальные варианты аланской культуры Северного Кавказа» еще один ученик Е. И. Крупнова – В. А. Кузнецов. В следующем году была издана его монография по теме диссертационного исследования. В ней анализируется ряд кисловодских могильников эпохи раннего средневековья: Буденновская Слобода, на территории бывшего санатория Наркомтяжпрома, Отстойник, Березовский, Кольцо-Гора, Мебельная Фабрика 2, Рим-Гора [Кузнецов, 1962. С. 10, 12, 15, 27, 31, 55, 59, 76; Рис. 2; 3, 6–9; 4, 12; 13, 7, 8].

В 1962 г. самостоятельные раскопки разрушенного кургана на высокой террасе отрогов Боргустанского хребта возле Кисловодска произвел сын организатора и руководителя историко-археоло-

гического кружка средней школы № 8 (9) Б. А. Королева – В. Б. Королев, который опубликовал результаты своих работ [Королев, 1962. С. 264–268].

В районе Кисловодска Н. Н. Михайловым, А. П. Руничем, Г. Е. Афанасьевым и В. Козловым открыты и частично исследованы могильники Бермамытский (Ломоносовский), Лермонтовская Скала 1, катакомбный и с захоронениями кобанского времени в каменных ящиках. У железнодорожного вокзала, близ кафе «Космос», Н. Н. Михайлов и Г. Е. Афанасьев доследуют погребения скифского времени. Доследовано несколько захоронений в кургане на ул. Кутузова (Горизонтальной). Исследовались погребения на территории санатория им. Орджоникидзе. Ю. И. Евдокимов и Г. Е. Афанасьев открыли новые раннесредневековые укрепления в районе Клин-Яра [Михайлов, 19626].

В этом же году была организована и проведена экспедиция Пятигорского краеведческого музея (Е. Ивашнев, А. Рунич, М. Рыбенко, Н. Михайлов, Г. Афанасьев, Э. Ртвеладзе) на городище Уллу-дурбунла [Михайлов, 1962а], которой, в частности, были отмечены первые факты массового разрушения и разграбления курганов в верховьях Подкумка [Ивашнев и др., 1962]. Окрестности городища Уллу-дурбунла затем постоянно посещались кисловодскими археологами-любителями. В 1962 г. Г. Е. Афанасьевым и Ю. И. Евдокимовым были открыты обширные следы террасного земледелия напротив городища Уллу-дурбунла, а также новое раннесредневековое укрепление в устье Темризово-вой балки. В 1963 г. на городище открыты склепы, часть которых была доследована. Осмотры памятника производились и в 1964–1966 гг., а в 1967 г. здесь работала экспедиция В. А. Кузнецова, в которой участвовали Г. Е. Афанасьев и Э. В. Ртвеладзе. В. А. Кузнецов впервые поставил вопрос о возможности соотнесения городища с древним городом Фесты (Фисты) [Михайлов, 1967а].

В сентябре 1962 г. стало действовать Кисловодское краеведческое общество, одним из инициаторов создания которого был Н. Н. Михайлов [Виноградов, 1992. С. 52–60]. Одной из основных целей общества было открытие городского краеведческого музея. Кисловодская археологическая секция стала действовать при краеведческом обществе.

В 1963 г. член археологической секции С. Н. Пьянков открыл хорошо известный сегодня энеолитический объект – поселение Замок [Рунич, 1967. С. 228–233], а также раннесредневековый могильник Луначарский 1 [Рунич, 1968. С. 208–214]. Кроме этого выявлены могильники Березовские 4–6, Кугульские 1 и 2, скальный могильник у моста на р. Аликоновке, землянки возле средней школы № 3 у Крепости. Изучались и ранее зафиксированные объекты.

В этом году была опубликована вторая научная и первая посвященная памятникам Кисловодска и окрестностей статья А. П. Рунича [1963. С. 241–244]. Всего в 1960–1980-е гг. вышло около 40 публикаций краеведа о памятниках рассматриваемого района.

В мае 1963 г. был основан Кисловодский краеведческий музей, первым экспонатом которого стал сосуд сарматского времени из района п. Подкумок [Савенко, 1997а. С. 4–13]. Существенную роль в создании музея и в дальнейшей его поддержке сыграли академик М. Е. Массон и доктор исторических наук Г. А. Пугаченкова.

В 1961–1963 гг. в работах В. А. Кузнецова и Е. П. Алексеевой была поднята и развита тема значительного присутствия в Пятигорье, и особенно в районе Кисловодска, начиная с конца VII – VIII вв. и в последующий раннесредневековый период тюркско-болгарского этнического элемента. Одним из ключевых аргументов в поддержку этой теории считаются находки котлов с внутренними ручками, первую представительную подборку которых (из рассматриваемого района и всего Северного Кавказа) опубликовал в 1964 г. В. А. Кузнецов. Подобные находки происходили с городищ Рим-Гора, Клин-Яр, Острый Мыс, у горы Малое Седло, Отстойник и поселений у Кольцо-Горы, городской свалки, мебельной фабрики [Кузнецов, 1964. С. 34–39]. В дальнейшем коллекция была значительно пополнена, предметы анализировались и другими авторами, а в 1990 г. в венгерском научном журнале опубликована еще одна, обобщающая, работа В. А. Кузнецова на эту тему [Kuznesov,

1990. С. 255–274]. Версия о тюркоязычности части населения района Кисловодска в VII–XII вв. была подхвачена учеными, причем в работах Я. А. Федорова и Г. С. Федорова [Федоров Я., Федоров Г., 1970. С. 367–369], посвященных ранним булгарам на Северном Кавказе, речь уже идет о «тюркоязычном этническом ядре». В конце 1980 – начале 1990-х гг. этот взгляд стал преобладать в кругах карачаевских и балкарских археологов и историков, был ими гипертрофирован и распространен также на предыдущие эпохи [Мизиев, 1986; Мизиев, Лайпанов, 1993].

Летом 1963 г. Кисловодская археологическая секция значится уже при городском народном музее, хотя официальное открытие последнего состоялось только 9 мая 1965 г. На 1964 г. секция планировала начало работ над картой археологических памятников района. Число выявленных объектов продолжало увеличиваться. В 1964 г. открыты могильники кобанского времени Султан-Гора 1 (7-я бригада совхоза «Южный»), Сосновая Горка 1 и 2, у Лермонтовского источника, Клинь-Яр 1, позднесарматское поселение у железнодорожного моста и ряд других объектов. Раскопан Вдовый Курган, начато исследование энеолитических слоев поселения Замок, продолжены работы на раннесредневековых катакомбных могильниках Кольцо-Гора, Кугульские 1 и 2. Интересный культовый комплекс VIII в. н. э. был обнаружен на северо-восточном склоне под скальным мысом Замок. Его изучал В. А. Кузнецов, неоднозначно интерпретировавший этот памятник. В 1977 г. он провел (с участием Г. Е. Афанасьева, Я. Б. Березина, С. Н. Савенко и М. А. Гуськова) вторичное обследование остатков объекта, результаты которого были опубликованы позже [Кузнецов, 1985. С. 206–213]. В январе 1965 г. был открыт девяносто пятый учтенный памятник – раннесредневековый катакомбный могильник Горное Эхо [Михайлов, 1965а].

В 1965 г. в районе продолжил исследования А. П. Рунич. Он доследовал курган у городской свалки, могильники кобанского времени на Молочной Горке (Агачевский), в Широкой балке; раннесредневековые катакомбные могильники Горное Эхо, Кольцо-Гора, У городской свалки (Лесхоз), Мебельная Фабрика. Н. Н. Михайлов и группа активистов раскапывали землянки на поселении Кольцо-Гора, выезжали на могильник Рим-Гора, вели раскопки кобанского могильника близ Лермонтовской скалы [Михайлов, 1965б]. С. Н. Пьянков обнаружил каменную гробницу эпохи раннего средневековья на Аликоновском могильнике (Мачты).

В 1966 г. в районе Кисловодска и его окрестностей проводила разведки Е. П. Алексева. А. П. Рунич начал детальное изучение могильников кобанского времени Султан-Гора 1 и 3, Индустрия 1, Эчкивашский (Кон-Хутор), продолжил раскопки объектов того же периода Березовский 1 и 4. Из раннесредневековых объектов был открыт и частично исследован скальный могильник Джага 1, продолжены работы на Рим-Горе. Этот год стал очень результативным для Н. Н. Михайлова и его питомцев. Было выявлено 20 новых объектов, а общее число их превысило 160. Член секции Ю. Харибин обнаружил клад каменных топоров эпохи ранней бронзы [Рунич, Формозов, 1972. С. 70–73]. Обследовался ряд скальных могильников Кисловодской котловины и верховьев р. Подкумок (Тихий Уголок, у скалы Броненосец, в окрестностях Учкекена, на дороге на Красный Восток, Хасаутские). На учет был поставлен так называемый Царский Курган высотой около 10 м, расположенный в садах совхоза «Зеленогорский» в районе Кисловодского озера. В этом же году Н. Н. Михайлов, Г. Е. Афанасьев и Э. В. Ртвеладзе открывают новый могильник скифского времени в карьере у ст. Подкумок.

К 1965 г. Н. Н. Михайловым уже был составлен первый вариант «Карты археологических памятников Кисловодска и его окрестностей», которая затем пополнялась и была использована при подготовке археологической экспозиции 1971 г. в Кисловодском краеведческом музее. Карта Н. Н. Михайлова, несмотря на технические и фактологические недочеты и ошибки, представляет определенный научный интерес для нашей темы. В ее заглавии содержится хронологическое определение – «от эпохи неолита до позднего средневековья – XII в.». Думается, что последняя дата – описка, так как среди обозначенных памятников есть и старокабардинские могильники, которые в

то время датировали XIV–XVII вв. н. э. Неолитических памятников на территории Кисловодска не было выявлено ни тогда, ни сейчас, если не считать отдельных каменных изделий архаического облика из района новой городской больницы, хранящихся в фондах Кисловодского историко-краеведческого музея (№ 3846). Названные на карте неолитическими поселения Замок и Решинка вошли в научную литературу как энеолитические. В середине 1970-х гг. поселение Замок наряду с аналогичными объектами региона было отнесено к майкопской культуре раннебронзового века [Мунчаев, 1975. С. 200, 201]. С середины 1980-х гг. исследованием этих памятников занимается С. Н. Корневский, который вновь обосновал их энеолитический характер [Корневский, 1990а. С. 40–42].

Соответствующими значками на карте обозначены: 1 – неолит (энеолит – С. С.), 2 – каменные ящики, 3 – катакомбы, 4 – курганы, 5 – сарматские памятники («сарматы»), 6 – грунтовые (погребения, могильники – С. С.), 7 – скальные (могильники – С. С.), 8 – поселения, 9 – керамика, 10 – капища (храмы). Таким образом, был применен типологический подход к памятникам, лишь в одном случае подмененный этно-хронологическим. У краеведа было убеждение, что могильники с каменными ящиками относятся к периоду поздней бронзы – раннего железа (кобанское время), курганы – к эпохе бронзы, катакомбы и скальные могильники – к раннесредневековому периоду. Вероятно, с целью разделения раннесредневековых поселений и бытовых памятников кобанского времени было внесено обозначение «К» – керамика. Сегодня трудно предположить, какие именно объекты названы капищами (храмами). На карте их два: на кургане Ракитный (Ракетный) и к северо-востоку от старого озера (№ 16, 24). Возможно, имеются в виду остатки древних сооружений на возвышенных местах.

Всего на карте отмечено 112 объектов. Иногда под одним порядковым номером – по два и более памятников. Без учета названных малочисленных групп распределение следующее: каменные ящики – 32 объекта, катакомбы – 28, курганы – 13, сарматские памятники – 4, грунтовые могильники – 3, скальные могильники – 3, поселения – 13, находки керамики – 12. Среди могильников и поселений есть и хорошо известные тогда и сейчас, и почти забытые, часть из которых уже не существует. Мало данных о каменных ящиках у «Трех печей», «Сафоновского колодца», поселении на «Красной площади», могильнике на территории санатория им. Кирова и ряде других. Карта Н. Н. Михайлова полезна и для уточнения времени открытия археологических памятников. При этом следует иметь в виду, что часть объектов, находящихся в отдалении от Кисловодска, были известны, но не обозначены на карте.

На 1967 г. приходится открытие хорошо известного в научной литературе раннесредневекового могильника Мокрая Балка 1. Изучению его материалов посвящено множество статей, диссертации и недавно опубликованная монография Г. Е. Афанасьева и А. П. Рунича [2001]. Н. Н. Михайлов, А. П. Рунич, Г. Е. Афанасьев и Э. В. Ртвеладзе работали в составе совместной экспедиции с отрядом Северо-Осетинского НИИ, руководимым В. А. Кузнецовым, на городище Уллудорбунла. Член секции В. А. Лученков открыл в районе горы Кольцо грунтовые погребения древнеболгарского типа [Афанасьев, 1970а, б. С. 63]. Найден интересный раннесредневековый могильник Ясли на отрогах плато Маркин-Кош, зафиксирован могильник Лермонтовская Скала 2. Осматривались другие объекты, включая и могильник Рим-Гора. В 1967 г. в Минеральных Водах в городском Доме пионеров стал действовать клуб «Кавказ», руководимый И. Л. Осиповым. Члены клуба в конце 1960-х – 1970-е гг. также участвовали в обследовании археологических памятников Кавминвод, включая рассматриваемый район. Из числа постепенно увеличивающихся в это время научных публикаций материалов района следует назвать статью Б. А. Латынина о «молоточковидных булавах», в которой использовалась большая подборка предметов из района Кисловодска [Латынин, 1967. С. 59].

В начале – середине 1960-х гг. Н. Н. Михайлов ведет интенсивную переписку со многими археологами-кавказоведами – Е. И. Крупновым, В. И. Марковиным, Е. П. Алексеевой, Т. М. Минаевой и другими, – сообщая им сведения о новых открытиях и находках. Это усиливало интерес ученых к

району Кисловодска и окрестностей, побуждая к проведению собственных полевых работ. В 1968 г. в районе совместно с Н. Н. Михайловым работал начальник отряда экспедиции Чечено-Ингушского научно-исследовательского института В. Б. Виноградов. Исследовались в основном памятники скифо-сарматского времени, в частности поселения первых веков н. э. Кабан-Гора и у железнодорожного моста.

А. П. Рунич доследовал найденную В. А. Лученковым каменную коллективную гробницу (склеп?) конца I тыс. до н. э. – первых веков н. э. на юго-западных отрогах Кабан-Горы. Помимо этого, краевед начал раскопки могильников Аланская Крепость, Клин-Яр 3 и 2, продолжил изучение ранне-средневековых катакомбных могильников Мокрая Балка 1, Лермонтовская Скала 1 [Афанасьев, Рунич, 1970. С. 222–226], Кугульские 1 и 2 [Рунич, 1969. С. 97–111], Кольцо-Гора 2 (1 – С. С.). В апреле 1968 г. на Рим-Горе побывали члены клуба «Кавказ».

Н. Н. Михайлов был одним из организаторов Кисловодской городской организации ВООПИК (декабрь 1965 г.). Затем он стал первым ответственным секретарем этой организации на общественных началах, а с 1968 г. – председателем археологической секции. С этого времени Кисловодская археологическая секция работала под эгидой ВООПИК. В 1968 г. Н. Н. Михайлов организовал археолого-краеведческий кружок «Орион» в городском Доме пионеров.

Настоящим «бумом» археологических исследований в Кисловодске и окрестностях отмечен 1969 г. Кроме традиционных их участников – А. П. Рунича и Н. Н. Михайлова – летний полевой сезон здесь провели В. Б. Виноградов, В. Б. Ковалевская, Е. П. Алексева, М. Н. Погребова, А. А. Формозов, А. Д. Столяр.

После окончания исторического факультета Ташкентского университета со специализацией на кафедре археологии в Кисловодск возвратился Г. Е. Афанасьев (рис. 8), сразу же включившийся в дальнейшее изучение памятников археологии и контроль за их состоянием. В это время отмечались новые факты разрушения древних и средневековых объектов. Совместный акт о разрушении 2 кур-

Рис. 8. Г. Е. Афанасьев в Мокрой Балке

ганов и кобанского могильника из каменных ящиков в районе развилки дорог на Учкеекен и совхоз «Тепличный» (возле Кольцо-Горы) был составлен Н. Н. Михайловым и Г. Е. Афанасьевым 29 октября 1969 г.¹⁰

В 1969 г. составлены и первые в истории города типовые охранные паспорта на археологические памятники района – курганы на территории садов совхоза «Тепличный». А. П. Рунич в 1969 г. продолжал раскопки могильников Индустрия 1 (VIII–VII вв. до н. э.), Кольцо-Гора и У городской свалки (X–XII вв. н. э.), а также доследовал курган эпохи бронзы у Клинь-Яра. Раннесредневековые катакомбные могильники 1 и 2 открыты в п. Мирный. Ряд скальных могильников в ущелье р. Эшкакон найден В. А. Лученковым. В том числе был обнаружен и богатый воинский комплекс IX в. н. э. [Кузнецов, Рунич, 1974. С. 196–202].

Раскопки Мокрой Балки 1 в 1969 г. А. П. Рунич продолжал совместно с В. Б. Ковалевской (рис. 9) [Ковалевская, Рунич, 1970. С. 121, 122]. Работы В. Б. Виноградова и Н. Н. Михайлова охватили помимо выявленных в 1968 г. поселений Кабан-Гора и у железнодорожного моста новые объекты: бытовой комплекс Попова Доля, могильники Белореченский 1 (скифское время), Родниковый у Рим-Горы (сарматское время), а также памятники за пределами рассматриваемого района – погребения в ст. Горячеводской, Хасаутское погребение. Полученные материалы были опубликованы в ряде работ [Виноградов, Рунич, 1969. С. 95–137; Виноградов, Михайлов, 1970. С. 97; Виноградов и др., 1976. С. 29–63]. М. Н. Погребова раскопала 9 каменных ящиков кобанского времени возле п. Элькуш [Погребова, 1970. С. 107, 108]. А. А. Формозов и А. Д. Столяр осматривали объекты энеолита и ранней бронзы [Рунич, Формозов, 1972. С. 71, 72]. Сотрудник Пятигорского краеведческого музея Г. Я. Симакин провел раскопки двух курганов на возвышенности Ракитная в центре Кисловодска. Итоги полевых работ в Кисловодске в сентябре 1969 г. обсуждались на заседании секции археологии Кавказа пленума Института археологии АН СССР, в котором участвовали и местные краеведы [Кожин, Розенфельд, 1969. С. 299]. Кисловодских краеведов приглашали на подобные заседания и ранее.

В 1970 г. в районе работали А. П. Рунич и Н. Н. Михайлов с членами археологической секции. Перечень изучаемых объектов отражен в полевом отчете А. П. Рунича. Это доследованный разрушенный курган II тыс. до н. э. на территории склада у ст. Подкумок, могильники эпохи раннего средневековья Мокрая Балка 1 и Мебельная Фабрика 2. Раскапывался могильник у Лермонтовской скалы 2, обнаружен при строительстве дороги и содержал аланские катакомбы V–VII вв. н. э. и захоронения в каменных ящиках кобанского периода. Исследования на нем проводились и в последующие годы [Рунич, 1974а. С. 125, 126]. В. А. Лученков продолжил открытие скальных могильников в районе строящегося водохранилища в ущелье р. Эшкакон. Небольшие охранные работы на городище Отстойник–Горное Эхо провел сотрудник Пятигорского краеведческого музея Г. Я. Симакин. Осенью 1970 г.

Рис. 9. В. Б. Ковалевская

¹⁰ Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость», оф. № 4647/12.

членами кружка «Орион» стали будущие профессиональные археологи С. Н. Савенко (рис. 10) и Я. Б. Березин. Кружок являлся детско-юношеским отделением Кисловодской археологической секции. В 1970 г. были совершены экскурсии на грунтовый (катакомбы и каменные гробницы) Катыхинский могильник раннего средневековья, старокабардинские погребения на высоком правом берегу р. Подкумок у северной границы Кисловодска, поселение Ясли.

В этом же году вышла из печати первая научно-популярная книжка об археологических памятниках Ставрополя и Кавминвод [Князев, 1970]. Этот год принес и тяжелую утрату. Из жизни ушел крупнейший кавказовед, основатель и руководитель археологической школы кавказоведов, внесший заметный вклад в изучение Кавминвод, – Е. И. Крупнов [Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970), 1971. С. 217; Евгений Игнатьевич Крупнов (некролог), 1971. С. 311–314]. Два ученых, научное творчество которых было связано и с исследованием археологических памятников Кисловодска и окрестностей, защитили докторские диссертации в 1969–1970 гг.: Е. П. Алексеева [1969] и В. А. Кузнецов [1970а]. Н. Н. Михайлов и А. П. Рунич в конце 1950-х – 1960-е гг. помимо практических работ по спасению разрушающихся памятников и комплексов много сделали для популяризации археологического наследия в периодической печати. Об объектах археологии писали также и другие местные краеведы – А. Петренко, И. Гаустов, А. Князев и другие.

В 1970–1971 гг. в работах В. Б. Виноградова, И. М. Чеченова и ряда других ученых разворачивается дискуссия о локальных вариантах кобанской культуры [Виноградов, 1976. С. 74–78]. В течение 1970-х гг. эта тема была одной из самых актуальных в археологии раннего железного века Северного Кавказа. Важное место в дискуссии занимал анализ материалов Пятигорья, и прежде всего округа Кисловодска и верховьев Подкумка, уточнялись границы «кабардино-пятигорского» или «пятигорского» вариантов [Виноградов, 1972а; Чеченов, 1974. С. 14–51]. Параллельно изучалась проблема взаимодействия пришлых степных и автохтонных горских этнокультурных элементов в Предкавказье в I тыс. до н. э. [Виноградов, 1971. С. 177–183].

Интересные данные по истории изучения археологических памятников Кисловодска (включая работы археологической секции) привел в своей первой научно-популярной публикации Г. Е. Афанасьев [1970б. С. 62, 63]. Он же положил начало детальному изучению бронзовых фигурок всадников, происходящих из раннесредневековых погребений преимущественно Кисловодска и окрестностей [Афанасьев, 1970а]. В последующем как сам ученый, так и другие специалисты, возвращались к данной теме.

Существенное значение для изучения памятников эпохи средней бронзы и позднего этапа раннего средневековья рассматриваемого района имели защищенные в 1970 г. кандидатская диссертация В. А. Сафронова [1970] и докторская – В. А. Кузнецова [1970а]. Особый интерес представляет и

Рис. 10. С. Н. Савенко

Рис. 11. В. А. Кузнецов и Д. С. Коробов

опубликованная в это время обобщающая статья А. П. Рунича [1970. С. 198–210] о катакомбах Рим-Горы.

На рубеже 1960–1970-х гг. В. А. Кузнецов (рис. 11) ввел в научный оборот ряд древнерусских энколпионов и нательных крестов из района бассейна р. Подкумок [Кузнецов, 1968. С. 80–86; 1970б. С. 153–156], развил тему связи населения Кавминвод с Тмутараканским княжеством и Киевской Русью в предмонгольский период и русско-северокавказских взаимоотношений в эпоху Золотой Орды.

Следует затронуть еще один аспект изучения археологических материалов Кисловодской котловины, развитый в связи с обстоятельствами 1969–1970 гг. Н. Н. Михайлов в это время установил и поддерживал контакты с сотрудниками Рижского музея истории медицины им. П. Страдыня [Музей истории..., 1966]. Краевед направлял в музей костные материалы с признаками патологии, которые изучались специалистами. Н. Н. Михайлов был избран Почетным членом этого музея. Эти связи в последующем продолжил А. П. Рунич, и ряд материалов из Кисловодска и окрестностей был опубликован в научных изданиях по истории медицины [Дэрумс, 1973. С. 112–115].

В 1971 г. продолжила изучение могильника Мокрая Балка 1 В. Б. Ковалевская [1972]. На этом же памятнике работал А. П. Рунич. Кроме этого, он продолжил раскопки могильника у мебельной фабрики. Н. Н. Михайлов, несмотря на тяжелую болезнь, также продолжал отдельные полевые исследования. Вместе с членами археологических объединений он доследовал несколько разрушенных погребений в одном из курганов на ул. Черняховского в Кисловодске; совместно с Г. Е. Афанасьевым проводил спасательные работы на кургане к югу от п. Тепличный [Афанасьев, Михайлов, 1972. С. 125, 126]. Можно с уверенностью сказать, что Н. Н. Михайлов служил археологии региона до самой смерти, которая настигла краеведа в декабре 1971 г. [Массон, Ртвеладзе, 1992. С. 7–9].

На 1971 г. приходится выход в свет ряда монографий и обобщающих статей, связанных с изучением археологических памятников Кисловодской котловины и верховьев Подкумка. Это работы Е. П. Алексеевой [1971], Т. М. Минаевой [1971], А. П. Рунича [1971б. С. 167–178], Г. Ф. Турчанинова [1971]. Особый интерес представляет публикация подборки индикаций византийских монет, найденных вблизи Кисловодска [Ртвеладзе, Рунич, 1971. С. 219–222].

Следующий год ознаменовался тем, что к исследованию памятников Кисловодска и окрестностей подключились новые ученые. Так, изучением Подкумского могильника первых веков н. э. занялась М. П. Абрамова [1973. С. 106, 107]. Х. Х. Биджиев произвел разведку у с. Первомайского и в смежных районах [Алексеева, 1992а. С. 156]. К исследователю поступил и интересный раннесредневековый комплекс из грота в Гришкиной балке (бассейн р. Эшкакон), включающий фигурку всадника. А. П. Рунич работал на могильниках у Кисловодского озера на Рим-Горе, у Лермонтовской скалы (№ 2 и 3). На могильнике Лермонтовском 2 открыт ряд выразительных комплексов V–VIII вв. н. э., в том числе и знаменитое «захоронение вождя» (катакомба 10). [Рунич, 1976а. С. 256–266]. Доследованием погребений II тыс. до н. э. в курганах на ул. Черняховского и на Бермамытском плато занимался Г. Е. Афанасьев.

Заметное место среди анализируемых в монографии В. Б. Виноградова [1972а] материалов предскифского и скифского периодов Предкавказья заняли памятники Кисловодской котловины. Он же поставил вопрос о выделении предкавказского варианта скифо-сибирского «звериного» стиля, используя материалы Пятигорья [Виноградов, 1972а. С. 22, 23]. А. А. Иерусалимская издала первый обширный комментированный каталог находок, связанных с функционированием Великого Шелкового пути на Северном Кавказе [Иерусалимская, 1972]. Исследователем были привлечены материалы Хасаута, не входящего, как уже отмечено выше, в рассматриваемый район, но непосредственно прилегающего к нему.

Диссертация о позднесредневековой материальной культуре кабардинцев, защищенная А. Х. Ноговым [1972], включала и данные по Пятигорью, в основном дореволюционного периода. Существенное значение для нас имеет совместная обобщающая публикация А. П. Рунича и А. А. Формозова о памятниках первобытной культуры Кавминвод, в которой помимо введения в научный оборот новых материалов содержится обзор накопленных сведений об археологических объектах с древнейших времен до эпохи энеолита [Рунич, Формозов, 1972. С. 70–73].

Полевой сезон 1973 г. был насыщенным. М. П. Абрамова продолжала раскопки Подкумского могильника. А. П. Рунич и местные археологи-любители из числа выходцев из секции Н. Н. Михайлова открыли ряд новых погребальных объектов: кобанские захоронения у строящегося санатория «Узбекистан» и у автоколонны № 1478 (могильник Белореченский 2), второй скальный могильник у с. Джага, Корсунские гробницы (склепы). Доследовано богатое захоронение скифского времени в кургане у с. Учкеев. Продолжено изучение раннесредневекового участка могильника Лермонтовский 2. Масштабные разведки с шурфовками на поселениях и укреплениях Кисловодской котловины провел Г. Е. Афанасьев. Он же исследовал ряд погребений на раннесредневековых могильниках Мокрая Балка 1 и 2. Результаты первых работ были опубликованы в обобщающей статье [Афанасьев, 1975. С. 53–61], вторых – легли в основу целого ряда статей и кандидатской диссертации, защищенной им в 1976 г. [Афанасьев, 1976б]. Главный итог диссертационного исследования состоял в выделении четырех культурно-хронологических этапов аланской культуры Центрального Предкавказья во второй половине V – первой половине VIII в., неразрывно связанных с политической трансформацией, проходившей в это время в Восточной Европе.

В районе также действовала комплексная экспедиция под руководством В. Б. Ковалевской с участием Ю. Н. Воронова, Х. Х. Биджиева, Г. Е. Афанасьева и других. Фиксировались памятники правых притоков р. Подкумок в Кисловодской котловине и в его верховьях [Афанасьев и др., 1974. С. 96]. Каменные изваяния в районе аула Красный Восток, часть которых была известна кисловодским краеведам еще с конца 50-х гг. XIX в., изучали Г. Х.-У. Текеев и Х. Х. Биджиев [1974. С. 127, 128].

Из публикаций, вышедших в 1973 г., следует назвать статью А. П. Рунича о конской сбруе из района Пятигорья [Рунич, 1973б. С. 163–169], в которой выдвигался ряд оригинальных версий (в частности о «мягких» прототипах металлических стремян) и позиций, замеченных крупным ме-

диевистом, специалистом в области предметной составляющей материальной культуры, А. К. Амброзом [1973]. Интересную трактовку сложной орнаментации на миске кобанского времени из Березовского могильника (календарный фриз) дал академик Б. А. Рыбаков [1973. С. 158–162]. Серия статей В. Б. Виноградова, В. А. Петренко, А. И. Тереножкина была посвящена изучению мечей и кинжалов предскифско-скифского времени [Виноградов, 1973. С. 9–11; Петренко, 1973. С. 13–15; Тереножкин, 1973. С. 121–125].

В 1974 г. достаточно широкие работы в рассматриваемом районе проводил А. П. Рунич. Был выявлен и стал исследоваться скальный могильник Уллу-Кол в верховьях Подкумка. Из него происходят, в частности, относительно редкие в окрестностях Кисловодска находки тканей. Возле устья реки открыта стоянка времен позднего неолита – энеолита. Началось изучение Замкового могильника, содержащего захоронения кобанского времени, первых веков н. э. и раннего средневековья. Интересный комплекс памятников сармато-аланского времени, включающий разнотипные могильники, укрепления, поселения, обследован в урочище «Острый мыс» у въезда в г. Кисловодск с северной стороны; раскопан так называемый «Печоринский склеп» на Лермонтовской скале. Продолжались раскопки погребений на могильниках Лермонтовская Скала 2, Султан-Гора 1, Мебельная Фабрика 1.

Совместно с Х. Х. Биджиевым в районе работал А. В. Гадло, в сфере интересов которого находились городища и укрепления хазарского времени [Биджиев, Гадло, 1975. С. 98, 99]. Масштабные разведки на Кавминводах производила В. Б. Ковалевская. По их результатам была составлена очередная карта археологических памятников региона, включая Кисловодск и окрестности, предназначенная для служебного использования. М. П. Абрамова провела очередной сезон на Подкумском могильнике.

В. А. Кузнецовым и А. П. Руничем был введен в научный оборот богатый и яркий комплекс аланского дружинника IX в. из Эшкаконского скального могильника [Кузнецов, Рунич, 1974. С. 196–202]. А. П. Рунич опубликовал обобщающую статью об укреплениях эпохи раннего средневековья в Кисловодской котловине [Рунич, 1974б. С. 96–100].

В 1975 г. А. П. Рунич провел свой последний полевой сезон. В Кисловодской котловине изучались могильники Мокрая Балка 1, Аликоновский 2 (Мачты), Кугульские второй склеповый и два катакомбных могильника. Зафиксирован и частично доследован скальный могильник VIII–IX вв. Митькин Кутан. Комиссия полевого комитета, работавшая в это время в районе Кисловодска, выявила ряд нарушений на объектах, раскапываемых А. П. Руничем. Претензии были и к полевой документации. Отчет за 1975 г. не был утвержден. Исследователь продолжил научно-публикационную деятельность и подготовил в конце 1970-х – начале 1980-х гг. комментированную археологическую карту района Кисловодска и всего Пятигорья, оставшуюся в рукописи.

М. П. Абрамова закончила свои исследования на Подкумском могильнике, изучив в общей сложности около 50 погребальных комплексов. Результаты работ на памятнике были обобщены в монографии [Абрамова, 1987]. В экспедиции М. П. Абрамовой работал С. Н. Савенко.

Работавший в районе с. Новозаведенного Георгиевского района В. А. Коренько посетил Кисловодск и осмотрел курган на ул. Братской, в котором доследовал погребение в грунтовой яме [Коренько, 1976. С. 128]. В. Б. Ковалевская, продолжившая детальный осмотр укреплений на р. Аликоновке, провела фактически первые в районе масштабные раскопки раннесредневекового бытового оборонительного объекта на скале Указатель в районе Медового водопада [Ковалевская, 1976. С. 125, 126]. На протяжении 1975–1976 гг. изучено более 300 м² площади укрепления, выявлено 2 строительных горизонта, в верхнем из которых зафиксированы круглоплановые «юртообразные» постройки.

В процессе накопления материала предпринимались новые подходы к его анализу, обобщенной историко-культурной оценке. В. И. Козенкова приступила к разработке темы археологических па-

раллелей между Северным Кавказом и Карпато-Дунайским миром в начале I тыс. до н. э. При этом широко привлекались кисловодские артефакты [Козенкова, 1975. С. 52–73]. Н. А. Николаева и В. А. Сафронов исследовали вопрос происхождения костяных молоточковидных булавок эпохи бронзы [Николаева, Сафронов, 1975. С. 11–17]. А. И. Тереножкину материалы района помогали изучать различные аспекты киммерийской проблемы, в частности виды мечей и кинжалов предскифского времени [Тереножкин, 1975. С. 3–34].

В первой половине 1970-х гг. А. П. Рунич предложил новую версию причин резкого сокращения населения Кисловодской котловины в середине VIII в. н. э. До этого в качестве таковых фигурировали арабская опасность, вытеснение алан черными болгарами, политика правителей Хазарии (С. А. Плетнева, В. А. Кузнецов и другие). А. П. Рунич предположил влияние эпидемий, имевших место в Закавказье, Византии, Персии, Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. Для проверки этой версии брались анализы грунта и следов органики из погребений VII–VIII вв. н. э. Совместно с учеными-эпидемиологами были опубликованы результаты анализов, позволившие подтвердить предположение [Рунич и др., 1975. С. 118–119].

В 1975 г. вышла в свет монография Р. М. Мунчаева по проблемам раннебронзового века Кавказа. Значительное место в книге было отведено историко-культурной оценке раннего слоя поселения Замок и ряда других объектов Кисловодска (Решинка, Кабардинская балка). Ученый предложил отнести памятник к майкопской культуре [Мунчаев, 1975. С. 118, 119]. В дальнейшем эта версия была пересмотрена (С. Н. Корневский и другие).

Полевой сезон 1976 г. в Кисловодской котловине и верховьях Подкумка помимо уже названных работ В. Б. Ковалевской был отмечен изучением объектов кобанского времени. В районе впервые работали В. И. Козенкова и Н. Л. Членова. В. И. Козенкова осмотрела ряд поселений со слоями начала и середины I тыс. до н. э. [Козенкова, 1977. С. 103, 104]. Н. Л. Членовой удалось обнаружить интересный погребальный комплекс VI в. до н. э. в общей каменной ограде [Исмагилов и др., 1977. С. 100, 101].

Среди изданных в 1976 г. кавказоведческих монографий выделяются книга Е. П. Алексеевой об этнических связях сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа [Алексеева, 1976. С. 54, 57–60, 62–64] и «Киммерийцы» А. И. Тереножкина [1976. С. 179, 180], в которых памятники рассматриваемого района занимают заметное место.

В этом же году Г. Е. Афанасьев защищает кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа», в основу которой легли материалы могильника Мокрая Балка. Автор впервые выдвигает и обосновывает идеи о возможности выделения четырех культурно-хронологических этапов аланской культуры в рамках второй половины V – первой половины VIII в., о существовании у алан патронимической организации, о миграции части племен в середине VIII в. на Дон как следствии целенаправленной политики Хазарского государства по созданию аланских военных поселений на границах каганата со славянами. Впервые для археологии Северного Кавказа аналитическая часть работы основана не на традиционном методе произвольных аналогий, а на объективных и проверяемых статистических критериях, дополненных обширными нумизматическими данными. Из ряда статей Г. Е. Афанасьева, опубликованных в год защиты диссертации, можно выделить работу, посвященную реконструкции дохристианских верований алан на основе рассмотрения амулетов, орнамента и клейм на сосудах Кисловодской котловины [Афанасьев, 1976а. С. 125–130].

Сводный характер имела статья В. Б. Виноградова, А. П. Рунича, Н. Н. Михайлова [1976. С. 29–63] о новых кобанских материалах в окрестностях Кисловодска. В. И. Марковин [1976] пришел к выводу о памятниках Пятигорья эпохи бронзы как об особой локальной группе. В дальнейшем этот подход был развит и детализирован С. Н. Корневским. Вышла в свет еще одна обобщающая работа Э. В. Ртвеладзе и А. П. Рунича [1976] о византийских монетах и индикациях в погребениях района

Кисловодска. Появилась и самая обстоятельная, пожалуй, публикация материалов Рим-Горы [Рунич, Михайлов, 1976. С. 162–182].

Сезон 1977 г. принадлежал к числу особенно напряженных. Весной В. А. Кузнецов совместно с Г. Е. Афанасьевым, Я. Б. Березиным, С. Н. Савенко и М. А. Гуськовым проводил вторичный осмотр остатков культового объекта на склоне отрогов скального мыса Замок. Летом Н. Л. Членова продолжила изучение Султангорского комплекса. В. Б. Ковалевская включилась в большие хозяйственные исследования в зоне реконструкции Эшкаконского водохранилища [Ковалевская, 1978. С. 122, 123]. Здесь раскапывалось двухслойное поселение и могильник VI в. до н. э. Уллубаганалы. Были выявлены поселения эпохи бронзы, раннежелезного века и раннего средневековья. В. И. Козенкова в 1977–1978 гг. исследовала редкие погребения с кремацией у аула Терезе [Козенкова, 1982. С. 14–34]. М. П. Абрамова раскопала несколько выразительных раннесредневековых погребальных комплексов на Директорской Горке [Абрамова, 1982]. В этот сезон был сформирован и начал действовать Кисловодский отряд Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого под руководством С. Л. Дударева, с участием Я. Б. Березина и С. Н. Савенко. Были развернуты работы на могильнике Белореченский 2 VIII–VI вв. до н. э. Кроме того, осматривались другие объекты и доследовались разновременные полуразрушенные комплексы. Среди них выделялся бытовой объект на поселении VIII–VII вв. до н. э. Подкумский Мост в Кисловодске и два разрушенных погребения X–XI вв. н. э. на могильнике Уллуборбунла [Дударев, Березин, 1978. С. 117–119]. В 1977 г. при хозяйственно-строительных работах был выявлен новый могильник (№ 2) на западном склоне Рим-Горы, датируемый VII–VIII вв. н. э.

Г. Е. Афанасьев, посвятивший часть диссертации рассмотрению вопросов устройства семейно-родственных организаций алан V–VIII вв. н. э., вышел на популярную в кавказской этнографии тему «патронимии» [Афанасьев, 1977. С. 211–218; 1978]. А. П. Рунич опубликовал богатые раннесредневековые комплексы из Кисловодской котловины – Мокрая Балка 1, погребение 113, и катакомба могильника Острый Мыс 2 [Рунич, 1977. С. 248–257].

В 1978 г. продолжили свои работы В. Б. Ковалевская и В. И. Козенкова. Действовал Кисловодский отряд Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого (ЧИГУ), в котором помимо С. Л. Дударева начал самостоятельные исследования Я. Б. Березин. Работы проводились в основном на памятниках кобанского и майкопского времени (поселение Индустрия) [Березин, 1979. С. 118; Дударев, 1979б. С. 124, 125].

А. П. Рунич вводил в научный оборот новые материалы, в том числе и те, которые не проходили по отчетам (Кавказ, Рим-Гора 2) [Рунич, 1978. С. 80, 81]. В. Г. Котович внес свой вклад в изучение вопроса о происхождении «кабардино-пятигорских» биметаллических мечей и кинжалов [Котович, 1978. С. 110–123].

Своеобразной передышкой в полевых исследованиях Кисловодской котловины и верховьев Подкумка явился 1979 г. В этот сезон вела работы на Уллубаганалы В. Б. Ковалевская. Рабочий Г. Н. Федоров случайно обнаружил грот с наскальными изображениями и тамгами, получивший название «Джинальское святилище» [Рунич, 1983].

Конец 1970-х гг. был связан с усилением внимания к проблемам этнической и социальной археологии вообще и северокавказской в частности. В это время была опубликована первая монография по этнической истории Северного Кавказа А. В. Гадло, в которой, в частности, Кисловодская котловина характеризовалась как пограничный контактный этнокультурный район [Гадло, 1979. С. 200]. Этносоциальной интерпретации подвергались и археологические материалы Кисловодской котловины [Петренко, Савенко, 1979. С. 43, 44]. Материалы из района вошли в свод раннесредневековых поясных наборов Евразии, подготовленный В. Б. Ковалевской [1979а]. Исследовательница опубликовала и своеобразную работу по хронологии аланских катакомб VI–IX вв. [Ковалевская, 1979б. С. 38–43]. С очередной обобщающей публикацией, на этот раз по раннесредневековым склепам

Пятигорья, выступил А. П. Рунич [1979. С. 232–247]. Интересные реконструкции женских головных уборов VIII–V вв. до н. э. из района Кисловодска предложили С. Л. Дударев и Я. Б. Березин [1979. С. 27–29].

На переход к 1980-м гг. пришлось завершение изучения Султангорского комплекса Н. Л. Членовой [1981. С. 120], работ на кобанском поселении Уллубаганалы В. Б. Ковалевской и на могильнике Белореченский 2 С. Л. Дударева [1981. С. 101, 102]. В. Б. Ковалевская провела небольшие раскопки на Мокрой Балке 1 и более детально обследовала правый берег р. Аликоновки от Мокрой балки до Медовых водопадов [Ковалевская, 1981. С. 104, 105]. В 1980 г. приступает к самостоятельным исследованиям и становится начальником Кисловодского отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции ЧИГУ С. Н. Савенко. Он проводит небольшие работы на поселении и могильнике Острый Мыс начала и середины I тыс. н. э. [Савенко, 1981. С. 116]. В конце года начинается строительство городской заправочной станции возле Кольцо-Горы, в ходе которого подвергаются разрушению курганы эпохи бронзы, участок катакомбного могильника и поселения XI–XII вв. н. э. В спасательные работы включились сотрудник Кисловодского краеведческого музея Я. Б. Березин и С. Н. Савенко.

С конца 1970-х гг. проводятся региональные историографические конференции по различным аспектам истории Северного Кавказа и Дона. На второй конференции с докладом об актуальных проблемах археологии Северного Кавказа выступил В. Б. Виноградов. Он обобщил основные работы ученых и определил перспективные направления археологических исследований в регионе, включающем и Кавминводы [Виноградов, 1980а].

Для изучения этнической истории Кисловодской котловины и окрестностей существенное значение имели трактовки фольклорных сюжетов о борганах-бургунах – древних племенах или этнических группах средневековья, этноним которых отразился в древнем названии Рим-Горы (Боргу-сант–Боргустан) и Боргустанского хребта. В. А. Кузнецов рассмотрел эту тему с учетом материалов нартского эпоса [Кузнецов, 1980. С. 50], а В. Б. Виноградов [1980б. С. 6–13, 159–161] увязал различные по происхождению источники с древней историей ногайцев и их предков. Проблема киммерийско-кавказских связей была развита в коллективной статье В. Б. Виноградова, С. Л. Дударева, А. П. Рунича [1980. С. 184–199] с широким привлечением кисловодских археологических источников. В работе Н. А. Николаевой была предпринята попытка выделения новой культурной «кубанотерской» общности эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа, включая Пятигорье [Николаева, 1980. С. 97–119]. В последующем этот подход не нашел широкой поддержки и развития. Х. Х. Биджиев и В. И. Козенкова опубликовали новые яркие находки кобанского времени из окрестностей с. Терезе [Биджиев, Козенкова, 1980. С. 225–237]. Н. Л. Членова ввела особый термин для обозначения культуры раннежелезного века Кисловодской котловины и прилегающих районов – «каменноостская культура» (и – как ее вариант – «каменноостско-березовская группа»), отличая памятники района от кобанских.

В конце 1980 – 1981 г. в районе работали только Я. Б. Березин и С. Н. Савенко. Началось исследование могильника XI–XII вв. Кольцо-Гора 1. Несколько погребений раскопано на могильнике VII–VIII вв. Ясли, открытом краеведами-любителями из секции Н. Н. Михайлова в 1967 г. Доследована разрушенная гробница майкопского времени с крупным бронзовым котлом и амфоровидным сосудом светло-коричневого цвета в кургане у Кольцо-Горы. Впервые изучались поселения середины I тыс. до н. э. Тупой Мыс (С. Н. Савенко), первых вв. н. э. Автосервис и могильник Замковый (Я. Б. Березин).

В 1981 г. началось издание многотомной «Археологии СССР» и вышел в свет том о средневековых древностях степной зоны Евразии. Среди материалов Центрального Предкавказья свое место заняли и материалы из Кисловодской котловины [Степи Евразии..., 1981. С. 83–97, 173–187, 224–228, 269–273].

Первые металлографические анализы археологических предметов I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. были проведены еще на рубеже 1960–1970-х гг. Отдельные их результаты приводились в статьях историков, но значительная часть осталась неопубликованной. Ситуация стала существенно меняться после издания монографии Т. Б. Барцевой [1981] о цветной металлообработке скифского времени.

После накопления собственных материалов из района с. Терезе и бассейна р. Эшкакон, а также публикации некоторых не введенных в научный оборот комплексов из Кисловодска (совместно с Г. Е. Афанасьевым [Афанасьев, Козенкова, 1981. С. 161–177]), В. И. Козенкова приступила к обстоятельному изучению «западного варианта» кобанской культуры [Козенкова, 1981]. В конце 1980-х – середине 1990-х гг. результаты исследований были изложены в нескольких монографиях.

В. Ю. Мурзиным в существенной мере по-новому была определена тема «Скифы на Северном Кавказе» [Мурзин, 1981. С. 27, 28], разработкой которой занималась В. Г. Петренко, а в дальнейшем и С. В. Махортых. Следует указать также, что определенное значение для археологического изучения Пятигорья имело издание материалов диссертации А. Х. Нагоева [1981].

В 1982 г. начинается строительство крупного животноводческого комплекса с подъездными путями в урочище Клинь-Яр, насыщенном разновременными археологическими объектами. Практически сразу стали разрушаться погребальные комплексы, в том числе и очень выразительные (например, с гривной V–VI вв. н. э.). Для спасения памятников создается специальный отряд Ставропольской новостроечной экспедиции Института археологии АН СССР под руководством С. Н. Корневского. В последующем ученый был постоянно связан с районом полевыми исследованиями и научными разработками. В первый сезон С. Н. Корневский раскопал два кургана конца III – середины II тыс. до н. э. с впускными средневековыми кочевническими комплексами. Интересный комплекс середины I тыс. н. э. был передан экспедиции из района хлораторной станции в п. Зеленогорском. Косвенное отношение к экспедиции имела и В. Б. Ковалевская, которая продолжила обследование раннесредневековых укреплений у Кисловодска и сняла топографические планы городищ Клинь-Яр 1 и 2 [Ковалевская, 1984в. С. 122, 123].

Широкую разведку в верховьях Подкумка и Кумы проводил Х. Х. Биджиев. Из интересующих нас объектов его работы затронули городище Уллудорбунла [Биджиев, 1984. С. 110, 111]. С. Н. Савенко продолжил раскопки на могильнике Кольцо-Гора 1, обследовал поселения Лесхоз 1, 2 и могильник Лесхоз XI–XII вв., доследовал одно погребение на могильнике Уллудорбунла и комплекс VII–VIII вв. н. э. с сожжением на могильнике Кугульский 1. Я. Б. Березин продолжал работы на Замковом могильнике, спасал частично разрушенные погребения на Мокрой Балке 1, могильнике Березовский 1. С помощью упоминавшегося ранее воспитанника археологической секции Н. Н. Михайлова, С. Н. Пьянкова, был открыт своеобразный и выразительный могильник скифского времени Лермонтовская Скала (у реки) [Березин, Дударев, 1998. С. 167–209].

Из печати вышел очередной том «Археологии СССР» [Энеолит СССР, 1982. С. 94–164, 337–339]. Раздел об энеолите Кавказа в нем был подготовлен Р. М. Мунчаевым. Вновь затрагивался вопрос о культурно-хронологической принадлежности поселения Замок у Кисловодска. Исследованные на поселении Уллубаганалы остатки строений позволили В. Б. Ковалевской развить тему местных традиций домостроительства на Северном Кавказе [Ковалевская, 1982. С. 32–34; 1984а].

Весной 1983 г. новые земляные работы в Клинь-Яре привели к очередным разрушениям погребальных комплексов VIII в. до н. э. – VIII в. н. э., часть которых доследована кисловодскими любителями археологии В. А. Лученковым и М. А. Гуськовым и членами городского клуба «Искатель». Материалы поступили в Кисловодский краеведческий музей. В связи с этими обстоятельствами отряд С. Н. Корневского был усилен. К исследованиям селища и могильников Клинь-Яра подключился В. С. Флеров. С. Н. Корневский раскопал курган на участке водохранилища подсобного хозяйства «Зеленогорское». С. Н. Савенко в этот сезон изучил только две катакомбы XI–XII вв. н. э. на

могильнике Кольцо-Гора 1. Более широкие работы проводились Я. Б. Березиным. Он завершил ограниченные раскопки Замкового могильника, нашел кобанский могильник Сухая Балка и доследовал разрушающиеся погребения на различных объектах.

Развитием нумизматических исследований начала 1980-х гг. стала совместная статья В. Б. Виноградова, Я. Б. Березина и С. Н. Савенко [1983. С. 113–118] о монетных находках на Ставрополье и в окрестностях Кисловодска. В это время В. Б. Виноградов и С. Л. Дударев обстоятельно работали над проблемами этнических контактов, хронологии материалов предскифского времени Пятигорья [Виноградов, Дударев, 1983а. С. 7–17; 1983б. С. 49–56; 1983в. С. 114–127]. С. Л. Дударев защитил диссертацию, посвященную раннему этапу освоения железа в Центральном Предкавказье, в которой существенную роль сыграл анализ материалов Кисловодской котловины [Дударев, 1983]. С данной проблемой были связаны и разработки по изучению кузнечной техники у племен кобанской культуры [Терехова, 1983]. Интересную работу по анализу воинских погребений могильника VI в. до н.э. Уллубаганалы опубликовала В. Б. Ковалевская [1983б. С. 18–34]. Ей же принадлежала и сводная статья по изучению антропоморфных амулетов VI–IX вв. на Северном Кавказе [Ковалевская, 1983а. С. 43–50]. Следует также обратить внимание на публикацию выразительных конских комплексов XI–XII вв. могильника Кольцо-Гора [Савенко, 1983б. С. 105–109]. Обобщающий характер имела характеристика комплекса Уллудорбунла в совместной статье А. П. Рунича, Я. Б. Березина, С. Н. Савенко [1983. С. 56–66].

В 1984 г. в районе работали С. Н. Корневский, В. С. Флеров, С. Н. Савенко. С. Н. Корневский продолжил изучение курганов эпохи бронзы, В. С. Флеров – Клин-Ярского комплекса. На могильнике Клин-Яр 3 впервые в районе был применен метод сейсморазведки [Шрайбман и др., 1988] и проводились эксперименты с материалами аэрофотосъемки. С. Н. Савенко, кроме продолжения раскопок Кольцо-Горы 1, провел небольшие работы на основном городском некрополе Рим-Горы [Савенко, 1986а. С. 107, 108].

Две монографии, важные для изучения рассматриваемого района и связанные с его материалами, увидели свет в 1984 г. Это «Очерки истории алан» В. А. Кузнецова [1984] и «Кавказ и аланы» В. Б. Ковалевской [1984б]. Из примечательных для темы очерка публикаций этого времени укажем работу В. И. Козенковой и Т. Н. Мишиной [1984. С. 247–251] о сюжетных сценах на керамике кобанской культуры, публикацию о Султангорском комплексе Н. Л. Членовой [1984. С. 235–241] и статью С. Н. Савенко [1984б. С. 63–71] о количественном составе погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальном показателе.

Начиная с 1985 г. и до конца 1980-х гг. полевые исследования в Кисловодской котловине ведутся не так активно. Основным объектом изучения в это время становится Клин-Ярский комплекс, и прежде всего могильник 3. В 1985–1986 гг. на нем работают В. С. Флеров и В. Е. Нахапетян [Флеров, Нахапетян, 1988. С. 143, 144; Флеров, 1989. С. 24–31], в 1987 г. – Я. Б. Березин [Berezin, Dudarev, 1999. S. 179–216], в 1988–1989 гг. – А. Б. Белинский и А. А. Калмыков с участием Я. Б. Березина. В районе работал также С. Н. Корневский с участием М. В. Андреевой и Я. Б. Березина, проводивший раскопки курганов у п. Нежинский и разведку с целью выявления раннебронзовых поселений в окрестностях Кисловодска. В 1987, 1989 и 1990 гг. он вел небольшие раскопки на поселении Замок. Результаты его исследований в Кисловодской котловине легли в основу монографии о памятниках бронзового века Центрального Предкавказья [Корневский, 1990б].

В 1985 г., по договору с Кисловодским городским отделением ВООПИК, члены экспедиции С. Н. Корневского подготовили карту археологических памятников Кисловодска, увязанную с планируемыми новостройками в городе. В 1989 г. Я. Б. Березин стал заниматься паспортизацией археологических памятников Ставрополья, в том числе и Кисловодской котловины. А. Б. Белинский в ходе разведок зафиксировал начало масштабного ограбления курганов в Мало-Карачаевском районе и выявил подкурганные склепы позднескифского и раннесарматского времени [Белинский, 1994].

С. 50–52]. А. А. Калмыков доследовал две провалившиеся катакомбы на территории могильника Кольцо-Гора 1.

В середине 1980-х гг. М. П. Абрамова активно исследует проблемы этнической истории Центрального Предкавказья сарматского времени, внося существенные коррективы в принятые учеными, но дискутируемые с конца 1970-х гг. взгляды на происхождение катакомбного обряда рубежа эр, появление ранних алан в регионе, роль сарматов в этногенетических процессах в Предкавказье [Абрамова, 1986. С. 15, 16]. Все эти проблемные вопросы имеют непосредственное отношение к Кисловодской котловине и верховьям Подкумка, где выявлена серия грунтовых и подкурганых катакомб рубежа эр и первых веков н. э. Для нашей темы представляют особый интерес следующие выводы ученого: 1) в сарматский период четко выделяется западный – «кабардино-пятигорский» – вариант культуры местного населения; 2) население западного варианта было смешанным, существенно иранизированным уже в предсарматский период и более подверженным сарматскому этнокультурному влиянию; 3) катакомбный обряд распространяется в Центральном Предкавказье с III–II вв. до н. э. через северо-западно-кавказское местное (несарматское) эллинизированное население; 4) собственно аланы – племя сарматской принадлежности – появляются в Предкавказье в первые века н. э.; 5) в III в. н. э. из предгорных районов, в том числе и Кисловодской котловины, происходит отток населения в более южные районы. Не все из указанных позиций одинаково убедительно аргументированы, но важны для изучения местных памятников. В 1989 г. М. П. Абрамова защитила докторскую диссертацию по теме исследований [Абрамова, 1989а] и опубликовала обобщающий раздел в томе «Археологии СССР», посвященном скифо-сарматскому периоду степной зоны [Абрамова, 1989б. С. 268–281].

Изучением катакомбных могильников конца I тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э. и связанных с ними историко-культурных проблем, в том числе касающихся времени появления алан на Северном Кавказе, занимался в это время Т. А. Габуев [1986а; 1986б. С. 17, 18].

Я. Б. Березину принадлежит обстоятельный обзор историографии изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья в 1940-е – первую половину 1980-х гг. [Березин, 1986. С. 68–75]. В. Б. Ковалевская активно внедряет естественнонаучные методы и ЭВМ в изучение археологических памятников региона [Ковалевская, 1986. С. 51, 62; 1987]. На широком применении «ареального метода» была основана ее докторская диссертация, посвященная истории населения Центрального Предкавказья в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. [Ковалевская, 1988].

Середина – вторая половина 1980-х гг. – это период внедрения в северокавказскую археологию школой профессора В. Б. Виноградова концепции «миксаций» – органического этнического смешения в ходе этнокультурного взаимодействия и образования качественно новых общностей. В частности, она была применена Я. Б. Березиным и В. Б. Виноградовым [1998. С. 28–41] для характеристики этнокультурной обстановки в Центральном Предкавказье, включая Пятигорье, во второй половине I тыс. до н. э. Этот подход значительно сблизил позиции названных ученых со взглядами М. П. Абрамовой.

Ряд интересных для изучения рассматриваемого района печатных работ второй половины 1980-х гг. принадлежат С. Н. Кореневскому. Это исследования о поясных наборах периода средней бронзы Центрального Предкавказья [Кореневский, 1986а. С. 35–42], выделении кавминводской группы населения эпохи средней бронзы [Кореневский, 1987. С. 125, 126], об археологических признаках социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита и ранней бронзы [Кореневский, 1988. С. 6–20]. К данной проблематике близка и сводная публикация Я. Б. Березина и Б. М. Хашегульгова [1988. С. 321–331] о курганах эпохи бронзы в районе Кисловодска.

Материалы позднего этапа раннего средневековья в рассматриваемый период изучал С. Н. Савенко [1986б. С. 75–92]. В 1989 г. им была защищена кандидатская диссертация, посвященная характеристике социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников

X–XII вв. н. э. [Савенко, 1989]. Источниковая база исследования в значительной мере состояла из данных, полученных на памятниках Кисловодской котловины и верховьев р. Подкумок (Кольцо-Гора 1, Рим-Гора 1, Мебельная Фабрика 2, Лесхоз и другие). В работе был проведен детальный историографический анализ изучаемой проблемы, применены традиционные и новые методы обработки погребальных комплексов с целью выявления в них социально информативных признаков (в частности, впервые был предложен метод расчета коэффициента погребальной площади на одного погребенного в сравнении с оптимальными нормами). В результате проведенного исследования автору удалось реконструировать примерные формы семейно-родственных организаций, установить уровень социально-профессиональной специализации, прежде всего в общественно престижной воинской сфере, определить неоднородный этнический состав населения поздней Алании. Весь комплекс проработанных материалов привел автора к выводу о том, что Алания X–XII вв. не была сложившимся раннефеодальным общественно-политическим образованием, а являлась переходной социальной системой с чертами раннего феодализма, отмеченного признаками дифференциации и нестабильности.

Из монографических разработок следует отметить книгу А. К. Амброза [1989] о хронологии раннесредневековых древностей Северного Кавказа и свод материалов западного варианта кобанской культуры В. И. Козенковой [1989]. Как уже говорилось выше, последний труд ценен обширными данными справочного характера о памятниках эпохи в том числе и изучаемого района. В. И. Козенкова, в отличие от многих других ученых, исследующих проблемы раннежелезного века, разделяет памятники Кисловодской котловины и смежных территорий на два хронологических горизонта – XII–IX вв. и VIII–VI вв. до н. э. В. И. Козенкова являлась также автором раздела по кобанской культуре в томе «Археологии СССР» [Степи европейской части СССР..., 1989. С. 252–267]. Из числа других публикаций, прямо или косвенно связанных с изучением археологических материалов района, целесообразно назвать заметку В. А. Фоменко [1989. С. 20, 21] о находках «смоловидного вещества» в погребениях Пятигорья первой половины I тыс. н. э.

В 1990 г. Я. Б. Березин продолжил работы по паспортизации, а С. Н. Корневский произвел небольшие раскопки на поселении Замок и ряде майкопских бытовых объектов. В 1991 г. к работам в Кисловодске подключается В. А. Фоменко, который провел при участии С. Н. Савенко небольшие раскопки на могильниках Аликоновский 2 (Мачты) и Отстойник. Я. Б. Березин, продолжая паспортизацию, возобновил спасательные раскопки на различных памятниках региона. Особый интерес представляет обнаруженный в это время могильник первых веков н.э. Высокогорный 1, с захоронениями в каменных гробницах и подбоях. В этом сезоне предпринималась попытка археологического выявления фундаментов кисловодского Свято-Никольского собора конца XIX в., разрушенного в 1936 г.

В 1992 г. ряд объектов в Кисловодске и окрестностях исследует С. Н. Савенко; среди них могильник Мачты, поселение VIII–X вв. Десять Пещер и некоторые другие. В течение года Я. Б. Березин с членами клуба «Искатель» доследовал погребения в могильниках Сухая Балка, Лермонтовская Скала (у реки), Хлораторный (Зеленогорский). Зафиксирован новый могильник (без выразительных материалов) – Белореченский 3. Через Кисловодск и верховья Подкумка прошла экспедиция Института археологии РАН, исследовавшая трассы северокавказского участка Великого Шелкового пути. В ней, вместе с сотрудником Института Е. И. Савченко, работал В. А. Кузнецов, опубликовавший некоторые результаты экспедиции в книге [Кузнецов, 1993].

В 1993 г. С. Н. Савенко возглавлял Предгорно-плоскостную экспедицию в составе трех отрядов, в одном из которых был и непосредственным исполнителем работ. Изучались курган Могильный (Занозина Балка) (А. А. Ковалев), могильник и поселение Горное Эхо (Ю. И. Енченко), могильники Мачты и Подкумская Терраса, ряд других поселений (С. Н. Савенко). Санкт-петербургский археолог А. А. Ковалев впервые в регионе применил новую методику ручной раскопки курганов эпохи

бронзы с детальной фиксацией каменных конструкций и стратиграфического соотношения их элементов. В этом сезоне вновь приступил к раскопкам могильника Клин-Яр А. Б. Белинский.

С 1992 по 1994 гг. С. Н. Савенко и Я. Б. Березин составляли инвентаризационные списки археологических памятников Кавминвод. На территории Кисловодской котловины на учет поставлено более 250 разновременных объектов. Была откорректирована карта памятников С. Н. Кореневского.

Помимо полевых работ, в начале 1990-х гг. продолжалось и научное осмысление материалов. Из работ этого периода обращает на себя внимание ряд монографий и диссертаций. Это уже упомянутая книга С. Н. Кореневского, где преимущественно на материалах Кисловодской котловины обобщается выделение кавминводской группы населения эпохи средней бронзы и аликоновского горизонта наиболее поздних предкобанских захоронений в курганах [Кореневский, 1990б]. Связям населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы посвящена работа А. Л. Нечитайло [1991]. Изучением проблем предскифско-скифского периода занимались С. Л. Дударев [1991] и С. В. Махортых [1991]. Вновь возрос интерес к киммерийской археологии и теме связей киммерийцев с Северо-Западным и Центральным Предкавказьем. С темой непосредственно связана и объемная брошюра С. Л. Дударева и А. П. Рунича о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н. э., основанная в большей степени на артефактах Кисловодской котловины и верховьев Подкумка [Дударев, Рунич, 1992]. Вышло в свет монографическое издание докторской диссертации М. П. Абрамовой о сарматской эпохе Центрального Предкавказья [Абрамова, 1993]. С эпохами раннего и позднего средневековья связаны второе издание «Очерков истории алан» В. А. Кузнецова [1992], книга Х. Х. Биджиева о тюрках Северного Кавказа [Биджиев, 1993] и монография Е. П. Алексеевой [1992б] об археологических свидетельствах русско-северокавказских связей в X–XV вв. н. э. Защищены диссертации Н. Е. Берлизова [1990] о ранних аланах Северного Кавказа, В. Н. Каминского [1989] о вооружении племен аланской культуры I–XIII вв. н. э., З. В. Додде [1993] о средневековом костюме народов Центрального Предкавказья.

Продолжали публиковаться и отдельные статьи, заслуживающие внимания в связи с рассматриваемой темой. В соответствии с хронологией проблематики, назовем сначала работы С. Н. Кореневского о древнейшей истории Кисловодской котловины [Кореневский, 1992. С. 19–22], погребениях с каменными топорами [Кореневский, 1993б. С. 78–98] и молоточковидными булавами [Кореневский, 1993а. С. 101–130]. С предскифским периодом связаны публикация А. Б. Белинского о шлемах «ассирийского типа» на Северном Кавказе (два из трех известных найдены в могильнике Клин-Яр 3) [Белинский, 1990. С. 190–195], очередная разработка по хронологии кобанской культуры В. И. Козенковой [1990. С. 64–92], а также хронологическое исследование комплексов типа Новочеркасского клада в Предкавказье С. Б. Вальчака и В. Р. Эрлиха [1993]. Были также опубликованы новые яркие находки предскифско-скифского периода из окрестностей Кисловодска [Маслов, 1991. С. 48–51] и мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр 3 [Флеров, Дубовская, 1993. С. 262–303]. В. А. Фоменко присоединился к мнению Н. Л. Членовой о каменноостско-березовском культурном облике могильников Кисловодской котловины [Фоменко, 1992а. С. 32–37] и связи их материалов с киммерийско-карасукской общностью [Фоменко, 1992б. С. 68, 69]. К изучению северокавказских стел раннего железного века приступил В. С. Ольховский [1990. С. 113–123]. В последующем в его сводах фигурировали первое и позднее второе изваяния из Кисловодского краеведческого музея [Ольховский, 1998. С. 29–36]. Помимо уже упомянутой монографии, М. П. Абрамова подготовила и специальную статью о западных районах Центрального Предкавказья во II–III вв. н. э. [Абрамова, 1990]. С. Н. Савенко проанализировал находки в Пятигорье предметов импортного происхождения I тыс. н. э. [Савенко, 1993. С. 130–140]. В. Б. Ковалевская продолжила изучение раннесредневековых амулетов региона [Ковалевская, 1991. С. 199–208]. Г. Е. Афанасьев вновь вернулся к проблеме северокавказского происхождения салтово-маяцкого катакомбного обря-

да [Афанасьев, 1992. С. 83–97]. С начала 1990-х гг. археологические материалы Кисловодска и верховьев Подкумка стали публиковаться за рубежом [Kuznesov, 1990. S. 255–274].

Новым явлением, имеющим отношение к истории изучения археологического наследия Кисловодска и окрестностей, стали организация и проведение научных конференций археолого-краеведческой направленности. В 1992 г. в Кисловодске прошли первый семинар по программе «Великий Шелковый путь – путь диалога культур» и конференция «Археология и краеведение Кавминвод». Впоследствии в городе проходили второй семинар по «Шелковому пути» (1993 г.), XVIII, XXI и XXII «Крупновские чтения» (1994, 2000, 2002 гг.), конференция, посвященная 30-летию открытия Кисловодского краеведческого музея (1995 г.). В опубликованных материалах этих конференций, а также XX «Крупновских чтений» в Железноводске (1998 г.) и мемориального совещания в Пятигорске (1998 г.), посвященного памяти А. П. Рунича, содержится много сведений о памятниках рассматриваемого района и их изучении. В середине 1990-х гг. на могильниках Клинь-Яр 3 и 4 в Кисловодской котловине впервые работала международная российско-британская экспедиция. Руководителем с российской стороны был А. Б. Белинский, с английской – Г. Харке. В работах участвовали Я. Б. Березин, С. Н. Савенко, Д. С. Коробов, З. В. Доде и другие археологи. Были обнаружены богатые выразительные материалы VIII в. до н. э. – VIII в. н. э., которые готовятся к монографическому изданию в Великобритании. Уже вышли в свет предварительные публикации [Белинский, Харке, 1998. С. 19–21; Belinsky, Härke, 2000].

С 1995 г. на городище Горное Эхо (Отстойник) и в ущелье р. Аликоновки работает И. А. Аржанцева. Экспедиция действует как совместная с Кисловодским историко-краеведческим музеем «Крепость». В первые сезоны выполнялись только топографические съемки и геолого-почвоведческие исследования. С 1997 г. ведутся раскопки и эксперименты по консервации остатков строений. Одной из основных целей работ является подготовка объекта к музеефикации [Arzhantseva, Savenko, 1998. P. 12]. Проект создания музея под открытым небом на базе городища начал готовиться С. Н. Савенко в 1992 г., а идея появилась еще в начале 1970-х гг. На сегодняшний день экспедицией И. А. Аржанцевой, в которой помимо археологов участвуют другие ученые – историки, геологи, почвоведы, – вскрыто несколько сот квадратных метров площади памятника, зафиксирован ряд построек, относящихся как минимум к двум строительным горизонтам, накоплены археологические материалы VI–IX вв. н. э. В дальнейшем планируется расширить масштабы раскопок на городище. Параллельно группой географов и почвоведов МГУ под руководством М. И. Скрипниковой велось изучение искусственных террас в Кисловодской котловине [Аржанцева и др., 1998. С. 12, 13; Скрипникова и др., 1999. С. 127–130]. В 1997 г. И. А. Аржанцева доследовала на могильнике Луначарский два разрушенных катакомбных захоронения VII–VIII вв. н. э. В 1995–1996 гг. два кургана в Нежинской группе и на ул. Черняховского в Кисловодске исследовали А. А. Ковалев и М. Б. Рысин. С 1996 г. развернуты масштабные сплошные археологические разведки в Кисловодской котловине и прилегающих районах (Д. С. Коробов (см. рис. 11), под научным руководством Г. Е. Афанасьева, с участием С. Н. Савенко), проводившиеся затем с 1998 по 2000 гг. Результаты этих работ составляют содержательную часть данной монографии.

Для полноты картины полевых исследований конца XX – начала XXI в. в Кисловодске и окрестностях следует назвать небольшие работы А. Б. Белинского и Я. Б. Березина на могильнике Клинь-Яр 3 в начале 2000 г. и разведку В. П. Любина и Е. В. Беляевой 2001 г., нацеленную на выявление палеолитических памятников в регионе. Однако эта цель пока не достигнута, и самыми ранними памятниками в Кисловодской котловине по-прежнему остаются энеолитические поселения V–IV тыс. до н. э. В 1998 г. раскопки небольшого участка поселения кобанского времени на Крестовой Горе в Кисловодске (в связи с восстановлением памятного креста, посвященного первому курортному сезону у Нарзана) провел И. А. Лачинов с участием С. Н. Савенко. В частности обнаружена интересная керамическая мастерская середины I тыс. до н. э. [Лачинов, Савенко, 2000а. С. 84–86].

В 2001 г. разведки с применением новейших ГИС- и ДЗ-технологий в междуречье Аликоновки и Эшкакона проводил Г. Е. Афанасьев. Они позволили ему не только открыть большую серию ранее неизвестных раннесредневековых памятников, но и ответить на ряд принципиально новых исторических вопросов, касающихся форм земледелия у раннесредневекового населения Северного Кавказа (устройства сельскохозяйственных террас, горных ирригационных систем и т. д.) [Афанасьев, 2002а, б]. С 2001 г. и по настоящее время составлением инструментальной топоъемки и шурфовой раннесредневековых укреплений региона занимается Д. С. Коробов [2003а, б, в печати].

Научно-публикационная деятельность ученых, занимающихся исследованиями в регионе, в середине и конце 1990-х гг. заметно оживилась. Вышла в свет целая серия монографий. В изданном очередном томе «Археологии СССР», посвященном эпохе бронзы Кавказа и Средней Азии, обобщающие разделы по майкопской культуре и эпохе средней бронзы написали Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин [Эпоха бронзы..., 1994. С. 158–368]. Несколько книг по проблемам западного варианта и всей кобанской культуры подготовила в это время В. И. Козенкова [1995, 1996, 1998]. Продолжалась монографическая разработка предскифско-киммерийской проблематики с использованием источников Кисловодска и его окрестностей [Махортых, 1994; Дударев, 1995; Эрлих, 1994]. Наиболее капитальным трудом на эту тему была книга по докторской диссертации С. Л. Дударева [1999]. Свод избранных работ Г. Коссака вышел в Германии [Kossack, 1998. P. 145–176]. В нем, в частности, содержатся статьи, посвященные рассмотрению материалов из Клинь-Яра, Терезинского могильника, Эчкиваша. В коллективном труде по истории древней железообработки Восточной Европы анализируется большое количество предметов VII–V вв. до н. э. из Кисловодской котловины и верховьев Подкумка [Терехова и др., 1997. С. 48, 61, 68, 77]. Широкий хронологический диапазон (IV в. до н. э. – XI в. н. э.) охватывает исследование Ю. А. Прокопенко [1999] о северокавказских торговых путях.

Несколько крупных работ посвящено изучению проблем археологии I тыс. н. э. Это вторая книга по этнической истории Северного Кавказа X–XIII вв. А. В. Гадло [1994], работа М. П. Абрамовой о ранних аланах Северного Кавказа III–V вв. н. э. [Абрамова, 1997] и 3 монографии В. Б. Ковалевской [1995, 1998, 2000] по компьютерной обработке массовых археологических материалов и проблеме содержания археологической культуры. Важной для нашей темы была монографическая публикация раннесредневековых погребений могильника Клинь-Яр 3, раскопанных В. С. Флеровым [2000], и керамических сосудов из них [Малашев, 2000]. Материалы из рассматриваемого района фигурировали и в изданных во Франции книгах В. А. Кузнецова и И. Лебединского об истории алан и раннем христианстве на Северном Кавказе [Kouznetsov, Lebedynsky, 1997, 1999]. В 2000 г. Г. Е. Афанасьевым в совместной с А. П. Руничем монографии были полностью опубликованы материалы многолетних раскопок широко известного специалистам катакомбного могильника Мокрая Балка. В работе не только подробно изложена система хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа, которую Г. Е. Афанасьев разработал еще в 1976 г., когда впервые выделил четыре основных культурно-хронологических этапа в развитии материальной культуры Центрального Предкавказья во второй половине V – первой половине VIII в., но и полученные ранее выводы перепроверены и подтверждены современными методами многомерного статистического анализа и новыми комплексами с монетами, а также экстраполированы на всю территорию Восточной Европы [Афанасьев, Рунич, 2001].

Из защищенных в указанный период диссертаций интерес представляет работа Д. С. Коробова по реконструкции социальной организации аланского общества Северного Кавказа IV–IX вв. н. э. [Коробов, 1999б, 2003в]. Обобщающее значение имеет статья В. А. Кузнецова об иранизации и тюркизации населения Центрального Предкавказья [Кузнецов, 1997]. Проработка материалов Центрального Предкавказья III–V вв. н. э. позволила М. П. Абрамовой представить более детальную картину состава населения региона в позднесарматский период. В частности было установлено, что во II–III вв. н. э. ареал западного варианта существенно расширяется и в нем образуется ряд районов,

северный из которых совпадает с территорией Кисловодска и окрестностей [Абрамова, 1994. С. 47, 48]. Картину дополнила версия историко-культурной и хронологической оценки подбойных захоронений сарматского времени бассейна р. Подкумок, предложенная С. Н. Савенко. Суть подхода заключается в выделении особого горизонта преобладания подбойного обряда в III–IV вв. н. э., отражающего существенные изменения в этническом составе населения в указанное время [Савенко, 1998б. С. 111–114]. Д. С. Коробов по материалам могильников провел сравнительный анализ социальной структуры алан Кисловодской котловины V–VIII и X–XII вв. [Коробов, 1994. С. 55, 56]. Ю. А. Прокопенко, работая над темой истории древних торговых путей, в ряде публикаций обобщил данные о нумизматических находках Ставрополя и Кавминвод (одна из первых работ: [Прокопенко, 1995. С. 4–38]). Обсуждались вопросы происхождения и историко-культурной оценки особых категорий инвентаря кобанских погребений Кисловодской котловины – «пекторалей», специальную статью которым посвятили С. В. Махортых и Е. В. Черненко [1995. С. 21–28], и шлемов. Обстоятельную работу по шлемам, которые автор называет не «передневосточными», «ассирийскими», а кавказскими, подготовил А. И. Иванчик [2000. С. 201–225]. Еще одной примечательной категорией археологических находок предскифского времени являются сбруйные наборы, и прежде всего те из них, которые определяются исследователями как детали колесничной упряжи [Вальчак, 1997. С. 40–56].

Начиная с 1996 г. Кисловодская котловина становится полигоном для отработки новых компьютерных методов полевых исследований, анализа и исторической интерпретации полученного археологического материала. В этом году в ИА РАН началась работа над проектом по созданию археолого-географической информационной системы (АГИС) «Кисловодск». Данный проект, возглавляемый Г. Е. Афанасьевым, получил финансовую поддержку в виде грантов РФФИ №№ 95-06-17489, 97-06-80087, 98-06-88010, 98-06-80087, 99-06-88039, 03-06-80099 и других.

Комплексный анализ памятников базируется на использовании геоинформационных технологий, которым посвящена вторая глава настоящего издания. В ходе выполнения проекта в 1996 и 1998–2003 гг. Г. Е. Афанасьевым и Д. С. Коробовым при участии С. Н. Савенко была осуществлена археологическая разведка в Кисловодской котловине, в результате чего выявлено и зафиксировано более 800 археологических объектов. Они были «привязаны» к системе географических координат при помощи приборов спутниковой навигации Trimble Navigation и Garmin III + Global Positioning System (GPS), позволяющих определять географические координаты местонахождения на поверхности земли (долготу и широту) с точностью до 5–15 м, а также высоту над уровнем моря с точностью до 10 м.

В процессе работы производились первичное описание памятников и фотофиксация их современного состояния, а также глазомерная топосъемка. При помощи названных выше приборов, помимо долготы и широты, вычислялись расстояния и азимуты на каждый фиксируемый памятник от двух так называемых реперов – выбранных точек привязки (например, железнодорожных и автомобильных мостов, вокзалов, санаториев и т.д.). Затем, полученные во время полевых работ основные данные (долгота, широта, название памятника, его тип и культурная атрибуция) заносились в АГИС «Кисловодск», а полная информация – в базу данных (БД) «Археологические памятники Кисловодской котловины». Краткая информация о результатах работ уже отражена в серии публикаций [Афанасьев, 2002а, б; Коробов, 2001, 2003а, б, в печати], более полная излагается в главе 3.

После вторичной проработки музейных коллекций эпохи раннего средневековья Кисловодской котловины, и особенно материалов могильника Мокрая Балка 1, проведенной в 1995 г. В. Ю. Малашевым, И. О. Гавритухиным, А. В. Мастыковой и другими, появился ряд публикаций с новыми хронологическими построениями, основанными, в частности, на детальном анализе керамических сосудов и некоторых других категорий инвентаря [Гавритухин, Малашев, 1998. С. 28–86]. На тему западноевропейских элементов в культуре населения Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов (в том числе и происходящих из Кисловодской котловины и верховьев р. Подкумок)

вышли в ходе изучения артефактов М. М. Казанский и А. В. Мастыкова [1998а. С. 102–135; 1998б. С. 47–50; и др.]. Непосредственное отношение к теме очерка имеют публикация Я. Б. Березина об обобщающих работах Кавминводских краеведов по археологии Пятигорья [Березин, 1999. С. 74–77] и заметки С. Н. Савенко о роли Т. М. Минаевой в изучении археологии Кавминвод [Савенко, 1997б. С. 18–21]. Необходимо назвать и вышедшие в конце 1990-х и в 2000 гг. публикации результатов полевых работ и отдельных ярких находок на памятниках. Это, например, статьи С. Н. Кореневского о поселении Замок [Кореневский, 1998. С. 96–147], В. А. Фоменко об Эшкаконском могильнике [Фоменко, 1998. С. 7–12], зарубежная публикация выразительных случайных комплексов 1982 г. с богатыми изделиями V–VI вв. н. э. из могильника Клин-Яр 3 [Kuznesov, 2000]. В. А. Фоменко и Ю. А. Прокопенко в нескольких заметках опубликовали часть чертежей из архивов А. П. Рунича и других краеведов, связанных с тем же могильником Клин-Яр 3 [Прокопенко, Фоменко, 1996а. С. 13–27; 1996б. С. 22–28;], Березовским склеповым могильником [Прокопенко, 1998. С. 57–63], некоторыми другими памятниками. Нам представляется, что в таких случаях следует сравнивать чертежи с хранящимися в музеях региона предметами, во избежание уже имеющих место существенных неточностей. Не исчерпаны еще возможности извлечения важной информации об археологических памятниках региона из письменных источников и свидетельств путешественников. В этом направлении успешно работает в последние годы Е. Л. Соснина [Соснина, Кузнецов, 1997. С. 49–51].

В последние годы на памятники района вместе со специалистами и самостоятельно периодически выходили и местные любители археологии – бывшие питомцы секции Н. Н. Михайлова и А. П. Рунича – В. А. Лученков, М. А. Гуськов и другие. Они спасали отдельные разрушающиеся погребения и передавали материалы в Кисловодский и Железноводский музеи. Информация об их работах иногда публикуется Ю. А. Прокопенко, В. А. Фоменко и Р. Р. Рудницким [Прокопенко и др., 2000; Рудницкий, Фоменко, 2000. С. 122, 123]. В самом конце 2001 г. вышел в свет альманах «Памятники отечества» в двух томах, посвященный Ставрополью и Кавминводам. В нем содержится краткий материал об археологических памятниках Кисловодска и окрестностей [Савенко, 2001. С. 166–169].

Настоящей трагедией для археологического наследия района, как и других территорий, стали несанкционированные раскопки и грабеж памятников, которые приобрели особый размах с конца 1980 – начала 1990-х гг. Находки, порой очень интересные с научной и культурной точек зрения, только иногда становятся достоянием ученых и общества, попадая разными путями в музеи. Так, например, поступил в Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость» комплекс с римским бронзовым шлемом I в. н. э. из района Рим-Горы [Савенко, 1998а]. Большинство предметов, лишь частично отраженных на фото- и видеопленках, «гуляет по рукам». Еще больше артефактов, по всей вероятности, безвозвратно гибнет. Представляемая нами археологическая карта призвана содействовать организации более эффективной системы охраны богатого археологического наследия района.

И все же нам представляется, что оснований для пессимизма нет. Изучаемое вот уже более 200 лет археологическое наследие Кисловодской котловины и верховьев Подкумка раскрыто и исследовано лишь в незначительном объеме, хотя и сделано уже немало. Мы уверены, что данный очерк, как и вся книга, будут полезны для археологов, продолжающих изучение многочисленных и разнообразных памятников уникального района в III тысячелетии.

Глава 2

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИС И ДЗ ДЛЯ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКОГО И ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Археология, как и любая другая наука, постоянно развивается сразу в двух направлениях. Одно из них – это поиск новых археологических объектов, то есть накопление материала, другое – поиск новых методов представления, анализа и извлечения исторической информации из найденных объектов. В истории нашей науки на первое по значимости место выдвигалось то одно, то другое направление. В предыдущей главе было достаточно подробно показано, что первые шаги в изучении памятников Кисловодской котловины связаны с накоплением археологического материала традиционными способами – посредством сборов случайных находок, полевых разведок, охранных раскопок. Естественно, что в то время фигура археолога была очень схожа с фигурой одержимого поиском Трои Генриха Шлимана или знаменитого Индианы Джонса, смело пробиравшегося в глубину тропических зарослей в поисках древних сокровищ. С ростом количества материала возникла необходимость его пространственного представления и изучения. В настоящее время археологические исследования уже перестали быть просто раскопками археологических объектов. Они становятся составной частью многогранного мультидисциплинарного познавательного процесса, в котором основной упор делается на изучении пространственного распределения накопленного материала в тесной взаимосвязи с окружающей средой и обитавшими в ней людьми.

К началу XXI в. практически вся территория Кисловодской котловины, за небольшим исключением, уже была обследована традиционными способами. Наступило время, когда ноги, лопата, кисточка и скальпель – традиционные инструменты археолога – могут быть значительно усилены, а иногда и почти полностью заменены, спутниковыми, бортовыми и наземными сканерами, радарными и компьютерными, когда привычные бумажные археологические картотеки с успехом вытесняются компьютерными археологическими картами, содержащими всеобъемлющую полевую и камеральную информацию. Новые технологии позволяют исследователю видеть дальше и глубже, чем прежде, решать научные вопросы, сама постановка которых недавно могла бы показаться просто утопической, так как для их изучения потребовались бы громадные материальные затраты и уникальное техническое оборудование. Кардинально меняется и формулировка главного вопроса в археологии. Если раньше исследователя обычно интересовало, «где находятся такие-то объекты», то теперь ему важно узнать, «почему они там расположены». А решение этого вопроса подразумевает глубокие

мультидисциплинарные исследования – с участием палеоклиматологов, почвоведов, палеоботаников, палеозоологов, геофизиков и т. д. Весь комплекс этих разнообразных материалов, исследований и их результатов может быть объединен в интегрированной компьютерной информационной системе, созданной на основе технологий геоинформационных систем (ГИС) и дистанционного зондирования (ДЗ), с добавлением специфических модулей.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ГИС- И ДЗ-ТЕХНОЛОГИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Иногда географическую информационную систему путают с компьютерным картографированием. А между тем они различаются принципиально. Системы компьютерного картографирования разработаны для создания карт, сопровождаемых описательными атрибутами, и не имеют аналитических возможностей географических информационных систем. В отличие от первых, ГИС, по определению Дэвида Райнда, «это компьютерные системы для сбора, проверки, интеграции и анализа информации, относящейся к земной поверхности» [Rhind, 1988. P. 23–28]. И хотя некоторые специалисты предлагают несколько иное определение ГИС [Aronoff, 1989], все они сходятся в том, что специфической чертой ГИС, отличающей ее от компьютерного картографирования, является наличие инструментов анализа информации. Структурно ГИС имеет четыре основные подсистемы. Подсистема сбора данных обеспечивает сбор и предварительную обработку данных из различных источников. Подсистема хранения и выборки данных организует пространственные данные с целью их выбора, редактирования и обновления. Подсистема анализа данных выполняет группировку и разделение данных, устанавливает параметры и ограничения при их отборе, занимается моделированием. Наконец, подсистема вывода ответственна за отображение базы данных или их выборки в табличной, диаграммной или картографической форме [ДеМерс, 1999. С. 10, 11]. Понятно, что основой ГИС является подсистема анализа карт. Именно эта процедура делает ГИС-технологии особенно популярными в археологическом анализе, при котором исследователь получает возможность оперативно выделять и сравнивать картины распределения археологических объектов на местности и классифицировать данные для последующей исторической интерпретации.

Первые шаги по применению вычислительной техники для манипуляций с пространственными данными были предприняты в начале 1960-х гг.: успешно работающая географическая информационная система была создана Р. Томлисоном для использования в управлении земельными ресурсами Южной Канады [Tomlinson et al., 1976]. Вскоре после этого в США были созданы две другие географические информационные системы (одна в Нью-Йорке, другая в Миннесоте). Однако по техническим причинам они оказались не очень удачными. Принципиальный поворот в области практического применения ГИС-технологий произошел в начале 1980-х гг., когда Институтом исследования систем окружающей среды (ESRI) была выпущена для более широкого применения первая коммерческая ГИС – ARC/INFO. Презентация ГИС археологическому сообществу произошла в 1985 г. – почти одновременно в США и в Великобритании [Gill, Howers, 1985; Kvamme, 1985]. Еще каких-нибудь 15 лет назад большинство российских и зарубежных археологов не совсем ясно представляло себе, каким образом можно осуществлять археологические исследования с помощью методов ГИС. Но постепенно в зарубежных исследованиях сформировались три главных направления применения ГИС-технологий в археологии [Savage, 1990. P. 22–32].

Первое направление связано с охраной археологического наследия и, как правило, используется теми государственными или муниципальными службами, в функцию которых входит охрана памятников истории и культуры. В этих случаях ГИС-технологии позволяют работать с большими

базами археологических данных, обеспечивая учет информации о местоположении памятников археологии, о результатах проведенных на них археологических раскопок, разведок и т. д. При этом появляется возможность быстро получать информацию по запросам, сортировать ее и представлять в виде археологических карт с точной локализацией памятников, что особенно важно при разработке проектно-сметной документации для мероприятий по обеспечению сохранности памятников археологии, попадающих в зоны предстоящих строительных работ. Но археологам, работающим в области охраны памятников истории и культуры, в наши дни приходится решать одновременно две взаимосвязанные проблемы: как осуществлять охрану большого количества уже известных памятников и как осуществлять охрану памятников, еще даже не выявленных?

Для решения последней проблемы особое значение имеют процедуры, с помощью которых можно прогнозировать местоположение археологических памятников. За последние годы прогностические модели в археологии, получившие в западной литературе название «модели красных флажков», были использованы в официальных исследованиях по оценке состояния окружающей среды и воздействия на нее внешних факторов Департаментом земельного управления США, Охранным отделением Лос-Анджелеса, Министерством обороны США, Инженерным корпусом армии США, Министерством энергетики США и т. д. Важным компонентом археологических исследований прогностическое моделирование стало сравнительно недавно [Carr, 1985. P. 114–127; Kohler, Parker, 1986. P. 397–452]. Для решения этой задачи первоначально разрабатывается математическая модель, которая затем накладывается на карту изучаемого региона. Ключ к успеху подобной модели заключается в том, что археологические памятники имеют тенденцию располагаться в наиболее благоприятных местах данной окружающей среды. При этом исходная позиция состоит в том, что распределение местоположений археологических памятников не случайно; оно зависит от окружающей среды или социальных факторов. Известно, что ряд природных факторов (высота местоположения, уклон местности, экспозиция, близость источников воды, характер почвы, биопродуктивность и т. д.) будет сопряжен с местоположением того или иного типа памятника. Различия между территорией, где есть памятник, и территорией, где его нет, с позиций идеологии разработчиков прогностических моделей довольно важны, так как они дают основу, на которой можно вычислить вероятности. И если математическая модель будет учитывать их с достаточной полнотой, то на компьютерной карте автоматически по запросу будут выделяться регионы с гипотетическим расположением тех или иных типов памятников.

Подобная позиция довольно понятна, ведь и в процессе практических полевых разведок каждый археолог сознательно или подсознательно принимает в расчет именно природные или социальные факторы при поиске тех или иных типов памятников. К примеру, если нам нужно найти на территории Кисловодской котловины раннесредневековое укрепление, мы будем искать его, во-первых, в точке слияния рек или балок, во-вторых, на мысовых отрогах хребтов (в данном случае учитываются природные факторы, позволяющие использовать естественную защиту). Но если перед нами стоит задача поиска раннесредневековой сельскохозяйственной зоны в виде следов террасного земледелия, мы будем учитывать как наличие удобного делювиального склона на водоразделах рек Кисловодской котловины, экспозицию склона (природные факторы), так и наличие поблизости раннесредневекового укрепления или поселения (социальный фактор). Наиболее удачная в методическом плане процедура предсказания местоположения археологического памятника была разработана С. Севиджем [Savage, 1989]; в качестве зависимой переменной он использует местоположение памятника в модели поступенчатой множественной регрессии.

Одним из практических примеров работ в данном направлении является прогностическая модель, разработанная в США Государственным музеем штата Иллинойс для западного Национального леса Шони. Здесь на площади 91 км² было обнаружено 68 археологических стоянок, каждая из которых занимает в среднем площадь около 1 га. Первым шагом в работе было создание ГИС на базе

программного обеспечения ARC/INFO. Затем эта территория была разбита на ячейки размерами 25×25 м, каждая из которых содержала информацию по ряду экзогенных переменных. Одномерные статистические тесты, проведенные Р. Уорреном [Warren, 1990. P. 201–215], показали, что наблюдаются существенные различия по 26 независимым переменным между зонами, где стоянки обнаружены, и зонами, где они отсутствуют. В результате анализа по многомерной логистической регрессии с использованием программного пакета BMDP исследователю удалось правильно классифицировать более 60% стоянок, а также сформулировать ряд требующих решения методических вопросов.

Интересный проект по прогностическому моделированию археологических памятников осуществил Д. Кармайкл в рамках программы BBC США в штате Монтана. Исследования проводились на территории площадью 8500 миль² в северной части центральной Монтаны. В ходе полевых разведок, охвативших примерно 1% рассматриваемой области, обнаружено 1120 археологических памятников и составлена соответствующая ГИС. Первоначально для целей моделирования была произведена выборка. Каждый из вошедших в нее 354 памятников, расположенных на наиболее хорошо обследованных участках местности, был описан географическими переменными (расстояние до постоянной водной артерии, уклон, экспозиция и т. д.). После этого контрольная выборка памятников сравнивалась (тестовой процедурой программного пакета SAS) с группой точек, рассеянных по ландшафту обычным образом. Следующий шаг работы состоял в проведении многомерного анализа путем использования метода логистической регрессии. И в итоге исследователю удалось правильно классифицировать почти 75% точек с памятниками [Carmichael, 1990. P. 216–225].

Второе направление применения ГИС-технологий в археологии состоит в использовании методов ГИС-анализа для извлечения исторической информации из распределения археологических объектов на местности путем его моделирования. Прежде всего это относится к использованию алгоритмов ГИС для осуществления процесса классификации памятников или при региональном пространственном археологическом анализе. Одна из наиболее важных процедур заключается в исследовании исторических закономерностей, скрытых в плотности размещения памятников той или иной категории на местности. К примеру, если мы рассмотрим распределение раннесредневековых скальных могильников в долине Хасаута – Кисловодской котловине, то с помощью соответствующих ГИС-процедур, моделирующих плотность размещения объектов, выясняется следующая картина. На данной территории выделяются четыре основные зоны концентрации скальных могильников (рис. 12). Одна из них приходится на долину р. Хасаут, где наиболее ранние комплексы могут датироваться второй половиной VI – первой четвертью VII в., а поздние – X в. Вторая зона соответствует средней части долины р. Эшкакон; там обнаружен погребальный инвентарь, свидетельствующий о функционировании этих могильников со второй четверти VII до конца IX в. Третья зона приходится на участок долины р. Подкумок в месте впадения в нее р. Эшкакон (район п. Джага). Найденные здесь комплексы хорошо датируются первой половиной VIII в. И, наконец, четвертая зона охватывает сердцевины Кисловодской котловины в районе Замка – Отстойника, где скальные могильники содержат материалы только второй половины VIII – IX в. Естественно, что анализ плотности размещения этих памятников, с учетом их хронологической дифференциации, приводит к выводу о том, что носители скального обряда погребения постепенно продвигались из района Хасаута по долинам Эшкакона и Подкумка в центральную часть Кисловодской котловины. Причем оккупация «скальниками» последней зоны совпадает по времени с уходом оттуда на Средний Дон в середине VIII в. большей части населения – носителей катакомбного обряда погребения.

Второе направление использования ГИС-технологий в археологии хорошо иллюстрируют работы наших американских коллег, И. Уильямса, В. Ф. Лимпа и Ф. Л. Брюе, в зоне расположения военной базы армии США Форт-Худ. В процессе паспортизации археологических памятников на территории площадью почти 340 кв. миль археологическими разведками в течение 10 лет было выявлено 2300 доисторических и исторических памятников. Каждый из доисторических памятников был описан

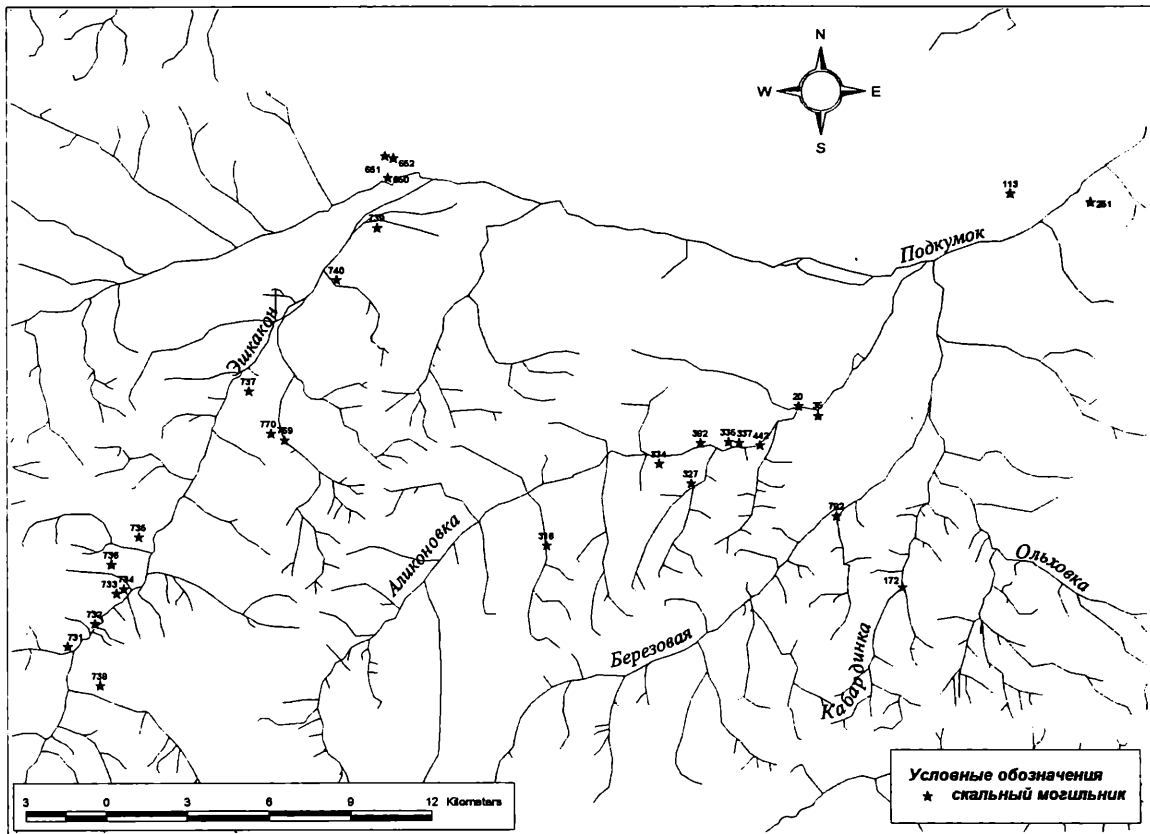

Рис. 12. Карта распределения раннесредневековых скальных могильников на территории Кисловодской котловины

по 60 признакам. Исторические памятники характеризовались 37 признаками. Вся эта информация явилась основой для создания специальной ГИС с использованием программного пакета GRASS. Она дополнялась 31 слоем карт с сопутствующими географическими и сельскохозяйственными данными. В результате пространственного анализа размещения поселений исследователям удалось выделить ряд кластеров, каждый из которых состоял из 20–30 памятников, распределенных на площади диаметром 2–3 км. На основании результатов экзогенной оценки землепользования исследователям удалось разделить поселения на категории по сельскохозяйственной производительности – низкой, средней и высшей [Williams et al., 1990. P. 239–273].

Можно указать и на интересную работу Т. Киркенен, посвященную исследованию памятников эпохи железа в восточной области Финляндии, в районе Миккели. По мнению автора, Финляндия в это время была глушью, и только западные и пограничные с Россией восточные районы были оживлены. Был исследован ряд факторов, таких как типы и качество почвы, на предмет их корреляции с местом расположения поселений железного века. Для построения ГИС использовалось программное обеспечение IDRISI. Главная задача автора состояла в том, чтобы сравнить природные ресурсы в районе расположения поселений с теми, которые имелись на значительном от них удалении. Изначально предполагалось, что наиболее важными факторами, определяющими расположение поселений в том или ином месте, были типы почв и близость воды, что в целом должно было обеспечить плодородие земли. Однако в процессе анализа выяснилось, что и почвы, и расстояние до источни-

ков воды в местах расположения поселений и вне их были одинаковы. Главным же фактором, определявшим выбор места для устройства поселения, были условия для ведения подсечно-огневого земледелия [Kirkinen, 1997].

Третье направление связано с мультидисциплинарными исследованиями в рамках ландшафтной археологии, под которой понимается археологическое изучение пространственного выражения взаимоотношений между человеком и его физическим и социальным окружением. В качестве примера работ в этом направлении можно назвать совместное исследование С. Грина и М. Звелебила, осуществленное на базе доисторических поселений Юго-Восточной Ирландии. Целью этого проекта было получение информации о доисторическом ландшафте окрестностей Уотерфорд-Харбора в аспекте изучения процесса первичной колонизации Южной Ирландии и последующего развития земледельческого общества. Археологические разведки, проведенные на этой территории, выявили около 300 памятников эпохи мезолита – бронзы [Green, Zvelebil, 1990]. Это позволило авторам исследовать взаимодействие культурного и природного ландшафтов на разных временных срезах, акцентируя внимание на анализе потенциальных экономических зон, расстоянии до моря и имитации эффекта уровня моря на берегу и уровня воды в речных системах.

Другой аспект в рамках ландшафтной археологии иллюстрирует работа Р. Мэтлю, предпринявшего удачную попытку реконструкции древнего ландшафта путем анализа пыльцы растений, полученной в результате археологических исследований в Йоркшир-Дейлсе (Англия). Сложность работы состояла в том, что археологически засвидетельствованная пыльца может быть как местного происхождения, так и перенесенной со значительного расстояния. По этой причине автор в процессе создания слоев ГИС предусмотрел базу данных с информацией о почвах региона и базу археологических данных, дополненных радиоуглеродными анализами. В итоге с помощью процедур многомерного анализа ему удалось построить модели археологического ландшафта с растительностью, соответствующие времени конкретных памятников эпох бронзы и железа [Martlew, 1996. P. 293–296].

Особое место в рамках ландшафтной археологии занимает интеграция ГИС- и ДЗ-технологий. Источники дистанционного зондирования включают в себя данные аэро- и космодатосъемки, спутниковых и бортовых сканирующих устройств, спутниковых, бортовых и наземных радаров и т. д. Дистанционное зондирование применяется в археологии уже около 100 лет. Первоначально использовались только аэрофотоснимки, на которых в процессе поиска археологических памятников выявлялись объекты, маркируемые тенью, почвой или растительностью. Первые снимки археологических объектов (Стоунхенджа) были сделаны британским лейтенантом П. Х. Шэрпом в 1906 г. из корзины воздушного шара. После их публикации в археологическом журнале интерес к воздушной археологии стал возрастать, и вслед за англичанами начиная с 1908 г. аэрофотосъемку археологических объектов стали проводить итальянские специалисты. Но более широкие эксперименты в этой области относятся ко времени Первой мировой войны, когда военные летчики проводили систематические съемки руин древних городов на Синае, Балканах, в Месопотамии и в зоне Суэцкого канала. В 1919 г. Л. Рей и Г. Бизли почти одновременно публикуют свои соображения о перспективах применения в археологии воздушной фотографии [Beaseley, 1919. P. 331–335]. Но теоретическое обоснование воздушная археология получила в 1920-х гг. благодаря работам английского исследователя О. Г. Кроуфорда. В 1923 г. он выступил с докладом в Королевском географическом обществе, представив аэрофотоснимки так называемых «кельтских полей» [Crawford, 1929], и опубликовал статью под названием «Что значит аэрофотосъемка для будущего археологии» [Crawford, 1923. P. 9]. Одновременно с ним отработкой методов археологического дешифрирования аэрофотоснимков на примере древнеримских дорог и поселений в Сирии занимался французский исследователь А. Пуадебар. Накануне Второй мировой войны в Иране активно работала американская авиа-археологическая экспедиция под руководством Э. Шмидта. Сразу же после войны систематические работы в

области воздушной археологии в Великобритании проводил Д. Джозеф, собравший большую коллекцию археологических аэрофотоснимков, хранящуюся в Кембриджском университете. Начиная с 1930 г. вплоть до настоящего времени большие работы в области воздушной археологии проводятся в Австрии на базе Института доисторических исследований. И в результате всего этого на территории Западной Европы удалось обнаружить несколько десятков тысяч ранее неизвестных археологических памятников [Goguey, 1968; Agache, 1970; Dassie, 1970]. В зарубежной научной литературе имеется ряд прекрасных обзоров различных методов использования аэрофотоматериалов и имеющихся в настоящее время технических средств. В качестве примера можно упомянуть труды Д. Эберта [Ebert, 1984. P. 293–362], Т. Севера и Д. Вайсмана, С. Л. Мадри [Madry, 1987] и другими. Интерес к воздушной археологии в западных странах не увядает и в наши дни, о чем свидетельствует создание в 1981 г. П. Эшби и Д. Уилсоном международного сообщества Aerial Archaeology Research Group и его активная практическая работа.

В археологической литературе последних лет, авторами которой являются некоторые представители стран, ранее входивших в бывший социалистический лагерь, а теперь входящих в НАТО, иногда можно встретить утверждение, что «железный занавес» в социалистических странах сдерживал применение в археологии аэрометодов. Здесь явно просматривается попытка политизации методики археологического анализа и примитивного противопоставления советской (позже российской) и «западной» науки [Gojda, 1993]. А если говорить по существу дела, данное утверждение применительно к Советскому Союзу – очень глубокое заблуждение, если не сознательная дезинформация западных коллег. В отечественной археологии был также накоплен достаточный опыт по археологическому дешифрированию аэрофотоснимков простыми визуальными методами. Работы в этом направлении были начаты всего лишь на 10 лет позже О. Г. Кроуфорда. Практические эксперименты в области воздушной археологии начались в Советском Союзе еще в 1930 г., и их перспективы были изложены в статье С. П. Павлова «Применение аэросъемки в археологии», опубликованной в 1934 г. [Павлов, 1934]. В том же году при обследовании средневековых каналов Амударьи М. В. Воеводский использовал воздушную разведку. Одновременно с ним В. А. Шишкин исследовал с самолета топографию древнего Термеза. Начиная с 1946 г. воздушная разведка систематически применялась в ходе работ Хорезмской экспедиции в низовьях Амударьи и Сырдарьи, что в самые короткие сроки позволило открыть около 250 ранее неизвестных древних городов и поселений. С 1959 г. в Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова стала проводиться плановая систематическая аэрофотосъемка археологических памятников [Толстов и др., 1962], для чего была разработана специальная методика плановой и перспективной съемки [Виноградов, 1956; Игонин, 1965; Андрианов, 1965]. В итоге удалось не только сделать многие десятки тысяч специальных археологических аэрофотоснимков, но и открыть многие сотни ранее неизвестных археологических памятников, выявить закономерности в географическом размещении разновременных стоянок и поселений, а также изучить обширные области древней ирригации Приаралья.

Довольно результативными оказались проведенные в 1960-х гг. работы К. В. Шишкина по дешифровке с помощью стереоскопа аэрофотоснимков археологических памятников в Нижнем Приднепровье [Шишкин, 1966. С. 116–121]. Исследователь использовал весеннюю и осеннюю аэрофотосъемку местности, сделанную после вспашки. В результате ему удалось прочесть и идентифицировать объекты, скрытые на глубине от 30 до 70 см от современной поверхности земли. Особое внимание К. В. Шишкин уделил Анновскому городищу, где удалось не только определить планировку оборонительных сооружений, но и выявить местоположение некрополя, наметить древние дороги, а также составить схему расположения древних земельных наделов. Использование аэрометода позволило К. В. Шишкину внести много нового в изучение исторической топографии Ольвии [Шишкин, 1982. С. 235–242]. Удалось выявить признаки древних дорог, земельных наделов и усадеб, признаки курганных и бескурганных могильников, что впервые дало возможность определить ос-

новные элементы древней топографии города – поселения, могильники, дорожная сеть, система землепользования.

В 1964–1967 гг. первые опыты по использованию аэрофотосъемки для выявления остатков античной межевой системы и дорожной сети на Маячном и ГераклеЙском полуостровах в Крыму провел А. Н. Щеглов, используя материалы залетов 1956 г. Эту работу он продолжил – параллельно с К. В. Шишкиным – в 1977–1979 гг. на базе материалов залетов 1961 г. [Щеглов, 1993. С. 18–19]. Продолжая изыскания, начатые А. Н. Щегловым, интересное исследование межевания полей херсонесской хоры выполнила Г. М. Николаенко, которая также применяла аэрофотосъемку [1985. С. 11–15]. На пригородной хоре Херсонеса, расположенной на ГераклеЙском полуострове, где насчитывалось несколько сот наделов, с помощью аэрофотосъемки Г. М. Николаенко выявила внутреннюю размежевку 180 наделов. Расчеты их площадей и соответствующие метрологические исследования привели автора к выводу о том, что при межевании полей херсонесской хоры применялся единый принцип, единая система планировки и единая система линейных мер. А это со своей стороны свидетельствует о действии единой метрологической системы на территории всего Херсонесского государства и о контроле над ней со стороны государства.

Результативными оказались и опыты применения аэрофотосъемки в рамках изучения проблем ландшафтной археологии на юге Тилигуло-Днестровского междуречья [Брюяко и др., 1991. С. 37–44]. На основании дешифрирования данных аэрофотосъемки исследователями была проведена реконструкция древних культурных ландшафтов в низовьях Тилигула и Днестра. Впервые им удалось выявить земельные наделы у населенных пунктов античного времени Никоний, Надлиманское 4, Кошары. Особое внимание было уделено выявлению и реконструкции сети древних дорог, топографии и планировке некрополей, планировке жилых кварталов. Все это дало исследователям хороший материал для палеоэкономических расчетов и для палеодемографического моделирования.

Однако не все исследователи приняли на веру утверждение о том, что решетчатый рисунок на аэрофотоснимках окрестностей Ольвии и региона Тилигуло-Днестровского междуречья соответствует системе античной размежевки на лессовых равнинах. Ф. Н. Лисецкий взялся проверить эту гипотезу [Лисецкий, 1994. С. 237–242]. С этой целью он провел анализ соответствия ориентации пространственного рисунка на аэрофотоснимках территориальным особенностям распределения крутизны. В итоге было установлено, что ориентация «осветленных полос», которые являлись маркерами границ земельных наделов, не имеет сопряжения с изолиниями уклонов рельефа. Более того, автор доказал, что система «осветленных полос» находится в непосредственной зависимости от системы древних дорог. Все это привело Ф. Н. Лисецкого к выводу, что решетчатый рисунок на аэрофотоснимках не является природным образованием, а действительно отражает античную систему межевания пахотного фонда.

В 1992 г. Я. М. Паромов завершил многолетнюю работу по составлению археологической карты Таманского полуострова на основе данных дешифрирования аэрофотоснимков различных лет и последующих полевых разведок на выявленных таким образом 245 памятниках. Это исследование предоставило базу данных для написания диссертационной работы, посвященной основным этапам освоения Таманского полуострова в античную эпоху [Паромов, 1994]. Научная новизна ее состояла в том, что это было первое исследование, посвященное античной системе расселения на землях Таманского полуострова на протяжении почти тысячелетнего периода ее развития. Особое внимание Я. М. Паромов уделил изучению античной дорожной сети [Паромов, 1998. С. 216–225] и земельных наделов [Паромов, 2000. С. 309–319].

Опыты по применению аэрофотосъемки на полигоне Таманского полуострова, начатые Я. М. Паромовым, продолжили в 1990-х гг. Ю. В. Горлов и Ю. А. Лопанов. В рамках экологической программы они приступили к обследованию Таманского полуострова с целью изучения организации сельской территории и системы землепользования в азиатской части Боспора. Для работы по дешиф-

рированию они использовали одновременно аэроматериалы двух залетов – конца 1950-х и начала 1970-х гг. Задача исследователей состояла в реконструкции сети древних дорог и мелиоративных каналов, покрывающих Таманский полуостров. По мнению авторов, создание здесь мелиоративной системы в IV–I вв. до н. э. было вызвано специфическими природно-климатическими условиями, а также необходимостью ирригации земель [Горлов, Лопанов, 1995. С. 121–137].

Использовать космические снимки для решения археологических задач в России начали со второй половины 1970-х гг. Одним из полигонов для отработки приемов археологического визуального и стереоскопического дешифрирования космических снимков стала территория Калмыкии. Благодаря использованию космических снимков Е. В. Цуцкину удалось составить археологическую карту Калмыкии, археологическую картосхему Сарпинской низменности и зоны Черноземельской оросительно-обводнительной системы [Цуцкин, 1987. С. 114–133]. Только в зоне предполагаемого строительства канала «Волга–Чограй» с помощью визуального археологического дешифрирования космоснимков было выявлено 730 степных курганов. В опубликованной информации об этих работах исследователь обращает особое внимание на то обстоятельство, что космические снимки в ряде случаев могут быть более информативными, чем аэросъемка. Это обусловлено эффектом просвечивания глубинных элементов Земли при космической съемке. Сравнение информативности различных типов космических снимков привело автора к выводу, что для археологии наиболее информативными являются снимки ближней инфракрасной зоны и ультрафиолетовой [Цуцкин и др., 1982. С. 54–58]. Впервые в археологической практике Советского Союза Е. В. Цуцкин наметил широкую программу археологических исследований в Калмыкии на основе космических снимков.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. в нашей науке стали внедряться более объективные и проверяемые методы компьютерной дешифровки аэро- и космоматериалов. В 1993 г. в Париже по инициативе ЮНЕСКО состоялась международная научная конференция, посвященная проблемам использования космических снимков в археологии в рамках изучения и сохранения общечеловеческого культурного наследства. Конференция продемонстрировала широкие возможности, которые открывает для археологов и представителей смежных дисциплин применение современных аэрокосмических методов дистанционного зондирования Земли. Поднятые в Париже темы нашли дальнейшее развитие на международной конференции в Нарре (1994 г.), где были сформулированы основные направления специальной программы ЮНЕСКО «Космическая археология» [Matsumoto, Vinson, 1996].

В России первые практические опыты в области компьютерного дешифрирования аэрокосмических материалов были предприняты Г. Е. Афанасьевым еще в 1989 г. [Афанасьев, 1993а, б]. В те годы наиболее подходящим для этих целей и доступным для работы был малый комплекс обработки изображений «Микро-СВИТ» малосерийного российского производства. Используемая Г. Е. Афанасьевым модификация этого аппаратно-программного комплекса представляла собой небольшое настольное устройство на четырех платах, подключенное к персональной ЭВМ. В качестве средства кодирования изображений «Микро-СВИТ» допускало подключение телевизионной камеры, а вывод результатов обработки осуществлялся на самостоятельное цветное видеоконтрольное устройство или на периферийные средства персональной ЭВМ. Объектом исследования стал ряд памятников салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья. Был дешифрован аэрофотоснимок Колтуновского городища и его окрестностей в долине р. Тихая Сосна. Удалось выявить ряд элементов поселенческой структуры, которые невозможно было обнаружить визуально на местности. Это древняя дорога, воротный проем, круглоплановое сооружение в центре городища и т.д. Был также проанализирован аэрофотоснимок Пузинского селища в долине р. Оскол, на котором удалось выявить общую систему расположения построек бондарихинской, пеньковской и салтовской культур. Результативными оказались работы и по компьютерному дешифрированию аэрофотоснимка Большого Городища в долине р. Короча, где удалось выявить не

только общую систему расположения построек на площади 7 га, но и, базируясь на различиях в цвете заполнявшего котлованы построек грунта, выделить области построек скифского и салтовского времени.

Углубленный эксперимент по обработке процедур практического применения некоторых методов дистанционного зондирования в археологии был проведен в 1994–1996 гг. Г. Е. Афанасьевым, М. Р. Зотько и Д. С. Коробовым на базе Маяцкого селища салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону [Афанасьев и др., 1999. С. 106–123]. Использовались черно-белые аэрофотоснимки (масштаб 1:12000) территории и окрестностей памятника. Их дополняла спектральная космическая съемка региона. В процессе анализа исходных изображений М. Р. Зотько применял аппаратно-программный комплекс, разработанный российской фирмой «Magis». Параллельно дешифровку тех же снимков проводил Г. Е. Афанасьев, использовавший программу ERMapper 5.5. Такой двусторонний независимый подход к анализу материала позволил обеспечить методическую чистоту лабораторной работы и объективность полученных при дешифровке выводов. В итоге авторским коллективом была составлена карта аномальных пятен территории Маяцкого селища, которые предположительно могли быть связаны с антропогенным влиянием в хазарскую эпоху. Контрольные раскопки, проведенные на месте некоторых из них, полностью подтвердили предположение, что здесь располагались жилые и хозяйственные постройки второй половины VIII – первой половины X в. [Afanas'ev et al., 1997].

В середине 1990-х гг. успешные опыты по компьютерной дешифровке аэрокосмических материалов проводил М. Р. Зотько. Исследователь пользовался аппаратно-программным комплексом «Magis», созданным на базе персонального компьютера с двумя дополнительными платами фрейм-граббера, телемонитором и программным пакетом MAGISOFT [Зотько, 1996. С. 44–56]. В качестве объекта исследования им был выбран участок местности на Евпаторийском полуострове в Крыму. В итоге автору удалось реконструировать планировку древнегреческой системы земледелия (клеров) и определить их временное соотношение с расположенным там же курганом, на котором были выделены прямоугольные структуры подкурганых сооружений (возможно, погребальных камер). Новая информация была получена и в результате компьютерного анализа фотоснимков стратиграфического разреза и планиграфической картины поселения Хоромное 1, расположенного в пойме р. Снов.

Применение дистанционного зондирования в археологии вышло на качественно новый уровень в связи с появлением высокотехнологичных бортовых цифровых систем сканирования, что позволило получать данные с более высоким пространственным разрешением. В отличие от бортовых систем, спутниковое дистанционное зондирование значительно расширяет площадь земной поверхности, которая может предоставлять информацию для изучения в археологическом аспекте. Интерес к этому направлению в археологии в настоящее время столь возрос, что обусловил создание на базе Ноттингемского университета (Великобритания) специальной международной организации археологов под руководством К. Брука – The Archaeology Special Interest Group of the Remote Sensing Society.

К началу 1990-х гг. по всему миру было осуществлено уже более 100 археологических проектов, направленных в основном на изучение использования земель человеком в прошлом. В большинстве из них использовалась система Landsat MSS, имеющая пространственное разрешение 80 м, хотя некоторые проекты использовали более современные системы – Landsat Thematic Mapper с разрешением 30 м. В то время данные дистанционного зондирования были для исследователей в основном источником обзорной информации о земном покрове, и лишь в редких случаях они пытались соотносить признаки археологических памятников со спектральными данными, зафиксированными сканирующими устройствами. Сдерживало применение сравнительного анализа археологических памятников со спектральными сигнатурами данных Landsat MSS именно пространственное разрешение данных MSS. Уже первые шаги по применению ДЗ-технологий в археологии показали, что особую эффективность проявляет мультиспектральный метод дистанционного зондирования, при кото-

ром для локализации памятников используются как данные авиационного зондирования, так и спутниковые данные. В качестве примера можно привести работу К. Мадри на территории Франции, где использовались воздушная разведка и фотографирование, а также данные вертикального картографического анализа и цифровые спутниковые данные Landsat MSS [Madry, 1987].

Одним из удачных примеров комплексного использования ГИС- и ДЗ-технологий в археологии является исследовательский проект К. Крамли и С. Мадри [Madry, Crumley, 1990]. Более 15 лет в Бургундии (Франция), в долине р. Арру по гранту Национального географического общества работала американская междисциплинарная исследовательская группа, в задачу которой входило исследование археологических объектов во взаимодействии с окружающей средой на протяжении почти двух тысячелетий – от кельтского времени до современности. В созданной базе данных для ГИС, построенной на основе программного обеспечения GRASS, в качестве отдельного слоя использовались фотоснимки, полученные со спутника SPOT (французская коммерческая система наблюдений за земельными ресурсами), что фактически является первым опытом применения в Западной Европе для археологического анализа подобных данных. Спутниковые снимки были сделаны в трех спектральных полосах многоспектрального режима с разрешением 20 м и в одной полосе панхроматического режима с разрешением 10 м. В результате обработки спутниковых данных исследователям в 1987 г. удалось выделить и проверить на местности целую сеть древних римских дорог, ведущих в г. Отен. Особое внимание было уделено исследованию кельтских дорог и поиску расположенных вдоль них укреплений в районе Монт-Дардон и Монт-Бевре. Кроме этого, одним из наиболее интересных аспектов данной работы стало моделирование регионального климата. Изучая региональные гидрологические данные и данные по средним температурам Земного шара, исследователи получили возможность соотнести уровни водоносности малых водных артерий исследуемой области с изменениями глобальной температуры. В итоге удалось проанализировать влияние климатических изменений на размещение древних поселений и систему землепользования в прошлом [Madry, Crumley, 1990. P. 364–380].

АРХЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «КИСЛОВОДСК»

Для изучения и мультидисциплинарного анализа археологических памятников Кисловодской котловины методами ГИС- и ДЗ-технологий Г. Е. Афанасьевым при участии А. В. Чернышева и А. В. Кислова создана географическая информационная система «Кисловодск». В ее основе впервые в археологии была заложена идеология интеграции археологической и географической баз данных с базами мультискалярных данных ДЗ местности, базами данных основных климатических характеристик по состоянию на 2000 г., инструментами ГИС, анализа информации ДЗ и моделирования «возмущенного» климата для той или иной точки Кисловодской котловины. Географическая информационная система «Кисловодск» состоит из трех основных блоков.

Первый блок представляет собой базу данных (БД) ГИС, расположенных в виде отдельных слоев в программе Arcview. В ее основе лежит топографическая карта масштаба 1:100000 (листы К-38-1, К-38-2) в двух проекциях. В качестве самостоятельных слоев выступают гидрографическая сеть, изолинии рельефа, современный лесной покров, родники, современные населенные пункты, дороги, аэрофотосъемка территории, выполненная во время двух залетов, а также спектрально-зональная космическая съемка территории. Наконец, завершает БД слой с информацией о 805 археологических памятниках в данном регионе. Последний был создан на основе материалов археологических

карт Н. М. Егорова (1958 г.), Н. Н. Михайлова (1967 г.), Г. Е. Афанасьева (1972 г.), А. П. Рунича (1974 г.), значительно пополненных после 1974 г. разведками В. Б. Ковалевской, С. Н. Савенко, Я. Б. Березина и Д. С. Коробова. В рамках подготовки данного слоя БД ГИС определение географических координат археологических памятников в 1996–2000 гг. осуществлял Д. С. Коробов при активном участии С. Н. Савенко, а в 2001 г. – Г. Е. Афанасьев. Географическое позиционирование проводилось с помощью разработанного фирмой Trimble Navigation приемника «Ensign» GPS, позволяющего теоретически добиться точности локализации точки на местности с ошибкой в 2–32 м, а практически – в 10 м, при использовании опции user range accuracy [Ensign GPS..., 1993. P. 6–33]. Позже использовался приемник «Garmin 3+».

Второй блок археолого-географической системы «Кисловодск» состоит из комплекса многочисленных и разнообразных исследовательских инструментов и процедур для пространственного и сетевого археологического анализа, в основе которых лежат программные модули Spatial Analyst, Network Analyst, а также пакет программ ERMapper 5.5.

Модуль Spatial Analyst помогает раскрыть и лучше понять пространственные взаимосвязи археологических данных, от просмотра и запросов к имеющейся информации до создания интегрированного пользовательского приложения. С его помощью можно ответить, например, на такие вопросы: «Какие области соответствуют максимальной концентрации археологических памятников того или иного типа? Насколько далеко от них расположены другие подобные области? Где расположен тот или иной археологический объект, который находится недалеко от конкретной точки и имеет тяготение к той или иной зоне?». Ответы на подобные вопросы связаны с пространственным моделированием археологических данных, под которым понимается способ описания чего-либо, что нельзя наблюдать непосредственно в настоящее время. Как правило, мы пользуемся моделями для создания упрощенных представлений о действительности. И в этом отношении модуль Spatial Analyst очень полезен, так как позволяет при использовании функции анализа соседства создавать различные полигоны с целью их последующей исторической интерпретации.

Модуль Network Analyst предназначен для решения сетевых задач. Следы древних дорог, а также речные долины, по которым происходили передвижения людей и транспортировка грузов в древности, – это система связанных между собой линейных объектов, которая является сетью. Издревле организация жизнеобеспечения, хозяйственной деятельности строилась с учетом энергетических затрат на передвижение, то есть издревле перед людьми стояла задача наиболее эффективного использования транспортных сетей. Поэтому, если в распоряжении исследователя имеются данные о сетях (древних дорогах, речных долинах) и расположении объектов (поселений, городищ, сельскохозяйственных угодий и т.д.), с помощью модуля Network Analyst он может решать целый ряд задач исторического характера. Среди них – классификация различных типов археологических памятников по отношению к той или иной сети, поиск оптимальных маршрутов передвижения по древним дорогам между конкретными местоположениями, оценка доступности местоположения, поиск ближайшего пункта обслуживания и т.д.

Завершает систему «Кисловодск» **третий блок** – комплекс программ и специальная ГИС для палеоклиматического моделирования в Кисловодской котловине. Упомянутые выше традиционные для ГИС информационные слои первого блока были дополнены слоями, предназначенными для решения некоторых специфических палеоклиматических задач. С этой целью территория Кисловодской котловины была разбита на ячейки 0,5×0,5 км, и для каждой ячейки в виде отдельных слоев БД ГИС по состоянию на 2000 г. была введена информация о годовых суммах среднесуточных температур больше 10°, годовых суммах радиационного баланса, годовых суммах осадков, количестве дней с осадками за год, числе дней со среднесуточной температурой более 10°, гидротермическом коэффициенте и радиационном индексе сухости. Кроме того, в базе данных заключена информация о динамических показателях, таких как среднемесячная сумма осадков, среднемесячная удельная влаж-

ность воздуха, среднемесячная сумма температур воздуха у поверхности земли, среднемесячный модуль скорости ветра. Аналогичная информация была рассчитана и для так называемого «возмущенного» климата, который с большой долей вероятности мог иметь место в первом тысячелетии.

НОВЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДЛЯ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКОГО И ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Что же нового дает эта аппаратно-программная система для исследования и понимания исторической ситуации и исторических процессов, протекавших в прошлом в Кисловодской котловине (рис. 13, цв. вклейка)? Попытаемся ответить на этот вопрос, рассмотрев модели ответственности укреплений аланских племен, сохранившихся в письменных источниках под именем аш-дигоров. Выбор для анализа именно укреплений базируется на предположении о том, что патронимические или родоплеменные башни, укрепления, крепости и т.д. имели особое значение в представлениях средневекового населения Северного Кавказа о своей территории. По этой причине исследование системы распределения раннесредневековых укреплений на местности будет в большей степени (по сравнению с поселениями) полезно при моделировании системы контроля различных родоплеменных структур общества над теми или иными участками Кисловодской котловины.

На региональном уровне анализ взаимосвязей между памятниками может проводиться как синхронно, так и диахронно. При синхронном подходе эти взаимоотношения исследуются и интерпретируются как существующие в определенный момент времени. Диахронный подход направлен на изучение взаимоотношений между памятниками на протяжении определенного периода времени. Наше исследование начнется с применения синхронного подхода к укреплениям V–IX вв., которые рассматриваются как объекты, функционировавшие одновременно. Основной методологический принцип данной работы состоит в том, что адаптивная стратегия, выработанная раннесредневековым населением Кисловодской котловины, создает комплексную паутину взаимодействий и взаимозависимостей, которая связывает общины, оставившие анализируемые памятники, в функционирующее системное целое. Это находит отражение в системе поселений, которая определяется функциональной ролью и моделью интеграции каждой из общин в рамках всеобщей адаптивной стратегии. Для того чтобы реконструировать систему поселений раннесредневекового населения Кисловодской котловины, необходимо определить и оценить сезонность занятий каждой общины в течение годового цикла и функциональную роль той или иной общины в пределах общей адаптивной системы. Это очень сложная и долгосрочная задача, которая требует многолетних и широкомасштабных раскопочных работ и исследований на междисциплинарном уровне. Менее сложна задача реконструкции модели ответственности укреплений за окружающую территорию в границах Кисловодской котловины, которая включает установление количества и пространственного распределения всего ряда памятников. Но даже такая упрощенная реконструкция ставит перед исследователями определенные проблемы, от решения которых зависит качество данных и надежность исторических выводов.

Одной из них является проблема одновременности анализируемых памятников. Несмотря на то что создание региональных хронологий в течение долгого времени было достаточно традиционным занятием в археологии, некоторый прогресс наблюдается только в тех случаях, когда исследователи анализируют погребальные комплексы. Здесь с конца IV по конец IX в. можно говорить о 6 основных культурно-хронологических этапах, некоторые из которых датируются с точностью до 50 лет

[Афанасьев, Рунич, 2001]. Гораздо хуже обстоит дело с поселенческими материалами. Серьезных работ, посвященных хронологической дифференциации раннесредневековых поселенческих древностей Центрального Предкавказья, практически нет. Иногда исследователи северокавказских поселений обращаются за аналогиями к салтовским керамическим древностям и, находя некоторое сходство, используют их в качестве параллелей. Но при этом часто забывается, что в основе салтовской культуры лежит предшествовавшая ей аланская культура Северного Кавказа. А значит, аланская культура имеет более ранние типы тех керамических форм, которые позже представлены в салтовской культуре. Так, например, в культурном слое городища Отстойник (Горное Эхо) встречаются фрагменты кухонных горшков, похожих на салтовские, датируемые VIII–IX вв. На основании этого делается вывод, что данный памятник функционировал в VIII–IX вв. Может быть, это и так. Однако нельзя забывать, что подобные горшки существовали у населения Центрального Предкавказья уже задолго до появления на Дону салтовской культуры, о чем свидетельствуют находки в катакомбных могильниках Мокрая Балка и Клин-Яр и на ряде других объектов. Следовательно, датировать памятник исключительно салтовским временем они не могут. Этот вывод подтверждается и датировками катакомбных могильников, окружающих городище Отстойник. В них явно отсутствуют материалы второй половины VIII – IX в., но широко представлены материалы IV – первой половины VIII в. Таким образом, при определении синхронности рассматриваемых укреплений мы, прежде всего, должны использовать информацию о датировке имеющихся раннесредневековых могильников, связанных с тем или иным укреплением.

Другая проблема состоит в установлении значимых региональных границ. Это довольно сложная тема, которая напрямую связана с ответом на вопросы о том, какого рода различия отражают основные компоненты памятников – функциональные, временные или культурные. Чаше всего археологи просто обходят этот спорный вопрос стороной и определяют границы регионов на основании удобных географических единиц, например таких, как долина реки. Но понятие региональных границ имеет более глубокий смысл. Они очерчивают территорию, занятую определенной палеоэтнографической общностью. Следовательно, проблема установления значимых региональных границ осложнена практической трудностью определения археологическими методами таких единиц, как патронимия, род, племя, общество, – даже в историческом или этнографическом смысле. По всем этим причинам исследователи могут только с большой долей условности предполагать, что связи между материальной культурой двух и более общин обязательно обозначают сходство языков или других этнических показателей.

Возвращаясь к раннесредневековым укреплениям V–IX вв. в Кисловодской котловине (рис. 14, цв. вклейка), следует оговорить, что региональные границы здесь определены, во-первых, на основании географических характеристик, таких как бассейн верхнего Подкумка, вертикальная зональность (расположение памятников на высоте 900–1500 м над уровнем моря), защищенность тремя хребтами (Кабардинский, Джинальский, Боргустанский). Во-вторых, – на основании археологических характеристик, таких как сильные территориальные связи внутри этой группы памятников и их удаленность от синхронных памятников на севере (район Пятигорья), юге (район Кич-Малки – Хасаута), западе (бассейн верхней Кубани) и востоке (верховья Малки). Анализ данных, содержащихся в письменных источниках, приводит к выводу о том, что данное население может быть связано с аш-дигорами. Однако археологические источники не позволяют говорить о полной этнической однородности населения Кисловодской котловины в раннем средневековье. И об этом прежде всего свидетельствует существование здесь на протяжении V–XII вв. двух основных форм погребального обряда: катакомбных могильников и скальных захоронений.

Наконец, еще одна важная проблема состоит в определении полноты выборки. Необходимо ответить на вопрос, является ли информация о наличии в Кисловодской котловине 125 укреплений V–IX вв. (рис. 15) полной или она отражает лишь степень изученности того или иного участка рассмат-

риваемой территории. История изучения археологических памятников региона, изложенная выше, показывает, что разведочные маршруты с достаточной и равной степенью интенсивности охватили практически всю котловину. Пожалуй, только самые верховья Подкумка могут как-то дополнить уже имеющуюся точную информацию. Но это будет не более 5–8 укреплений. Можно вспомнить, что еще в 1960 г. Г. Е. Афанасьевым и Ю. И. Евдокимовым было обнаружено раннесредневековое укрепление на левом берегу Подкумка (несколько ниже по течению от городища Уллудорбунла), которое еще ждет своего исследователя. Кроме того, С. Н. Савенко известно о существовании раннесредневекового укрепления на левом берегу Подкумка недалеко от Уллудорбунла выше по течению реки. По рассказам рано ушедшего из жизни Х. Биджиева, в районе п. Терезе есть еще два раннесредневековых укрепления на левобережье Подкумка. Все эти памятники расположены компактно на небольшом отрезке долины Подкумка в его верховьях и, конечно, в будущем должны быть включены в общий список памятников, представленный в данной работе. Но уже сейчас имеющаяся в нашем распоряжении выборка достаточно репрезентативна. Она

равномерно покрывает почти всю территорию котловины. Правда, остаются белые пятна в той ее части, которая в настоящее время занята городской застройкой Кисловодска. Если сопоставить карту распространения в котловине раннесредневековых укреплений (рис. 16, цв. вклейка) с картой распространения здесь катакомбных или скальных могильников, выясняется, что в подавляющем большинстве случаев катакомбные и скальные могильники территориально тяготеют к конкретным, уже известным городищам. Однако в трех случаях мы имеем информацию о катакомбных могильниках, которые не связаны с известными в настоящее время укреплениями. Действительно, достаточно взглянуть на карту, как сразу же бросается в глаза, что в нижнем течении Аlikоновки, Березовки и Ольховки аланские городища отсутствуют. Естественно возникает вопрос: может быть, условия местности не позволяли их там построить? Нет. Природные условия в местах расположения этих могильников отвечают всем требованиям, предъявляемым к местности при возведении оборонительных сооружений. Здесь имеются подходящие для укреплений отроги, возвышенности на высоком берегу речных долин. Единственным объяснением этот факта может быть то обстоятельство, что остатки укреплений были просто уничтожены в процессе городской застройки Кисловодска. Принимая этот аргумент, мы условно намечаем расположение трех укреплений (в публикуемом ниже общем списке археологических памятников Кисловодской котловины они значатся под именем «Гипотетические») рядом с этими катакомбными могильниками. Таким образом, успех последующего пространственного анализа раннесредневековых укреплений Кисловодской котловины зависит с самого начала от решения проблемы одновременности памятников, репрезентативности материала и установления значимой региональной границы.

Рис. 15. Фрагмент крепостной стены Катыхинского городища (фото 1931–1932 гг.)

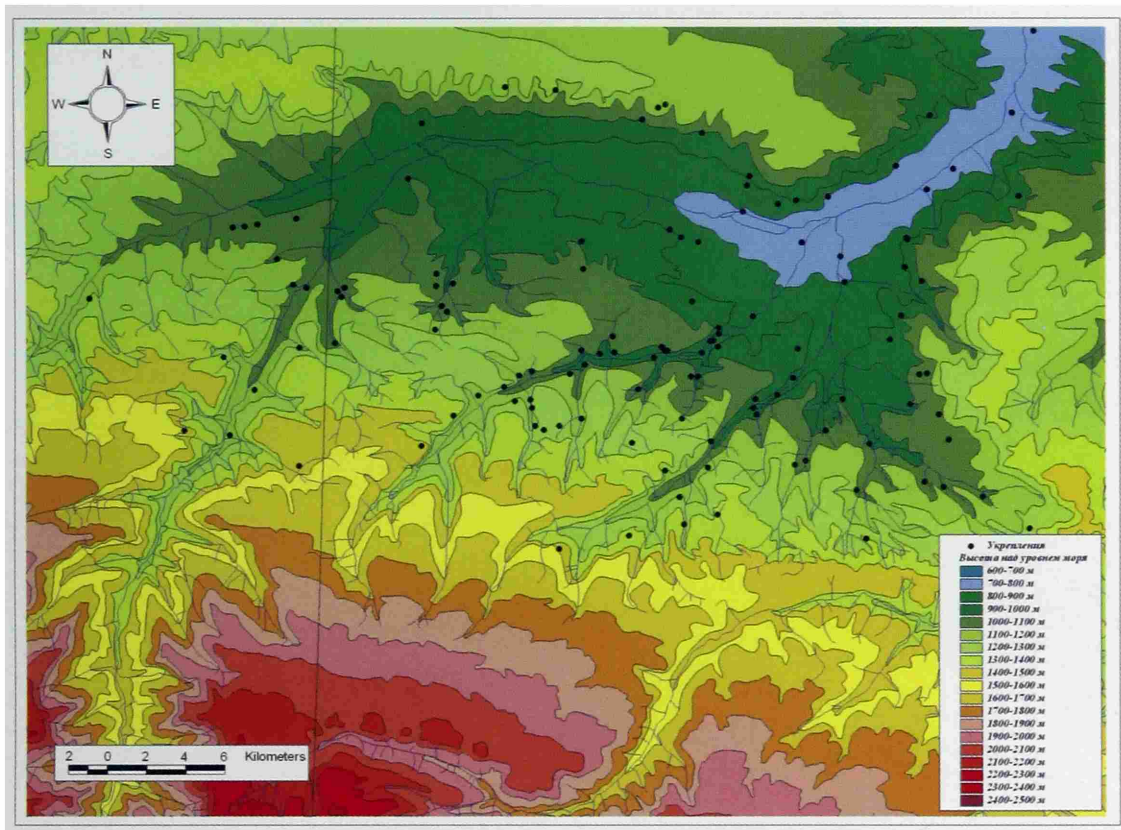

Рис. 13. Карта сопряженности укреплений раннеаланской эпохи с вертикальной зональностью

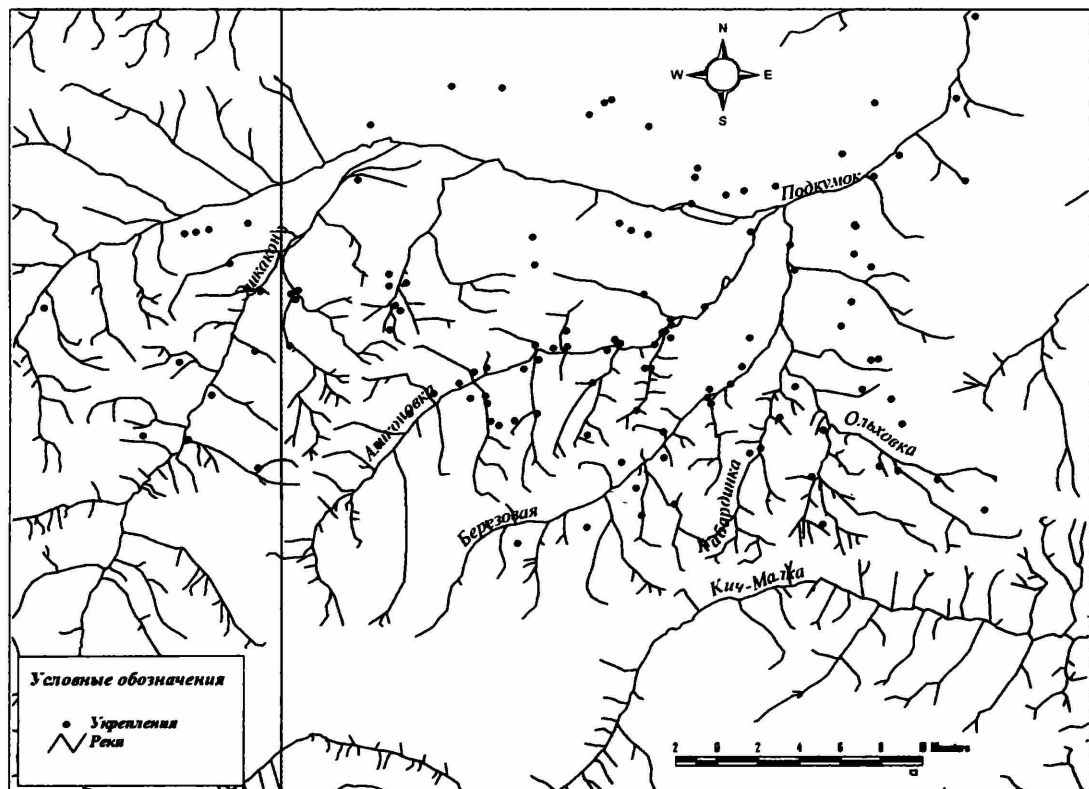

Рис. 14. Карта сопряженности укреплений раннеаланской эпохи с речной сетью

Рис. 16. Городище Левобережное Эшкаконское 3

Рис. 17. Водопадное и Нарт-Башинское городища в долине р. Аlikоновки

Рис. 18. Центральное Эшкаконское городище

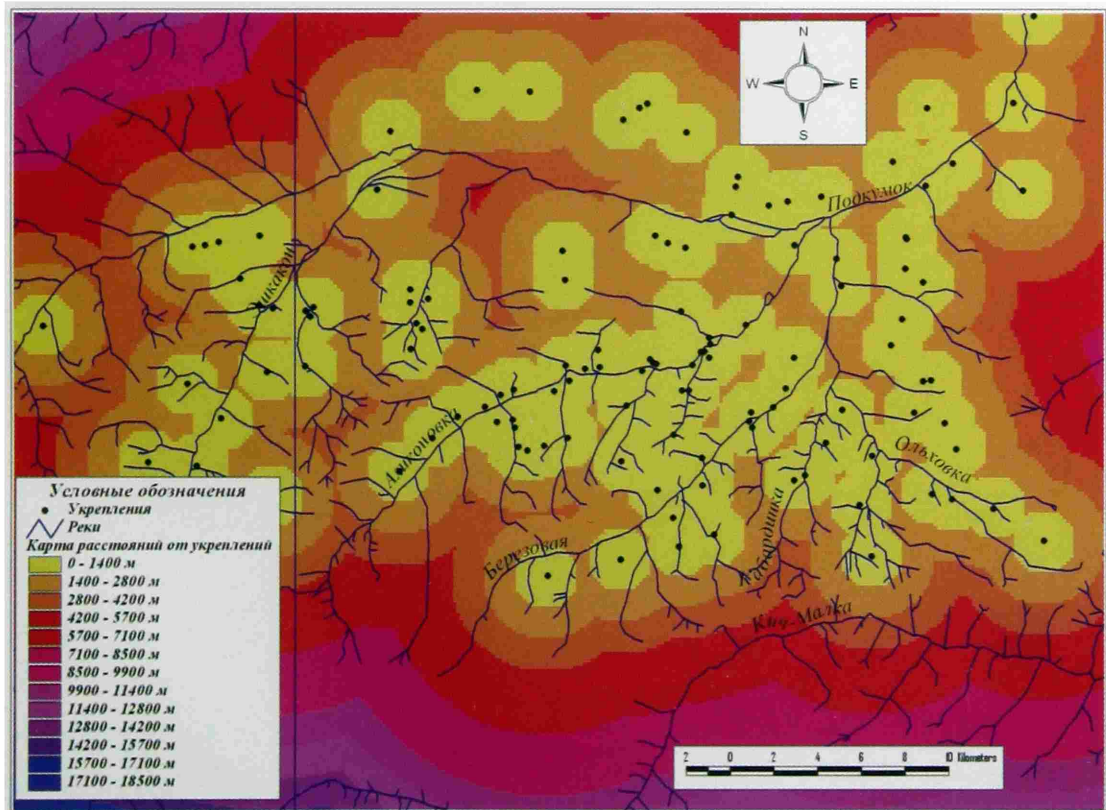

Рис. 19. Карта дистанционных связей между укреплениями в радиусе 1427 м

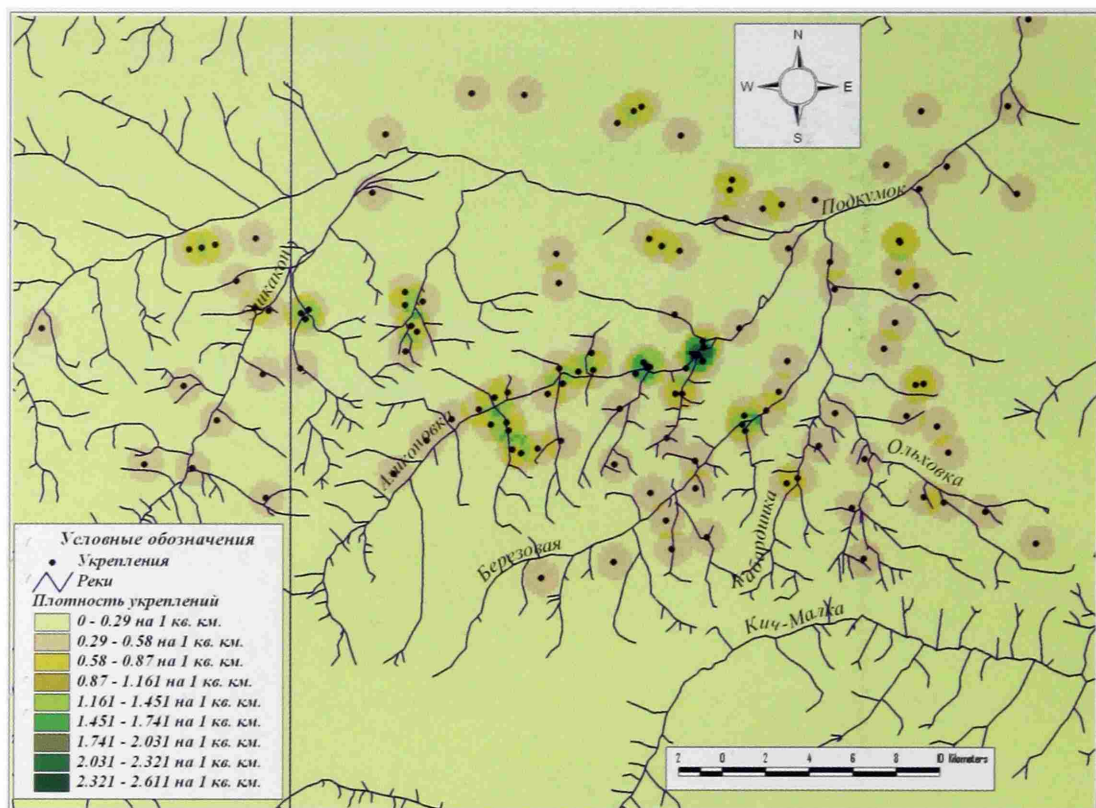

Рис. 20. Карта плотности укреплений в Кисловодской котловине (составлена с использованием метода Density from, тип Simple)

Рис. 22. Построение полигонов Тиссена вокруг раннеаланских укреплений

Итак, если аланские укрепления V–IX вв. Кисловодской котловины в совокупности были элементами общей системы организации обороны в регионе, то возникает закономерный вопрос о классификации этих элементов. Разумеется, систематика таких памятников может осуществляться по самым разнообразным признакам и направлениям. В данном случае нас интересует взаимосвязь укреплений с речной сетью и горными хребтами, окружающими котловину, как природными факторами, значительно влияющими на организацию системы обороны региона. Если допустить, что основные передвижения между укреплениями в раннем средневековье осуществлялись по каньонам – долинам рек, то речная сеть выступает в качестве «сети обслуживания» укреплений – «местоположений» в определенной «области обслуживания» на территории Кисловодской котловины. При использовании соответствующих процедур модуля Network Analyst мы получаем картину, которая дает четкое представление о территориальных взаимосвязях укреплений, речной сети и отрогов горных хребтов. Выясняется, что аланские укрепления Кисловодской котловины четко делятся на две группы. Одни из них (подавляющее большинство) тяготеют к речной сети (рис. 17, цв. вклейка), другие приурочены к изолиниям рельефа местности, вытянутым вдоль отрогов Боргустанского и Джинальского хребтов.

Эта ситуация находит следующее объяснение. Укрепления, тяготеющие к речной сети, вероятно, создавались как элемент обороны конкретной патронимической или родоплеменной группы, которой принадлежала близлежащая территориальная ячейка – полигон местности, использовавшийся для сельскохозяйственных нужд. Как правило, в этих случаях к укреплениями примыкает только одно соответствующее поселение. Что же касается укреплений, расположенных вдоль отрогов Боргустанского и Джинальского хребтов, каждому из них могут соответствовать сразу несколько поселений. Причем иногда они не примыкают непосредственно к укреплениям, а располагаются на значительном от них расстоянии и тяготеют к ближайшей реке. Складывается впечатление, что, выполняя, как и первые, функции патронимических или родоплеменных убежищ, укрепления второй группы предназначались для защиты региона не только по долине Подкумка (центральной водной артерии региона), но и со стороны плоскогорий Боргустанского и Джинальского хребтов.

Любопытные выводы позволяет сделать изучение средних расстояний между раннесредневековыми укреплениями Кисловодской котловины. Если измерять расстояния между памятниками, вытянутыми в одну линию, то среднее расстояние между ними в отрогах Боргустанского хребта составляет 2,9 км, в долине Эшкакона (рис. 18, цв. вклейка) – 2,4 км, в отрогах Джинальского хребта и далее по правобережью Подкумка – 1,8 км, в долине Аликоновки – 0,9 км. В целом среднее расстояние между вытянутыми в линию укреплениями Кисловодской котловины составляет 1,5 км (рис. 19, цв. вклейка). Из этого можно сделать вывод, что для населения Кисловодской котловины в V–IX вв. наиболее предпочтительной для проживания была долина Аликоновки. На втором месте стоит территория отрогов Джинальского хребта – долина р. Ольховки (правобережье Подкумка). Наименьшее предпочтение в V–IX вв. отдавалось левобережью Подкумка.

Эти наблюдения подтверждаются и исследованием плотности расположения раннесредневековых укреплений V–IX вв. (рис. 20, цв. вклейка). При использовании опции Surface from модуля Spatial Analyst мы получаем наглядную картину, отражающую плотность распределения этих памятников на данной территории. На правобережье Подкумка выделяются три зоны с наибольшей концентрацией памятников. Первая зона окружает городище Отстойник (Горное Эхо). Вторая зона занимает междуречье Ольховки и Кабардинки и маркируется таким известным укреплением, как Лермонтовская Скала. Наконец, третья зона находится между левобережьем р. Белая и местом слияния Березовки с Ольховкой, где расположены укрепления Красное Солнце и Туркмения. Вывод о существовании на правобережье Подкумка в V–IX вв. трех зон наибольшей концентрации подобных памятников удачно территориально соотносится с топографией известных в Кисловодской котловине позднесарматских памятников (рис. 21). С первой зоной в большей или меньшей степени

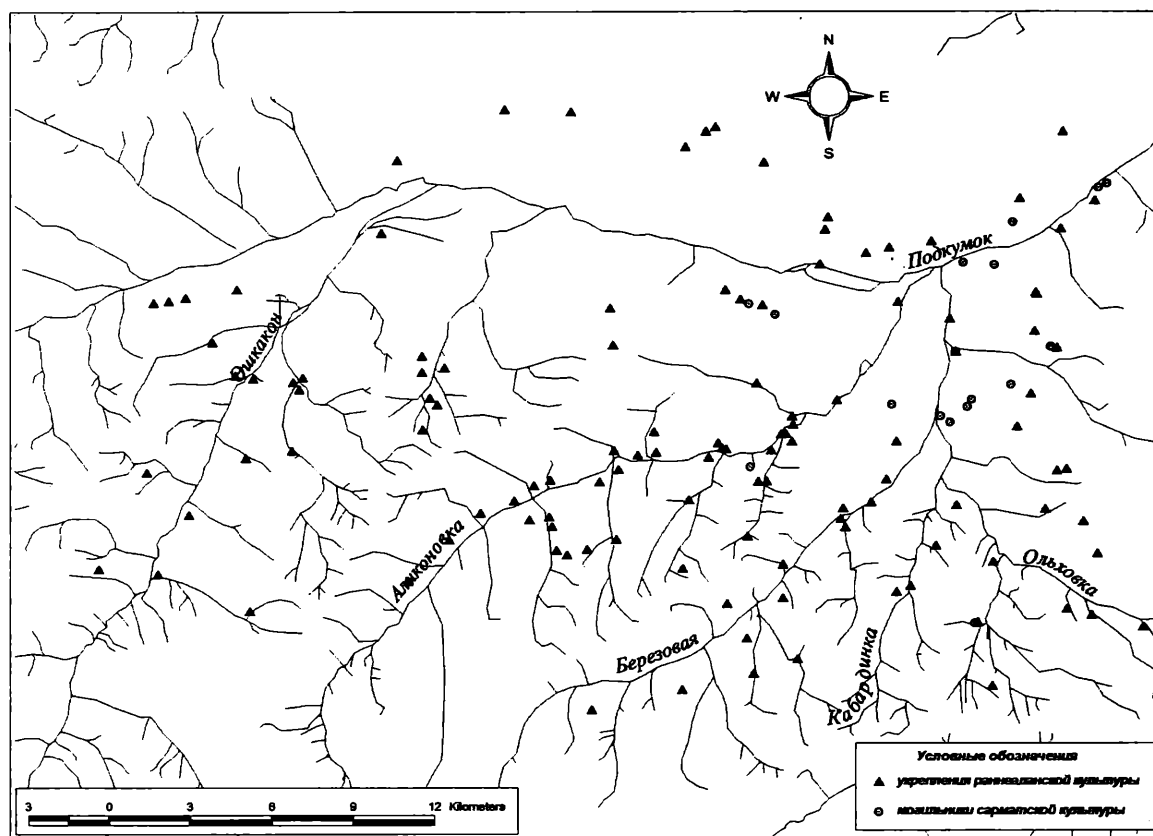

Рис. 21. Карта сопряженности укреплений раннеаланского времени и могильников сарматского времени

сопряжены такие позднесарматские могильники, как Мачты, Замковый 1, Клин-Яр 3, Малый Клин-Яр 1. Со второй зоной сопряжены погребения позднесарматского времени Буденновская Слобода, Кругозор, Церковная Горка, Аэрофлот, Театральный. Исходя из этого, можно высказать предположение, что центральные памятники в среде укреплений V–IX вв. в Кисловодской котловине формировались в тех местах, где обитало население предшествующего, позднесарматского времени.

Связь древних поселений с экологической средой вызывает постоянно растущий интерес ученых, поскольку позволяет значительно повысить информативность археологического материала путем выделения потенциальных экономических зон, отражающих различные стороны человеческой деятельности. Располагая информацией о точном географическом расположении аш-дигорских укреплений V–IX вв. Кисловодской котловины, мы можем их рассматривать как точечные распределения. Следовательно, можно характеризовать и анализировать их с помощью соответствующих процедур пространственного археологического анализа, строить и анализировать модели потенциальных экономических зон, окружающих эти укрепления. Для того чтобы исследовать пространственные характеристики действий людей в прошлом, современная археология воспользовалась рядом аналитических приемов, заимствованных из географии, и успешно применила их на практике. Другие аналитические приемы были заимствованы из теории экологического анализа. В итоге в 1970-х гг. появилось значительное количество специальных работ, посвященных пространственному археологическому анализу.

Большинство археологических работ по моделированию потенциальных экономических зон опирается на методы, связанные с моделью фон Тюнена, созданной еще в 1826 г. Она предполагает, что

население использует окружающую его поселение землю с интенсивностью, соответствующей принципу концентрических колец. Ближайшее кольцо с самой большой интенсивностью эксплуатации предназначено для садоводства и огородничества, из второго кольца поставляют топливо, в третьем расположены поля для зерновых и, наконец, самое дальнее – кольцо для интенсивного выпаса скота. В основе этой модели лежит принцип уменьшения экономической отдачи с увеличением расстояния. Таким образом, за исходное принимается предположение, что основным определяющим фактором при выборе места поселения является наличие и продуктивность природных ресурсов, а также расстояние до них. Поселение рассматривается как точка в центре территории, на которой ведется хозяйство и где обитатели функционального центра добывают средства для существования. Логическое обоснование метода анализа окрестностей, как справедливо отмечала Д. Ропер, является относительно простым. Оно предполагает, что люди в поисках средств существования уходят от своих мест и возвращаются обратно. Экономическую зону вокруг населенных пунктов они используют по-разному, в зависимости от времени года и географического положения участков, но так, чтобы в целом как минимум возместить энергию, затраченную на поиск средств существования [Roper, 1979. P. 119–140].

Анализ окрестностей поселений начинается с определения конкретной территории, на которой происходила хозяйственная деятельность населения. Естественно, что чем дальше человек уходит от своего жилища, тем больше энергии ему приходится затрачивать на добычу ресурсов. Поэтому при определении экономической зоны функциональных центров подразумевается, что с удалением от жилищ уменьшается интенсивность эксплуатации окружающей территории. Как показали М. Джармен, Ч. Витта-Финци, Э. Хиггс и ряд других исследователей, для оседлого земледельческого населения (каким перед нами предстает аш-дигорское население Кисловодской котловины – Г. А.) затраты на эксплуатацию территории достигают неприемлемой величины уже на расстоянии одного часа ходьбы от жилища. Иными словами, на спокойном, непересеченном рельефе экономическая зона населенного пункта должна иметь вид круга с радиусом около 5 км [Jarman et al., 1972. P. 61–66]. Определяющим фактором здесь все же является не абсолютная величина расстояния, а время и усилия, затрачиваемые на преодоление этого расстояния. Действительно, если мы, к примеру, рассмотрим потенциальную экономическую зону городища Уллудорбунла в верховьях Подкумка, то заметим, что земледельческие террасы, относящиеся к этому поселению, располагаются как на левом берегу каньона (там, где расположено городище) так и на правом, противоположном от него берегу. Если левобережные террасы связаны с городищем спокойным рельефом и вполне отвечают условию как пятикилометрового радиуса, так и одного часа ходьбы, то дойти к правобережным террасам значительно труднее. Несмотря на то что расстояние по прямой от городища до правобережных террас составляет около 1 км, необходимо затратить почти 1 час, чтобы спуститься с левого берега и подняться на правый. Таким образом, для условий Кисловодской котловины более подходит временной критерий при использовании метода анализа окрестностей.

Однако в том случае, когда плотность памятников велика, моделирование ресурсных зон или зон ответственности того или иного укрепления с помощью построения окружностей или с использованием только временного критерия становится неэффективным. Действительно, выше уже было показано, что среднее расстояние между укреплениями V–IX вв. в Кисловодской котловине составляет всего 1,5 км, так что построение окружностей не даст ясной модели организации системы ответственности укреплений за определенную территорию, даже при условии спокойного рельефа на некоторых участках. Здесь требуются другие подходы. Одним из них является моделирование с помощью построения полигонов Тиссена. Графически они отображаются при соединении срединных расстояний между памятниками и окружающими их соседями и занимают наименьшее замкнутое пространство. Образующиеся в результате этого полигоны рассматриваются как области, которые можно было бы эффективно обслуживать из поселений, находящихся в центрах полигонов. Данная

аналитическая процедура подразумевает, что каждая точка покрытия (в нашем случае – укрепление) будет иметь свой собственный полигон Тиссена, очерчивающий область исключительного влияния этой точки. Первоначально допуская, что раннесредневековые укрепления Кисловодской котловины существовали одновременно и имели равный вес (в данном случае – количество населения), мы получаем некоторую модель для изучения зон ответственности, или ресурсных зон. Содержательный смысл этой процедуры состоит в том, что с помощью полигонов Тиссена мы можем построить модель зон ответственности вокруг укреплений, а затем рассматривать их и интерпретировать как потенциальные экономические зоны населения, связанного с тем или иным укреплением.

Используя процедуру Slope of Distance to модуля Spatial Analyst, мы получаем картину Кисловодской котловины, где полигоны Тиссена построены для анализируемых укреплений V–IX вв. (рис. 22, цв. вклейка). Нетрудно заметить, что в тех случаях, когда укрепления располагаются довольно близко друг от друга, они объединяются в общий полигон. Так, в общий полигон объединились укрепления, расположившиеся вокруг Замка. То же можно сказать об укреплениях в районе Клиньяра. Аналогичная картина наблюдается для укреплений, расположенных в долине р. Перепрыжки, а также в ряде других случаев. В очерченных границах полигонов наблюдается некоторая закономерность. Так, например, если полигоны тяготеют к долине Подкумка, то, как правило, долина Подкумка выступает в качестве естественной границы между полигонами. В тех же случаях, когда полигоны приурочены к малым рекам, притокам Подкумка, здесь полигоны охватывают оба берега рек, а границы между ними проходят по водоразделам. Если сравнивать между собой полигоны по площади, приходящейся на одно укрепление, сразу же бросается в глаза тенденция к ее уменьшению по мере приближения от окраин котловины к срединной области долины Аликоновки. Эта тенденция удачно соотносится с изложенным выше выводом о том, что именно там, в срединной области долины Аликоновки, располагалось центральное поселение Кисловодской котловины – городище Отстойник. Подобное явление неоднократно отмечалось исследователями и ранее, при изучении «центральнойности» поселений на материалах других археологических культур. А его исторический смысл состоит в том, что экономическая база центрального поселения региона зиждется не столько на сельскохозяйственной эксплуатации окружающей территории, сколько на выполнении обитателями этого центра других функций (административных, культовых, оборонных, ремесленных, торговых и т. д.).

Итак, в нашем распоряжении имеется серия полигонов Тиссена, которые мы можем исследовать в качестве потенциальных экономических зон, связанных с тем или иным укреплением, используя при этом метод анализа окрестностей. Чтобы получить цельную картину, нам необходимо для каждого конкретного полигона определить площади, которые использовались для земледелия, а также те, которые использовались в качестве выпасов. Для каждого конкретного полигона необходимо определить источники воды и по возможности – топлива. Решение всех этих вопросов осложняется тем обстоятельством, что даже в настоящее время климатические характеристики в различных точках Кисловодской котловины значительно отличаются друг от друга, что определяет и особенности ведения хозяйства в том или ином регионе. Было бы ошибкой просто экстраполировать современную ситуацию с сельскохозяйственным землепользованием в регионе на эпоху раннего средневековья. Следовательно, выявляя и оценивая следы землепользования эпохи раннего средневековья, мы должны их увязывать с палеоклиматическими особенностями Кисловодской котловины в I тыс. н. э. Попытаемся наметить пути решения некоторых вопросов, связанных с этой проблемой.

В археологической литературе бытуют различные точки зрения по вопросу не только о формах, но и о степени развития земледелия у раннесредневекового аланского населения Восточной Европы. Довольно большой серией археологических работ неоднократно был показан высочайший уровень развития земледельческой техники у северокавказских алан [Кузнецов, 1971]. Несмотря на это еще встречаются высказывания о том, что культура переселившихся в первой половине VIII в. с Север-

ного Кавказа на Средний Дон алан отражала хозяйственно-культурный тип оседающих nomadов и что даже свои жилища в виде землянок аланы якобы стали строить только благодаря культурному влиянию своих северных соседей – славян [Винников, 1998. С. 108–110]. Для решения этого спора большое значение имеет исследование потенциальных экономических зон северокавказских аланских поселений предмиграционного, предхазарского времени, и в особенности – изучение ранне-средневекового террасного земледелия.

Следы террасного земледелия на Северном Кавказе прослеживаются достаточно четко на обширной территории от Дагестана до Кубани (рис. 23, 24, цв. вклейка). По вопросу о времени создания террас и этнической атрибуции населения, их соорудившего, среди археологов и этнографов нет единодушия. Можно вспомнить, что еще около тридцати лет назад В. А. Кузнецов высказал предположение о том, что у алан Центрального Предкавказья, возможно, практиковалось террасное земледелие [Кузнецов, 1971. С. 71–72]. Предположение основывалось, во-первых, на том, что следы террас и в настоящее время хорошо прослеживаются в ущельях Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, хотя принадлежность их именно аланскому времени автором не доказывалась. Во-вторых, он ссылаясь на исследования В. Г. Котович, согласно которым в Дагестане на эпоху раннего средневековья приходится расцвет террасного земледелия [Котович, 1965. С. 11]. Аналогичные взгляды высказывал и А. Х. Магомедов, с чем был категорически не согласен К. М. Текеев. Он полагал, что террасы в бассейне Кубани были построены карачаевцами [Текеев, 1989. С. 25–30]. Возражая своему оппоненту, он спрашивает: если террасы были созданы аланами, то почему их нет в окрестностях крупнейшего аланского центра – Архыза? Подобную постановку вопроса нельзя считать корректной, поскольку К. М. Текеев оставил без внимания уже известные в то время результаты исследований почвоведов Института географии АН СССР. Работами А. И. Ромашкевич в верховьях Кубани и Дауга еще в начале 1970-х гг. были установлены многочисленные следы террасирования склонов для сельскохозяйственных нужд, связанных с хозяйственной деятельностью аланского населения региона. Она полагает, что время их максимального распространения совпадает с так называемым архызским перерывом, то есть теплым и относительно сухим этапом в истории развития территории. В процессе географических разведок А. И. Ромашкевич обнаружила остатки аланских поселений и участки пашен на высотах от 1300 до 2000 м, начиная от первых надпойменных террас и до современных субальпийских лугов. А. И. Ромашкевич считает, что в целом хозяйственная деятельность аланского населения была очень щадящей, несмотря на широкое возделывание некоторых культур, поскольку на этих территориях отсутствуют следы серьезных антропогенных нарушений. Вместе с тем сохранилось достаточно много следов хозяйственной деятельности, указывающих на стремление аланского населения укрепить поверхности, нарушаемые естественными экзогенными процессами. По мнению А. И. Ромашкевич, террасирование многих склонов для сельскохозяйственных нужд (с поливом напуском) носило в то время культурный характер, сводящий к минимуму разрушение почвенного покрова [Ромашкевич, 1988. С. 126].

Итак, при рассмотрении проблемы северокавказского террасного земледелия прежде всего возникают три вопроса. Во-первых, отсутствует археологическая аргументация, позволяющая судить о времени строительства земледельческих террас в Центральном Предкавказье. Во-вторых, остается неопределенной степень распространения, широта или характерность подобной сельскохозяйственной техники для раннесредневековых обитателей региона. В-третьих, не ясны причины, по которым для сельскохозяйственных нужд устраивались именно трудоемкие и дорогостоящие террасные поля, а не использовались широкие открытые пространства плоскогорий, как это имеет здесь место в настоящее время. Попытаемся ответить на эти вопросы путем анализа информации о террасах в Кисловодской котловине, которая оставалась практически незаселенной на протяжении почти 400 лет, с XIV по XVIII в. (за исключением небольшого абазинского аула близ р. Эшкакон), что создает уникальные условия для исследований в рамках ландшафтной археологии.

Впервые следы террасного земледелия в этом регионе были прослежены А. П. Руничем, Н. Н. Михайловым и Г. Е. Афанасьевым в 1958 г. Во время охранных археологических работ на территории Римгорского некрополя на закате солнца при удачном косом освещении к юго-востоку от могильника вдруг внезапно проявились ровные полосы террас шириной около 10–15 м, резко контрастирующие с общим спокойным наклоном рельефа в сторону правого берега Подкумка. Подобная земледельческая техника была не характерна ни для казачьего населения, появившегося здесь в первой четверти XIX в. и основавшего в этом месте ст. Боргустанскую, ни для карачаевцев, приступивших к активному заселению этого района довольно поздно, в предвоенные годы XX в. Было совершенно очевидно, что открытые террасные поля территориально явно тяготели к городищу X–XII вв. Рим-Гора и прилегающему к нему обширному селищу, однако специальных археологических работ по их изучению в то время не проводилось. Несколько позже, в начале 1960-х гг., при осмотре открытого еще А. Фирковичем городища X–XII вв. Уллудорбунла в верховьях Подкумка, Г. Е. Афанасьев и Ю. И. Евдокимов обнаружили две ярко выраженные группы земледельческих террас. Одна из них располагалась к востоку от городища, на правом берегу Подкумка и правом берегу балки Уллудорбунла, а другая – на левом берегу Подкумка, на плоскогорье, куда от городища с правого берега через пойму Подкумка вела вырубленная в скалах раннесредневековая дорога. Все это, безусловно, указывало на функциональную и хронологическую связь городища и участков с земледельческими террасами. В середине 1980-х гг. при осмотре аланских городищ V–VIII вв. Нарт-Баши и Водопадное на левом берегу Аликоновки Г. Е. Афанасьев и А. Б. Белинский обнаружили еще одну обширную зону земледельческих террас, устроенных в делювиальных отложениях левого берега Аликоновки и так же, как и предыдущие, территориально тяготеющих к этим городищам. Информация об антропогенных террасах в Кисловодской котловине значительно пополнилась в 1990-е гг. благодаря разведкам Д. С. Коробова. Особый интерес представляет комплекс памятников раннего средневековья в бассейне р. Перепрыжка [Коробов, 2001. С. 50], где в первозданном виде сохранился весь комплекс террас, территориально тяготеющих к раннесредневековым городищам. В 1998–2001 гг. работы по изучению антропогенных террас окрестностей Кисловодска проводили почвоведы из МГУ – М. А. Бронникова, И. В. Турова, Э. П. Зазовская и другие, работавшие в то время в составе археологической экспедиции, возглавляемой И. А. Аржанцевой [2001*]. Они картографировали небольшие участки террас на правом берегу Мокрой балки и на водоразделе между правым берегом Катыхинской балки и левым берегом Мокрой балки, территориально тяготеющих к центральному в раннесредневековой Кисловодской котловине городищу предхазарского времени – Замку. В результате проведенных полевых работ исследователи пришли к выводу, что в данном регионе террасирование склонов – это наиболее эффективная технология земледелия, способствующая предотвращению эрозии склонов, а также созданию хороших условий по обеспечению водного баланса в засушливые периоды [Turova et al., 2001. P. 39, 40].

Принципиально новое отношение археологов к остаткам раннесредневекового террасного земледелия как к историческому источнику стало проявляться с возникновением в археологии новых направлений, таких как ландшафтная археология [Aston, 1997], с внедрением в нашу науку таких методик, как пространственный археологический анализ [Афанасьев, 1989; Afanas'ev, 2002. P. 71–80], дистанционное зондирование археологических объектов с использованием аэро- и космоматериалов [Афанасьев, 1998; Афанасьев и др., 1999; Afanas'ev, 2000, 2002. P. 71–80], а также технологий ГИС [Афанасьев, 2002а, б]. Их комплексное использование позволяет совершенно по-новому исследовать взаимосвязи поселений и их потенциальных экономических зон. А совместный с географами мультидисциплинарный подход к изучению археологического источника и его природного окружения открывает совершенно новые, ранее неизвестные исторические явления.

¹ Здесь и далее звездочкой отмечены архивные материалы.

Разведка, проведенная одним из авторов данного проекта в Кисловодской котловине в 2001 г. с целью определения времени строительства земледельческих террас, указывает на очень сильную территориальную связь последних с аланскими городищами и поселениями [Афанасьев, 2002б. С. 252–255]. Это не только уже упомянутые римгорский и уллудорбунлинский комплексы X–XII вв., относящиеся ко времени существования раннефеодальной Алании. В этом регионе земледельческие террасы территориально сильно сопряжены с аланскими городищами и поселениями предшествующего времени – V–VIII вв. И здесь довольно показательна группа из четырех хорошо датированных по подъемной керамике раннесредневековых городищ, разместившихся на правом берегу р. Подкумок близ с. Первомайское (рис. 25). Каждому из них соответствует обширная сельскохозяйственная зона в виде земледельческих террас, покрывающих склон коренного берега Подкумка. Среди них явно выделяется городище Первомайское 1.

Первомайское 1 городище. Памятник расположен на расстоянии 5,2 км по азимуту 256° от известного аланского города – Рим-Горы, на правом берегу Подкумка в с. Первомайское. Он занимает вершину так называемой столообразной горы – останца из песчаника, имеющего со всех сторон неприступные обрывы. Координаты памятника: 43°55'56,7" с. ш. и 42°29'08,4" в. д. Высота над уровнем моря 1080 м. Окружающая городище территория покрыта следами земледельческих террас (рис. 26).

Первомайское 2 городище находится на расстоянии 2,2 км по азимуту 260° от Первомайского 1, на правом берегу Подкумка у с. Первомайское. Это высокий холм без обрывов, но с очень крутыми склонами. Вершину прорезают два рва глубиной около 4 м. Выбросы образуют два вала. Оба имеют следы грабительских раскопок. Отсюда хорошо видны городища Первомайское 1 и Рим-Гора. Координаты памятника: 43°55'44,7" с. ш. и 42°27'29,7" в. д. Высота над уровнем моря 1110 м. К юго-западу от этого памятника прослеживается ров, отделяющий от основной возвышенности участок более пологого склона, который мог использоваться в качестве земледельческой террасы.

Рис. 25. Фрагмент аэрофотоснимка с раннесредневековыми городищами близ с. Первомайское 1 – Первомайское 1; 2 – Первомайское 2; 3 – Первомайское 3; 4 – Первомайское 4

Рис. 26. Фрагмент аэрофотоснимка с городищем Первوماйское 1 и его сельскохозяйственной округой

1 – городище; 2 – сельскохозяйственные террасы

Первوماйское 3 городище расположено на расстоянии 1,8 км по азимуту 260° от Первوماйского 1, на правом берегу Подкумка у с. Первوماйское. Это высокая возвышенность с эскарпом. В центральной части сохранились следы каменной башни. С западного склона прослеживается древняя дорога, которая под углом 40–45° поднималась из поймы Подкумка. Перешеек, соединяющий городище с напольной стороной, прорезан рвом. Координаты памятника: 43°55'46,1" с. ш. и 42°27'48" в. д. Высота над уровнем моря 1080 м. К югу и востоку от памятника склоны возвышенности покрыты следами сельскохозяйственных террас.

Первوماйское 4 городище находится на расстоянии 1,4 км по азимуту 260° от Первوماйского 1, на вершине правого берега Подкумка близ с. Первوماйское. Сохранились остатки башни. С восточной стороны к башне примыкают сельскохозяйственные террасы шириной около 10 м. Координаты памятника: 43°55'49,4" с. ш. и 42°28'08,2" в. д. Высота над уровнем моря 1050 м.

Другой пример тесной территориальной связи раннеаланских городищ с сельскохозяйственными террасами дает Теплушкинская агломерация археологических памятников (рис. 27), открытых одним из авторов в 2001 г.

Теплушкинское 1 городище. Расположено на левом берегу р. Большая Теплушка в месте ее слияния с р. Малая Теплушка на расстоянии 1,8 км по азимуту 001° от Ниязбековского городища. По микрорельефу хорошо читается крепостная стена с воротным проемом. В центральной части – каменное сооружение высотой 2–3 м (вероятно, башня) со следами грабительского раскопа. В нем видны остатки крупных блоков. Координаты точки в центральной части памятника: 43°54'36,5" с. ш. и 42°30'15,4" в. д. Высота над уровнем моря 1080 м. К памятнику территориально тяготеет обширная зона сельскохозяйственных террас.

Теплушкинское 2 городище. Расположено напротив предыдущего на правом берегу р. Теплушка на расстоянии 2 км по азимуту 003° от Ниязбековского городища. Городище занимает территорию мыса в месте слияния двух балок (рис. 28, цв. вклейка). С напольной стороны его защищает

Рис. 27. Фрагмент аэрофотоснимка с Теплушкинской агломерацией раннесредневековых памятников

1–3 – укрепления; 4 – сельскохозяйственные террасы

глубокий ров. Образовавшийся останец высотой 8 м со всех сторон защищен отвесными скалами. С правой и левой сторон на нижней площадке расположены две крепостные стены, идущие от края обрыва к останцу. Таким образом, они защищают нижнюю площадку. Координаты памятника: $43^{\circ}54'41,4''$ с. ш. и $42^{\circ}30'18,5''$ в. д. Высота над уровнем моря 1050 м. Памятнику соответствует обширная зона сельскохозяйственных террас (рис. 29).

Теплушкинское 3 городище. Расположено на левом берегу Малой Теплушки на небольшом мысу на расстоянии 1,8 км по азимуту 001° от Ниязбековского городища. На его вершине прослеживается кладка из блоков. Общие размеры сооружения достигают 8×8 м. Толщина отдельных блоков около 1 м. Вероятно, это остатки башни. Координаты памятника: $43^{\circ}54'36,5''$ с. ш. и $42^{\circ}30'15,8''$ в. д. Высота над уровнем моря 1080 м. Памятнику соответствует обширная зона сельскохозяйственных террас.

Рис. 29. Земледельческие террасы городища Теплушкинское 2. Фрагмент аэрофотоснимка

Для ответа на вопрос о степени распространенности системы террасного земледелия у ранне-средневекового населения Кисловодской котловины обратимся к памятникам, расположенным в долине р. Аликоновка. Проведенные в 2001 г. полевые исследования [Афанасьев, 2002б. С. 252–255] показали, что начиная от уже упомянутого городища Замок следы террасного земледелия, связанные с раннеаланскими памятниками этой долины, тянутся по делювиальным высотам левого и правого берегов на протяжении почти 20 км. Как правило, они расположены в пределах 900–1500 м над уровнем моря.

Укрепление Напротив Катыхинской Балки 1. Памятник расположен на левом берегу р. Аликоновка напротив правого ее притока – Катыхинской балки. Укрепление находится на расстоянии 1,4 км по азимуту 257° от городища Замок и на расстоянии 4,8 км по азимуту 080° от городища Указатель. На двухступенчатом мысу прослеживаются остатки башни. Она имеет координаты $43^\circ54'37,2''$ с. ш. и $42^\circ38'51,3''$ в. д. Высота над уровнем моря 990 м. К западу от памятника высоты второй террасы имеют следы земледельческих террас.

Укрепление Напротив Катыхинской Балки 2. Памятник расположен на левом берегу р. Аликоновка напротив правого ее притока – Катыхинской балки. Находится на расстоянии 0,1 км по азимуту 318° от предыдущего. Визуально здесь прослеживаются остатки башни, от которой на поверхности видны несколько блоков. Координаты памятника: $43^\circ53'40,5''$ с. ш. и $42^\circ38'47,8''$ в. д. Высота над уровнем моря 990 м.

Укрепление Напротив Катыхинской Балки 3. Памятник расположен на левом берегу р. Аликоновка и правом берегу оврага, впадающего в ее долину слева. Он находится в 0,3 км по азимуту 297° от предыдущего. Таким образом, два предыдущих укрепления расположены на левом берегу этого оврага, а описываемое – на противоположном. Складывается впечатление, что мыс, образованный этим оврагом и долиной Аликоновки, перегорожен стеной, о чем свидетельствует микрорельеф. Ближе к оконечности прослеживается башня или курган. Она имеет координаты $43^\circ53'44,1''$ с. ш. и $42^\circ38'36,5''$ в. д. Высота над уровнем моря 990 м. К западу от памятника высоты имеют следы трех линий земледельческих террас.

Земляное городище Арбакол 2. Памятник расположен на левом берегу р. Аликоновка на расстоянии 1,6 км по азимуту 280° от предыдущего, 3,1 км по азимуту 065° от городища Указатель и 3,3 км по азимуту 273° от городища Замок. В отличие от других, он расположен на высотах второй террасы Аликоновки. Небольшой мыс, образованный впадающей слева в Аликоновку балкой, отрезан от основных высот глубоким рвом. Крутые склоны мыса покрыты примерно шестью линиями земледельческих террас. Координаты памятника: $43^\circ53'53,9''$ с. ш. и $42^\circ37'25,6''$ в. д. Высота над уровнем моря 1080 м.

Городище Красные Пески. Расположено на мысу, образованном долиной р. Аликоновка и правым берегом балки, впадающей в нее слева (на левом берегу этой балки расположено земляное городище). Находится на расстоянии 0,8 км по азимуту 215° от предыдущего. Памятник расположен на самой оконечности мыса, нависающего над Красным карьером в долине Аликоновки. По микрорельефу здесь хорошо прослеживаются остатки стены и башни. Координаты памятника: $43^\circ53'33,6''$ с. ш. и $42^\circ37'06,0''$ в. д. Высота над уровнем моря 1050 м. К западу от памятника склоны высокого левого берега долины имеют следы земледельческих террас.

Зуретинское укрепление. Памятник расположен на мысу левого берега р. Аликоновка на расстоянии 0,6 км по азимуту 279° от предыдущего. По микрорельефу прослеживаются остатки стены и построек. Координаты укрепления: $43^\circ53'37,2''$ с. ш. и $42^\circ36'37,3''$ в. д. Высота над уровнем моря 1050 м. Склоны высокого левого берега долины имеют следы земледельческих террас.

Городище Указатель. Расположено на мысу левого берега р. Аликоновка и левого берега глубокой балки, впадающей в нее слева, в районе турбазы «Медовые водопады». По дну этой балки проходит дорога, соединяющая турбазу с п. Конзавод. Памятник находится на расстоянии 6,9 км по

азимуту 096° от Ниязбековского городища и на расстоянии 6,2 км по азимуту 260° от городища Замок. Координаты памятника: 43°53'11,7" с. ш. и 42°35'21,4" в. д.

Водопадное городище. Расположено выше предыдущего по мысу левого берега р. Аликоновка и правого берега глубокой балки, впадающей в нее слева в районе турбазы «Медовые водопады». Находится на расстоянии 0,5 км по азимуту 251° от городища Указатель. Координаты памятника: 43°53'06,8" с. ш. и 42°35'02,1" в. д. К северу от городища прослеживаются земледельческие террасы.

Нарт-Башинское городище. Расположено выше предыдущего по мысу левого берега р. Аликоновка на расстоянии 1,1 км по азимуту 240° от городища Указатель. Координаты памятника: 43°52'53,6" с. ш. и 42°34'38,9" в. д. К северо-западу от городища склоны делювиальных высот покрыты земледельческими террасами.

Медовое городище. Памятник расположен на левом берегу Медовой балки на мысу, образованном слиянием Медовой балки и долиной р. Аликоновка, в которую Медовая балка впадает справа. Находится на расстоянии 1,2 км по азимуту 208° от городища Указатель. Оконечность мыса отделена с напольной стороны крепостной стеной и башней. Хорошо прослеживаются очень крупные блоки. Координаты точки на башне: 43°52'37,5" с. ш. и 42°34'56,5" в. д. Высота над уровнем моря 1230 м. К юго-западу от городища склоны высоты покрыты земледельческими террасами.

Медовое Правобережное 1 укрепление. Памятник расположен на правом берегу Медовой балки, правого притока Аликоновки, и на правом берегу оврага, впадающего справа в Медовую балку. Здесь хорошо прослеживаются остатки каменной стены, вероятно оборонительной, идущей параллельно склону оврага; к ней примыкают помещения. К югу от них, на высотах водораздела между Медовой и Конхуторской балками, прослеживаются четыре параллельных ряда сельскохозяйственных террас. Координаты памятника: 43°52'11,1" с. ш. и 42°35'28,6" в. д. Высота над уровнем моря 1260 м.

Медовое Правобережное 2 укрепление. Памятник расположен на правом берегу Медовой балки, правого притока Аликоновки, на небольшом мысу. Хорошо прослеживаются остатки прямоугольной башни размерами 4,7×2,6 м. Толщина блоков основания башни 0,25 м. Сразу за башней на плоскогорье первой террасы Медовой балки прослеживаются земледельческие террасы. Кроме того, шесть рядов земледельческих террас прослеживаются по склону водораздела между Медовой и Конхуторской балками. Координаты памятника: 43°52'1,4" с. ш. и 42°35'23,3" в. д. Высота над уровнем моря 1260 м.

Медовое Правобережное 3 укрепление. Памятник расположен на правом берегу Медовой балки, правого притока Аликоновки. Остатки каменных строений, в совокупности формирующих, возможно, укрепление, прослеживаются в точке, имеющей следующие координаты: 43°52'39,8" с. ш. и 42°35'20,1" в. д. Высота над уровнем моря 1230 м. На плоскогорье, примыкающем к укреплению, видны следы земледельческих террас. Такие же террасы прослеживаются и на склонах водораздела между Медовой и Конхуторской балками.

Конхуторское городище. Памятник расположен на правом берегу Аликоновки и на левом берегу Конхуторской балки. Он занимает территорию узкого мыса, направленного в долину Аликоновки. Здесь отчетливо прослеживаются две башни, между которыми проходит крепостная стена, отгораживающая мыс с напольной стороны. На территории памятника видны несколько вертикально стоящих стел. Координаты точки на крепостной стене: 43°53'10,3" с. ш. и 42°36'20,0" в. д. Высота над уровнем моря 1240 м. На плоскогорье, примыкающем к оборонительным сооружениям, и на высотах между Конхуторской и Медовой балками видны следы земледельческих террас.

Конхуторское Правобережное 1 городище. Памятник расположен на мысу, образованном правым берегом Конхуторской балки и правым берегом Аликоновки, прямо напротив Конхуторского городища. Мыс с напольной стороны отделен эскарпом и укреплен башней, остатки которой прослеживаются по микрорельефу. К югу от укрепления северные склоны водораздела между Конхутор-

ской и Катыхинской балками покрыты средневековыми земледельческими террасами. Здесь же хорошо прослеживается эскарп склона, вертикальная зачистка для выхода родников. Координаты памятника: 43°53'21,3" с. ш. и 42°36'43,1" в. д. Высота над уровнем моря 1110 м.

Конхуторское Правобережное 2 городище. Памятник расположен на правом берегу Конхуторской балки и на правом берегу оврага, в нее впадающего. Здесь по микрорельефу прослеживается группа каменных построек, вытянутых вдоль оврага. Центральной фигурой комплекса является каменная стена, вытянутая вдоль оврага, от которой отходят стены, образующие отдельные помещения. Координаты памятника: 43°52'20,4" с. ш. и 42°36'40,3" в. д. Высота над уровнем моря 1230 м. Склон водораздела между Конхуторской и Катыхинской балками, обращенный в сторону описываемого памятника, покрыт земледельческими террасами.

Рассмотренные выше памятники позволяют ответить на первый поставленный вопрос – о датировке террас. Сделанные наблюдения приводят к твердому убеждению, что имеется более всего оснований связывать остатки земледельческих террас с раннесредневековыми укреплениями (рис. 30, 31, цв. вклейка). Одновременно находится ответ и на второй вопрос. Количество и плотность террас, зафиксированных в долинах Эшкакона и Аликоновки близ раннесредневековых аланских укреплений, наглядно свидетельствует о чрезвычайно широком распространении этой земледельческой техники у аш-дигорского населения региона.

Рис. 30. Фрагмент аэрофотоснимка с Ниязбековским городищем и его сельскохозяйственной округой

1 – городище; 2 – земледельческие террасы

Остается найти ответ на третий вопрос: а зачем были нужны террасы? Ведь в настоящее время для сельскохозяйственных нужд здесь широко используются равнинные территории котловины. Причина террасного размещения сельскохозяйственных угодий и их структура, несомненно требовавшая больших трудозатрат при организации и освоении, вызывают определенный интерес. Сельскохозяйственные угодья раннего средневековья непосредственно соседствуют с зонами относительно равнинной местности, которые, по современным представлениям о ведении сельского хозяйства, более удобны для освоения – например, вследствие морфологии (малые уклоны), хорошей освещенности, транспортной доступности, меньших трудозатрат на освоение и т. п. Поэтому определение причин приурочивания зон сельскохозяйственной деятельности носителей аланской культуры к достаточно крутым склонам, по нашему мнению, позволит раскрыть неизвестные закономерности в поведении человека эпохи раннего средневековья, особенности его взаимосвязей с окружающей палеосредой и интерполировать полученные знания в частности для оценки хозяйственной и рекреационной комфортности как других палеоландшафтов, так и современных природно-территориальных комплексов. Концептуально вынос зоны сельскохозяйственного земледелия в древние эпохи на достаточно крутые склоны и их террасирование могут быть обусловлены рядом причин. В частности, это может объясняться сдвигом границ ландшафтных зон, например сильной залесенностью выположенных участков и борьбой с эрозией и сносом почвенного покрова на склонах (гумидный тип микроклимата на исследованной территории). Или борьбой за сохранение влаги в почве и верхнем слое измельченной материнской породы на склонах в связи с засушливым характером климата на открытых выположенных участках (аридный тип микроклимата).

В целях подтверждения той или иной концепции Г. Е. Афанасьев, А. В. Кислов и А. В. Чернышев поставили перед собой задачу с достаточной долей достоверности оценить на исследуемой территории устойчивость ландшафтов и их границ к возможным флуктуациям климатических параметров, то есть выполнить моделирование состояний микроклимата в зависимости от пространственно-временных изменений глобального климатического процесса [Афанасьев и др., 2002. С. 66–79]. Кроме того, учитывая пространственный аспект исследуемых объектов, необходимо иметь возможность оценить динамику и характерные особенности процесса ландшафтообразования с использованием адекватных картографических моделей, то есть выполнить математико-картографическое моделирование состояний ландшафтов в зависимости от изменений климатических факторов.

Решение задачи включало следующие этапы:

- построение цифровой картографической основы на базе среднемасштабных топографических карт исследуемой территории;
- расчет основных морфометрических показателей (крутизна склонов, экспозиция и закрытость горизонта) для элементарных территориальных объектов, отнесенных к сетке квадратов $0,5 \times 0,5$ км;
- моделирование микроклиматических показателей на период 2000 г. и оценка их адекватности реальным данным;
- определение типов ландшафтов и их границ по данным микроклиматического моделирования и их картографирование;
- моделирование гипотетического (возмущенного) климата, оценка и картографирование соответствующей ему ландшафтной обстановки;
- структурирование баз данных и картографических моделей в виде специальной геоинформационной системы.

Моделирование локальных особенностей климата осуществляется следующим образом. Сначала с помощью модели общей циркуляции атмосферы (МОЦА) воспроизводится планетарный климатический режим. Далее значения переменных, относящиеся к исследуемому региону, преобразуются в региональную модель, с «привязкой» к специфическим формам рельефа. На заключительном

локальном этапе осуществляется адаптация метеорологических величин к особенностям растительного и почвенного покрова. В качестве МОЦА используется модель T21L15 (21 гармоника в пространственном разрешении уравнений гидротермодинамики атмосферы на сфере, 15 σ -уровней по вертикали), имеющая в своей основе соответствующую версию модели Гидрометцентра РФ [Курбаткин и др., 1994]. Температура поверхности океана в процессе моделирования задается помещенно.

Интересующий нас полигон находится в пределах ячейки МОЦА с границами $\sim 44\text{--}50^\circ$ с. ш. и $42\text{--}48^\circ$ в. д. Он имеет площадь 20×30 км, диапазон изменения абсолютных высот – от 800 до 2400 м. Территория полигона была нами разделена на микроячейки размером $0,5 \times 0,5$ км, в пределах которых топографические, климатические и ландшафтные свойства предполагаются постоянными. В каждой из микроячеек был осуществлен расчет крутизны и ориентации поверхности, а также закрытость горизонта. Эти вычисления проводились для регулярной прямоугольной сетки на основе цифровой модели рельефа. Она была создана интерполяцией по цифровой карте горизонталей масштаба 1:100000 с использованием модуля MAGSURF, разработанного в Лаборатории автоматизации кафедры картографии и геоинформатики географического факультета МГУ. Для того, чтобы состыковать информацию, воспроизведенную в ячейке МОЦА, с локальным климатом каждой микроячейки, необходимо было реализовать «передаточную функцию». Для этого авторы использовали региональный блок, в котором с помощью уравнения бюджета тепла и влаги была осуществлена привязка данных МОЦА (температуры, влажности, потоков тепла и другое) к абсолютной высоте и рельефу каждой микроячейки.

На заключительном этапе рассчитывалось распределение температуры и влагосодержания воздуха в приземном слое атмосферы и в деятельном слое почвы. Эти характеристики определялись из решения уравнений баланса энергии и влаги, записанных для следующих переменных: температура и влажность воздуха внутри 2-ярусной растительности, температура и влагосодержание в почве, представленные 3-слойной моделью [Розинкина, 2001]. В данном исследовании акцент сделан на изучение сравнительно небольших вариаций климата, наподобие тех, которые имели место в субатлантическое время. Их генезис полностью не изучен, однако есть основания считать, что вклад в их формирование вносили стохастические автоколебания в системе «океан–атмосфера», а также возмущения радиационного режима, возникающие из-за колебаний солнечной активности и при сильных вулканических извержениях [Кислов, 2001]. Моделирование автоколебаний осуществить сложно – для получения статистически надежного результата требуется интегрирование климатической модели, объединяющей атмосферу и океан, на сотни лет. Это технически трудноосуществимое мероприятие, и поскольку такие модели еще несовершенны, а календарь изменений солнечной активности изучен плохо, твердая надежда на успех отсутствует.

Иной, более упрощенный подход заключается в том, чтобы исследовать отклик одной из сред (атмосферы или океана) на заданное состояние другой. Будем считать, что взаимодействие атмосферы и океана и изменчивость внешних факторов породили некоторую аномалию температуры поверхности океана. Задавая ее пространственную картину, можно на основе моделирования определить то глобальное состояние атмосферы, которое ей соответствует. Его отличие от современного климата и будет представлять собой интересующую нас климатическую вариацию. Такого рода аномалию трудно соотнести с каким-то календарным моментом времени, однако можно считать, что она в некотором смысле типична. На основе данного подхода был разработан следующий сценарий, позволяющий генерировать возмущения глобального климата в рамках МОЦА. Предполагалось, что аномалия температуры океана затрагивает северную часть Атлантического океана ($30\text{--}60^\circ$ с. ш.). Это разумное предположение, поскольку именно этот район действительно является одним из ключевых с точки зрения генерации климатической изменчивости северного полушария разных масштабов. Пространственное распределение аномалии температуры представляло собой диполь: поло-

жительные отклонения в субтропиках, отрицательные – в умеренных широтах, причем суммарное изменение температуры оказывается равным нулю. Максимальная величина аномалий взята менее $0,8^{\circ}\text{C}$ (по модулю).

Интегрирование глобальной модели было осуществлено по двум наборам данных – для современного климата и для рассмотренного «возмущенного» случая. Первая модель позволяет оценить надежность выбранного подхода на основе сопоставления модельных и реальных (измеренных) климатических параметров. В данной работе в координатах годовых сумм осадков (ΣP) и годовых сумм средних суточных температур выше 10°C ($\Sigma t_{>10^{\circ}\text{C}}$) построена гидротермическая схема растительных формаций [Гребенщиков, 1974]. Контуры ареалов располагаются не изолированно, они часто накладываются друг на друга, то есть различные формации могут существовать в одинаковых климатических условиях. Это создает проблемы при попытках однозначной интерпретации реакции растительного покрова на вариации климата. Чтобы избежать этих проблем, некоторые ареалы были объединены. Использование данной схемы позволяет оценить тенденцию изменений растительного покрова, которые произойдут при изменениях климата, выраженных соответствующими показателями.

Для хранения исходной информации (структура рельефа, гидрографическая сеть, типы ландшафта) и анализа модельных полей на выбранной территории Северного Кавказа создана специальная ГИС. Она объединяет в единый комплекс виртуальную карту рельефа (с возможностью «пролета» над ней по заданной траектории), динамическое (анимационное) картографическое изображение, характеризующее пространственно-временные изменения климатических показателей с учетом всех параметров, электронную карту местности, сопряженную с базой данных, по которой можно получать точечную информацию по любому показателю. Наконец, был использован специальный механизм для генерации двухмерных изображений (графиков). Система оформлена в виде набора мультимедийных окон.

В результате синтеза модельных показателей по «реальному» и «возмущенному» климатам в структуре ГИС построены ландшафтные карты. Анализ карт показал, что для современных условий типичны зоны леса (хвойного, букового), горные степи и горное редколесье, а также субальпийские луга и рододендронники. В возмущенном состоянии климата появляется субальпийское криволесье, а субальпийские луга исчезают. Изменяется конфигурация границ растительных формаций – в частности, в более теплом и влажном «возмущенном» климате степи проникают в верховья долин, замещая лесную растительность. Лес, в свою очередь, также продвигается вверх. Обращает на себя внимание то, что изменения захватили регионы, лежащие выше ~ 1500 м. Растительные формации более низких участков территории не претерпели принципиальных изменений. Это позволяет говорить о том, что в данном регионе горные степи и смешанный лес более устойчивы, чем субальпийские растительные формации.

Таким образом, с определенной долей вероятности можно утверждать, что исследуемая территория в климатическом отношении является устойчиво-аридной зоной даже при значительных колебаниях мезоклимата, а террасы на склонах форм ниже высотной границы 1500 м, скорее всего, выполняли функции влагонакопительных барьеров (по аналогии, например, с сельскохозяйственными террасами в горных районах Крыма, возделываемыми и в настоящее время). Вывод о том, что Кисловодская котловина в пределах 900 – 1500 м над уровнем моря представляет собой своеобразный климатический оазис, находит подтверждение в результатах палинологических исследований на неолитическом поселении Замок, опубликованных С. Н. Корневским. В результате работ Е. А. Спиридоновой и Е. А. Лаврушиной выясняется, что в конце V – начале IV тыс. до н. э. климат в Кисловодской котловине был сухой и жаркий. Это время характеризуется как вторая половина атлантического периода голоцена. Лесная растительность была неразвита. Но в то же время здесь были оазисные участки, для которых свойственно накопление влаги. Палинологические колонки с поселения Инду-

Рис. 23. Раннесредневековые земледельческие террасы близ с. Первомайское

Рис. 24. Раннесредневековая земледельческая терраса в верховьях р. Теплушки

Рис. 28. Городище Теплушкинское 2

Рис. 31. Вид Ниязбековского городища с сельскохозяйственными террасами

стрия показывают, что во второй четверти IV – начале III тыс. до н. э. климат был достаточно мягким, благоприятным для лесных сообществ в пределах предгорной долины реки [Корневский, 1998. С. 102–104].

Предположение о том, что смоделированные характеристики «возмущенного» палеоклимата в Кисловодской котловине действительно могли иметь место в раннем средневековье, находит подтверждения на сопредельной территории в долине нижней Кубани. В результате палинологического анализа и ландшафтно-климатической реконструкции на Таманском полуострове группе исследователей удалось выделить специфическую фазу субатлантического периода, датируемую VII–XII вв. н. э., которая отличалась **самой значительной аридизацией климата** за весь изученный ими период голоцена на протяжении последних 6000 лет [Болиховская и др., 2002. С. 257–271]. Резкое потепление и значительное иссушение климата привело там к почти полному исчезновению лесных экотопов и господству злаковых и полынно-маревых степей.

Что же это дает для исторической интерпретации палеоклиматических характеристик конкретных археологических памятников? Попытаемся практически рассмотреть этот вопрос на памятниках Кисловодской котловины. Для работы были отобраны две речные долины – Аликоновки и Эш-какона, наиболее протяженных из притоков Подкумка. В долине Аликоновки выбраны четыре памятника, являющихся, как было показано выше, своеобразными локальными центрами микрорегионов и находящихся на разной высоте над уровнем моря. Это городища Замок, Катыхинское, Конхуторское и Медовое. Самым северным и наиболее низко расположенным над уровнем моря является Замок, а самым южным и наиболее высоко расположенным – Медовое городище. Территория вокруг этих памятников в настоящее время используется по-разному, ввиду современных различий в климатических условиях этих мест (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики «реального» климата на памятниках в долине р. Аликоновки по состоянию на 2000 г.

Памятник	Замок	Катыхинское	Конхуторское	Медовое
Высота над уровнем моря, м	920	990	1240	1250
Годовые суммы среднесуточных температур > 10°, °C	2316,0	2036,6	1918,4	1757,0
Годовая сумма радиационного баланса, гДж/м ²	1,81	1,8	2,11	2,23
Годовая сумма осадков, мм	233	236	318	359
Число дней с осадками за год	183	184	174	176
Число дней со среднесуточной температурой > 10°	256	250	247	242
Гидротермический коэффициент, мм/°C	0,4	0,6	0,7	0,6
Радиационный индекс сухости	3,2	3,7	2,6	2,5

Если земли в окрестностях Замка широко используются для производства зерна и огородничества, то земли в окрестностях Медового городища используются исключительно в качестве выпасов и сенокосов.

В долине Эшкакона были выбраны три памятника, расположенные на разных высотах над уровнем моря (табл. 2). Самым северным и нижним является Первомайское 1 городище, в районе которого активно практикуется огородничество и производство зерна. Приблизительно в срединной части Эшкакона расположено Центральное Эшкаконское городище. Оно находится несколько выше над уровнем моря, чем предыдущий памятник, а близлежащие земли в основном используются под сенокосы и выпасы, при очень малой доле огородничества. Наконец, третий памятник в этой долине – Левобережное Эшкаконское 3. Он расположен значительно выше других над уровнем моря, а близлежащая территория используется в настоящее время исключительно под выпасы и сенокосы.

Таблица 2

Характеристики «реального» климата на памятниках в долине Эшкакона по состоянию на 2000 г.

Памятник	Первомайское 1	Центральное Эшкаконское	Левобережное Эшкаконское 3
Высота над уровнем моря, м	1080	1170	1290
Годовые суммы среднесуточных температур > 10°, °С	2178,5	1849,5	1827,7
Годовая сумма радиационного баланса, гДж/м ²	1,91	2,17	2,36
Годовая сумма осадков, мм	185	273	356
Число дней с осадками за год	158	157	158
Число дней со среднесуточной температурой >10°	252	245	244
Гидротермический коэффициент, мм/°С	0,5	0,8	0,8
Радиационный индекс сухости	4,1	3,2	2,7

При моделировании «возмущенного» климата мы получаем палеоклиматические характеристики, значительно отличающиеся от современных (табл. 3–5).

Попытаемся проанализировать эти данные с помощью методов многомерной статистики и начнем с кластерного анализа. При этом каждый памятник (объект) будет иметь две позиции: одну – для «реального» климата (*P*), другую – для «возмущенного» (*B*).

Таблица 3

Характеристики «возмущенного» климата на памятниках в долине Аликоновки

Памятник	Замок	Катыхинское	Конхуторское	Медовое
Высота над уровнем моря, м	920	990	1240	1250
Годовые суммы среднесуточных температур > 10°, °С	2775,6	2521,3	2355,1	2216,1
Годовая сумма радиационного баланса, гДж/м ²	1,75	1,96	2,06	2,19
Годовая сумма осадков, мм	247	274	355	391
Число дней с осадками за год	168	183	160	162
Число дней со среднесуточной температурой >10°	264	257	252	247
Гидротермический коэффициент, мм/°С	0,5	0,5	0,4	0,3
Радиационный индекс сухости	2,9	2,9	2,3	2,2

Таблица 4

Характеристики «возмущенного» климата на памятниках в долине Эшкакона

Памятник	Первомайское 1	Центральное Эшкаконское	Левобережное Эшкаконское 3
Высота над уровнем моря, м	1080	1170	1290
Годовые суммы среднесуточных температур > 10°, °С	2661,7	2302,7	2062,8
Годовая сумма радиационного баланса, гДж/м ²	1,85	2,12	2,33
Годовая сумма осадков, мм	239	329	410
Число дней с осадками за год	183	183	183
Число дней со среднесуточной температурой > 10°	263	249	248
Гидротермический коэффициент, мм/°С	0,4	0,5	0,4
Радиационный индекс сухости	3,1	2,6	2,3

Таблица 5

Дескриптивная статистика климатических показателей для «возмущенного» климата

	Среднее	Минимум	Максимум	Ст. отклонение
Годовые суммы среднесуточных температур > 10°, °С	2413,614	2062,800	2775,600	252,3175
Годовая сумма радиационного баланса, гДж/м ²	2,037	1,750	2,330	0,2000
Годовая сумма осадков, мм	320,714	239,000	410,000	68,8591
Число дней с осадками за год	174,571	160,000	183,000	10,7836
Число дней со среднесуточной температурой > 10°	254,286	247,000	264,000	7,1114
Гидротермический коэффициент, мм/°С	0,429	0,300	0,500	0,0756
Радиационный индекс сухости	2,614	2,200	3,100	0,3579

Полученная дендрограмма наглядно показывает, что здесь выделяются три группы памятников (рис. 32). В одну из них входят три памятника с «возмущенным» климатом – Первомайское 1, Катыхинское и Замковое. Все они расположены на высоте 920–1080 м над уровнем моря. Эта группа более отдалена от других памятников вследствие того, что имеет палеоклиматические характеристики теплого климата. Специфика группы определяется годовой суммой среднесуточных температур >10° в пределах 2521,3–2775,6°С, а также годовой суммой осадков в пределах 239–274 мм. Если допустить, что смоделированные характеристики «возмущенного» климата для этих местоположений действительно имели место в I тыс. н. э., то устройство в окрестностях этих памятников террас как влагонакопительных барьеров для занятий земледелием становится исключительно целесообразным.

Вторая группа укреплений, более тесно связанная с третьей группой, включает четыре памятника с «реальным» климатом – Медовое, Левобережное Эшкаконское 3, Конхуторское, Центральное Эшкаконское. Все они расположены на высоте 1170–1290 м над уровнем моря. Данная группа фиксирует современное состояние климата наиболее высоко расположенных объектов, а также соответствующее ему современное землепользование (горные выпасы и сенокосы). Специфика группы определяется годовой суммой среднесуточных температур >10° в пределах 1757–1918,4°С, а также годовой суммой осадков в пределах 273–356 мм.

В третью группу памятников входят три объекта с «реальным климатом» – Замок, Катыхинское, Первомайское 1, и четыре укрепления с «возмущенным климатом» – Медовое, Конхуторское, Цент-

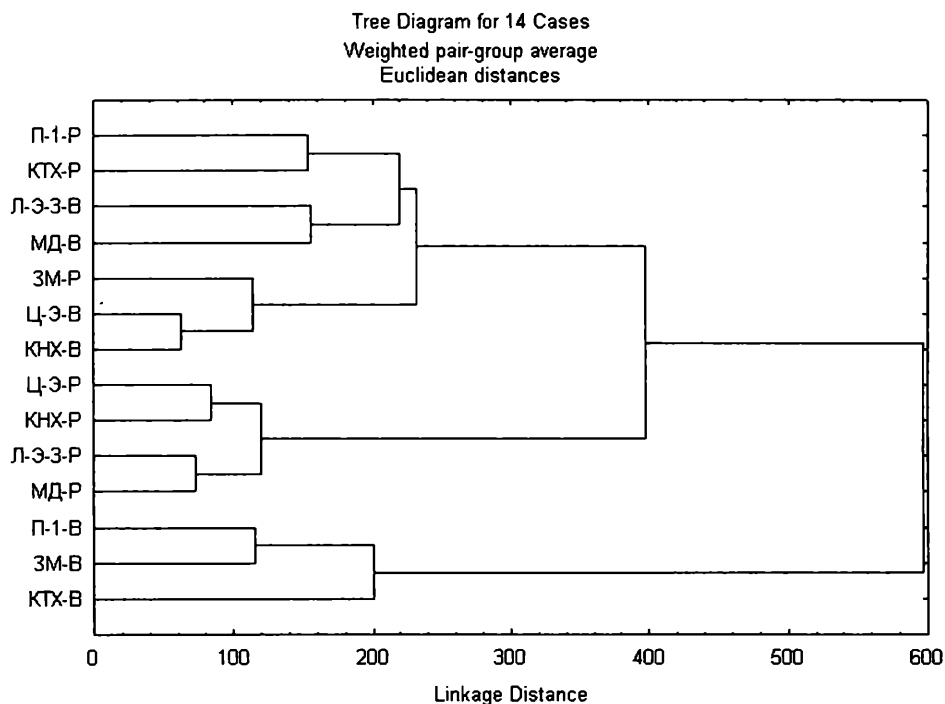

Рис. 32. Кластерный анализ памятников по климатическим и палеоклиматическим характеристикам

П-1 – Первомайское 1; КТХ – Катыхинское; Л-Э-3 – Левобережное Эшкаконское 3; МД – Медовое; ЗМ – Замок; Ц-Э – Центральное Эшкаконское; КНХ – Конхуторское. Р – «реальный» климат; В – «возмущенный» климат

ральное Эшкаконское, Левобережное Эшкаконское 3, расположенные на высоте 920–1290 м над уровнем моря. Специфика группы определяется годовой суммой среднесуточных температур $>10^{\circ}$ в пределах 2036,6–2355,1 $^{\circ}$ С, а также годовой суммой осадков в пределах 185–410 мм. Самый важный вывод, следующий из анализа этих памятников, состоит в том, что при «возмущенном» климате памятники Медовое, Конхуторское, Центральное Эшкаконское, Левобережное Эшкаконское 3 обладают теми же характеристиками, что и памятники Замок, Конхуторское и Первомайское 1 при «реальном» климате. Следовательно, если в настоящее время в окрестностях последних трех объектов (низинных) практикуют выращивание зерновых, садоводство и огородничество, то есть основания полагать, что при «возмущенном» климате такая практика могла иметь место в окрестностях первых четырех памятников (высокогорных), где также зафиксированы земледельческие террасы.

Еще один вопрос, который в будущем потребует специального рассмотрения, состоит в поиске и изучении мест, откуда раннесредневековое население Кисловодской котловины могло снабжать себя водой. В тех случаях, когда укрепления располагались в низинных районах (например, группа Первомайских городищ), ответ ясен: Подкумок и питающие его ручьи являются достаточным источником воды. Но проблема усложняется, когда мы переходим к анализу потенциальной экономической зоны укреплений, расположенных в горных районах котловины. Учитывая большие перепады высот, спуск за водой в долину Подкумка или его крупных притоков становится нецелесообразным. Совершенно очевидно, что использование горных территорий как в качестве выпасов, так и для

террасного земледелия (особенно в условиях засушливого климата) требует иного решения проблемы водоснабжения.

Полевые исследования, проведенные одним из авторов данной монографии в 2001 г. в Кисловодской котловине, позволили выявить ряд объектов, которые кардинально меняют наши представления о системе водоснабжения раннесредневекового населения этого региона. Наиболее простой способ орошения террасного поля был зафиксирован в верховьях р. Теплушки. Здесь на склоне правого берега реки (почти на водоразделе Теплушки и Перепрыжки) была осмотрена земледельческая терраса почти квадратной формы. В южный угол этой террасы впадает узкий длинный овраг, в верховьях которого когда-то функционировал родник. В данном случае природный овраг был использован в качестве ирригационного канала. В этом же районе имеются и искусственные ирригационные каналы. Так, в окрестностях Теплушкинской поселенческой агломерации впервые в археологии Северного Кавказа были зафиксированы следы высокогорной ирригационной системы. Это **Теплушкинский канал**, имеющий ширину 30 м и глубину 5–6 м. На современной дневной поверхности совершенно не видно выбросов земли – отвалов рва: земля хорошо спланирована (рис. 33, цв. вклейка). Канал берет начало почти на водоразделе, в месте скопления родников, идет на 800 м вниз (с юга на север), а затем поворачивает почти под прямым углом на восток и продолжается на 200 м, образуя большое поле площадью около 16 га (рис. 34). Координаты точки на углу в месте поворота канала: 43°53'46,5" с. ш. и 42°31'08,1" в. д. Высота над уровнем моря 1230 м. Есть основания полагать, что аналогичные ирригационные каналы функционировали и в других местах. В этом отношении особое внимание следует обратить на предполагаемые следы канала в районе Первомайских городищ на правом берегу Подкумка, а также на плато в районе Замка. Как и в описанном выше случае, они берут начало в месте скопления родников и отводят воду вниз по склону, образуя поле.

Другая разновидность водозаборных сооружений представляет собой масштабную вертикальную зачистку склонов возвышенностей с целью обнажения родников. Впервые они были выявлены на водоразделе между верховьями Теплушки и Аликоновки. Этот участок местности, который в раннем средневековье, вероятно, использовался в качестве высокогорных пастбищ, расположен относительно далеко от обеих рек, но в то же время довольно богат родниками.

Верхнетеплушкинский водосбор 1. Расположен на расстоянии 3,1 км по азимуту 90° от Центрального Эшкаконского городища и на расстоянии 6,6 км по азимуту 262° от городища Указатель. Здесь прослеживаются два параллельных рва глубиной около 4 м и шириной 20 м каждый. Они отсекают оконечность мыса, но не образуют какой-либо защищенной площадки, которую можно было бы идентифицировать в качестве городища. Покрывающие дно рва кустарник и низкорослые деревья являются признаком близости родников. Объект имеет координаты 43°52'40,6" с. ш. и 42°30'30,9" в. д. Высота над уровнем моря 1350 м.

Верхнетеплушкинский водосбор 2. Расположен на вершине соседнего холма, на расстоянии менее 0,5 км по азимуту 109° от предыдущего. Он эскарпирует оконечность мыса на высоту около 20 м при ширине 30 м (рис. 35, цв. вклейка). Координаты памятника: 43°52'35,8" с. ш. и 42°30'49,9" в. д. Высота над уровнем моря 1380 м.

Аналогичные водозаборные сооружения хорошо прослеживаются и в других местах, выделяясь на безлесных склонах делювиальных высот густым скоплением кустарников, высокой травой и низкорослыми деревьями. Важно заметить, что в ряде случаев они территориально явно тяготеют к раннесредневековым укреплениям. Так, аналогичные зачистки склона с родниками зафиксированы близ Катыхинского (рис. 36, цв. вклейка), Конхуторского Правобережного 1 городищ, в районе Водопадного городища и в ряде других мест Кисловодской котловины.

Располагая данными о функциональной дифференциации раннесредневековых сельскохозяйственных угодий, а также инструментом для палеоклиматического моделирования в каждой кон-

Рис. 34. Аэрофотоснимок Верхнетеплушкинского канала (обозначен на фото цифрой 1)

кретно выбранной точке Кисловодской котловины, мы, как представляется, можем перейти к следующему шагу – палеоэкономическому моделированию, основанному на изучении потенциальных экономических зон, связанных с тем или иным аланским укреплением. В этом отношении весьма полезной может быть разрабатываемая Г. Е. Афанасьевым, А. В. Кисловым и А. В. Чернышевым в рамках проекта РФФИ № 02-06-80047-а методика анализа биопродуктивности землепользования в Кисловодской котловине в раннем средневековье, основанная на математико-картографическом моделировании биоклиматических показателей в палеовремени. Цель этой работы – выработать надежные методы пространственной оценки отклика биоклиматической продуктивности растительного покрова исследуемой территории на климатические изменения, смоделированные для времени существования аланской культуры в Кисловодской котловине.

Биопродуктивность – широко применяемый комплексный показатель, характеризующий состояние ландшафта, в особенности растительный покров. Численно биопродуктивность оценивается как отношение совокупной растительной массы к единице площади (ц/га). В основу оценки может быть положена зависимость общей биопродуктивности от изменения набора климатических факторов, рассчитанных с учетом природно-зональных особенностей исследуемых территорий. Получение значений первичной биопродуктивности возможно при использовании моделей глобального (локального) климата. При этом состав климатических параметров подбирают на основе известных или смоделированных для заданных временных интервалов функциональных соотношений компонентов системы «почва–растительность–климат». Предлагаемая методика имеет основной целью решение уравнения вида:

$$NPP = f(R, E, P, T), \quad (1)$$

где NPP – модельное значение первичной биопродуктивности; R – радиационный баланс; E – суммарное испарение; P – количество осадков; T – температура воздуха. Независимые переменные при этом получают из модели климата, приведенной к локальному виду с учетом воздействия местных условий (рельеф).

Дифференциальное уравнение функции (1) имеет вид:

$$dNPP = \left(\frac{\partial f}{\partial R}\right)\Delta R + \left(\frac{\partial f}{\partial E}\right)\Delta E + \left(\frac{\partial f}{\partial P}\right)\Delta P + \left(\frac{\partial f}{\partial T}\right)\Delta T + \dots \quad (2)$$

или

$$dNPP = f_R\Delta R + f_E\Delta E + f_P\Delta P + f_T\Delta T, \quad (3)$$

где $\Delta R = R - R_0$ и R_0 соответствует современному климату, а R – значениям «возмущенного» (палео) климата.

В процессе решения задачи выполнены следующие этапы:

- расчет независимых переменных из уравнения (2) с использованием модели климата, приведенной к заданным параметрам времени и локальных условий;
- определение функций первичной биопродуктивности для объектов на сетке $0,5 \times 0,5$ км в пределах исследуемой территории;
- моделирование и картографирование полей биопродуктивности в современных и палеоусловиях, а также их разности.

Анализ результатов исследования показал, что география биопродуктивности четко соотносится с факторами высотной поясности как для модели современного климата, так и для модели палеоклиматических показателей. Так, например, сопоставление карт указывает на корреляцию интенсивности биопродуктивности с высотными градиентами рельефа для обеих моделей (в частности, хорошо просматриваются зоны различной интенсивности в интервалах 500–1300 м и 1300–2100 м). Здесь же выделяются районы низкой и средней (до 8 ц/га) биопродуктивности, приуроченные в основном к долинам крупных речных систем, и районы значительного увеличения интенсивности биопродуктивности – как правило, **горные склоны**, имеющие значительный перепад высот для высотного диапазона исследуемого региона. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет карта разностных значений биопродуктивности, рассчитанных по первой и второй моделям. В данном случае картографировалась взвешенная разность, рассчитанная по формуле:

$$\frac{Q_B - Q_0}{Q_0}, \quad (4)$$

где Q_B и Q_0 – биопродуктивность, полученная по параметрам моделей соответственно «возмущенного» и современного климатов. На карте, в частности, просматриваются области относительного повышения биопродуктивности до уровня 15% к нулевому уровню разности в период, характерный для палеоклиматической модели.

Главный вывод, который следует из анализа биопродуктивности территории Кисловодской котловины для современного и «возмущенного» климата, состоит в том, что как в первом, так и во втором случаях наибольшая биопродуктивность наблюдается на горных склонах и склонах делювиальных возвышенностей, то есть там, где фиксируются остатки раннесредневековых земледельческих террас (рис. 37, цв. вклейка). Следовательно, весьма вероятно, что устройство террасных полей на склонах гор и на склонах делювиальных террас отражает понимание аш-дигорским населением того, что биопродуктивность склоновых полей значительно выше, чем равнинных, а это понимание могло возникнуть только на базе многовекового опыта практического сельскохозяйственного освоения данного региона, и оно свидетельствует о высочайшем уровне земледельческих знаний.

Изложенное приводит к выводу о том, что в настоящее время созданы методические условия и накоплена достаточная база данных для разработки крупной научной темы по изучению социально-экономической истории раннесредневекового населения Кисловодской котловины, основанной на междисциплинарных исследованиях. Она может включать следующие направления:

- моделирование зон ответственности выявленных в Кисловодской котловине раннесредневековых укреплений – полигонов Тиссена;
- расчеты биопродуктивности каждой из выделенных зон и их сравнительный анализ;
- выявление в каждом из полигонов сельскохозяйственных угодий с их функциональной дифференциацией (земледельческие террасы, пастбища, источники воды и т. д.) и последующим сравнительным типологическим анализом полигонов;
- палеоэкономическое моделирование для каждого из полигонов с их последующим сравнительным анализом;
- исследование хронологической и функциональной связи между укреплениями и поселениями в каждом из полигонов;
- моделирование и сравнительный анализ системы поселений V–IX вв. и системы поселений X–XII вв.;
- исследование динамики системы расселения носителей катакомбного обряда погребения и динамики системы расселения носителей скального обряда погребения.

Решение этих научных задач будет способствовать не только более глубокому пониманию исторических процессов, протекавших на территории Кисловодской котловины в I тыс. н. э., но также более глубокому исследованию той роли, которую играло аш-дигорское население этого региона в раннесредневековой истории Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы в целом.

Глава 3

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Координаты описываемых ниже археологических памятников Кисловодской котловины зафиксированы с помощью системы глобального спутникового позиционирования (GPS) в процессе археологической разведки, проведенной Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко в 1996–2000 гг., а также Г. Е. Афанасьевым в 2001 г. и Д. С. Коробовым в 2001–2003 гг.¹ Данный свод требует некоторых пояснений. Во-первых, нумерация памятников отражает постепенный процесс их фиксации на протяжении всех этих лет. В случае, если памятник многослойный и включает в себя слои поселения или захоронения могильника, оставленные представителями разных культур, при картографировании в ГИС ему присваивается несколько номеров, которые отражают разные исторические периоды. Эти номера не всегда имеют порядковую последовательность, что является результатом многолетней работы с данным материалом. Археологические памятники на картах Кисловодской котловины (рис. 38-46) и в вынесенном в конец издания Указателе памятников имеют нумерацию, соответствующую приводимому ниже перечню. Таким образом, список памятников является открытым и будет впоследствии пополняться. Кроме того, в описании приводятся номера по инвентарному списку памятников, утвержденному в Министерстве культуры Ставропольского края.

При обследовании котловины за западную границу ее было принято течение р. Эшкакон. Поэтому в состав свода памятников включены объекты этой долины и не попали другие известные археологические комплексы (например, городище Уллудорбунла, могильник Терезе и т. д.), расположенные по соседству. Поскольку координаты всех археологических памятников фиксировались на месте с помощью GPS, целая серия объектов, местоположение которых в настоящее время не может быть точно определено, также не попала в данный свод. Это касается, в частности, некоторых памятников кобанской культуры, отмеченных в своде В. И. Козенковой [1989. № 59; 62–64; 69; 79; 86; 90, 3, 4; 95; 98, 3–5; 101, 1–4; 103]. Теоретически можно было бы поместить их на карте, используя информацию о приблизительном расположении, но это нарушило бы общий принцип работы, заключавшийся в обязательном посещении памятника и фиксации его современного состояния.

Особо следует остановиться на приведенных датировках и культурно-хронологических атрибуциях памятников. Очевидно, что при работе с материалами могильников у авторов есть веские осно-

¹ Выражаем глубокую благодарность сотрудникам ГУП «Наследие» Ставропольского края Я. Б. Березину и Н. Н. Климову, кисловодскому краеведу К. М. Магомедову, а также всем работникам Кисловодского отряда ИА РАН, участвовавшим в разведке 1996–2003 гг.

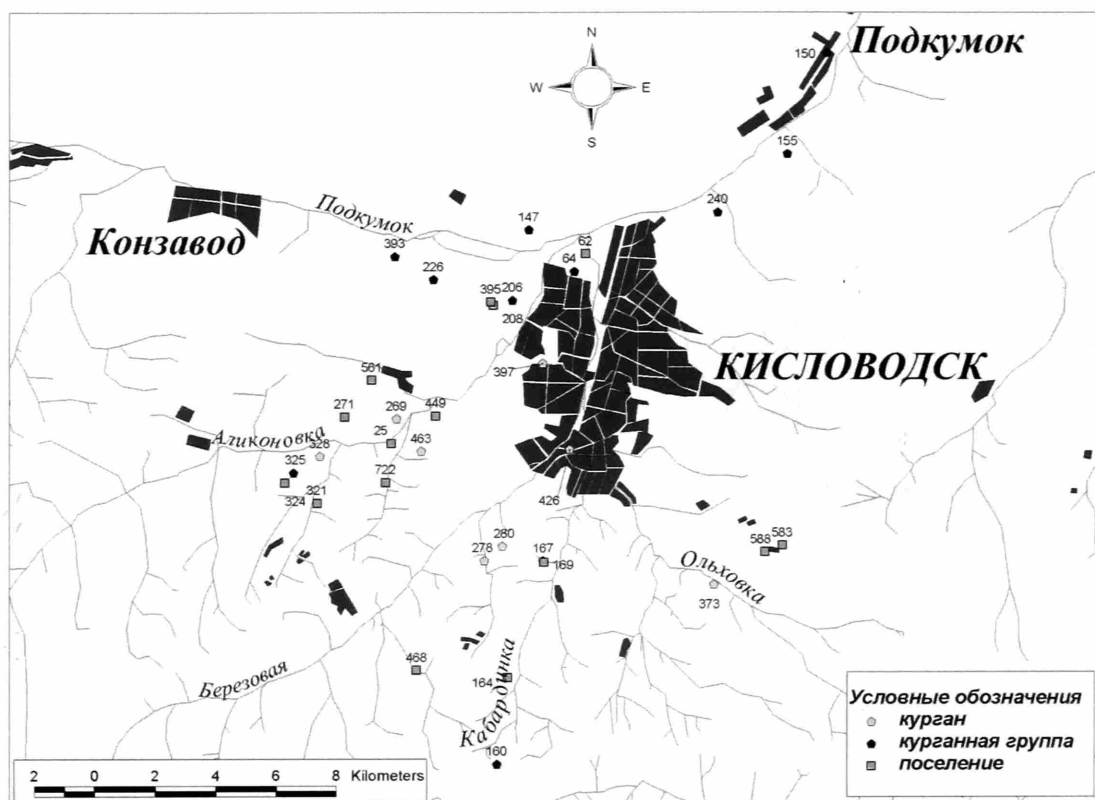

Рис. 38. Карта распределения памятников эпохи энеолита и раннего бронзового века

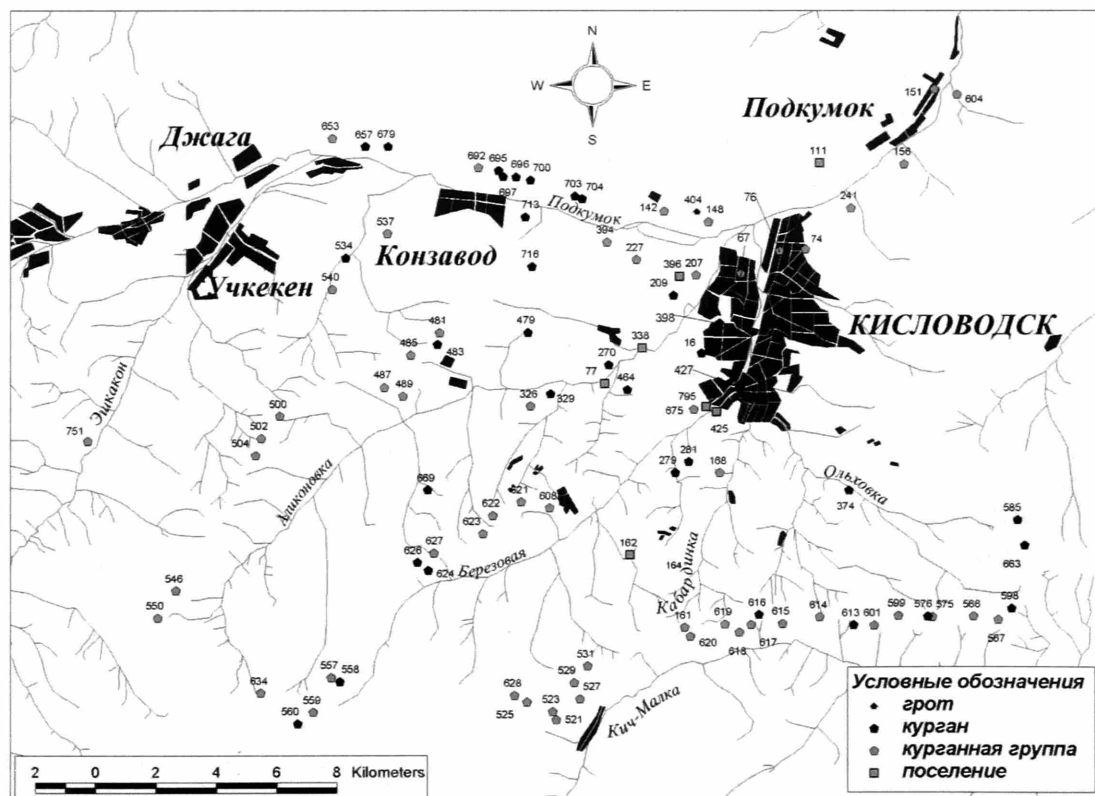

Рис. 39. Карта распределения памятников среднего бронзового века

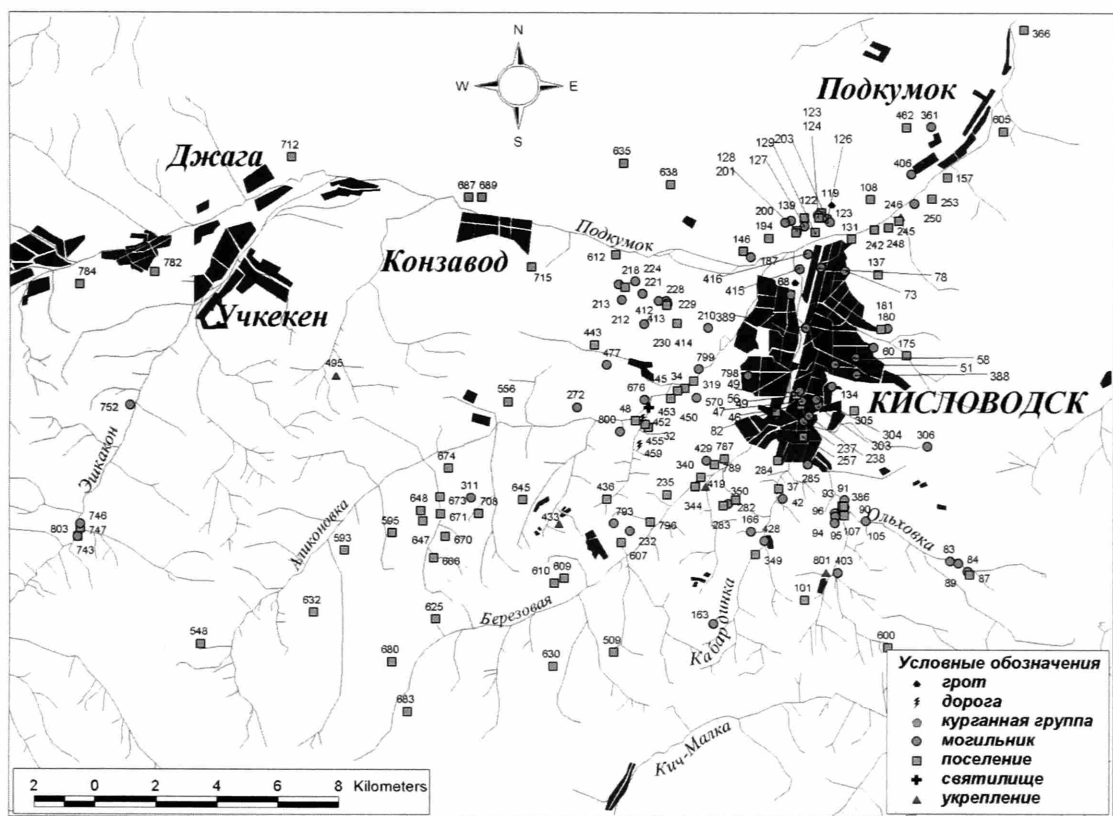

Рис. 40. Карта распределения памятников позднего бронзового и раннего железного века (кобанская культура)

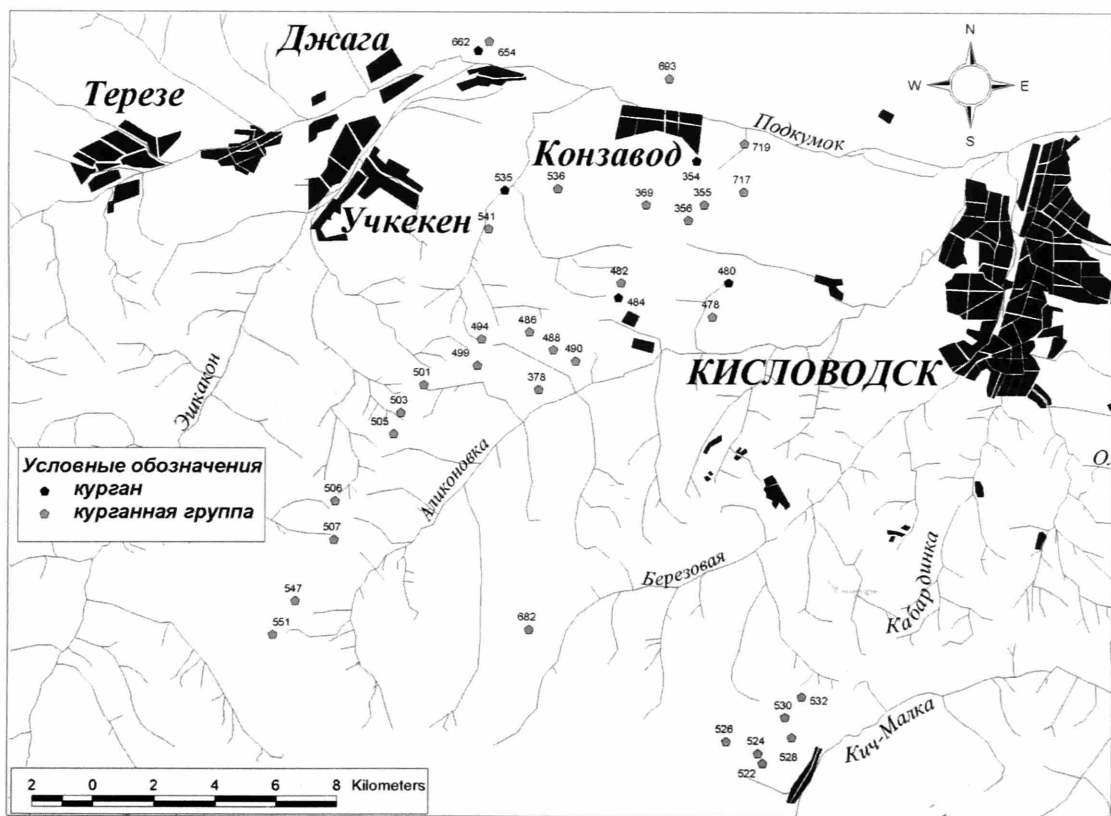

Рис. 41. Карта распределения памятников скифской эпохи

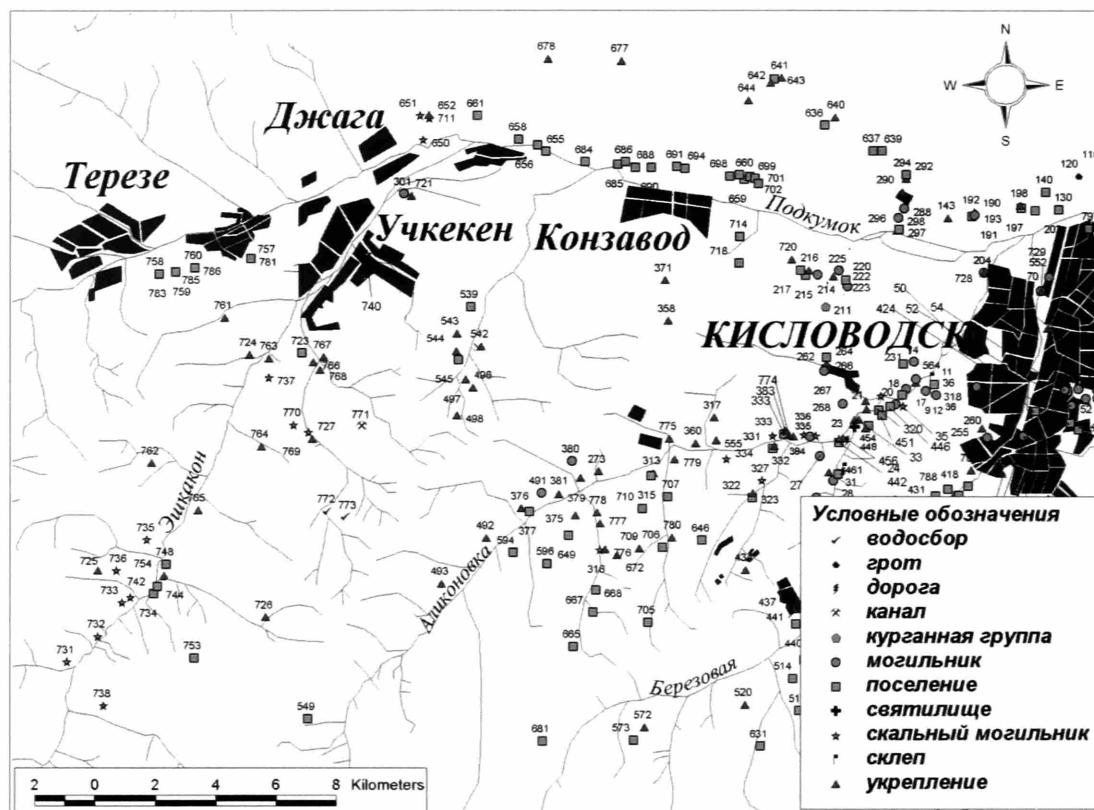

Рис. 42. Карта распределения памятников сарматского периода

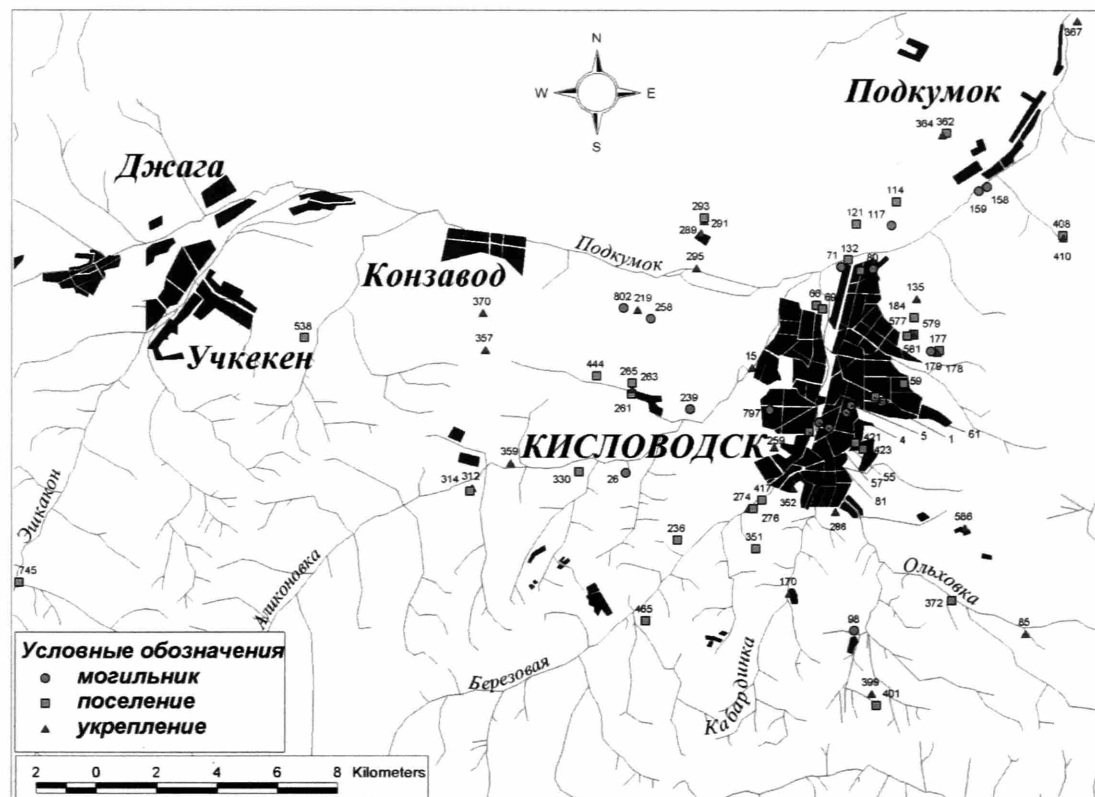

Рис. 43. Карта распределения памятников раннеаланской эпохи

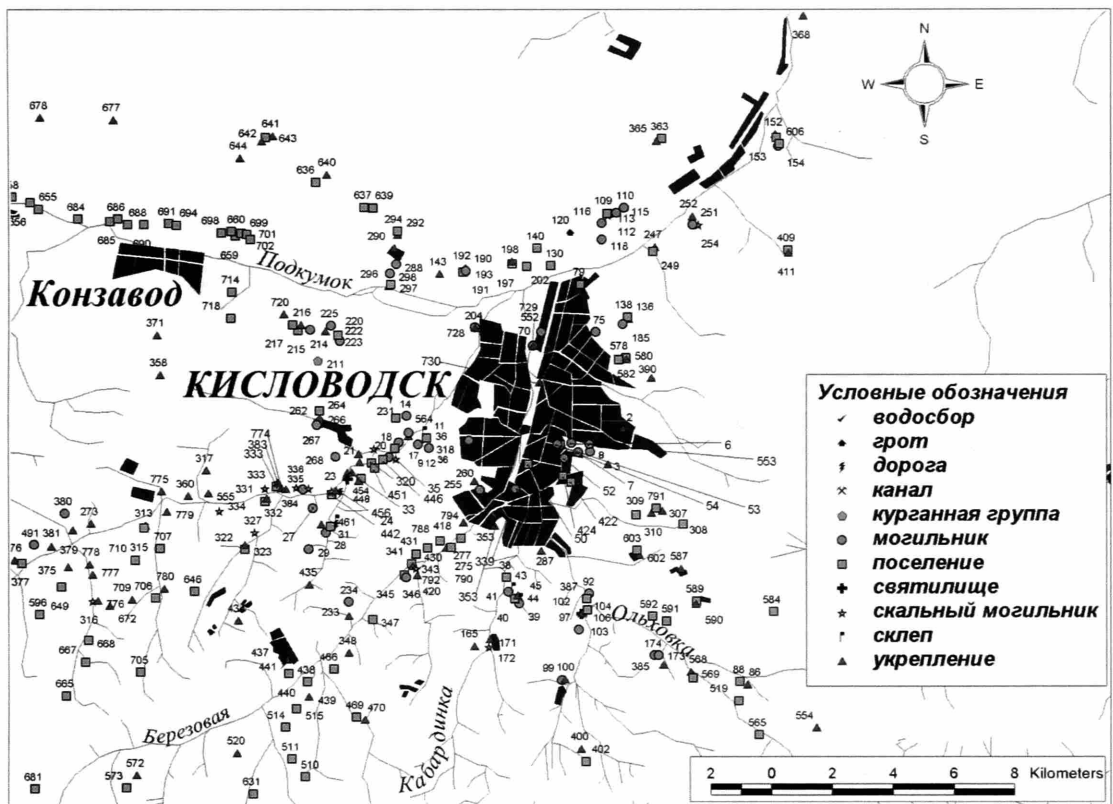

Рис. 44. Карта распределения памятников раннеаланской эпохи (продолжение)

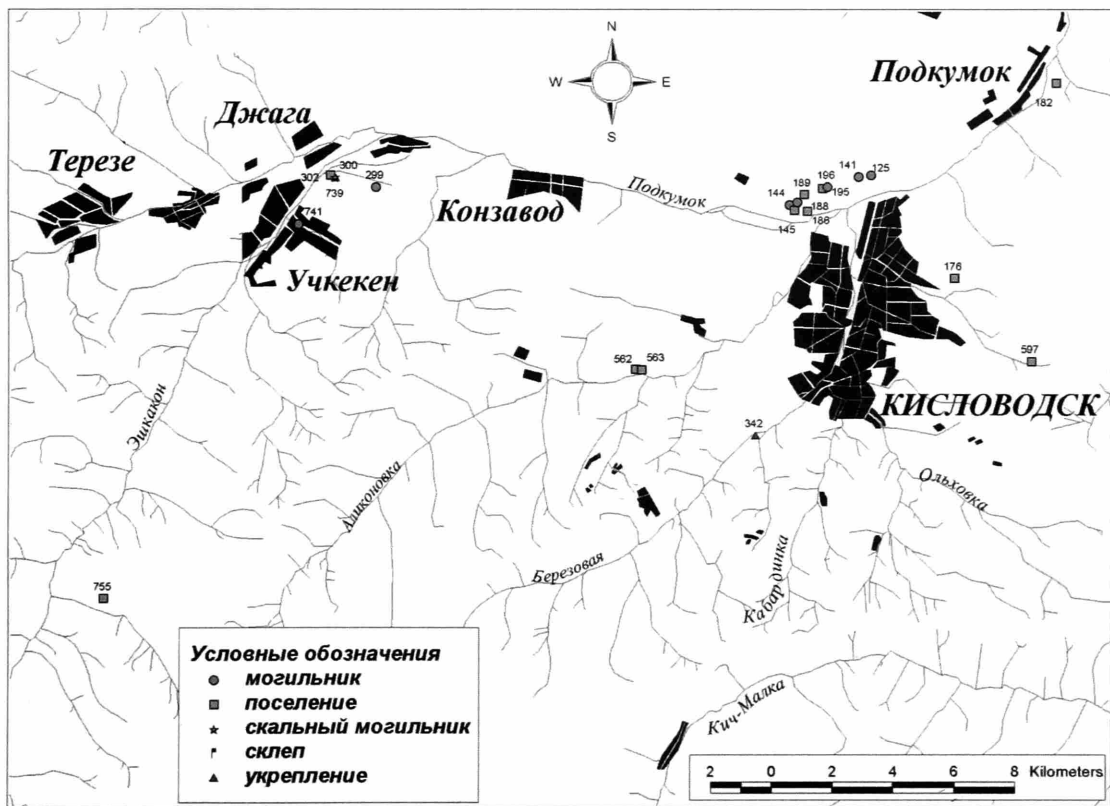

Рис. 45. Карта распределения памятников позднеаланской эпохи

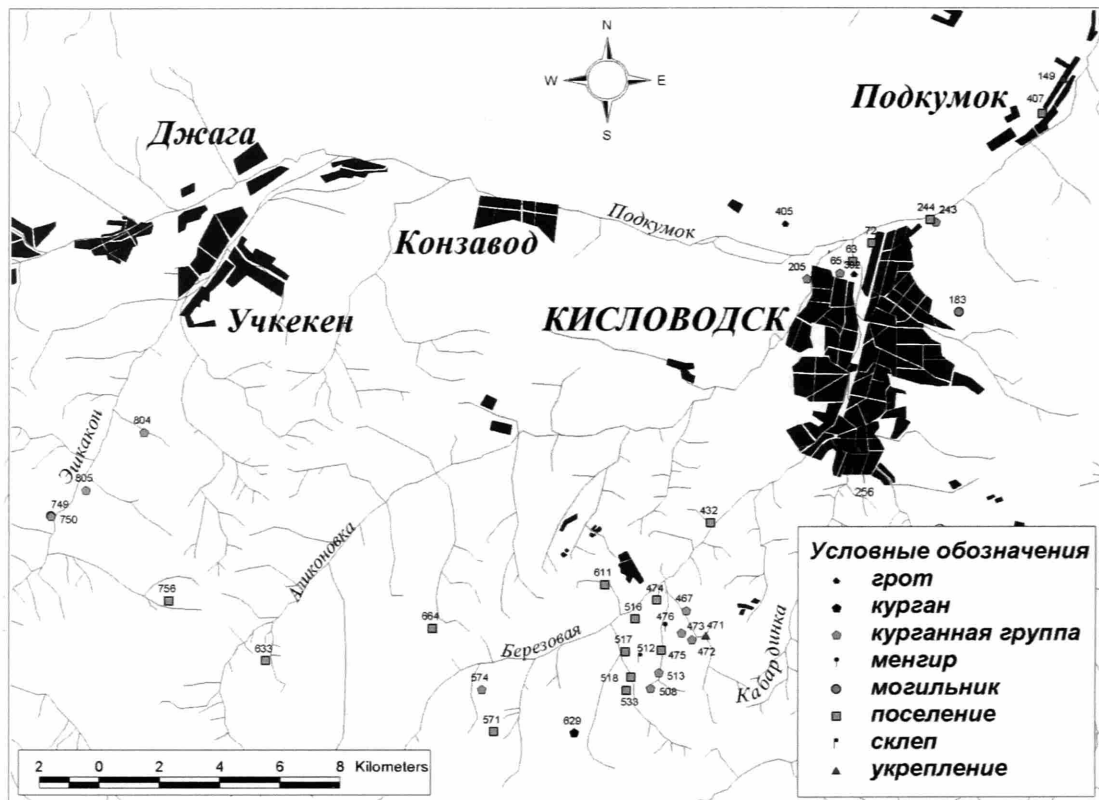

Рис. 46. Карта распределения памятников нового времени и неопределенных по культуре

вания атрибутировать памятник с точностью до нескольких столетий. Иная, более общая датировка используется при работе с поселенческими материалами или данными об укреплениях. Здесь основным источником служит подъемный материал, обнаруженный на памятниках, – в основном фрагменты керамики. Существующие представления о керамическом материале Кисловодской котловины позволяют отнести тот или иной памятник к одному или нескольким историческим периодам, соответствующим археологическим культурам (майкопской, кобанской, сарматской, аланской, позднеаланской X–XII вв. и т. д.). Разумеется, эти данные будут неоднократно уточняться в ходе будущих, более детальных полевых исследований.

Еще более сложной задачей является атрибуция многочисленных курганов и курганных групп, не подвергавшихся систематическим раскопкам. Отнесение их к майкопской, северокавказской или скифской культуре во многом условно, поэтому подобные памятники имеют и ту, и другую атрибуцию. Практически невозможно датировать такие объекты, как менгиры, остатки древних дорог и скальных гrotтов. Они могут иметь достаточно широкую или неопределенную культурно-хронологическую атрибуцию, во многом зависящую от контекста близлежащих памятников. Датировка памятников, приведенная ниже, как правило, основывается на данных авторов раскопок или обозначена условно (например, 1-я половина I тыс. до н. э. или I тыс. н. э.).

В приведенных ниже ссылках на отчеты Д. С. Коробова 1996–2003 гг. используется нумерация памятников, под которой они отражены в соответствующих отчетах. Большую часть историографической информации для написания данной главы предоставил С. Н. Савенко, оказавший огромную помощь и в редактировании текста.

1. Поселение Джинал. Расположено в Кисловодске (№ 180 по инвентарному списку памятников) на территории санатория «Джинал» напротив санатория «Туркмения», над обрывом безымян-

ного ручья. Культурная принадлежность сарматская (I в. до н. э. – III в. н. э.) [Коробов, 1996*. № 236].

2. Укрепление Туркмения. Находится на территории Кисловодска (№ 181 по инвентарному списку памятников) на восточной окраине города к северо-востоку от недостроенного пансионата «Туркмения». Занимает нижнюю часть гребня, спускающегося с плато Джинальского хребта и разделяющего долину р. Белой и Васюкову балку. Укрепление двухчастное, нижняя часть представляет собой почти горизонтальную площадку размерами примерно 100×35–45 м, на которой расположены остатки укрепления (стены, башни?). В 110 м к юго-востоку от этого строения на скальном отроге, возвышающемся на 25–30 м над нижней частью памятника, зафиксированы остатки стены в виде уложенных в ряд глыб песчаника размерами до 2,15×1×0,8 м. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Березин, 1990*. С. 2, 3; Коробов, 1996*. № 235].

3. Укрепление Красное Солнышко. Памятник находится на территории курортного парка Кисловодска (№ 189 по инвентарному списку памятников) между Малым Седлом и Храмом Воздуха слева от поднимающегося вверх терренкура. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 42. С. 23; Коробов, 1996*. № 302].

4. Грунтовый могильник Церковная Горка. Обнаружен в начале 1960-х гг. на территории Кисловодска (№ 305 по инвентарному списку памятников), в восточной части так называемой Церковной горки возле санатория «Смена». Катакомбные погребения выявлены при рытье траншеи. Культурная принадлежность сарматская (I–III вв. н. э.) [Кореневский, 1984*. № 3. С. 76; Коробов, 1996*. № 280].

5. Грунтовый могильник Кругозор. Расположен на территории Кисловодска, у угла пансионата «Кругозор», выходящего к гостинице «Кавказ», на юго-восточной оконечности горки Согласия. При строительных работах в начале 1970-х гг. были разрушены погребения, в которых найдены ювелирные изделия и другие предметы. Культурная принадлежность сарматская (I–II вв. н. э.). [Коробов, 1996*. № 279].

6. Грунтовый могильник Санаторий им. Орджоникидзе. Около 5 катакомбных погребений разрушено в 1963 г. при строительстве пятого корпуса санатория им. Орджоникидзе, предметы собраны Н. Н. Михайловым. В начале 1990-х гг. несколько катакомб исследовано кисловодскими краеведами-любителями. Могильник находится в центральной части курортной зоны Кисловодска, на северо-западном склоне Георгиевского плато. Культурная принадлежность аланская (V–VII вв. н. э.) [Рунич, 1963*. С. 6, 7; Ковалевская, 1976*. № 48. С. 24; Кореневский, 1984*. № 12. С. 76; Коробов, 1996*. № 281].

7. Грунтовый могильник Георгиевское Плато 1 (Санаторий им. Орджоникидзе). Обнаружен на территории Кисловодска (№ 168 по инвентарному списку памятников) при строительстве котлована третьего корпуса санатория им. Орджоникидзе в конце 1940 – начале 1950-х гг. Культурная принадлежность аланская (IV–VII вв. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 38. С. 23; Коробов, 1996*. № 283].

8. Грунтовый могильник Санаторий Наркомтяжпром (Георгиевское Плато 2). Расположен на территории Кисловодска (№ 170 по инвентарному списку памятников) между первым и вторым корпусами санатория им. Орджоникидзе. Катакомбные погребения VI–VII вв. раскопаны в 1939 г. Н. М. Егоровым при строительстве дороги в санаторий Наркомтяжпрома. Культурная принадлежность аланская (IV–VII вв. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 50. С. 24; Коробов, 1996*. № 282].

9. Грунтовый могильник Луначарка 1 (У совхоза им. Луначарского, Аликоновский 1). Находится на территории Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка. Могильник (№ 211 по инвентарному списку памятников) располагается на крутых западном и юго-западном склонах высокого холма, возвышающегося над Аликоновкой, на западной окраине п. Луначарского в 100–150 м восточнее реки. В 1963–1964 гг. кисловодскими краеведами Н. Н. Михайловым и А. П. Руничем досле-

довано 37 катакомб, более 10 катакомб раскапывались в разные годы местными краеведами-любителями. Несколько захоронений находится на территории участка семьи Магомедовых (сообщение К. М. Магомедова); в 1996 г. Д. С. Коробову был передан набор бус из них, включенный в отчет о работах. Культурная принадлежность аланская (V–VIII вв. н. э.) [Михайлов, 1963*, 1966а*; Рунич, 1968. С. 208–214; Савенко, 1992*. С. 5; Ковалевская, 1976*. № 11. С. 19; Кореневский, 1984*. № 44. С. 78; Коробов, 1996*. № 145; Аржанцева и др., 2003].

10, 797, 798. Грунтовый могильник Мачты (Луначарка 2, Аликоновский 2, У совхоза им. Луначарского). Расположен на территории Кисловодска (№ 211 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Аликоновки ниже могильника у совхоза им. Луначарского (№ 9) на окраине дачных участков. Могильник располагается на западном склоне мысообразной возвышенности, отделенной глубокой балкой руч. Луначарка от раннесредневекового укрепления Горное Эхо (Отстойник).

В 1965 г. одно погребение в полуразрушенной каменной гробнице типа склепа дочщено археологом-любителем С. Н. Пьянковым. В 1969–1970 гг. местные жители раскопали 2–3 погребения, А. П. Рунич доследовал одну катакомбу. В 1975 г. им же раскопаны еще 4 погребения (рис. 47, цв. вклейка). В 1976 г. В. Б. Ковалевской было изучено 5 захоронений в катакомбах и грунтовых ямах. В 1990 г. в стенках небольшого карьера по добыче чернозема были обнаружены два погребения в каменных ящиках. Они исследованы В. А. Фоменко, который в 1991 г. исследовал здесь же еще один каменный ящик и одно захоронение в катакомбе. В 1992–1993 гг. на этом могильном поле С. Н. Савенко раскопал 21 комплекс, состоящий из катакомб, ям и конских захоронений. В 2002 г. два погребения в катакомбах и один кенотаф были доследованы А. Л. Чухаркиным. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.), позднесарматская и аланская (II–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1970*. С. 5, 6; 1971. С. 125, 126; 1975*. С. 12, 13; Афанасьев, 1970а. С. 63; Ковалевская, 1976*. № 8, 9. С. 18; 1977. С. 102, 103; Фоменко, 1990*. С. 10–12; 1991*. С. 7–10; Савенко, 1992*. С. 11–49; Коробов, 1996*. № 146; Чухаркин, 2002*; Аржанцева и др., 2003].

11. Укрепление Горное Эхо (Аликоновское 1, Отстойник). Памятник (№ 207 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Аликоновка, занимая скальный мыс у места впадения в нее руч. Луначарка. Состоит из двух-трех ярусов. На поверхности верхнего яруса видны остатки башен, стен и других построек. Строения прослеживаются и на других уровнях. Задернованная сложная конструкция – стены, пристроенные к ним помещения, башни цитадели – имеет современную высоту до 4 м. На дополнительно укрепленном пространстве цитадели также фиксируются остатки построек. Культурный слой, насыщенный архитектурными раннесредневековыми сооружениями и керамикой, имеет мощность 0,8–1,2 м.

Обнаружено в конце 1950-х гг. Н. Н. Михайловым. Обследовано в 1959 г. В. А. Кузнецовым, затем Е. П. Алексеевой. Ими же дана краткая публикация. В 1970 г. охранные работы на памятнике проводил Г. Я. Симакин (материал опубликован Г. Е. Афанасьевым). В 1973 г. Г. Е. Афанасьевым расчищены два помещения со стенами, сложенными из камня. Еще два помещения доследованы В. Лученковым в 1958–1960 гг. В 1970-х гг. детальную разведку на памятнике проводил А. П. Рунич. В 1991 г. глазомерная топосъемка укрепления и окрестностей осуществлена С. Н. Савенко. С 1995 г. по настоящее время на городище работает экспедиция под руководством И. А. Аржанцевой. Вскрыто около 700 м² площади памятника. Культурная принадлежность аланская (V–IX вв. н. э.) [Афанасьев, 1973в, 1975; Ковалевская, 1973*. С. 3, 4; 1976*. № 3. С. 17; Кореневский, 1984*. № 42. С. 78; Савенко, 1992*. С. 3–11; Аржанцева, 1995*, 1997*–2002*; Коробов, 1996*. № 141; Аржанцева и др., 2003].

12. 799. Грунтовый могильник Отстойник 1 (Кисловодское Озеро 1, Аликоновский 3). Расположен на территории Кисловодска (№ 204 по инвентарному списку памятников) на правом бере-

Рис. 33. Северо-восточный участок Верхнетеплушкинского канала

Рис. 35. Верхнетеплушкинский водосбор 2

Рис. 36. Городище в Катыхинской балке и его водозабор

Рис. 37. Конхуторское городище в долине р. Аликоновки

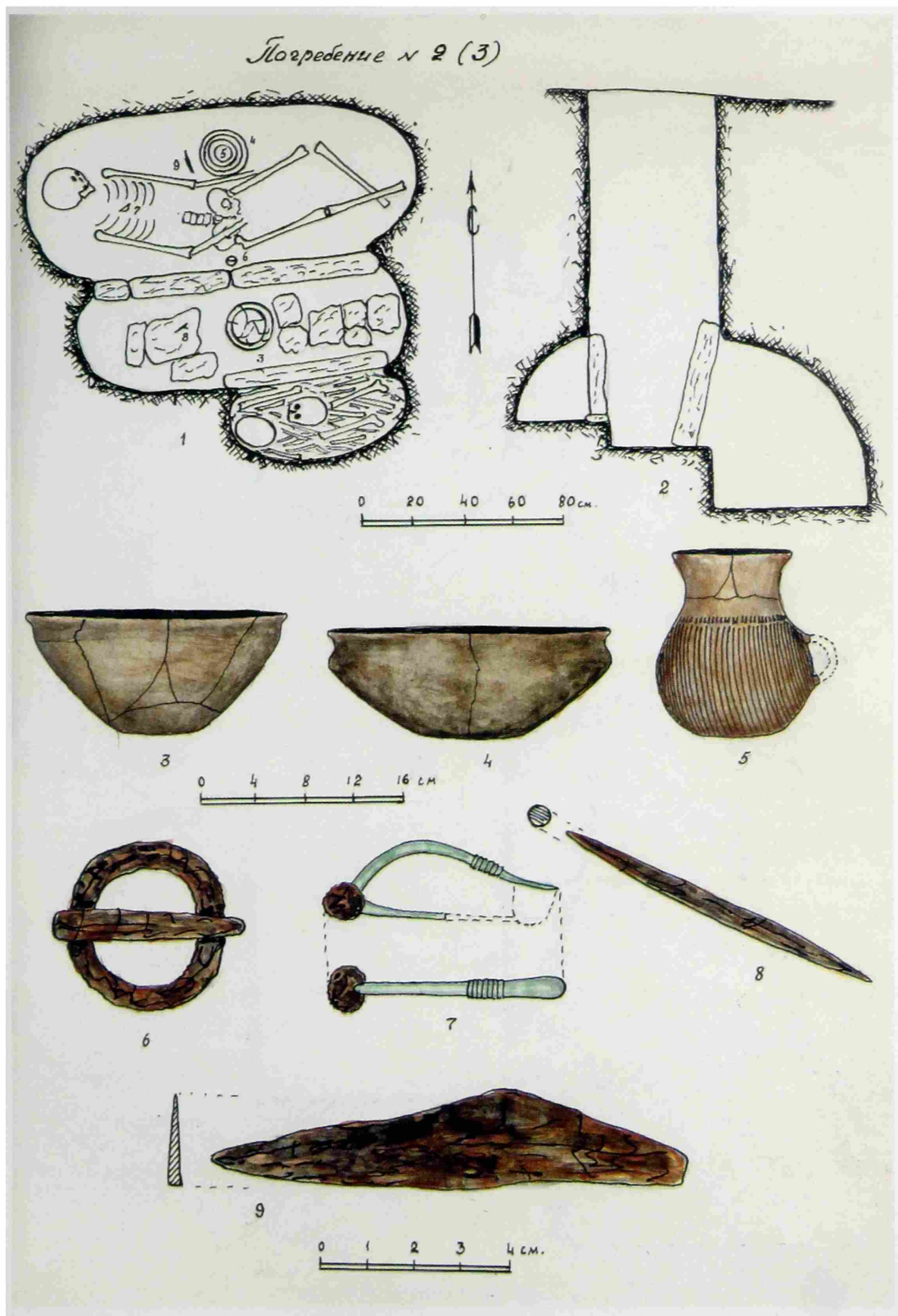

Рис. 47. Позднесарматская катакомба 3 могильника Мачты (Аликоновский 2), раскопанная А. П. Руничем [Рунич, 1975*. Рис. 24]

1, 2 – план и разрез погребения; 3, 4 – керамические миски; 5 – керамическая кружка; 6 – железная пряжка; 7 – бронзовая фибула; 8 – железное шило; 9 – фрагмент железного ножа

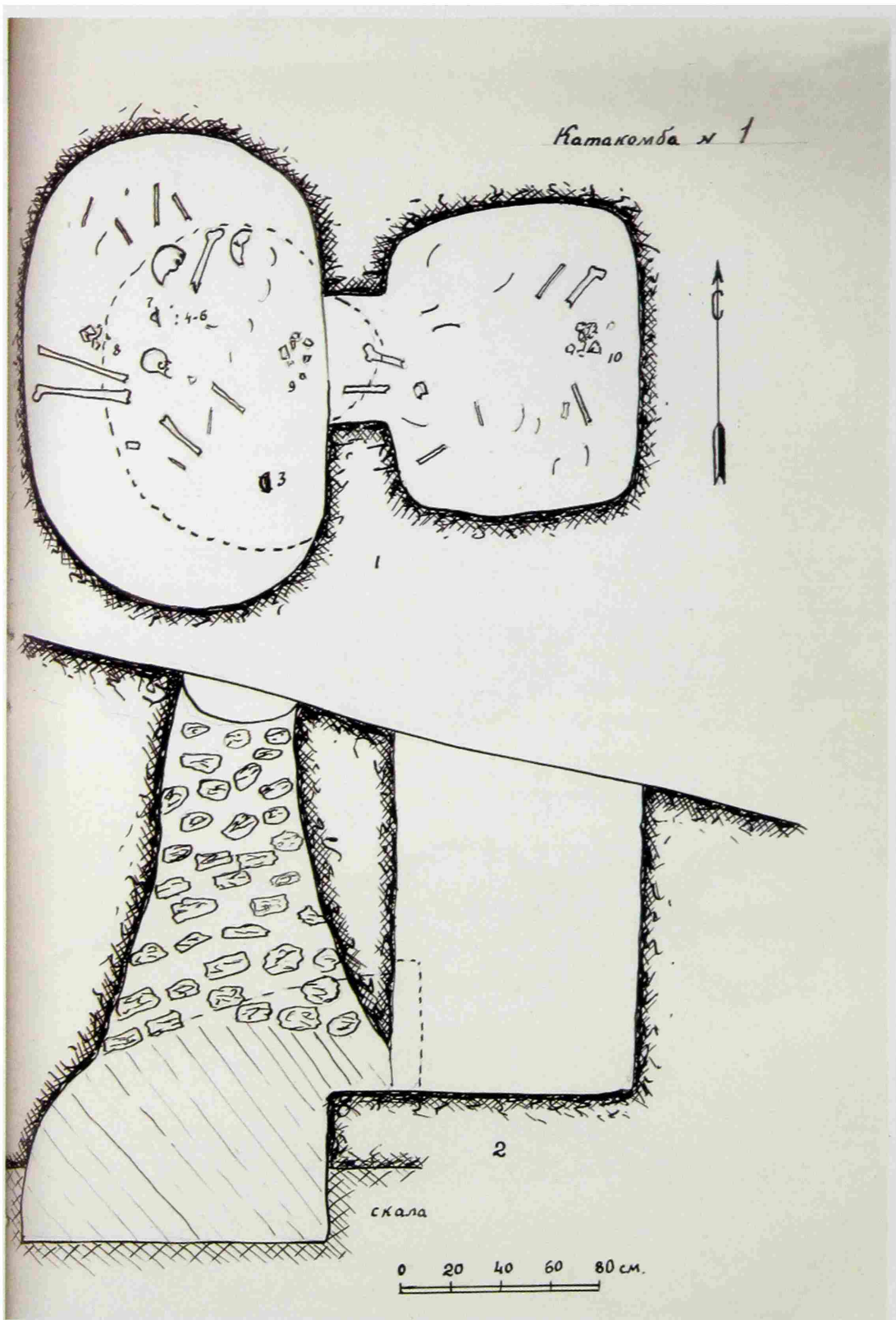

Рис. 49. Позднесарматская катакомба 1 могильника Замковый 1 [Рунич, 1974*. Рис. 13] 1 – план катакомбы; 2 – разрез погребального сооружения

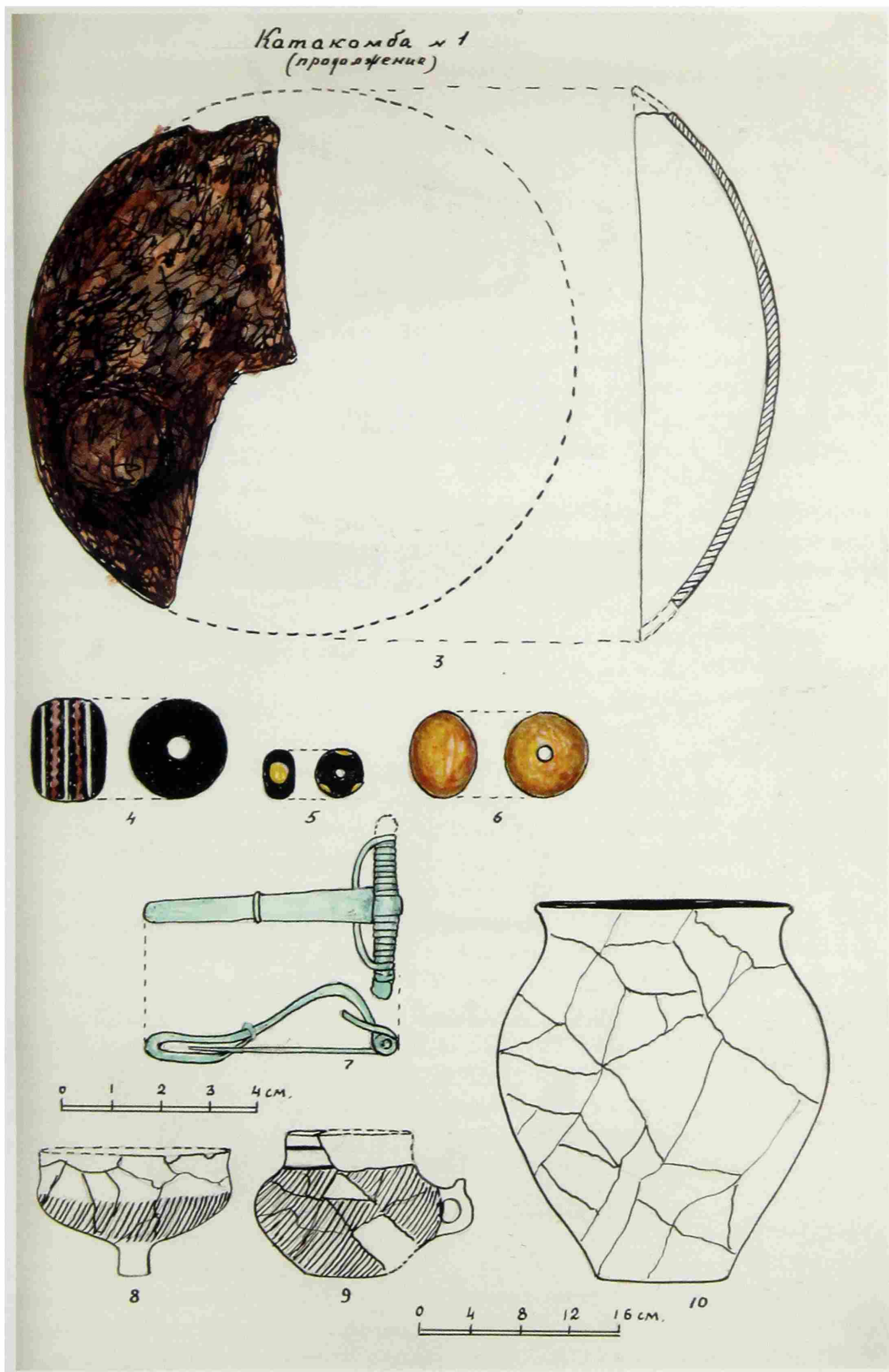

Рис. 50. Позднесарматская катакомба 1 могильника Замковый 1 (продолжение) [Рунич, 1974*.
Рис. 14]

3 – железная сферическая бляха; 4, 5 – стеклянные бусины; 6 – халцедоновая бусина; 7 – бронзовая фибула; 8–10 – керамические сосуды

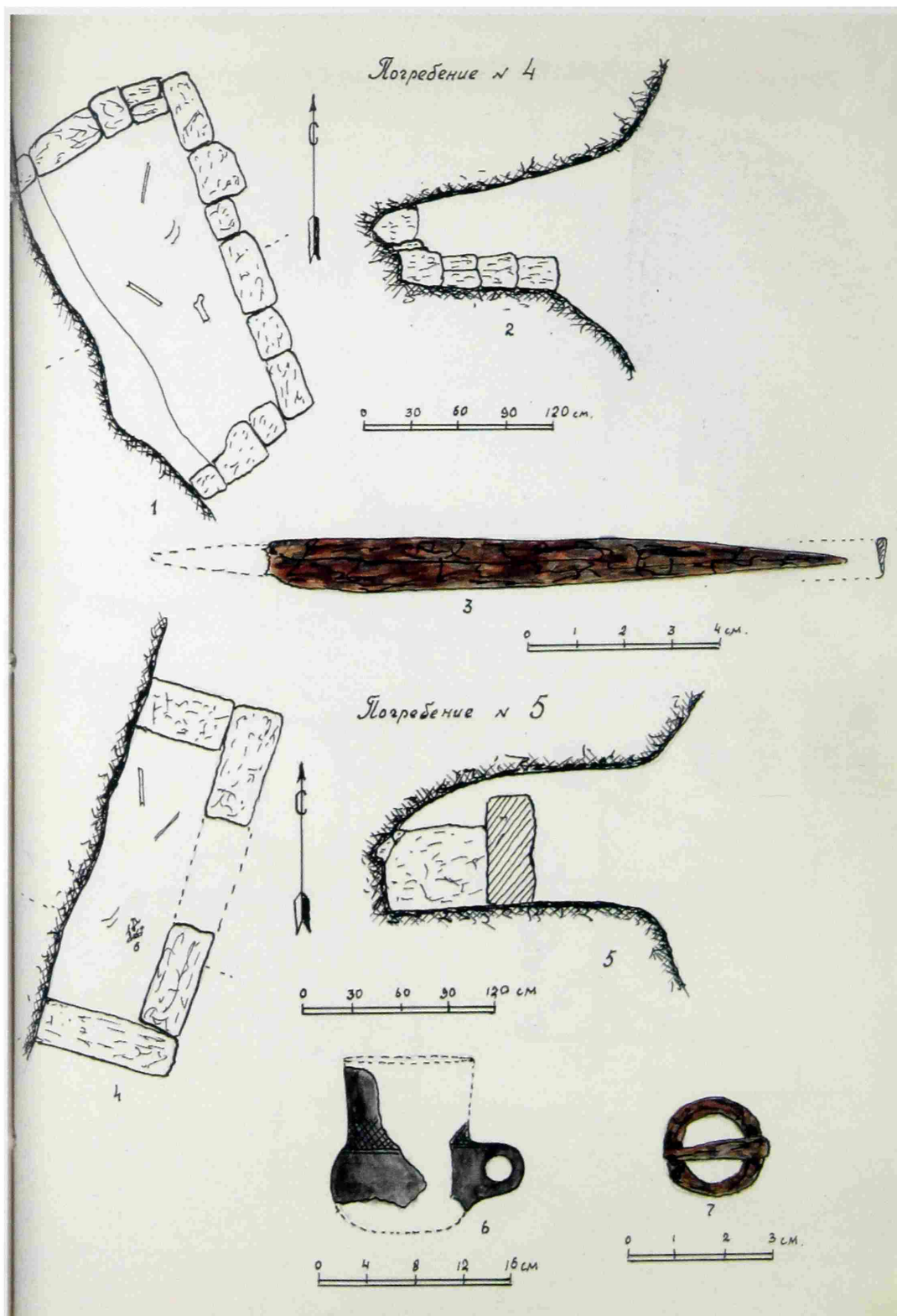

Рис. 51. Раннесредневековый скальный могильник Митькин Кутан 1. Погребения 4 и 5 из раскопок А. П. Рунича [Рунич, 1975*. Рис. 20]

1, 2, 4, 5 – планы и разрезы погребений; 3 – фрагмент железного ножа; 6 – фрагмент керамической кружки; 7 – железная пряжка

пу р. Аликоновка ниже укрепления Горное Эхо к северу и западу от него. На территории могильника находится котельная пансионата «Горное эхо».

Памятник обнаружен в 1956 г. А. П. Руничем при осмотре карьера, сооруженного при строительстве отстойника Кисловодского озера. Рабочие-строители передали ему вещи из разрушенных при строительстве катакомб. В 1972 г. при ремонте грунтовой дороги были задеты две катакомбы, также доследованные А. П. Руничем. В 1983 г. Я. Б. Березину стало известно, что при проведении земляных работ были разрушены 2–3 погребения в катакомбах или грунтовых ямах и не менее двух каменных ящиков. Рабочими были переданы предметы – сосуд кобанской культуры и металлические украшения V–VI вв. н. э. Погребения в катакомбах разрушались и при строительстве новой дороги к котельной в 1991 г. В настоящее время территория памятника завалена строительным мусором и частично разрушена при строительстве котельной. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) и аланская (V–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1957*. С. 1–11; 1972*. С. 2, 3; Ковалевская, 1976*. № 5. С. 19; Березин, 1983*. С. 3, 4; Корневский, 1984*. № 42. С. 78; Савенко, 1992*. С. 3; Коробов, 1996*. № 142; Аржанцева и др., 2003].

13. Грунтовый могильник Задвижка (Кисловодское Озеро 2, Аликоновский 4, Отстойник 2). Памятник (№ 204 по инвентарному списку) находится на территории Кисловодска на левом берегу р. Аликоновка напротив могильника Отстойник 1. Обнаружен А. П. Руничем в 1957 г. при осмотре карьера в 20 м выше отстойника Кисловодского озера. Он же в 1958 г. доследовал 4 захоронения, а в 1959 г. – 4 катакомбы. В 1968–1969 гг. доследовано 14 погребений в катакомбах. Культурная принадлежность аланская (V–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1957*. С. 1–9; 1958*. С. 2–6; 1959*. С. 1–4; Ковалевская, 1976*. № 6, 7. С. 18; Козенкова, 1989. № 85. С. 36; Коробов, 1996*. № 143; Аржанцева и др., 2003].

14. Грунтовый могильник Директорская Горка (Аликоновский катакомбный 1). Расположен на территории Кисловодска (№ 200 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка. Занимает юго-восточный склон одноименной возвышенности напротив укрепления Горное Эхо на западной окраине подсобного хозяйства «Зеленогорский». Могильник открыт в 1968 г. Н. Н. Михайловым, который вскрыл здесь 3 погребения; в одном из них был инвентарь II–III вв. н. э. Впоследствии раскапывался М. П. Абрамовой, исследовавшей в 1977 г. 5 катакомбных и одно конское захоронение. В 1984 г. жителем п. Зеленогорский И. Ф. Петриченко была найдена и разграблена катакомба, которую доследовал Я. Б. Березин. Ныне могильник активно разрушается в ходе индивидуальной застройки. Культурная принадлежность аланская (III–VIII вв. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 2. С. 17; Абрамова, 1977*; 1978. С. 101, 102; 1982. С. 135–139; Березин, 1984*. С. 8; Корневский, 1984*. № 39. С. 77; Савенко, 1992*. С. 9; Коробов, 1996*. № 140].

15. Укрепление Озерное. Расположено на территории Кисловодска (№ 196 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Аликоновка прямо под обелиском в виде самолета над автобусной остановкой у так называемого «старого» Кисловодского озера. На вершине мыса находится укрепление, на склонах – поселение. Случайно обнаружены С. Н. Савенко в 1994 г. Культурный слой черного цвета на обнажениях имеет мощность до 40 см. Культурная принадлежность сарматская (I–III вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 138].

16. Одиночный курган на ул. Кутузова (Горизонтальный). Расположен в юго-западной части г. Кисловодска (№ 228 по инвентарному списку памятников) возле остановки автобуса на углу ул. Зеленогорской напротив ул. Курганной. Высота около 3 м, диаметр около 20 м. На поверхности – триангуляционный пункт.

В 1960 г. курган начали разрушать местные жители. Одно из разрушенных погребений доследовано А. П. Руничем в 1962 г. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Рунич, 1962*. С. 18; Корневский, 1984*. С. 70, 77. № 33; Коробов, 1996*. № 137].

17. Грунтовый могильник Горное Эхо 1. Находится на территории Кисловодска (№ 205 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка на склоне, поросшем деревьями, возле дороги и юго-западного въезда на территорию пансионата «Горное эхо». Могильник обнаружен в 1965 г. при прокладке дороги к бывшему пионерскому лагерю «Горное эхо». А. П. Рунич раскопал здесь 5 катакомб, которые еще видны на поверхности. Еще 2 камеры раскопаны им же в 1966 г. В 1993 г. небольшие работы на могильнике проводили С. Н. Савенко и Ю. И. Енченко. Культурная принадлежность выявленных погребений аланская (VI–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1965*. С. 11–13; Ковалевская, 1976*. № 12. С. 19; Кореневский, 1984*. № 45. С. 78; Савенко, 1992*. С. 8, 9; Коробов, 1996*. № 150; Аржанцева и др., 2003].

18. Поселение Горное Эхо. Расположено на территории Кисловодска (№ 209 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка по дороге к автомобильному мосту через Аликоновку на тропинке над территорией пансионата «Горное эхо». На поверхности видны остатки каменной кладки, расположенной перпендикулярно склону. На расстоянии 6 м друг от друга находятся 2 ряда обработанных блоков толщиной 15–20 см. Ниже в 1993 г. было раскопано помещение с очагом-валиком и 8 сосудами с одинаковыми клеймами на дне. Культурная принадлежность аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 149; Аржанцева и др., 2003].

19. Грунтовый могильник Горное Эхо 2. Территориально памятник относится к г. Кисловодску (№ 206 по инвентарному списку). Расположен на левом берегу р. Аликоновка на тропинке к нарзанному источнику около асфальтовой дороги на выезде из пансионата «Горное эхо» к западу от трехэтажных корпусов пансионата на склоне скальной террасы. Могильник открыт в 1966 г. А. П. Руничем, доследовавшим одну катакомбу аланской культуры (V–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1966*; Кореневский, 1984*. № 45. С. 78; Савенко, 1992*. С. 9; Коробов, 1996*. № 151; Аржанцева и др., 2003].

20. Скальный могильник У моста через Аликоновку. Обнаружен на территории Кисловодска (№ 215 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка в скальном выходе на 50–60 м выше автомобильного моста по дороге на «Замок коварства и любви». Могильник найден детьми в 1963 г. Первое обследование сделано С. Пьянковым, тогда учеником 7 класса. А. П. Руничу из-за отсутствия альпинистского снаряжения туда добраться не удалось. Используемый для погребений карниз находится на высоте около 6 м над подножием скалы и примерно на таком же расстоянии от ее вершины. Длина площадки около 2 м, сохранившаяся ширина – 0,8–1 м. Культурная принадлежность погребения аланская (VIII–IX вв. н. э.) [Рунич, 1963*. С. 6; 1971б. С. 171; Ковалевская, 1976*. № 13. С. 19; Коробов, 1996*. № 156].

21. Укрепление Броненосец 2 (Миноносец). Находится в Кисловодске (№ 220 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка на мысу, образованном Аликоновкой и балкой Солдатской. Вытянутый вдоль реки мыс расположен рядом с «Замок коварства и любви» напротив нарзанного источника. На территории укрепления находится ферма. Скальный останец, занятый данным памятником, примыкает перпендикулярно к укреплению Броненосец 1 (см. ниже). Он имеет грушевидную форму, в его узкой, напольной части зафиксирован задернованный фундамент прямоугольного строения размерами 12,5×7,5 м, закрывавший вход на мыс. На расширенной части, покатою с юга, отмечено несколько задернованных возвышенностей – возможно, остатки домов. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Березин, 1990*. С. 3; Коробов, 1996*. № 164].

22. Укрепление Броненосец 1 (Аликоновское 2 по Г. Е. Афанасьеву, Аликоновское 3 по В. Б. Ковалевской). Расположено на территории Кисловодска (№ 218 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка у восточной окраины п. Зеленогорский. Узкий мыс вытянут перпендикулярно Аликоновке напротив нарзанного источника, его размеры 120×15 м. На поверхности встречаются задернованные развалы каменных построек и керамика эпохи раннего средне-

вековья. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 1975. С. 53; Ковалевская, 1976*. № 14. С. 19; Корневский, 1984*. № 47. С. 78; Березин, 1990*. С. 3; Коробов, 1996*. № 163].

23. Укрепление Замоквое 1 (Аликоновское 3 по Г. Е. Афанасьеву). Находится на территории Кисловодска (№ 223 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Аликоновка на скальном останце при слиянии рек Аликоновка и Мокрая балка над ресторанами «Замок» и «Сакля». Укрепление занимает мыс размерами 300×40 м, с трех сторон ограниченный отвесными обрывами высотой до 7 м. Юго-западная, напольная, сторона мыса ограничивается скалами верхнего плато. Мыс перегораживает стена, сложенная из двух рядов каменных блоков, пространство между которыми заполнено мелким камнем и щебнем. Длина стены 35 м, толщина 4,5 м. С наружной стороны к стене примыкает башня размерами 13,5×13,5 м при толщине стен 1 м, а с внутренней – ряд помещений. В 1966 г. А. П. Руничем заложен шурф и произведен осмотр площадки, выявивший обломки средневековой керамики. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Рунич, 1967. С. 228; 1974б. С. 103; Гуськов, Афанасьев, 1974. С. 106, 107; Афанасьев, 1975. С. 55; Корневский, 1984*. № 49. С. 78; Коробов, 1996*. № 169].

24, 25, 48, 77. Поселения Замоквые 1–4. Расположены на территории Кисловодска (№ 224 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Аликоновка на обширном плато выше укрепления Замоквое. На плато 4 памятника: поселение 1 – к юго-юго-западу от укрепления Замоквое; поселение 2 – на северном и северо-западном склонах мыса; поселение 3 – на восточном и северном склонах; поселение 4 занимало участок склона по правому берегу р. Аликоновки. С юго-западной стороны оно перекрыто эскарпированным валом. Длина плато около 300 м, ширина до 45 м; два вала достигают 50 см в высоту. Сохранность хорошая. Площадь мыса наверху составляет около 0,8 га, он перегорожен стеной из двух рядов каменных блоков, забутованной землей и ломаным камнем. К юго-западной части мыса круто спускаются скалы верхнего плато, которое соединено с Замоквым поселением тропинкой, вырубленной в скалах. В 1973 г. оно было обследовано Г. Е. Афанасьевым и М. А. Гуськовым.

В 1963 г. А. П. Руничем на юго-восточном склоне ущелья, в 200 м от «Замка коварства и любви» и в 6 м от отвесной скалы, был заложен раскоп, продолженный в 1964 г. и доведенный до общей площади 95 м². В раскопе обнаружено большое количество обломков каменных браслетов, керамики, фрагменты 8 керамических статуэток (рис. 48). Тогда же в 75 м к югу от этого шурфа был заложен другой, но он попал на средневековые ямы, которые уничтожили энеолитический слой. В 1987–1989 гг. на поселении работала Предгорная экспедиция ИА РАН во главе с С. Н. Корневским. Им был заложен ряд шурфов на северном склоне мыса, занимаемого укреплением Замоквое. В 1987 г. место раскопок А. П. Рунича было осмотрено Я. Б. Березиным и С. Н. Корневским, которые выявили бесперспективность дальнейших работ на южном склоне мыса. В густом лесу северного склона авторы работ наткнулись на свежие следы раскопок, после осмотра которых был заложен разведочный шурф 2×2 м, показавший наличие слоев от энеолита до средневековья. В 1988 г. в 15 м к северу от шурфа 1987 г. был заложен новый (2×2 м). В 1989 г. к нему было прирезано два квадрата, каждый площадью 2×2 м, исследована стратиграфия присклонового участка поселения и собран обильный материал – керамика, каменные браслеты, зернотерка, тесла-мотыжки, – относящийся к эпохе энеолита. Поселения датируются от эпохи энеолита до раннего средневековья (№ 1 – первая половина I тыс. до н. э.; № 2 – II тыс. до н. э.; № 3 – конец IV – начало III тыс. до н. э.; № 4 – I тыс. н. э.) [Рунич, 1963*. С. 14, 15; 1964*. С. 14; 1967; 1974б. С. 103; Ковалевская, 1973*. С. 4; 1976*. № 15. С. 19; Гуськов, Афанасьев, 1974. С. 106; Афанасьев, 1975. С. 54–55; Корневский, 1984*. № 49. С. 78; 1987*. С. 1–6; 1988*. С. 66–68; 1989*. С. 16–19; Козенкова, 1989. № 66. С. 32; Коробов, 1996*. № 171].

26, 27, 800. Грунтовые могильники Замоквой 1 и 2. Расположены на территории Кисловодска (№ 221, 222 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Аликоновка на склонах хол-

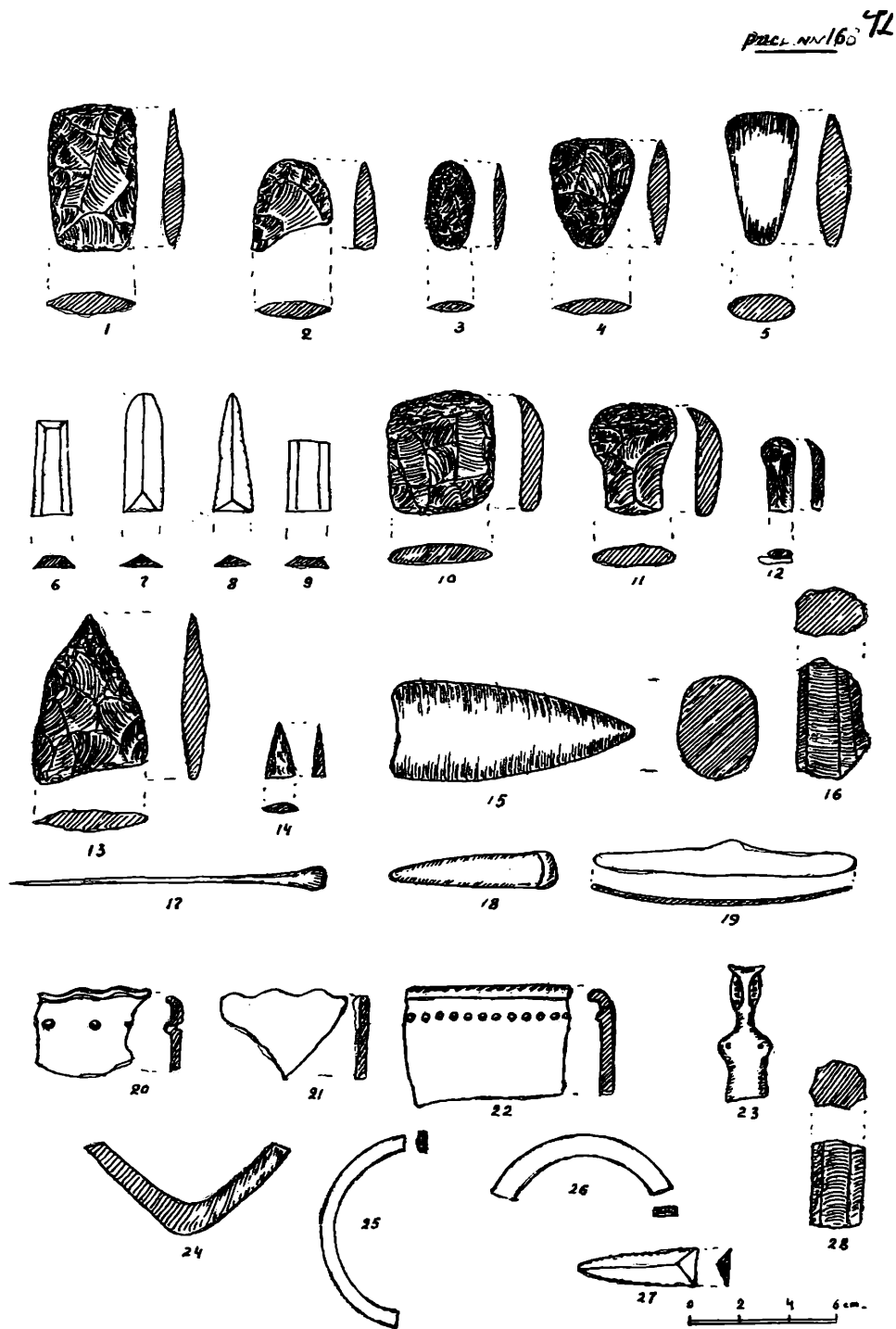

Рис. 48. Находки с неолитических поселений Замок (1–25) и Решинка 1 (26–28), сделанные в 1964 г. А. П. Руничем [Рунич, 1964*. Рис. 16]

1–4 – кремневые вкладыши; 5 – базальтовый топорик; 6–9 – кремневые ножевидные пластины; 10–12 – концевые скребки из кремня; 13 – кремневый наконечник копья; 14 – кремневый наконечник стрелы; 15 – фрагмент каменного топора; 16 – кремневый нуклеус; 17, 18 – костяные проколки; 19 – костяная пластинка; 20–22, 24 – фрагменты керамических сосудов; 23 – фрагмент глиняной статуэтки; 25, 26 – фрагменты каменных браслетов; 27, 28 – кремневые ножевидные пластинки

мов сразу за валами и рвом на юго-западной оконечности плато поселения Замковое. Н. Н. Михайлову были известны разрозненные материалы трех погребений в каменных ящиках, доследованных им и членами его кружка в 1960, 1963 и 1964 гг. Катакомбный могильник обнаружен В. А. Лученковым в 1974 г. В том же году А. П. Рунич доследовал 4 погребения (рис. 49, 50, цв. вклейка). В дальнейшем памятник изучал Я. Б. Березин, раскопавший погребения в катакомбах и подбоях: одно в 1981 г., 4 в 1982 г. и 2 в 1983 г. Культурная принадлежность кобанская (№ 2; VII–VI вв. до н. э.), сарматская, аланская (№ 1; I–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1974*. С. 8–10; 1975б. С. 128, 129; Березин, 1981а*–1983*; 1983. С. 109; Корневский, 1984*. № 50. С. 78; Козенкова, 1989. № 67. С. 33; Коробов, 1996*. № 172].

28. Грунтовый могильник Мокрая Балка 1. Памятник территориально относится к г. Кисловодску (№ 481 по инвентарному списку) и находится на левом берегу р. Мокрая балка ниже поселения Замковое 1 и укрепления Мокрая Балка 1 (см. ниже) к юго-западу от «Замка коварства и любви».

Катакомбы обнаружены А. Агачевым и В. Лученковым в склоне возвышенности, которую прорезали при прокладке дороги к ферме совхоза в 1967 г. Могильник неоднократно исследовался А. П. Руничем, Г. Е. Афанасьевым, В. Б. Ковалевской (1968–1980 гг.). Основные работы проведены А. П. Руничем: в 1968 г. им доследовано 12 катакомб, в 1969 – 27, в 1970 – 38, в 1971 – 59, в 1975 – 3. В 1969 г. В. Б. Ковалевская раскопала здесь 14 катакомб (отчет утерян), в 1971 – еще 14 и погребение коня, в 1980 – 4 погребальных сооружения и 1 дромос. В 1973 г. Г. Е. Афанасьев исследовал 5 катакомбных погребений.

В 1977 г. кисловодским краеведом М. А. Гуськовым был найден комплекс бронзовых предметов, происходящих из размытого погребения, и передан С. Л. Дудареву для включения в отчет. В 1982 г. Я. Б. Березиним и его отрядом была осмотрена территория могильника. Установлено, что при расширении дороги рабочие разрушили 3–4 катакомбы, зафиксированы грабительские раскопки в виде ямы. Собран ряд предметов из разрушенных катакомб. В 1996 г. им же при участии Д. С. Коробова были доследованы еще 2 размытые катакомбы.

Культурная принадлежность памятника аланская (V–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1968*. С. 13–18; 1969*. С. 1–11; 1970*. С. 6–14; 1971*. С. 10–24; 1975*. С. 1–3; 1975а; 1977; Ковалевская, 1969*; 1971*; 1972; 1976*. № 18. С. 20; 1980*. С. 7–10; 1981; Ковалевская, Рунич, 1970; Афанасьев, 1973*. С. 2–10; 1974; 1979б; Афанасьев, Рунич, 2001; Дударев, 1977*. С. 21; Березин, 1982*; Дударев, Березин, 1978; Корневский, 1984*. № 51. С. 78; Коробов, 1996*. № 176; 1999а].

29. Грунтовый могильник Мокрая Балка 2. Административно относится к территории Кисловодска (№ 482 по инвентарному списку памятников), расположен на левом берегу р. Мокрая балка выше по дороге от Мокрой Балки к МТФ (здание еще стоит, но сама ферма не функционирует). Могильник устроен в глиняном склоне справа от дороги, в 200–700 м к югу от могильника Мокрая Балка 1. Обнаружен в 1973 г. Г. Е. Афанасьевым, который исследовал здесь 3 катакомбы. Культурная принадлежность погребений аланская (VII–VIII вв. н. э.) [Афанасьев, 1973*. С. 11–15; 1974. С. 94, 95; Ковалевская, 1976*. № 20. С. 20; Коробов, 1996*. № 177].

30. Укрепление Мокрая Балка 1. Расположено на территории Кисловодска (№ 483 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Аликоновка. Исследовано Г. Е. Афанасьевым в 1973 г. Укрепление занимает территорию скалистого мыса, образованного путем размыва общего плато р. Мокрой в месте ее излучины и соединения с безымянным ручьем. Западный и южный склоны довольно круты и ограничены отвесными скалами. Восточный склон постепенно понижается к северу, затем сходит на нет. Поверхность мыса хорошо задернована и используется как пастбище. Можно полагать, что территория, занятая под поселение на вершине мыса, имела длину 185 м и среднюю ширину 80 м. На поселении заложено 2 шурфа. Судя по микрорельефу, на мысу располагались две башни с примыкающими стенами, перегораживающими мыс с напольной стороны. Куль-

турная принадлежность аланская (середина I тыс. н. э.) [Афанасьев, 1973*. С. 1, 2; Ковалевская, 1973*. С. 4; 1976*. № 17. С. 19; Кореневский, 1984*. № 51. С. 78; Коробов, 1996*. № 174].

31. Укрепление Мокрая Балка 3. Обнаружено на территории Кисловодска на левом берегу р. Аликоновка. Находится под укреплением Мокрая Балка 1, западнее его. Занимает мыс размерами 30×25 м, на поверхности видны задернованные остатки башни. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 175].

32. Поселение Кордон. Расположено на территории Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка на проселочной дороге в сторону города, идущей через лесопосадки правее ферм за небольшой искусственной запрудой. На территории поселения собран подъемный материал, найдены каменные ящики в срезе у дороги. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 173].

33. Укрепление Замковое 2. Находится на территории Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка напротив укрепления Замковое 1. Занимает небольшой мыс с видимыми развалинами башни. С восточной стороны укрепления проходит дорога к дачам, находящимся напротив Митькиного кутана. Развалины каменной башни подпрямоугольной формы, размеры ее около 6×7 м, высота стен сохранилась до 50 см. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 168].

34. Поселение Митькин Кутан 1. Обнаружено в процессе разведки Д. С. Коробовым на территории Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка. Поселение занимает широкий мыс напротив Митькиного кутана. Вся территория мыса подвергается интенсивной застройке. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 153].

35. Скальный могильник Митькин Кутан 1. Находится в Кисловодске (№ 214 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Аликоновка в скальных навесах по левому и правому берегам руч. Митькин кутан в месте слияния его с Аликоновкой. Могильник открыт С. Н. Пьянковым в 1973 г. В 1975 г. А. П. Рунич доследовал 9 погребений (рис. 51, цв. вклейка). Памятник по сей день подвергается интенсивному разграблению: видны свежие следы. Так, при повторном осмотре могильника в 1998 г. мы обнаружили разрушенное погребение под навесом. Кости были разбросаны, погребальное сооружение и инвентарь не сохранились. Могильник относится к аланской эпохе (VIII–IX вв. н. э.) [Рунич, 1975*. С. 9–12; Ковалевская, 1976*. № 10. С. 18; Кореневский, 1984*. № 46. С. 78; Савенко, 1992*. С. 9; Коробов, 1996*. № 154].

36. Грунтовый могильник Луначарка 2. Расположен на территории Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка. В 1996 г. на холме восточнее холма Луначарка на окраине дачного поселка справа от дороги в Кисловодск Я. Б. Березиным в срезе обнаружен дромос, а в котловане здания – разрушенная камера катакомбы. Памятник активно застраивается. Культурная принадлежность аланская (V–VIII вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 147].

37, 38. Поселение Кугульское 2. Памятник находится на территории Кисловодска на правом берегу р. Кабардинка. Обнаружен Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко в 1996 г. в процессе проведения разведки по дороге на укрепление Кугуль справа от посадок, расположенных вдоль берега реки. В срезе по обеим сторонам дороги встречается подъемный материал, в основном кобанский. Длина поселения не менее 250 м, ширина – до 50 м. Встречены выходы культурного слоя серого цвета мощностью до 60 см. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 343].

39. Грунтовый катакомбный могильник Кугульский 2. Расположен на территории Кисловодска (№ 341 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Кабардинка. Могильник занимает нижнюю террасу на склоне всхолмления под скальными выходами мыса с укреплением у ручья. Катакомбы были задеты при нарезке лесных террас и обнаружены в 1963 г. учеником 7 класса В. Ценцерой. Катакомбы, часть из которых сделана в скале, находятся почти у истоков ручья – притока Кабардинки, в 20–25 м от дна балки. В 1963 г. А. П. Рунич доследовал 2 катакомбы, в 1964 г. –

еще 8. В 1982 г. в обрыве террасы выше раскопанного участка могильника был найден разрушенный комплекс, переданный С. Н. Савенко и включенный им в отчет. Культурная принадлежность могильника аланская (VI–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1963*. С. 9, 10; 1964*. С. 17–19; 1971а. С. 125, 126; 1976б. С. 144, 145; Ковалевская, 1976*. № 90. С. 29; Савенко, 1982*. С. 51, 52; Корневский, 1984*. № 27. С. 77; Березин, 1991*; Коробов, 1996*. № 348].

40. Поселение Кугульское 1. Административно памятник относится к территории Кисловодска (№ 342 по инвентарному списку). Находится на правом берегу р. Кабардинка на юго-западном склоне возвышенности Кугуль несколько выше катакомбного могильника Кугульский 1 под лесопосадками. Поселение известно с 1960-х гг., в 1991 г. его топоъемку осуществлял Я. Б. Березин. На склоне встречается подъемный материал аланской культуры (I тыс. н. э.) [Корневский, 1984*. № 27. С. 77; Коробов, 1996*. № 350].

41. Грунтовый катакомбный могильник Кугульский 1. Относится к территории Кисловодска (№ 341 по инвентарному списку памятников), находится на правом берегу р. Кабардинка. Могильник занимает верхние части склонов террасы, засаженной соснами, под укреплением Кугуль и склеповым могильником на южном и юго-западном склонах горы Кугуль. Катакомбы обнаружены в 1964 г. при нарезке террас для посадки деревьев. Погребения были устроены в довольно плотном глинистом песчанике. Всего было задето около 40 камер, из которых А. П. Руничем доследовано 34. В 1968 г. он же доследовал еще одно захоронение. Культурная принадлежность погребений аланская (VI–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1964*. С. 19–23; 1968*. С. 1; 1976б. С. 144, 145; Ковалевская, 1976*. № 90. С. 29; Корневский, 1984*. № 27. С. 77; Коробов, 1996*. № 347].

42. Грунтовый могильник Кугульский 4. Находится на территории Кисловодска (№ 345 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Кабардинка. Частично перекрывается катакомбным могильником Кугульский 1, расположенным на юго-западном склоне горы Кугуль. Здесь Я. Б. Березин обнаружил захоронения в каменных ящиках, относящиеся к кобанской культуре (VIII–VI вв. до н. э.) [Корневский, 1984*. № 27. С. 77; Березин, 1991*; Коробов, 1996*. № 349].

43. Склеповый могильник Кугульский Западный (Кугульский 3 по Я. Б. Березину). Относится к территории Кисловодска (№ 343 по инвентарному списку памятников), находится на правом берегу р. Кабардинка. Склепы расположены в северо-западной части мыса, занятого укреплением Кугуль, над катакомбными могильниками Кугульскими 1 и 2. Шесть каменных склепов здесь были раскопаны А. П. Руничем в 1975 г., некоторые из них еще видны на поверхности. Культурная принадлежность аланская (VI–VII вв. н. э.) [Рунич, 1975*. С. 3–9; 1976б. С. 144, 145; Ковалевская, 1976*. № 89. С. 29; Корневский, 1984*. № 27. С. 77; Березин, 1991*; Коробов, 1996*. № 345].

44. Укрепление Кугульское (Кабардинское 1 по Г. Е. Афанасьеву). Расположено на территории Кисловодска (№ 340 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Кабардинка. Обследовано А. П. Руничем в 1975 г., им же составлено описание памятника. Укрепление занимает верхнюю часть возвышенности Кугуль, которая представляет собой узкий мыс, вытянутый с юго-востока на северо-запад. В средней части мыса склоны особенно круты, а у вершины становятся отвесными, достигая в высоту 4–7 м. Поперек мыса с северо-запада на юго-восток в песчанике были вырублены рвы, за которыми сохранились руины, видимо от башен и стен, которые подходили к отвесным обрывам. Высота руин северо-западной башни от современного уровня дна рва – 6 м, а юго-восточной – 5,3 м. На территории укрепления между башнями видны следы от существовавших небольших строений. Культурная принадлежность памятника аланская (V–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1975*. С. 3, 4; 1976б. С. 144, 145; Афанасьев, 1975. С. 55; Ковалевская, 1976*. № 88. С. 29; Корневский, 1984*. № 27. С. 77; Коробов, 1996*. № 344].

45. Склеповый могильник Кугульский Восточный (Кугульский 3 по Я. Б. Березину). Разделение склеповых могильников на западный и восточный оправданно. Памятник находится на правом берегу р. Кабардинка на мысу с юго-восточной стороны от укрепления Кугуль в окрестно-

стях Кисловодска (№ 344 по инвентарному списку). На поверхности видны западины от раскопанных склепов. Культурная принадлежность аланская (VII–VIII вв. н. э.) [Кореневский, 1984*. № 27. С. 77; Березин, 1991*; Коробов, 1996*. № 346].

46. Поселение Барановская Горка (Кисловодское по В. В. Бобину). Расположено на территории Кисловодского курортного парка (№ 302 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Ольховка на территории санатория им. Горького. Обнаружено при строительстве санатория и частично исследовано в 1951 г. В. В. Бобиным. Остатки культурного слоя толщиной более 1 м, кладки из плитняка, обломки каменных ступ и зернотерок отмечены на южном склоне Крестовой горки. В золистом слое – кости животных, много обломков обожженной обмазки, многочисленные фрагменты лепной посуды. Остатки слоя на Барановской горке отмечены при раскопках могильника (см. ниже). Слой датируется концом II – началом I тыс. до н. э. и относится к кобанской культуре [Бобин, 1957. С. 60; 1958. С. 153, 155–156; Ковалевская, 1976*. № 49. С. 24; Козенкова, 1989. № 84. С. 36; Коробов, 1996*. № 295].

47. Грунтовый могильник Санаторий им. Горького (Крестовая Горка, Кисловодский). Памятник находится на территории Кисловодского курортного парка (№ 303 по инвентарному списку) на правом берегу р. Ольховка на территории санатория им. Горького в районе фонтана. Могильник расположен в лощине между Барановской и Крестовой горками и на Крестовой горке. Был исследован при строительстве санатория в начале 1930-х гг. Раскопано более 23 погребений: 8 в 1932–1933 гг. проф. Ешевским, В. В. Поповым и С. Н. Замятниным; 13 в 1937, 1946, 1951, 1955 гг. В. В. Бобиным и одно из них – Н. М. Егоровым; 1 погребение в 1956 г. Е. И. Крупновым; 1 погребение в 1968 г. Н. Н. Михайловым. Кроме того, за все годы собраны многочисленные предметы из разрушенных могил. Могильник состоял преимущественно из каменных ящиков, сооруженных из массивных плит, с перекрытиями из одной или двух плит. Между могилами зафиксированы культовые очаги с остатками тризны (раскопки С. Н. Замятина 1933 г.). На Крестовой горке могильник перекрывал слой более раннего поселения (см. ниже). Культурная принадлежность раскопанных погребений кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Замятнин, 1935. С. 216; Иессен. Папка 16*; Бобин, 1955*; 1957. С. 53; 1958. С. 147; Крупнов, 1958. С. 105, 109; 1960. С. 180, 181; Ковалевская, 1976*. № 34. С. 22; Кореневский, 1984*. № 4. С. 76; Козенкова, 1989. № 83. С. 35, 36; Коробов, 1996*. № 292, 294].

49, 50. Поселение Крестовая Горка (Крестовое, Кисловодское). Расположено на территории Кисловодского курортного парка (№ 301 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Ольховка выше могильника Крестовая Горка в мысовой части у санатория им. Горького. По литературе оно составляет одно поселение с описанными выше (№ 46), однако в подъемном материале встречаются также фрагменты сосудов аланской эпохи. В 1998 г. в связи с проектом восстановления исторического мемориала на Крестовой горе И. А. Лачинов и С. Н. Савенко исследовали участок (около 75 м²) у западного края возвышенности. Выявлены остатки двух керамических мастерских – построек и горнов середины I тыс. до н. э.

Культурная принадлежность памятника кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланская (I тыс. н. э.) [Бобин, 1957. С. 60; 1958. С. 153, 155, 156; Ковалевская, 1976*. № 34. С. 22; Кореневский, 1984*. № 1. С. 76; Козенкова, 1989. № 84. С. 36; Коробов, 1996*. № 291; Лачинов, Савенко, 2000б. С. 193–195].

51. Грунтовый могильник на ул. Коминтерна, 32 (Санаторий «Кисловодск»). Расположен на территории Кисловодского курортного парка (№ 304 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Ольховка за высотным корпусом на территории санатория «Луч» в верхней части ул. Коминтерна. Обнаружен при строительстве санатория ОГПУ в 1932 г. В Пятигорский музей поступили предметы из разрушенных на глубине 1,5 м могил, среди которых кинжаловидные привески, бронзовая гривна, бронзовые булавки с витым стержнем и другое. В настоящее время мо-

гильник почти полностью застроен, культурная принадлежность его кобанская (VIII–VII вв. до н. э.) [Козенкова, 1989. № 99. С. 39; Коробов, 1996*. № 238],

52. Грунтовый могильник Проспект Ленина (Реброва Балка 2). Памятник расположен на территории Кисловодска (№ 169 по инвентарному списку) на пересечении просп. Ленина и ул. Санаторной между санаториями им. Кирова и им. Димитрова. При рытье траншеи в 1956 г. обнаружено погребение (катакомба?), среди инвентаря которого – сабля. Культурная принадлежность аланская (VIII–X вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 285].

53. Поселение Смена. Памятник (№ 166 по инвентарному списку) находится в центральной части г. Кисловодска в курортной зоне на территории санатория «Смена» у подножия скалы на юго-западной оконечности Георгиевского плато рядом с корпусами гостиницы «Кавказ». Площадь поселения около 0,12 га, с севера оно ограничено скалой, с юга – строениями санатория «Смена», границы с запада и востока определялись условно, по подъемному материалу. В настоящее время территория поселения является частью рекреационной зоны, засажена лиственными деревьями и кустарником. Поселение обнаружено в 1994 г. Я. Б. Березиным по выходам культурного слоя в срезе котлована при строительстве нового корпуса санатория. Котлован уничтожил значительную часть поселения. Для уточнения структуры культурного слоя был заложен шурф 2×2 м, где обнаружен материал аланской культуры (середина I тыс. н. э.) [Березин, 1994*. С. 1, 2; Коробов, 1996*. № 287].

54. Грунтовый могильник Санаторий «Смена». Находится ниже поселения Смена на асфальтовой площадке при подъезде к гостинице «Кавказ». Катакомбные погребения доследованы здесь при постройке жилых бараков в 1949–1950 гг. на территории, вплотную примыкающей с юго-запада к поселению Смена. По словам местных жителей, разрушались «подземные пещерки», в которых находили бусы, глиняную посуду, ржавые ножи, а также деформированные черепа. Материалы не сохранились. Предполагаемая культурная принадлежность памятника аланская (I тыс. н. э.) [Березин, 1994*. С. 2; Коробов, 1996*. № 286].

55. Грунтовый могильник Аэрофлот (Вокзальный 1). Расположен на территории Кисловодска (№ 299 по инвентарному списку памятников) возле железнодорожного вокзала и Курбюро рядом с основным зданием музея «Дача Шалапина». Памятник обнаружен при строительстве старых касс «Аэрофлота», в настоящее время он почти полностью застроен. Культурная принадлежность сарматская (I–III вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 288].

56. Грунтовый могильник Кафе Космос (Вокзальный 2). Памятник (№ 300 по инвентарному списку) обнаружен при строительстве кафе «Космос» напротив железнодорожного вокзала г. Кисловодска у северного подножия горы Крестовой. Каменные ящики найдены при прокладке траншеи для водопровода от железнодорожного общежития к строящемуся кафе и доследованы Н. Н. Михайловым и А. П. Руничем. Исследовано 4 погребения (каменный ящик в 1960 г. и 2 каменных ящика и грунтовая яма в 1962 г.). Вещевой комплекс датируется VIII–VII вв. до н. э. Могильник относится к кобанской культуре [Рунич, 1962*. С. 16–18; Михайлов, 1960а; 1964*; Папка «Павильон Г. В. Ф.»*; Кореневский, 1984*. № 2. С. 76; Козенкова, 1989. № 83. С. 36; Коробов, 1996*. № 289].

57. Грунтовый могильник Театральный (Курзал). Расположен на территории кафе «Театральное» рядом с курзалом г. Кисловодска (№ 298 по инвентарному списку памятников). Погребения сарматской культуры (I–III вв. н. э.) обнаружены в 1960-е гг. при строительстве кафе. Некоторые материалы хранятся в Кисловодском краеведческом музее [Коробов, 1996*. № 290].

58. Грунтовый могильник Буденновская Слобода 1. Находится на левом берегу р. Белая у школы № 7 г. Кисловодска (№ 177 по инвентарному списку памятников). Могильник ныне почти полностью застроен. Культурная принадлежность сарматская (II–III вв. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 37. С. 23; Коробов, 1996*. № 234].

59. Поселение Буденновская Слобода 1. Расположено на территории Кисловодска (№ 177 по инвентарному списку памятников). Поселение занимает холм рядом с кладбищем между улицами

Котовского и Минеральной и левым берегом р. Белой. Найдены подъемный материал кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 233].

60. Грунтовый могильник Белореченский 1. Памятник находится на территории Кисловодска (№ 179 по инвентарному списку) на левом берегу р. Белая на склоне над участком городского кладбища № 2 1950–1970-х гг. Могильник открыт в 1969 г. Н. Н. Михайловым и В. Б. Виноградовым. О существовании могильника узнали из сообщения работника кладбища о том, что во время рытья ям для современных могил неоднократно разрушались древние погребения. В 1969 г. были обследованы 4 частично разрушенные могилы кобанской культуры (VII–V вв. до н. э.) [Виноградов, Михайлов, 1969*. С. 3, 4; 1970. С. 97–99; Виноградов, 1972б. С. 62, 188, 338; Виноградов и др., 1976. С. 48, 49; Ковалевская, 1976*. № 108. С. 32; Козенкова, 1989. № 100. С. 39; Коробов, 1996*. № 231].

61. Поселение Санаторий «Москва». Расположено на территории санатория «Москва». Возле лестницы на площадке напротив санатория «Россия» Н. Н. Климовым найден подъемный материал сарматской культуры (I–III вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 237].

62. Поселение Решинка 1. Памятник находится в черте г. Кисловодска (№ 252 по инвентарному списку) под высоковольтной опорой на вершине холма, расположенного на правом берегу р. Березовой в 350 м от места ее слияния с р. Подкумок. Холм представляет собой небольшой выступ террасы, на склонах которой найдены обломок каменного браслета, ножевидные пластины и 8 отщепов из обсидиана и кремня (рис. 48), относящиеся к энеолитической эпохе (V–IV тыс. до н. э.) [Рунич, 1964*. С. 17; Коробов, 1996*. № 214].

63. Поселение Решинка 2. Расположено рядом с одноименным холмом (№ 252 по инвентарному списку, см. выше) справа от въезда в Кисловодск возле сектора частной застройки. В склоне С. Н. Савенко и В. А. Лученков в 1990 г. обнаружили размытую хозяйственную яму с фрагментами сосудов позднего средневековья (так называемая «старокабардинская культура» XV–XVII вв.) [Коробов, 1996*. № 215].

64, 65. Курганная группа ГПТУ-29. Находится на территории Кисловодска (№ 233 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Березовая на стройплощадке недалеко от ГПТУ-29 на ул. Станичной. Курганы 1 и 2 частично разрушены при строительстве. Возможно, часть курганов исследовал в 1881 г. Д. Я. Самоквасов как курганы в урочище «Три камня». Вероятная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.) – старокабардинская (XV–XVII вв.) [Самоквасов, 1908. С. 30; Козенкова, 1989. № 106. С. 40; Коробов, 1996*. № 218].

66. Поселение ГПТУ-29. Открыто Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко в 1996 г. во время обследования кургана 2 на территории ГПТУ-29 г. Кисловодска. Поселение занимает небольшой мыс (около 30×15 м), вытянутый с северо-запада на юго-восток, на котором расположен курган 2 группы ГПТУ-29 с триангуляционным пунктом. Часть мыса, вероятно, разрушена при строительстве здания ГПТУ. Собран подъемный материал – фрагменты сосудов сарматской культуры (I–III вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 217].

67. Курганная группа Ул. Черняховского (Сувенирная Фабрика). Находится на территории Кисловодска (№ 229 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Березовая на ул. Черняховского напротив сувенирной фабрики «Феникс» между улицами Станичная, Боргустанская и Черняховского.

Возможно, часть курганов этой группы, как и описанной выше (№ 64–65), относится к исследованным в 1881 г. Д. Я. Самоквасовым курганам в урочище «Три камня». В 1972 г. Г. Е. Афанасьев доследовал два погребения в кургане 3 по ул. Черняховского. В 1996 г. в результате повторного осмотра кургана Я. Б. Березиным была выявлена и доследована разрушенная каменная гробница центрального погребения. Затем, в том же году, курган был полностью раскопан экспедицией Санкт-Петербургского филиала Российского Института культурного и природного наследия под руковод-

ством А. А. Ковалева. Культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Самоковасов, 1908. С. 30; Афанасьев, 1973а. С. 113; Корневский, 1984*. № 11. С. 76; Козенкова, 1989. № 106. С. 40; Коробов, 1996*. № 223].

68. Курганная группа Попова Доля (Ул. Станичная, 38). Обнаружена в 1956 г. при строительных работах в южной части г. Кисловодска (№ 281 по инвентарному списку памятников) на ул. Станичной под огородами рядом с лестницей на террасу возле дома № 38. Согласно В. В. Бобину и Э. В. Ртвеладзе, здесь раскопано подкурганное захоронение в каменном ящике. Сохранились обломки железного ножа, глиняная бусина, две миски с наклепным и нарезным геометрическим орнаментом, сосуд с ручкой и корчага. Предметы переданы на хранение в ГИМ (инв. № 95193). В 1960 г., по Э. В. Ртвеладзе и Г. Е. Афанасьеву, обнаружено не менее трех погребений в каменных ящиках из четырех плит под курганными насыпями. По свидетельству Н. Н. Михайлова и В. Б. Виноградова, каменные ящики на ул. Станичной раскопаны в 1962 г. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Михайлов, 1962*; Виноградов, 1972б. С. 62, 103, 188–189, 335; Козенкова, 1989. № 99. С. 39; Коробов, 1996*. № 221].

69. Поселение Попова Доля. Находится на левом берегу р. Березовая в черте г. Кисловодска (№ 282 по инвентарному списку памятников) в местности, именуемой Попова Доля. С северо-востока поселение ограничено руслом реки, с юго-запада – отвесным обрывом (высота около 20 м), образованным выходом скальной породы. Поселение обследовано в 1969 г. Н. Н. Михайловым и В. Б. Виноградовым. Ширина поселения около 70 м, протяженность вдоль берега 200 м, на срезе дороги прослежен довольно мощный (до 1,5 м) культурный слой, обильно насыщенный кусками глиняной обмазки турлучных жилищ, костями животных и фрагментами глиняной круговой посуды, которая имеет близкие аналогии с посудой сарматского времени из окрестностей Кисловодска. Поселение может быть отнесено ориентировочно к сарматской культуре (I–III вв. н. э.) [Виноградов, Михайлов, 1969*. С. 1, 2; 1970. С. 97–99; Корневский, 1984*. № 57. С. 78; Коробов, 1996*. № 220]. Есть информация, что вблизи этого поселения на участке дома № 51 по ул. Станичной, принадлежащем Пьянковым, обнаружены катакомбные захоронения первых веков н.э.

70. Грунтовый могильник Набережная Улица. Расположен на территории Кисловодска на правом берегу р. Березовая в центральной части ул. Набережной в районе дома № 12 возле пер. Зеркальный. Катакомбы аланской культуры (IV–VIII вв. н. э.) доследованы при рытье котлована во время строительства дома [Коробов, 1996*. № 222].

71. Грунтовый могильник Подкумские Террасы. Памятник (№ 248 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок к северо-востоку от церкви на ул. Западной. Могильник занимает террасу реки справа от трассы у въезда в г. Кисловодск возле ул. Окопной. В 1990 г. В. А. Лученковым были обнаружены катакомбные погребения сарматской эпохи (I в. до н. э. – III в. н. э.). В 1993 г. несколько захоронений доследовано С. Н. Савенко [Коробов, 1996*. № 48].

72. Поселение Подкумские Террасы. Расположено на территории Кисловодска (№ 249 по инвентарному списку памятников) на правом берегу рек Березовая и Подкумок к западу и юго-западу от могильника Подкумские Террасы. Это старые районы станицы Кисловодской в районе улиц Крымушкинской, Окопной и Западной. Культурная принадлежность старокабардинская (XV–XVII вв.) [Коробов, 1996*. № 47].

73. Грунтовый могильник Сафоновский Родник. Каменные ящики этого могильника (№ 236 по инвентарному списку памятников) расположены на северо-восточной окраине Кисловодска на территории ДРСУ «Кисловодскгражданстрой». Могильник обнаружен Н. Н. Михайловым, который исследовал его в 1959–1960 гг. вместе с А. П. Руничем. По воспоминаниям Э. В. Ртвеладзе, участвовавшего в этих работах, раскопано два больших каменных ящика, относящихся к кобанской культуре (VI–V вв. до н. э.) [Виноградов, 1972а, б. С. 61, 108, 109, 188, 189, 335; Козенкова, 1989. № 98. С. 38; Коробов, 1996*. № 52].

74. Курганная группа Плодоовощная База. Не сохранилась: разрушена при застройке дачами холма под возвышенностью «Три печи» на склоне отрогов Кабан-Горы. Встречались каменные ящики эпохи средней бронзы. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 53].

75. Грунтовый могильник Три Печи. Расположен на территории Кисловодска на правом берегу р. Подкумок Занимает возвышенность, застроенную дачами, под холмом «Три печи» на юго-западном склоне отрогов Кабан-Горы. В 1996 г. во время разведки С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в срезе дороги над плодоовощной базой обнаружен дромос катакомбы шириной около 40 см на глубине около 50 см. Есть сведения, что Н. Н. Михайлов находил в этом месте катакомбные погребения. Предполагаемая культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 51].

76. Курганная группа Школа № 9. Памятник находится к северо-востоку от школы № 9 г. Кисловодска по ул. Калинина. Подкурганные захоронения найдены учителем истории Б. А. Королевым в 1950-е гг. при рытье траншеи во время строительства школы. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 50].

78. Грунтовый могильник Ул. Киевская. Каменные ящики были найдены В. И. Поповым при рытье траншеи на ул. Киевская между домами 6 и 7. Могильник почти полностью застроен. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 49].

79. Поселение Очистное 1 (№ 243 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Подкумок в конце ул. Чехова на северо-восточной окраине г. Кисловодска на возвышенности около очистных сооружений. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 43].

80. Грунтовый могильник Очистное 1. Памятник (№ 244 по инвентарному списку) занимает восточный склон холма, расположенного по соседству с поселением Очистное 1 (см. выше) в начале ул. Чехова. При осмотре могильника в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробов обнаружили практически полностью разрушенную камеру позднесарматской катакомбы (I–III вв. н. э.) с остатками костей рук погребенного. Найдено несколько фрагментов керамики в отвале под обрывом [Коробов, 1996*. № 44].

81. Поселение Казачка 1. Расположено на территории Кисловодска на левом берегу р. Ольховка. Поселение занимает восточный склон горы Казачка над Курортным бульваром. В 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым при осмотре поселения Казачка 2 (см. ниже) был найден подъемный материал – фрагменты керамики, возможно, сарматской культуры (I–III вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 5. С. 76; Коробов, 1996*. № 240].

82. Поселение Казачка 2. Занимает северный склон горы Казачья, находящейся на левом берегу р. Ольховка и правом – р. Березовой, со стороны просп. Первомайский в центре г. Кисловодска в месте слияния Березовой и Ольховки. Обнаружено в 1957 г. Н. Н. Михайловым. Среди подъемного материала 1957–1959, 1961 гг. – обломки грубых горшков с ногтевыми вдавлениями, рельефными полосами, тонкими нарезками, обломки мисок и сосудов с нарезным геометрическим орнаментом, узором в виде крупных наколов и ломаных линий.

Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Михайлов, 1957* (план и рис. керамики); Коробов, 1996*. № 5. С. 76; Козенкова, 1989. № 94. С. 38; Коробов, 1996*. № 241].

83. Грунтовый могильник Султан-Гора 1. Расположен на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 506 по инвентарному списку памятников) на правом берегу правого притока р. Ольховка юго-восточнее п. Нарзанный. Каменные ящики обнаружены во время рытья траншеи под силосную яму 7-й бригадой совхоза «Южный» в 1964 г. Находки переданы рабочими. В том же году А. П. Рунич доследовал на могильнике 9 погребений, в 1966 г. – еще 4 погребения, а в

1974 г. – 2 захоронения в силосных траншеях. В 1977 г. Н. Л. Членовой был заложен на могильнике раскоп размером 4×20 м, однако никаких захоронений найдено не было.

Погребения совершены в каменных ящиках из цельных больших плит или мелких плиток (рис. 52, цв. вклейка). Датируются VIII–IV вв. до н. э. и относятся к кобанской культуре [Рунич, 1964*. С. 1–5; 1966*. С. 2, 3; 1973б; 1974*. С. 12, 13; 1975б. С. 128, 129; Виноградов, Рунич, 1969. С. 104–111; Членова, 1977*; 1978. С. 148; Ковалевская, 1976*. № 99. С. 31; Кореневский, 1984*. № 26. С. 77; Козенкова, 1989. № 74. С. 34; Коробов, 1996*. № 337].

84. Грунтовый могильник Султан-Гора 2. Находится на правом берегу правого притока р. Ольховка на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 507 по инвентарному списку памятников). Погребения в каменных ящиках занимают южные склоны мыса, ошибочно названного Султан-Горой. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 99. С. 31; Кореневский, 1984*. № 26. С. 77; Коробов, 1996*. № 339].

85, 86. Укрепление Султан-Гора. Находится на правом берегу правого притока р. Ольховка в 1,5 км вверх по течению реки на скалистом мысу (ошибочно назван Султан-Горой). Памятник расположен в пределах Предгорного района Ставропольского края (№ 504 по инвентарному списку) в месте слияния р. Ольховки с балкой Узкой. Укрепление в виде башни небольших размеров (около 5×5 м). Среди подъемного материала встречается керамика сарматской (I в. до н. э. – III в. н. э.) и/или аланской (I–V вв. н. э.) эпохи [Кореневский, 1984*. № 26. С. 77; Коробов, 1996*. № 340].

87, 88. Поселение Султан-Гора 2 (№ 505 по инвентарному списку памятников). Находится на склонах мыса, занятого укреплением Султан-Гора (№ 85, 86). При повторном осмотре памятника в 1996 г. Н. Н. Климовым, Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко собран представительный подъемный материал, среди которого встречаются фрагменты керамики кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.), сарматской и аланской (I–V вв. н. э.) культуры [Коробов, 1996*. № 341].

89. Грунтовый могильник Султан-Гора 3 (Узкая Балка). Расположен на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 508 по инвентарному списку памятников) на правом берегу правого притока р. Ольховка в 200–250 м к северо-востоку по балке Узкая от могильника Султан-Гора 1 (№ 83). Обнаружен в 1966 г. А. П. Руничем, тогда же им доследованы 2 погребения. В 1976–1977 гг. на памятнике работала Кабардино-Пятигорская экспедиция ИА АН СССР под руководством Н. Л. Членовой; в 1976 г. раскопаны 7 захоронений, тризна и погребальное сооружение, в 1977 г. – 2 захоронения. В 1980 г. закончены исследования погребального сооружения. Н. Л. Членова установила, что под могильником располагается поселение так называемого «каменномогильного типа»; оно исследовалось в те же годы. Толщина культурного слоя поселения под найденным в 1976 г. погребальным сооружением составляет 1,2 м. Культурная принадлежность раскопанных погребений кобанская (XII–XI вв. до н. э.) [Рунич, 1966*. С. 4, 5; Виноградов и др., 1976; Членова, 1976*, 1977*; 1978. С. 148; 1981. С. 120; 1984. С. 235–241; Ковалевская, 1976*. № 99. С. 31; Терехова, 1983. С. 110–128; Кореневский, 1984*. № 26. С. 77; Козенкова, 1989. № 75. С. 34; Коробов, 1996*. № 338].

90. Грунтовый могильник Нарзанный 1. Каменный ящик расположен на северо-восточной окраине п. Нарзанный Предгорного района Ставропольского края, на правом берегу р. Ольховка справа от дороги в Кисловодск, в срезе. Он был доследован Я. Б. Березиным, обнаружившим погребение кобанской культуры (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 331].

91. Грунтовый могильник Лермонтовская Скала 2 (Лермонтовская Скала 1а по Я. Б. Березину). Широко известный памятник находится на территории Кисловодска (№ 346 по инвентарному списку) на правом берегу р. Ольховка в срезе дороги из Кисловодска возле дач. Могильник обнаружен учениками 5 класса Кисловодской школы № 10 В. Прониным и В. Ценцерой в 1962 г. при расширении дороги. Тогда же А. П. Рунич доследовал 3 погребения в каменных ящиках. В 1965 и 1967 гг. погребения доследовались Н. Н. Михайловым. При расширении дороги в 1970 г. были

разрушены захоронения в каменных ящиках, вещи переданы в Кисловодский краеведческий музей. А. П. Рунич доследовал 3 захоронения в ящиках. В 1972 г. он же доследовал одно погребение в каменном ящике, а в 1974 г. – еще одно. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Рунич, 1962*. С. 15, 16; 1970*. С. 2, 3; 1972*. С. 6–11; 1974*. С. 14; 1974а. С. 125; Михайлов, 1965б; Ковалевская, 1976*. № 92. С. 30; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Козенкова, 1989. № 77. С. 34; Коробов, 1996*. № 317].

92. Грунтовый могильник Лермонтовская Скала 2 (Лермонтовская скала 16 по Я. Б. Березину). Частично совпадает с территорией описанного выше памятника (№ 91), территориально относится к г. Кисловодску (№ 347 по инвентарному списку). Помимо каменных ящиков, в срезанном дорогой склоне исследованы катакомбные захоронения. В 1968 г. А. П. Рунич доследовал 3 катакомбы, в 1972 г. – 8. В сентябре 1981 г. проводилась реконструкция дороги, проходящей через могильник. Было разрушено несколько погребений: 3 каменных ящика и одна катакомба, которая была раскопана С. Н. Савенко. Культурная принадлежность погребений аланская (V–VII вв. н. э.) [Рунич, 1968*. С. 9, 10; 1972*. С. 6–10; 1974а. С. 125, 126; 1976а. С. 256–266; Ковалевская, 1976*. № 92. С. 30; Савенко, 1981*. С. 89–91; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Коробов, 1996*. № 318].

93. Поселение Лермонтовская Скала 3. Занимает скальный мыс, расположенный на территории Кисловодска, на правом берегу р. Ольховка напротив Лермонтовской скалы к северо-востоку от нее возле могильника Лермонтовская Скала 2 (справа от дороги из Кисловодска в п. Нарзанский). Известен только подъемный материал с поверхности поселения (сборы Н. Н. Михайлова, М. А. Гуськова, Г. Е. Афанасьева, Я. Б. Березина). Обнаружены многочисленные черепки с семечковидными вдавлениями, рядами круглых наколов, нарезным геометрическим орнаментом и налпными валиками с зашипами. По сведениям Н. Н. Михайлова, отсюда происходят находки бронзовых втульчатых наконечников стрел. Датирован слой VIII–VI вв. до н. э., относится к кобанской культуре [Афанасьев, 1975. С. 54, 55; Ковалевская, 1976*. № 91. С. 30; Березин, 1979. С. 114; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Козенкова, 1989. № 78. С. 34, 35; Коробов, 1996*. № 316].

94. Грунтовый могильник Высокогорный 3. Расположение памятника примерно определено Я. Б. Березиным по информации местных жителей, сам он не исследовался. Расположен на территории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Ольховка. Каменные ящики, найденные по дороге из Кисловодска в п. Высокогорный рядом с возвышенностью со столбом электропередачи напротив поселения Лермонтовская Скала 1, могут относиться и к средневековью, но наиболее вероятная культурная принадлежность могильника – кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 323].

95. Грунтовый могильник Сухая Ольховка. Занимает возвышенность справа от дороги в п. Высокогорный Предгорного района Ставропольского края, на левом берегу р. Сухая Ольховка в 1,7 км к северо-западу от поселка напротив поселения Лермонтовская Скала 1. Каменный ящик разрушен при рытье ямы для столба линии электропередач и доследован Я. Б. Березиным. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 324].

96. Грунтовый могильник Сухая Балка (Лермонтовская Скала 4 по Я. Б. Березину). Занимает северный склон естественного курганообразного холма диаметром около 50 и высотой 5–6 м, располагающегося на левом берегу р. Сухая Ольховка в 1,5 км к юго-востоку от крайних домов дачного поселка на юго-восточной окраине Кисловодска. Холм прорезан грунтовой дорогой, ведущей из Кисловодска в 1-е отделение совхоза «Южный». В 500–600 м к северо-востоку от центра холма в ущелье р. Ольховки расположен памятник природы – Лермонтовская скала. Рядом с холмом начинается обрыв в ущелье левого притока Ольховки – руч. Сухая Балка, по имени которого и назван памятник. Могильник обнаружен Я. Б. Березиным осенью 1983 г., тогда же им раскопаны 2 погребения в каменных ящиках, задетых при прокладке телефонного кабеля. В 1991 г. Я. Б. Березин составил план памятника и доследовал еще одно погребение, а в 1992 г. – еще 3 каменных ящика.

Вероятно, именно на месте этого могильника М. Н. Погребовой в 1969 г. был доследован каменный ящик, упоминаемый в монографии В. И. Козенковой под названием «могильник Южный». Культурная принадлежность обнаруженных погребений кобанская (VIII–VII вв. до н. э.) [Рунич, 1968*; Погребова, 1970. С. 107, 108; Виноградов, 1972а, б. С. 62, 332; Виноградов и др., 1976. С. 45, 46; Березин, 1983*. С. 1, 2; 1991*. С. 13, 14; 1992*. С. 9; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Козенкова, 1989. № 97. С. 38; Коробов, 1996*. № 321].

97. Грунтовый могильник Лермонтовская Скала 1 (Лермонтовская Скала 5 по Я. Б. Березину). Административно памятник относится к территории Кисловодска (№ 351 по инвентарному списку). Находится на левом берегу р. Сухая Ольховка на возвышенной террасе справа от дороги из Кисловодска в п. Высокогорный рядом с могильником Лермонтовская Скала 4. Катакомбные погребения были задеты при прокладке дороги к молочной ферме совхоза «Южный». Некоторые из катакомбных погребений выдолблены в песчанике, другие – в плотной слоистой мергелистой глине. В 1962 г. обнаружено 5 катакомб, исследованных А. П. Руничем. Им же была исследована 1 катакомба в 1963 г. и еще 8 катакомб в 1973 г. В 1992 г. Я. Б. Березин доследовал 1 катакомбу. Культурная принадлежность исследованных погребений аланская (VI–VII вв. н. э.) [Рунич, 1962*. С. 9–12; 1963*; 1972*. С. 8–10; 1973*. С. 1–6; Афанасьев, Рунич, 1970; Ковалевская, 1976*. № 96. С. 30; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Березин, 1992*. С. 12–14; Коробов, 1996*. № 322].

98, 99. Грунтовый могильник Высокогорный 1 (№ 451 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Сухая Ольховка на северной окраине п. Высокогорный Предгорного района Ставропольского края справа от дороги из Кисловодска, в траншее. Могильник располагается на мысу, образованном р. Сухая Ольховка и ее левым притоком. Через могильник проходят грунтовые дороги, которые и задели несколько погребений. В 1990 г. в краеведческий музей поступил сигнал о разрушении захоронений, два из которых доследованы Я. Б. Березиным тогда же, а еще 3 – в 1991 г. Культурная принадлежность позднесарматская – аланская (II–IV вв. н. э.) [Березин, 1990*. С. 19–21; 1991*. С. 9–13; Коробов, 1996*. № 326].

100, 801. Укрепление Высокогорное 2. Памятник (№ 450 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Сухая Ольховка в 300–350 м к северу от п. Высокогорный Предгорного района Ставропольского края на левобережной террасе р. Сухая Ольховка. На поверхности верхнего яруса видны остатки каменной башни, на нижнем ярусе – развалины каменных построек. Подъемный материал, встречающийся на укреплении, относится к кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культурам [Коробов, 1996*. № 325].

101. Поселение Высокогорное 2. Расположено к юго-востоку от п. Высокогорный на расстоянии около 200 м от крайних домов южной окраины на мысу слева от дороги из Кисловодска. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 328].

102. Святилище Лермонтовская Скала. Развалины сооружения перед укреплением Лермонтовская Скала, которое находится слева от дороги в п. Высокогорный. Административно памятник относится к территории Кисловодска. Расположен на левом берегу р. Сухая Ольховка. Вероятно, это он упоминается как «сглаженная крепостная стена» в отчете у В. Б. Ковалевской. Возможная культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 93. С. 30; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Коробов, 1996*. № 313].

103. Укрепление Лермонтовская Скала (Ольховское 1 по Г. Е. Афанасьеву). Расположено на территории Кисловодска (№ 354 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Ольховка. Укрепление занимает скальный мыс между реками Ольховкой и Сухой Ольховкой примерно в 200–250 м к юго-западу от Лермонтовской скалы. Цитадель располагается на мысу размерами 100×20 м. Посередине цитадели на 3 м возвышаются два каменных останца, от которых к юго-восточному обрыву идет оплывшая каменная стена длиной 11 и шириной 3 м. С внешней стороны к стене примыкают остатки фундамента двухкомнатной башни размерами 10×7,5 м. Вторая стена

длиной 8 м и шириной 3 м идет от останца до северо-западного обрыва. Камень брали на месте: на отвалившихся от останцов каменных глыбах видны ряды цилиндрических и клинообразных углублений, предназначенных для деревянных клиньев, с помощью которых выламывались блоки. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Гуськов, Афанасьев, 1974. С. 106, 107; Афанасьев, 1975. С. 55; Ковалевская, 1976*. № 95. С. 30; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Коробов, 1996*. № 312].

104. Печоринский склеп (склеповый могильник Лермонтовская Скала 3 по Я. Б. Березину). Памятник (№ 349 по инвентарному списку) находится на территории Кисловодска на левом берегу р. Ольховка на мысообразной возвышенности между укреплением Лермонтовская Скала и самой Лермонтовской скалой у слияния рек Ольховка и Сухая Ольховка. Склеп исследован А. П. Руничем в 1974 г., культурная принадлежность аланская (VI–VII вв. н. э.) [Рунич, 1974*. С. 14, 15; 1979. С. 232–234; Ковалевская, 1976*. № 94. С. 30; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Коробов, 1996*. № 320].

105, 106. Поселение Лермонтовская Скала 2 (№ 353 по инвентарному списку памятников). Относится к территории Кисловодска, находится на левом берегу р. Ольховка. Поселение занимает восточный склон Лермонтовской скалы. В обрывах и срезах мощность культурного слоя около 1 м. Встречается подъемный материал кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культур [Ковалевская, 1976*. № 93. С. 30; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Коробов, 1996*. № 315].

107. Грунтовый могильник Лермонтовская Скала 3 (У реки). Памятник (№ 348 по инвентарному списку) находится в юго-восточной части Кисловодска в дачной зоне в урочище р. Ольховки. Занимает северное подножие Лермонтовской скалы в 2 м ниже дневной поверхности, примерно в 5 м над уровнем реки. Обнаружен в обрыве правого и левого берега р. Ольховки в августе 1982 г. инженером С. Н. Пьянковым, передавшим в Кисловодский краеведческий музей предметы из разрушенных погребений. Один каменный ящик доследован Я. Б. Березиным в 1982 г., еще одно погребение – в 1992 г., а 2 каменных ящика – в 1994 г.

Могильник делится рекой на две части. На правом берегу погребения располагались на участке обрыва длиной не более 15 м, причем захоронения обнаруживаются на значительной глубине – до 3 м от поверхности. На левом берегу, наоборот, они разбросаны на значительной площади и находятся неглубоко. На момент осмотра Я. Б. Березину удалось зафиксировать 11 погребений, раскопанных ранее обитателями окрестных дач. После обнаружения могильника было раскопано и разрушено не менее 20 захоронений кобанской культуры (VI–V вв. до н. э.). В 2002 г. еще одно погребение в каменном ящике было доследовано А. Л. Чухаркиным. На правой стороне реки после размывов берега встречались и отдельные комплексы начала раннего средневековья. Много погребений погибло после сильного наводнения в июне-июле 2002 г. Предметы из них собирали местные жители [Березин, 1982*. С. 11; 1992*. С. 11, 12; 1994*. С. 5–11; Корневский, 1984*. № 24. С. 77; Коробов, 1996*. № 319; Чухаркин, 2002*].

108. Поселение Острый Мыс 2. Расположено на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 545 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Подкумок возле п. Подкумок. Поселение находится на небольшом плато и склонах отрогов Острого мыса справа от дороги в Кисловодск. В настоящее время частично разрушено при строительстве бензозаправки. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Березин, 1990*; Коробов, 1996*. № 27].

109. Грунтовый могильник Острый Мыс 1. Памятник (№ 547 по инвентарному списку) относится к территории Предгорного района Ставропольского края. Находится на левом берегу р. Подкумок на левом склоне балки к северу от мыса Острый. Катакомбный могильник найден и обследован А. П. Руничем в 1974 г. Доследованы 4 катакомбы и 8 погребений в ямах. В 1980 г. С. Н. Савенко разбил 2 раскопа с северо-западной (Р-1) и южной (Р-2) сторон раскопанной части могильника. В Р-1 не обнаружено ничего, в Р-2 – яма и заготовка дромоса. Культурная принадлежность обнару-

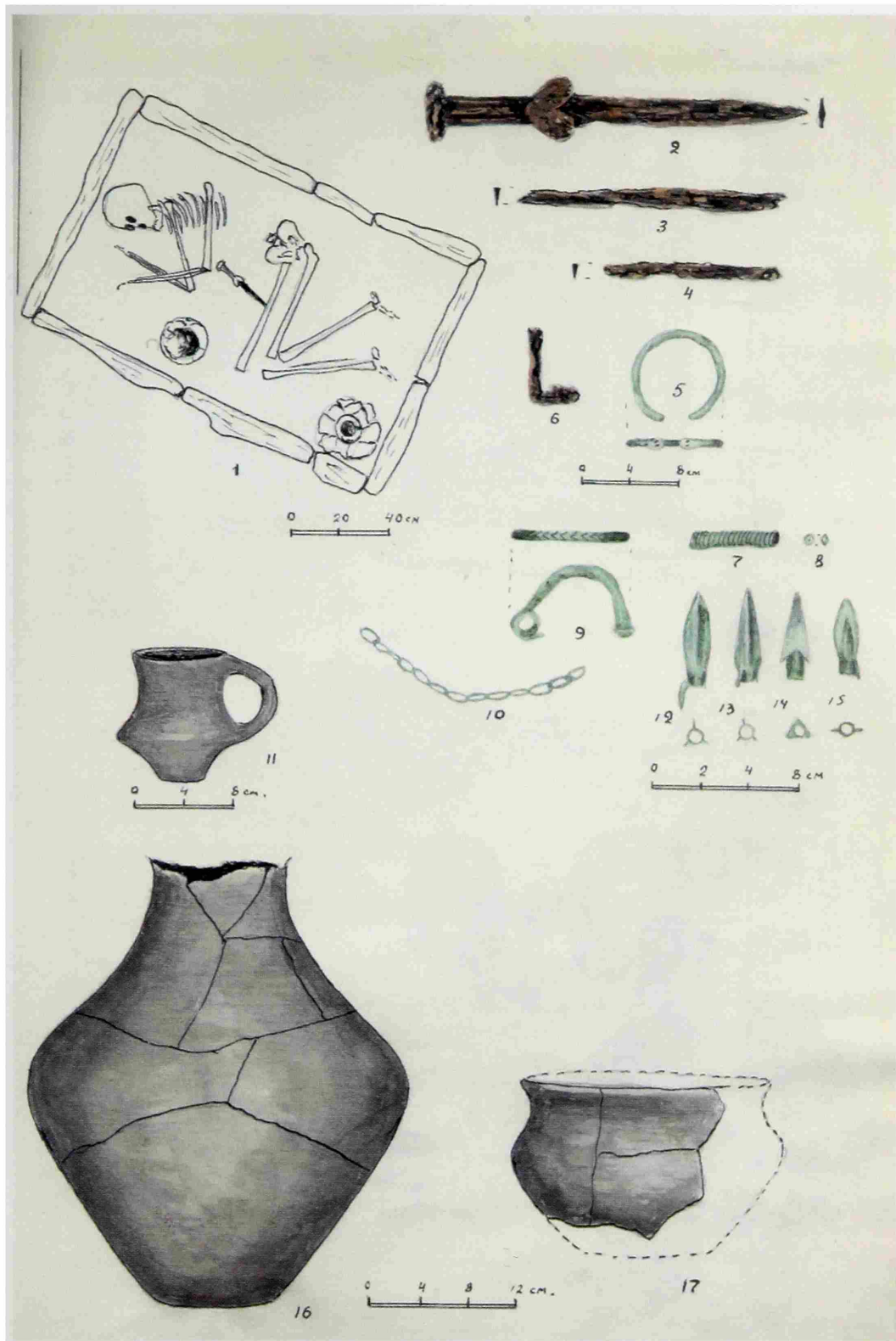

Рис. 52. Кобанское погребение 4 могильника Султан-гора 1 [Рунич, 1964*. Рис. 4]

1 – план погребения; 2 – железный акинак; 3, 4 – железные ножи; 5 – бронзовый браслет; 6 – железный крюк; 7 – бронзовая пронизка; 8 – стеклянные бусины; 9 – бронзовая фибула; 10 – бронзовая цепочка; 11 – керамическая кружка; 12–15 – бронзовые наконечники стрел; 16 – керамическая корчага; 17 – керамическая чашка

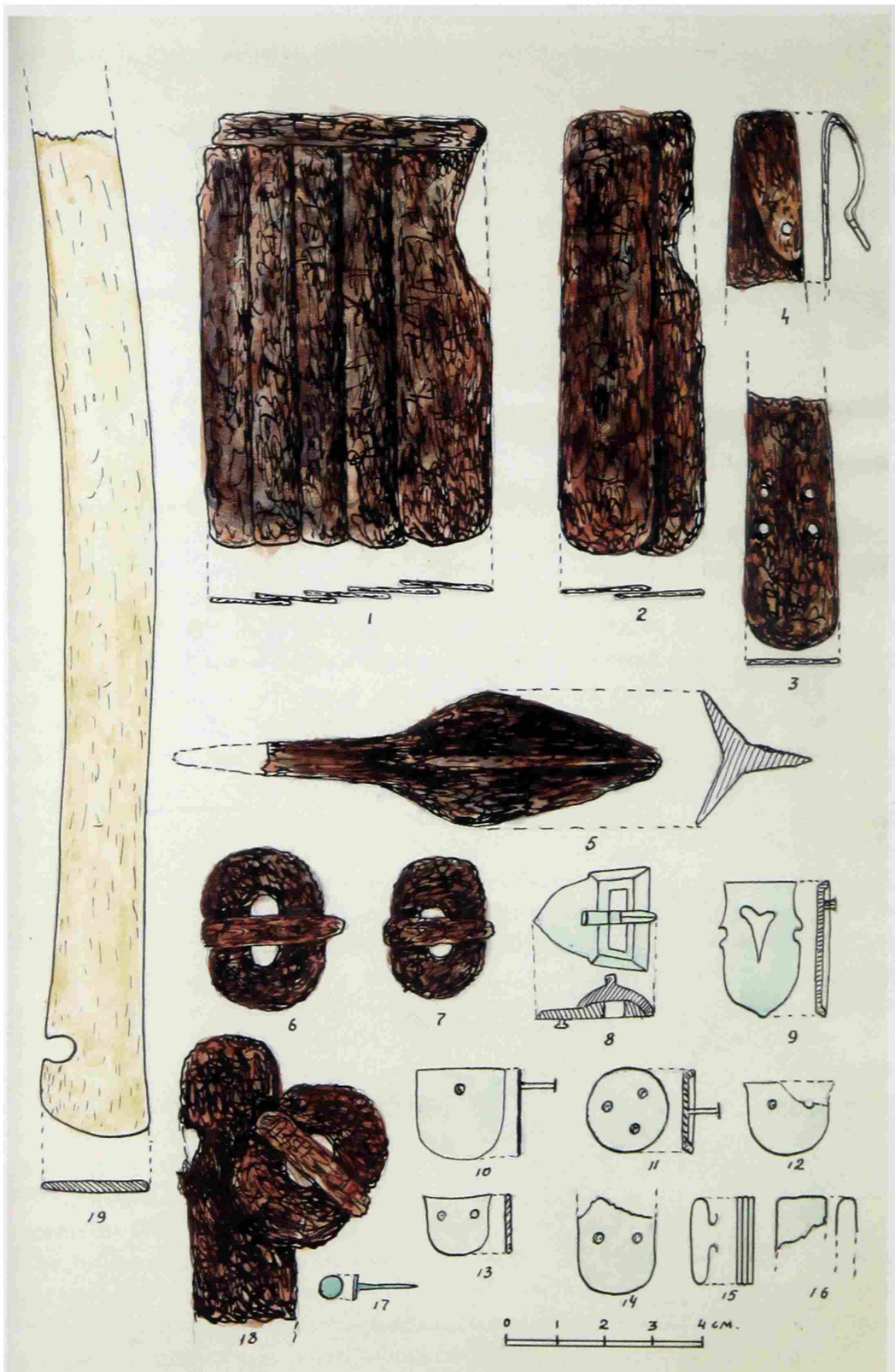

Рис. 54. Аланская катакомба могильника Острый мыс 2 эпохи раннего средневековья (продолжение) [Рунич, 1974*. Рис. 10]

1–4 – фрагменты железного панциря; 5 – железный наконечник стрелы; 6, 7 – железные пряжки; 8 – серебряная пряжка; 9–16 – серебряные детали поясного набора; 17 – бронзовый гвоздик; 18 – железная пластина от панциря с припаявшейся железной пряжкой; 19 – костяная накладка на лук

женных здесь захоронений аланская (III–VI вв. н. э.) [Рунич, 1974*. С. 2–6; 1975б. С. 128, 129; Ковалевская, 1976*. № 69. С. 26; Савенко, 1980*. С. 140–142; 1981. С. 116; Корневский, 1984*. № 14. С. 77; Коробов, 1996*. № 29].

110. Грунтовый могильник Острый Мыс 2 (№ 548 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок, в 250–300 м к северо-северо-востоку от могильника Острый Мыс 1. А. П. Руничем в 1974 г. здесь была раскопана одна катакомба (рис. 53; 54 цв.вклейка); до сих пор на поверхности сохранилась каменная оградка, по которой она и была обнаружена. Культурная принадлежность аланская (VII–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1974*. С. 6, 7; 1975б. С. 128, 129; 1977. С. 254–257; Коробов, 1996*. № 30].

111. Поселение Острый Мыс 3. Расположено на территории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Подкумок. Поселение занимает склон с восточной стороны Острого мыса. Было исследовано экспедицией ИИМК РАН в 1995 г. Культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 28].

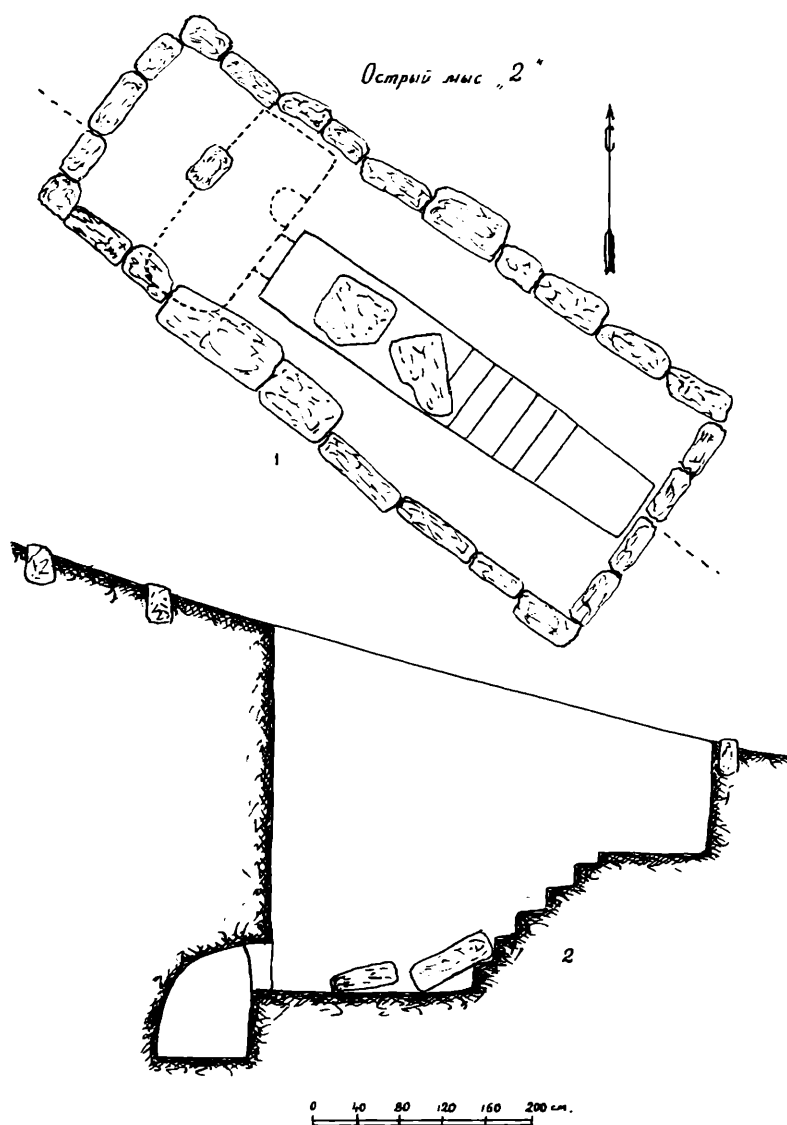

Рис. 53. Аланская катакомба могильника Острый мыс 2 эпохи раннего средневековья [Рунич, 1974*. Рис. 9]

1 – план погребального сооружения; 2 – разрез катакомбы

112. Укрепление Острый Мыс (Подкумское 3 по Г. Е. Афанасьеву). Памятник относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 543 по инвентарному списку) и находится на левом берегу р. Подкумок в 1,5 км к юго-западу от п. Подкумок на вершине одноименного скального мыса отрогов Боргустанского хребта. Укрепление описано А. П. Руничем в 1974 г. Оно имело длину 103 и среднюю ширину 14–15 м (площадь 0,15 га). Высота отвесных обрывов, которые его ограничивают, колеблется от 5 до 30 м. На почти плоской вершине теперь не сохранилось никаких следов от строений, кроме одного скопления расслоившегося известняка в центре укрепления.

В том месте, где этот мыс примыкает к плато, прослеживаются следы дороги шириной около 3 м, которая была местами вырублена в скале и вела из поселения в крепость. Там, где она выходит на гребень мыса, сохранились остатки оборонительного сооружения: своеобразный ров с почти отвесными стенками шириной 9 м и глубиной с нагорной стороны 4 м, вырубленный в песчанике, пересекал гребень с востока на запад; с севера в центральную часть рва вел вырубленный в песчанике спуск шириной 3,3 и длиной 10 м. Южная отвесная стенка рва имела высоту 5,4 м. Эта часть оборонительного сооружения была обрублена со всех сторон. В результате получился своеобразный пьедестал (7×8 м), к которому с запада подходят остатки стены толщиной около 3–4 м, перегораживающие эту часть мыса. На этом искусственно сделанном возвышении прослеживаются следы кладки башни из известняка размерами у основания около 7×6,5 м. Культурная принадлежность аланская (середина I тыс. н. э.) [Рунич, 1974*. С. 1, 2; 1975б. С. 128, 129; Афанасьев, 1975. С. 53; Ковалевская, 1976*. № 68. С. 26; Корневский, 1984*. № 14. С. 77; Коробов, 1996*. № 24].

113. Скальный могильник Острый Мыс. Находится на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 550 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Подкумок. Занимает правую сторону балки к юго-востоку от мыса Острого, примерно на середине расстояния между железнодорожным мостом через р. Подкумок и железнодорожной станцией Подкумок, приблизительно в 1 км к западу от железной дороги. Скальные захоронения исследовал А. П. Рунич. Всего сохранилось 6 камер, выдолбленных в песчанике. Из-за мягкости камня усыпальницы сохранились довольно плохо, и только 2 имели первоначальные очертания с хорошо выраженными заплечиками; на их стенках местами были видны следы от тесла. Все уцелевшие камеры примыкают к небольшому карнизу и находятся на высоте около 10–15 м от основания обрыва. Все они оказались пустыми, и только у подножия скалы, под погребениями, А. П. Рунич нашел обломки человеческих костей и одну пастовую бусину. Культурная принадлежность аланская (VII–IX вв. н. э.) [Рунич, 1971б. С. 173; Корневский, 1984*. № 14. С. 77; Коробов, 1996*. № 25].

114, 115. Поселение Острый Мыс 1 (№ 544 по инвентарному списку памятников). Относится к территории Предгорного района Ставропольского края. Расположено на левом берегу р. Подкумок к северо-востоку от Кисловодска на западном и восточном склонах мыса Острого. Остатки поселения стали известны в 1960-х гг. Подъемный материал с него использовался для хронологических определений объекта А. П. Руничем и Г. Е. Афанасьевым. В 1974 г. на поселении работал А. П. Рунич, который сделал его описание.

Поселение располагается на довольно крутом склоне подковообразной ложбины, открытой на юго-восток. Часть склона сильно повреждена карьером. Восточнее поселения находится небольшой родник, который, видимо, служил для водоснабжения жителей. Обломки керамической посуды, разбитые кости животных, зола и остатки каменной кладки, задетые карьером и огородами, указывают на то, что поселение, примыкавшее к скале, занимало площадь около 0,3–0,4 га. Выяснилось также, что существовавшие здесь строения представляли собой полуземлянки, врезанные в склон, и, очевидно, имели односкатные крыши. Однако размеры построек и планировку поселения без раскопок определить не удалось.

В 1980 г. памятник исследовал С. Н. Савенко, который выяснил, что большая часть поселения располагалась на западном склоне, культурный слой здесь был сильно разрушен при нарезке террас

в 1979 г. В стенке одной из террас в 60 м от скального обрыва мыса им был заложен раскоп 4×2 м, где обнаружено святилище – очаг и сосуды; в очаге найдены бусы, обломок бронзовой фигурки лошади, некоторые другие предметы. Ниже находилось сооружение, в материке – хозяйственные ямы с керамикой позднесарматского времени. Культурная принадлежность сарматская (II–IV вв. н. э.) и аланская (середина I тыс. н. э.) [Рунич, 1974*. С. 1, 2; 1975б. С. 128, 129; Афанасьев, 1975. С. 53–61; Савенко, 1980*. С. 142–148; 1981. С. 116; Корневский, 1984*. № 14. С. 77; Коробов, 1996*. № 26].

116. Грунтовый могильник Острый Мыс 3. Расположен на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 549 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Подкумок на правой стороне балки к юго-востоку от мыса Острога. Обнаружен в результате обследования местности, проведенного в 1990 г. Я. Б. Березиным, к юго-западу от южной оконечности скалы Острый мыс в срезе грунтовой дороги, проходящей по дну балочки. Могильник расположен на западном склоне балочки, его поверхность частично занята лесопосадками, частично – огородом.

В 1990 г. на территории могильника зафиксировано не менее 6 погребений – как разрушенных при прокладке дороги, так и ограбленных кладоискателями. Никаких находок не было, на поверхности обнаружены лишь несколько выброшенных человеческих костей и сосуд типа кружки. Дочистка погребений не производилась. Конструкция захоронений – катакомба с длинной входной ямой, перпендикулярной склону, более точно охарактеризовать их трудно из-за разрушенности. Еще одна катакомба была доследована здесь в 2000 г. Памятник получил название по месту расположения и порядковый номер. Наиболее вероятно его отнесение к позднесарматскому времени и раннему средневековью (III–VII вв. н. э.) [Березин, 1990*. С. 4, 5; Коробов, 1996*. № 31].

117, 118. Грунтовый могильник Граничный. Памятник относится к территории Предгорного района Ставропольского края, расположен на левом берегу р. Подкумок между Острым мысом и железнодорожным полотном за автодорогой от Острога мыса. В 1970-х гг. С. Н. Савенко обнаружил грунтовые ямы в осыпи, разрушенные растущей балкой. Культурная принадлежность погребений сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 32].

119, 120. Грот Юбилейный (№ 290 по инвентарному списку памятников). Грот находится в скале на левом берегу р. Подкумок у северо-восточной окраины промзоны г. Кисловодска возле котельной в лесопосадках в виде надписи «100 лет Ленин». В гроте мощный культурный слой с материальными остатками от эпохи поздней бронзы до позднего средневековья и современности. Основной материал относится к кобанской (I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культурам [Коробов, 1996*. № 58].

121. Поселение Автосервис (№ 289 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок на склоне отрога Боргустанского хребта в 100–150 м к северо-востоку от кисловодского городского комплекса обслуживания автомашин «Автосервис» и городского автовокзала. Поселение было обнаружено по выходу культурного слоя в срезе террасы, проложенной для постройки ЛЭП. Терраса шириной 10–12 м разрезает памятник примерно на две равные части, площадь поселения около 0,2 га. В верхней части культурный слой выражен гораздо ярче, поэтому в 1981 г. Я. Б. Березиным там был заложен раскоп. Вдоль обреза террасы была сделана зачистка длиной 8 м, превращенная затем в раскоп 4×4 м. Глубина залегания культурного слоя в раскопе около 3 м, мощность его около 1 м. В раскопе обнаружены остатки каменной стены длиной 2,6 м, шириной около 1,1 м и высотой до 1,12 м. Культурная принадлежность поселения сарматская (I–III вв. н. э.) [Березин, 1981а*. С. 39–46; 1983. С. 109; Корневский, 1984*. № 15. С. 77; Коробов, 1996*. № 59].

122. Поселение Крымушкинская Балка 2. Расположено на территории Кисловодска (№ 284 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Подкумок. Поселение занимает скалистый выступ левой стороны Крымушкинской балки. Встречается подъемный материал – керамика кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 63].

123. Грунтовый могильник АТХ 2. Памятник (№ 287 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Подкумок над автосервисом г. Кисловодска и ниже его на территории автотранспортного хозяйства (АТХ), занимая его северную часть и склоны за его пределами. Разрушенные каменные ящики, обнаруженные здесь, исследовал С. Л. Дударев. Культурная принадлежность найденных погребений кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 62].

124. Поселение АТХ. Расположено на территории Кисловодска (№ 288 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Подкумок к востоку от могильника АТХ 2. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 60].

125. Грунтовый могильник АТХ 1 (№ 286 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок в промзоне Кисловодска на территории грузового АТХ, расположенного возле развилки дорог на Ессентуки и п. Терезе. Катакомбные погребения, обнаруженные на этой территории, сейчас почти полностью застроены. Культурная принадлежность захоронений позднеаланская (XI–XII вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 61].

126. Грунтовый могильник Автовокзал. Памятник (№ 291 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Подкумок на территории автовокзала Кисловодска. Каменные ящики обнаружены при строительстве автовокзала; ныне могильник почти полностью застроен. Культурная принадлежность захоронений кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 68].

127. Грунтовый могильник Мебельная Фабрика 1. Широко известный памятник (№ 280 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Подкумок в промзоне Кисловодска в районе основного корпуса мебельной фабрики «Бештау». Обнаружен Н. Н. Михайловым и А. П. Руничем в 1958 г. при строительстве корпусов мебельной фабрики. Тогда же ими было доследовано 7 погребений, а в 1959 г. – 9 погребений. В 1970 г. В. Лученков доследовал 7 захоронений в каменных ящиках, еще 23 ящика были доследованы в 1971 г. и 2 погребения – в 1974 г. В 1977 г. В. Лученков обнаружил 2 погребения в 25 м к северо-западу от корпусов мебельного объединения «Бештау» и еще 2 – в 500 м к северо-востоку от них за корпусами мебельной фабрики. Предметы, найденные там, были переданы С. Л. Дудареву для включения в отчет. Ныне памятник практически полностью застроен. Культурная принадлежность захоронений кобанская (VIII–VII вв. до н. э.) [Егоров, 1959*; Иессен. Папка 16* (материалы по Кисловодску за 1958–1959 гг.; фото предметов из п. 6); Крупнов, 1960. С. 183, 205; Рунич, 1958*. С. 19–27; 1959*. С. 5–12; 1970*. С. 4, 5; 1971*. С. 4–10; 1974*. С. 15, 16; 1975б. С. 128, 129; Виноградов, 1972а, б. С. 326, 327, 333; Виноградов и др., 1976. С. 30–36; Ковалевская, 1976*. № 46. С. 23; Дударев, 1977*. С. 20, 21; Дударев, Березин, 1978. С. 117–119; Кореневский, 1984*. № 16. С. 77; Козенкова, 1989. № 91. С. 37; Коробов, 1996*. № 66].

128. Поселение Мебельная Фабрика. Поселение (№ 281 по инвентарному списку памятников) находится на левом берегу р. Подкумок в промзоне Кисловодска. Поселение длиной около 50 м располагалось на мысу и было разрушено в 1957–1958 гг. при строительстве основного здания мебельной фабрики «Бештау», а после засажено деревьями. В настоящее время памятник практически полностью застроен. В 1977 г. С. Л. Дударев и Я. Б. Березин исследовали участок разрушаемого строительством поселения. Расчищены остатки сооружений с полукруглой каменной стеной, два очага. Культурная принадлежность памятника кобанская (VIII–VII вв. до н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 45. С. 23; Дударев, Березин, 1978. С. 117–119; Кореневский, 1984*. № 16. С. 77; Коробов, 1996*. № 67].

129, 130. Поселение Промзона 1 и 2 (№ 293 по инвентарному списку памятников). Расположено на левом берегу р. Подкумок в юго-восточной части промзоны Кисловодска у сооружений «Автотехобслуживания». Памятник почти полностью застроен. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.), аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 40].

131. Поселение Подкумский Мост. Поселение находится на правом берегу р. Подкумок в районе старого автомобильного моста. Памятник (№ 247 по инвентарному списку) был открыт краеве-

дом В. А. Лученковым и исследован в 1977 г. С. Л. Дударевым. Поселение почти полностью уничтожено строительными работами и гравийным карьером. Ареал подъемного материала позволяет очертить границы памятника (размеры 300×175 м). В северо-восточной части поселения, в срезе карьера, обнаружены остатки каменной выкладки длиной 5 м, которые были доследованы с помощью раскопок. В раскопе размерами 2,5×6 м обнаружено помещение с двумя очагами и находки, относящиеся к кобанской культуре (VIII–VII вв. до н. э.) [Дударев, 1977*. С. 15–19; 1978. С. 78, 80; Дударев, Березин, 1978. С. 118; Козенкова, 1989. № 102. С. 40; Коробов, 1996*. № 41].

132. Поселение Железнодорожный Мост. Расположено на территории Кисловодска (№ 246 по инвентарному списку памятников) на правобережной высокой террасе р. Подкумок у въезда в город по автомобильной трассе с правой стороны к западу от железнодорожного моста. Впервые обследовано Н. Н. Михайловым в 1968 г., когда на территории поселения был заложен небольшой разведочный шурф. В 1969 г. поселение осматривали В. Б. Виноградов и Н. Н. Михайлов. Поселение занимает обширную площадь (около 8 га) и имеет культурный слой, мощность которого достигает 1,1 м. Керамика прекрасного черного лощения, преобладают миски, но нередки и горшки, кувшины, в том числе с зооморфными ручками, встречаются цилиндрические курильницы. Датируется поселение I–III вв. н. э. и относится к сарматской культуре [Виноградов, Рунич, 1969. С. 110–113, 117, 118; Виноградов, Михайлов, 1969*. С. 2, 3; 1970. С. 97–99; Коробов, 1996*. № 42].

133. Поселение Железнодорожное. Памятник (№ 245 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок в конце ул. Железнодорожная с левой стороны от железнодорожного полотна при въезде в Кисловодск. На протяжении около 150 м в осыпи видны следы культурного слоя серого цвета мощностью от 0,4 до 1,2 м, с золистыми прослойками. Культурная принадлежность сарматская (I–III вв. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 41. С. 23; Коробов, 1996*. № 45].

134. Грунтовый могильник Реброва Балка 1. Расположен на территории Кисловодска (№ 167 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Ольховка на углу ул. С. Перовской и просп. Ленина у филиала санатория «Кисловодск» на территории санатория им. Кирова. Памятник почти полностью застроен. Обнаружен при строительстве санатория ЦИК в 1934 г. Разрушено не менее 10 погребений начало I тыс. до н. э., возможно находившихся под одной курганной насыпью. В Пятигорский музей доставлены бронзовый наконечник копья, 2 точильных бруска, миска и горшочек с нарезным геометрическим орнаментом, бронзовая привеска и горшок без орнамента. Культурная принадлежность кобанская (X–VI вв. до н. э.) [Иессен. Папка № 16*; Козенкова, 1989. № 93. С. 38; Коробов, 1996*. № 284].

135, 136. Укрепление Ясли (Маркин Кош). Памятник (№ 238 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок на северо-восточной окраине города в 500–600 м к востоку от плодоовощной базы за кладбищем на возвышенности Маркин кош. Известно с конца 1960-х гг. Расположено на расстоянии 120–130 м к северо-северо-востоку от одноименного могильника на мысообразном выступе склона горы. С. Н. Савенко в 1981 г. осмотрел культурный слой поселения в срезах для лесопосадок. Им был сделан топографический план комплекса с выходами культурного слоя и собран подъемный материал. На мысообразном выступе над поселением имеются следы укрепления – фундаменты башнеобразной постройки с основанием из крупных камней. Подъемный материал на укреплении (керамика) характерен для эпохи раннего средневековья (2-я половина I тыс. н. э.), встречается керамика и сарматского облика (I–III вв. н. э.) [Савенко, 1981*. С. 88; 1983а. С. 130, 131; Кореневский, 1984*. № 8. С. 76; Коробов, 1996*. № 54].

137, 138. Поселение Ясли 1 и 2. Памятник расположен на территории Кисловодска (№ 239 по инвентарному списку) на правом берегу р. Подкумок. Занимает западный, северо-западный и северный склоны скального выступа Ясли. Поселение кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) частично перекрыто поселением эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 55].

139, 140. Поселение Крымушкинская Балка 1 (№ 282 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок, занимает мыс над АТХ г. Кисловодска к северу от застроенной части промзоны на скалистом выступе правой стороны Крымушкинской балки, ограниченном с трех сторон отвесными обрывами. Обнаружено А. П. Руничем в 1959 г. по фрагментам керамики, найденным по краю террасы. В центральной части площадки общей площадью около 2 га имеются возвышения и углубления, местами встречаются булыжники. В месте, где мыс подходит к основному массиву Боргустанского хребта и резко сужается, обнаружен небольшой гребень, из которого выступает булыжник. По расположению гребень напоминает остатки искусственного вала. Обнаружены многочисленные фрагменты керамики и наконечник стрелы. Поселения кобанского времени (1-я половина I тыс. до н. э.) и раннего средневековья (I тыс. н. э.) частично перекрывают друг друга [Рунич, 1959*. С. 34; Ковалевская, 1976*. № 66. С. 26; Козенкова, 1989. № 92. С. 37, 38; Коробов, 1996*. № 64].

141. Грунтовый могильник Мебельная Фабрика 2. Широко известный памятник (№ 285 по инвентарному списку) располагается на левом берегу р. Подкумок на территории мебельной фабрики «Бештау» за административным и основным корпусами. Обнаружен Н. Н. Михайловым и А. П. Руничем в зоне строительства по провалам грунта. В 1958 г. ими было доследовано 5 катакомб, в 1959 г. – 13. При обследовании вырытого котлована в 1965 г. А. Агачевым и В. Лученковым найдена одна катакомба. В 1970 г. В. А. Лученковым собраны случайные находки из одной–двух разрушенных катакомб. В настоящий момент территория памятника почти полностью застроена. Культурная принадлежность найденных погребений позднеаланская (XI–XII вв. н. э.) [Рунич, 1958*. С. 28–36; 1959*. С. 13–24; 1963. С. 241–243; 1966*. С. 14, 15; 1970*. С. 3; Ковалевская, 1976*. № 46. С. 23; Коробов, 1996*. № 65].

142. Курганная группа Кольцо-Гора 2 (курганы Тепличные по В. Б. Ковалевской). Группа (№ 197 по инвентарному списку памятников) находится на левом берегу р. Подкумок на гребне гряды на восточной окраине п. Мирный Предгорного района Ставропольского края слева от дороги из Кисловодска в п. Терезе. Курганы активно разграбляются. Культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 74. С. 27; Кореневский, 1984*. № 21. С. 77; Коробов, 1996*. № 90].

143. Укрепление Кольцо-Гора. Административно относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 258 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок на северо-западной окраине Кисловодска на вершине мыса, завершающегося широко известным памятником природы «Кольцо-Гора». Собственно укрепление представлено фундаментом прямоугольного строения, вероятно башни, размером 3,5×4 м, ориентированного по линии восток–запад с отклонением. Фундамент сложен из необработанных глыб песчаника, без следов связующего раствора, уложенных прямо на скальное основание. Естественное обнажение северо-западного угла здания показало, что кладка сохранилась на высоту двух рядов. По особенностям фортификации укрепление на Кольцо-Горе можно отнести к раннему средневековью (I тыс. н. э.) [Березин, 1989*. С. 2; Коробов, 1996*. № 85].

144. Грунтовый могильник Кольцо-Гора 1 (№ 262 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок на территории и возле городской АЗС у Кольцо-Горы. Расположен на грунтовой дороге в 300 м от старого гужевого моста через Подкумок и в 500–600 м от Кольцо-Горы. Это примерно в 1,5 км от западной окраины Кисловодска, вблизи пересечения дороги Кисловодск–Учкекен с проселочной дорогой на совхоз «Тепличный». Погребения найдены на восточном склоне и у подножия одного из отрогов Боргустанского хребта, полого спускающегося в долину Подкумка.

Памятник выявлен в начале 1950-х гг. Б. А. Королевым. Катакомбное погребение обнаружено А. П. Руничем в 1959 г. Он же в 1962 и 1965 гг. исследовал по одной катакомбе, а в 1964 г. – 2

катакомбы. В начале 1980-х гг. на памятнике продолжил работы С. Н. Савенко, исследовавший в 1980 г. 3 комплекса, в 1981 г. 11 катакомб, в 1982 г. 14 катакомб, в 1984 г. 10 катакомб. В 1981 г. на могильнике работал и Я. Б. Березин, раскопавший 7 катакомбных захоронений. В сентябре 1989 г. 2 катакомбы, обрушившиеся во время дождей, были исследованы экспедицией СГПИ под руководством А. Б. Белинского. Культурная принадлежность позднеаланская (XI–XII вв. н. э.) [Рунич, 1959*. С. 15, 16; 1962*; 1963. С. 243, 244; 1964*; 1965*; Савенко, 1980*–1983*; 1983а. С. 130, 131; 1983б. С. 105–109; 1984*; 1984а. С. 134; 1986а. С. 107, 108; 1986б. С. 75–92; Березин, 1981б*; Белинский и др., 1989*; Корневский, 1984*. № 20. С. 77; Коробов, 1996*. № 88].

145. Поселение Кольцо-Гора 1. Памятник относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 260 по инвентарному списку). Находится на левом берегу р. Подкумок на территории западной части тепличного комбината «Цветы Ставрополя» у АЗС. Поселение известно с конца 1920-х гг., в начале 1950-х гг. исследовалось местными археологами-краеведами, в 1959 г. – В. А. Кузнецовым. На поселении размерами примерно 600×300 м имеются западины, всхолмления и следы каменных стен помещений, а также небольшой культурный слой с фрагментами керамики позднеаланской культуры (X–XII вв. н. э.). При раскопках были обнаружены фрагменты котлов с внутренними ушками, в одной из хозяйственных ям найден человеческий скелет [Ковалевская, 1976*. № 62. С. 25; Корневский, 1984*. № 20. С. 77; Коробов, 1996*. № 86].

146. Поселение Кольцо-Гора 2 (№ 261 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок на территории АЗС при выезде на трассу Кисловодск–Учкекен. Территория поселения перекрыта восточной частью могильника Кольцо-Гора 1 (№ 144). Обнаружено С. Н. Савенко в 1984 г.: при раскопках могильника Кольцо-Гора 1 был затронут культурный слой поселения толщиной 0,6–0,8 м, в котором зафиксированы остатки бытовых сооружений. Культурная принадлежность докобанская и кобанская (конец II – 1-я половина I тыс. до н. э.) [Савенко, 1984*; 1986а. С. 107, 108; Коробов, 1996*. № 87].

147, 148. Курганная группа АЗС (Кольцо-Гора 1). Памятник (№ 257 по инвентарному списку) относится к территории Предгорного района Ставропольского края и находится на левом берегу р. Подкумок в районе горы Кольцо у поворота шоссейной дороги Учкекен–Кисловодск к совхозу «Тепличный». Один курган отстоял на 150 м к юго-западу от АЗС возле дороги Кисловодск–Учкекен. Высота насыпи около 2,5–3 м, сохранившийся диаметр 13–15 м. Повреждения на кургане обнаружил в 1975 г. инженер С. Н. Пьянков. Северо-восточную часть насыпи на ширину 6 м срезал бульдозер при прокладке газопровода. В срезанной части А. П. Рунич исследовал одно погребение в каменном ящике (рис. 55, цв. вклейка). Охранные осмотры проведены Я. Б. Березиным в 1981 г. В это же время еще один курган группы был почти полностью разрушен карьером. Я. Б. Березин исследовал одно погребение. Культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Рунич, 1975*. С. 15; Березин, 1981а*. С. 52, 53; 1983. С. 109; Коробов, 1996*. № 92].

149. Укрепление Казачий Редут (Пьяный Бугор). Памятник расположен на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 552 по инвентарному списку) на левом берегу р. Подкумок. Занимает высокий холм справа от дороги из Кисловодска в Минеральные Воды в 600–700 м к северо-востоку от окраины п. Подкумок. Фиксируются остатки фортификации: рвы, валы, позиция для орудия. Культурная принадлежность казачья (1-я половина XIX в.) [Коробов, 1996*. № 4].

150, 151. Курганная группа Подкумская 2 (№ 551 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок у северо-восточной окраины п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края возле автодороги на высокой террасе. Курганы расположены справа от дороги из Кисловодска на Минеральные Воды, тянутся от Казачьего Редута на северо-восток до р. Подкумок. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 3].

152. Укрепление Долина Очарования. Памятник (№ 553 по инвентарному списку) находится примерно в 2,2 км к северо-востоку от п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края на выступе высокой правобережной террасы р. Подкумок возле устья руч. Чугуева балка у полевого стана АО «Совхоз Эссентукский». На вершине останца – стела с надписью о погибших в 1918 г. красных комиссарах, которая, видимо, перенесена с какого-то другого места. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 5].

153, 182. Поселение Долина Очарования 1 (№ 554 по инвентарному списку памятников). Расположено на правом берегу р. Подкумок, занимает склон холма, на котором находится укрепление Долина Очарования, под дачной застройкой. Культурная принадлежность аланская и позднеаланская (I – начало II тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 6].

154. Грунтовый могильник Долина Очарования. Памятник (№ 555 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок и левом берегу руч. Чугуева балка, приблизительно в 1,5 км к северо-востоку от п. Подкумок на территории южной (верхней) части поселения Долина Очарования 1 (№ 153). На территории могильника В. А. Лученков в 1991 г. доследовал одну катакомбу без выразительного инвентаря. Предполагаемая датировка – I тыс. н. э. Культурная принадлежность аланская [Коробов, 1996*. № 7].

155, 156. Курганная группа Подкумская 1. Группа (№ 540 по инвентарному списку памятников) находится на правобережной террасе р. Подкумок в 550–600 м к востоку от п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края на территории дачных строений. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 18].

157. Поселение Подкумское 1. Расположено в 400–500 м к востоку от п. Подкумок (№ 539 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Подкумок. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 15].

158. Грунтовый могильник Подкумский 1. Памятник (№ 537 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок напротив одноименной железнодорожной станции в 350–400 м к юго-востоку от нее. Известен местным жителям с начала 1960-х гг. В 1970 г. осмотрен А. П. Руничем. В 1972–1975 гг. исследовался М. П. Абрамовой, раскопано 49 погребений (13 в 1973 г., 11 в 1974 г., 10 в 1975 г.). В начале июня 1990 г. Я. Б. Березину стало известно, что в районе раскопок М. П. Абрамовой началось дачное строительство. На холме, находящемся к северу от места работ М. П. Абрамовой, для строительства дома был вырыт котлован, в котором Я. Б. Березин доследовал 4 погребения. Культурная принадлежность обнаруженных захоронений сарматская (I–III вв. н. э.) [Абрамова, 1973*; 1973. С. 106, 107; 1974*, 1975*; 1975. С. 93, 94; 1987; Березин, 1990*. С. 13–16; Коробов, 1996*. № 16].

159. Грунтовый могильник Подкумский 2 (№ 538 по инвентарному списку памятников). Расположен примерно в 250 м к юго-западу от могильника Подкумский 1, также на правом берегу р. Подкумок у одноименного поселка. Могильник позднесарматского времени (II–III вв. н. э.), открыт В. А. Лученковым на территории курганной группы Подкумская 1 (№ 155, 156), на кургане, стоящем ближе к реке. Был обнаружен при осмотре котлована, вырытого на юго-восточном склоне курганообразной возвышенности. Исследовался Я. Б. Березиным в 1990 г. Доследованы два захоронения, оба значительно потревоженные грабителями [Березин, 1990*. С. 16–18; Коробов, 1996*. № 17].

160, 161. Курганная группа Кабардинская 1 («Кичи-Балык 12 км» по С. Н. Кореневскому). Памятник (№ 566 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Кабардинка примерно в 2,6–3 км к юго-востоку от п. Правоберезовский Предгорного района Ставропольского края на гребне Кабардинского хребта. Группа осмотрена в 1984 г. Ставропольской экспедицией ИА АН СССР (руководитель С. Н. Кореневский). При повторном осмотре Н. Н. Климовым и Д. С. Коробовым в

1996 г. обнаружено, что центральный курган (не менее 8 м высотой) сильно поврежден бульдозером 2–3 года назад. На поверхности видно не менее 5 насыпей, расположенных цепочкой по направлению запад–восток. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Корневский, 1984*. С. 71, 72; 1986б. С. 99; Коробов, 1996*. № 361].

162. Поселение Правоберезовское 1. Памятник административно относится к территории Кисловодска (№ 330 по инвентарному списку). Находится на левом берегу р. Кабардинка в 2 км к северу от п. Правоберезовский на склоне у берега безымянного ручья. Культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 278].

163. Грунтовый могильник Кабардинский. Расположен на территории Кисловодска на левом берегу р. Кабардинка справа от дороги в п. Индустрия из п. Кичи-Балык и Хасаут. Памятник открыт С. Н. Пьянковым или Ю. Харыбиным. Один каменный ящик виден на поверхности. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 360].

164. Поселение Шестой км. Поселение находится на левом берегу р. Кабардинка, примерно в 5 км к юго-западу от Кисловодска на 6-м км дороги из п. Индустрия в п. Хасаут. Местность представляет собой пологий склон, снижающийся на юго-восток к реке. В 1978 г. Кисловодским трестом зеленого хозяйства был снят дерн на участке справа от дороги, после чего обнажились россыпи камней, доследованные Я. Б. Березиным. Обнаруженные материалы относятся к майкопской культуре (III тыс. до н. э.) [Березин, 1978*. С. 3, 4; 1979. С. 114; Коробов, 1996*. № 359].

165. Укрепление Кабардинское 2. Занимает скальный мыс на левом берегу р. Кабардинка слева от дороги из Кисловодска в п. Кичи-Балык и Хасаут за поворотом после п. Индустрия напротив укрепления Кабардинское 1 (см. ниже) и могильника у подсобного хозяйства им. Семашко. Двухплощадочное укрепление открыто в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым; размеры верхней площадки 51×48 м, нижней – 43×37 м. В 2001 г. Д. С. Коробов повторно осмотрел памятник, осуществлены его инструментальная топосъемка, сбор подъемного материала и шурфовка. Зафиксированы три каменные постройки, расположенные на верхней площадке укрепления, заложены 2 шурфа (2×2 м) – в центральной части верхней площадки и на ровном склоне нижней. Отсутствие культурного слоя в шурфах показывает, что на данном укреплении жизнедеятельность протекала короткий промежуток времени. При этом в качестве жилых использовались лишь верхняя и средняя площадки в центральных их частях. Собранные в качестве подъемного материала фрагменты керамических сосудов относятся исключительно к аланской эпохе (VI–IX вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 357; 2001*. С. 30–34; 2003а. С. 278, 279].

166. Грунтовый могильник Индустрия 2. Могильник располагается на высоком левом берегу каньона Кабардинки в 3 км от Кисловодска. Стоит на учете (№ 334 по инвентарному списку памятников) и паспортизован. Захоронения совершены в каменных ящиках кобанской культуры (VIII–VII вв. до н. э.). В 2002 г. одно погребение на его территории было доследовано А. Л. Чухаркиным [Коробов, 1996*. № 353; Чухаркин, 2002*].

167, 168. Курганная группа Индустрия 1. Находится на левом берегу р. Кабардинка на южной окраине п. Индустрия справа от дороги из Кисловодска в п. Хасаут. Группа состоит из двух больших курганных насыпей высотой 4 и 6 м. Под государственную охрану взят курган 1 (№ 339 по инвентарному списку памятников), ближний к дороге. При осмотре кургана 2 в 1996 г. Д. С. Коробов и С. Н. Савенко выявили, что восточная пола его частично подрезана при прокладке дороги. Обнажены остатки погребения – разрушенного каменного ящика эпохи средней бронзы. Внутри обломков ящика был найден развал сосуда. Культурная принадлежность курганной группы майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Корневский, 1984*. № 28. С. 77; Коробов, 1996*. № 351].

169. Поселение Индустрия 1 (№ 335 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Кабардинка в 400–450 м к югу от п. Индустрия на окраине поселка. Поселение занимает площадку к юго-востоку от курганной группы Индустрия 1 (см. выше). Исследовалось в 1969 г. А. А. Формозовым. Культурная принадлежность майкопская (начало III тыс. до н. э.) [Формозов, 1969*; Корневский, 1984*. № 28. С. 77; Коробов, 1996*. № 352].

170, 171. Укрепление Кабардинское 1 (Индустрия 1 по Я. Б. Березину). Памятник (№ 364 по инвентарному списку) административно относится к Предгорному району Ставропольского края. Находится на правом берегу р. Кабардинка в 2 км к югу от п. Индустрия. Занимает северную оконечность водораздельного хребта между реками Большая и Малая Кабардинка. Обнаружено и описано в 1991 г. Я. Б. Березиным, им же составлен план. Территория укрепления со всех сторон, кроме южной, ограничена крутыми травянистыми склонами, плотно задернована. С южной стороны мыс укрепления отсечен вытянутым с запада на восток возвышением длиной около 40 м, шириной около 16 м и высотой 1–1,5 м. В его западной части есть еще одно возвышение, округлое, диаметром около 12 м, также задернованное. Вполне вероятно, что это остатки стены (вала?) с башней на краю. В северо-восточной части укрепления зафиксировано несколько задернованных бугров, возможно остатки строений. Длина укрепления (север–юг) 100 м, ширина в среднем 65 м, площадь 0,65 га. Площадь определяется по выходам керамики и рельефу местности. Ориентировочно укрепление можно датировать периодом раннего средневековья (I тыс. н. э.), но не исключено его существование в сарматскую эпоху (I–III вв. н. э.) [Березин, 1991*. С. 2; Коробов, 1996*. № 354].

172. Скальный могильник Кабардинка. Обнаруженный Я. Б. Березиным могильник находится на скальных террасах под укреплением Кабардинка 1 (№ 171) в месте слияния рек Большая и Малая Кабардинка на правом берегу р. Малая Кабардинка. Погребения совершены в каменных гробницах, находящихся под небольшим скальным навесом. Культурная принадлежность аланская (VIII–X вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 356].

173. Укрепление Игорская Балка. Относится к территории Предгорного района Ставропольского края, находится на левом берегу р. Ольховка. Укрепление обнаружено Я. Б. Березиным. Расположено на узком скальном мысу, ограниченном с правой стороны р. Ольховкой, с левой – Игорской балкой. На краю останца размерами 40×30 м видны остатки башни, отделенной рвом с перешейком. Укрепление сильно повреждено каменоломней. Видимо, оно упоминается в списке памятников В. Б. Ковалевской под № 97. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 97. С. 30, 31; Коробов, 1996*. № 335].

174. Грунтовый могильник Игорская Балка. Расположен на левом берегу р. Ольховка на склоне с западной стороны у подножия укрепления Игорская Балка (№ 173). На поверхности видны разрушенные катакомбные погребения, обнаруженные Я. Б. Березиным. Культурная принадлежность аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 336].

175. Поселение Белореченское 2 (№ 188 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Белая в 100–150 м к северо-востоку от северной окраины п. Белореченский в черте г. Кисловодска на склоне Джинальского хребта. Поселение расположено на крутом склоне, обращенном на юго-запад, изобилующем промоинами и срезами. Обнаружено Я. Б. Березиным в 1992 г., в одном из срезов найдена каменная кладка, которая была доследована. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Березин, 1992*. С. 15, 16; Коробов, 1996*. № 232].

176, 177. Поселение Кабан-Гора. Расположено на территории Кисловодска, на правом берегу р. Белая на склонах возвышенности и за укреплением Кабан-Гора (№ 177, 178), с севера ограничено скальным выходом. Впервые обследовано в 1968 г. В 1969 г. на поселении побывали В. Б. Виноградов и Н. Н. Михайлов, собравшие подъемный материал. На крутых склонах возвышенности, занятой поселением, в срезах террас лесопосадки произведены зачистки, подтвердившие, что культурный слой здесь невелик (0,4–0,6 м). Велись поиски могильника, так как в 1968 г. возле поселения

были зафиксированы два коллективных захоронения с инвентарем рубежа эр. Культурная принадлежность поселения, определяемая по подъемному материалу, сарматская (первые века н. э.) и позднеаланская (X–XII вв. н. э.) [Виноградов, Михайлов, 1969*. С. 2; 1970. С. 97–99; Виноградов, Рунич, 1969. С. 113–117; Корневский, 1984*. № 9. С. 76; Коробов, 1996*. № 226].

178, 390. Укрепление Кабан-Гора (№ 186 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Белая на одной из возвышенностей юго-западных отрогов Кабан-Горы над территорией пассажирского автотранспортного предприятия (ПАТП) № 2 г. Кисловодска. Вокруг укрепленной верхней части на склонах возвышенности – поселение. Культурная принадлежность сарматская (I в. до н. э. – III в. н. э.) и аланская (середина I тыс. н. э.). На верхней части возвышенности С. Л. Дударев в 1978 г. доследовал остатки культового сооружения с двухкамерным очагом [Виноградов, Рунич, 1969. С. 113–117; Дударев, 1978*. С. 22–25; 1979б. С. 124, 125; Ковалевская, 1976*. № 109. С. 32; Коробов, 1996*. № 225].

179. Грунтовый могильник Кабан-Гора 1. Находится на правом берегу р. Белая возле территории ПАТП № 2 г. Кисловодска в отрогах Кабан-Горы. При нарезке террас для посадки деревьев в 1968 г. В. А. Лученков обнаружил и доследовал склеповое сооружение с многоактными захоронениями. Культурная принадлежность сарматская (II в. до н. э. – I в. н. э.) [Рунич, 1968*. С. 12, 13; Виноградов, Рунич, 1969. С. 113–117; Ковалевская, 1976*. № 110. С. 32; Корневский, 1984*. № 9. С. 76; Коробов, 1996*. № 227].

180. Грунтовый могильник Белореченский 2. Памятник (№ 185 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Белая в северо-восточной части территории ПАТП № 1 г. Кисловодска. При строительстве площадки автоколонны заложенным карьером был частично разрушен могильник, что обнаружено В. А. Лученковым в 1973 г. По свидетельству рабочих, при строительстве было уничтожено около двух-трех десятков погребений. В том же году А. П. Рунич доследовал 11 погребений в каменных ящиках и грунтовых могилах, а в 1974 г. – еще одно захоронение. С 1977 г. могильник исследовался стационарно С. Л. Дударевым, который раскопал 7 захоронений в 1977 г., 16 – в 1978 и еще 6 – в 1980. В 1996 г. во время повторного осмотра памятника Н. Н. Климовым и Д. С. Коробовым в срезе обрыва обнаружено разрушенное погребение, от которого остался лишь развал сосуда. Культурная принадлежность захоронений кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Рунич, 1973*. С. 9–12; 1974*. С. 17; Дударев, 1977*. С. 1–14; 1978*; 1980*. С. 44–57; Дударев, Березин, 1978. С. 117–119; 1979. С. 124, 125; Дударев, 1981. С. 101, 102; Корневский, 1984*. № 10. С. 76; Козенкова, 1989. № 100. С. 39; Коробов, 1996*. № 230].

181. Поселение Белореченское 1 (ПАТП). Расположено на правом берегу р. Белая на территории ПАТП № 1 г. Кисловодска и в пределах индивидуальной застройки примерно в 500 м к северо-востоку от могильника Белореченский 2 (№ 180) на террасе между р. Белой и руч. Неволька. Почти полностью застроено. Культурная принадлежность поселения кобанская (середина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 229].

183. Грунтовый могильник Кабан-Гора 2 (№ 183 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Белая в 250–300 м к северо-западу от могильника Кабан-Гора 1 (№ 179). В 1970-х гг. неизвестными лицами была раскопана могила в виде каменного ящика на юго-восточном склоне Кабан-Горы, изрезанном лесопосадками. Памятник обследован С. Л. Дударевым. В каменных ящиках не обнаружено ни инвентаря, ни костей (кенотафы ?) [Дударев, 1978*. С. 22–25; Коробов, 1996*. № 228].

184. Поселение Ясли 3. Занимает площадку на правом берегу р. Подкумок в черте г. Кисловодска примерно в 400 м к северо-северо-западу от могильника Ясли. В 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробов на мысу около опоры ЛЭП обнаружили керамику, видимо сарматского времени (I–III вв. н. э.). В настоящее время территория поселения занята кооперативным хозяйством [Коробов, 1996*. № 56].

185. Грунтовый могильник Ясли (Маркин Кош). Памятник (№ 237 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок в 500–600 м к востоку от плодоовощной базы на северо-восточной окраине г. Кисловодска на западном склоне возвышенности Маркин кош. Возвышенность имеет скальные выходы песчаника с южной и западной сторон. Захоронения были задеты при нарезке террас для лесопосадок в 1967 г. В конце 1960-х гг. местный краевед Н. Н. Михайлов провел исследование 16 полуразрушенных и задетых катакомб. Материалы из ряда погребений, описания и рисунки хранятся в фондах Кисловодского краеведческого музея. В материалах имеется план с нанесенными погребениями. С. Н. Савенко в 1981 г. обследовал эту территорию, составил уточненный план могильника и, заложив два раскопа, исследовал 3 катакомбы аланской культуры (VI–VIII вв. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 111. С. 32; Савенко, 1981*. С. 82–88; 1983а. С. 130, 131; Кореневский, 1984*. № 7. С. 76; Коробов, 1996*. № 57].

186. Поселение Левоподкумское 1 (У городской свалки). Расположено в промзоне Кисловодска (№ 270 по инвентарному списку памятников) на левобережной террасе р. Подкумок к северу от нового городского озера. Открытое позднеаланское поселение XI–XII вв., обнаруженное в начале 1950-х гг. Б. А. Королевым. [Ковалевская, 1976*. № 39. С. 23; Коробов, 1996*. № 83].

187. Грунтовый могильник Левоподкумский (У городской свалки?). Памятник (№ 264 по инвентарному списку) находится на левобережной высокой террасе р. Подкумок к югу от комбината «Цветы Ставрополя» возле бывшей городской свалки. В 1965 г. А. Агачев обнаружил здесь в обрыве реки погребение в каменном ящике. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VII вв. до н. э.) [Рунич, 1965*. С. 15; Ковалевская, 1976*. № 40. С. 23; Козенкова, 1989. № 98. С. 38; Коробов, 1996*. № 84].

188. Грунтовый могильник Кольцо-Гора 2 (№ 263 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок в районе развилки автодорог Кисловодск–Учкекен и Кисловодск – п. Нежинский справа от дороги из Кисловодска. Обнаружен в 1968 г.; при расширении асфальтовой дороги был подрезан южный склон возвышенности. А. П. Рунич доследовал 5 катакомбных погребений; в 1992 г. С. Н. Савенко исследовал здесь еще одну катакомбу позднеаланской культуры (X–XI вв. н. э.) [Рунич, 1968*. С. 10; 1969*. С. 17; Ковалевская, 1976*. № 63. С. 26; Савенко, 1992*. С. 55–62; Коробов, 1996*. № 89].

189. Поселение Аланская Крепость 1. Памятник (№ 265 по инвентарному списку) расположен в черте г. Кисловодска на левом берегу р. Подкумок возле АЗС «Кольцо-Гора» под первой песчанковой грядой и мысообразным выступом «Аланская крепость». Открытое позднеаланское поселение (IX–XII вв. н. э.) было обнаружено Н. Н. Михайловым в 1960 г. А. П. Руничем в 1968 г. найдены прослойки золы, древесные угли, фрагменты керамики, жернова и кости животных. В 1973 г. в районе орехового сада В. Б. Ковалевская доследовала следы грабительских раскопок; найден развал каменной стены, расположенной параллельно склону и являющийся остатками жилища. Стратиграфический шурф на склоне возвышенности, заложенный в 1973 г. Г. Е. Афанасьевым и М. А. Гуськовым, показал наличие однородного культурного слоя мощностью до 3 м с фрагментами керамики, костяными поделками, обломками зернотерки и жернова [Рунич, 1968*. С. 11; Ковалевская, 1973*. С. 12–14; Афанасьев и др., 1974. С. 96, 97; Гуськов, Афанасьев, 1974. С. 106, 107; Кореневский, 1984*. № 19. С. 77; Коробов, 1996*. № 79].

190. Грунтовый могильник Аланская Крепость 1. Находится в черте г. Кисловодска (№ 268 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Подкумок под скальным мысом Аланская Крепость, расположенным в 200–300 м к востоку от Кольцо-Горы, на западном и юго-западном склонах. Раннесредневековый могильник (V–VIII вв. н. э.) обнаружен в 1968 г. А. П. Руничем, который доследовал 3 катакомбных захоронения. Отдельные разрушенные погребения докапывались на могильнике и в последующие годы [Рунич, 1968*. С. 11, 12; Ковалевская, 1976*. № 55. С. 25; Коробов, 1996*. № 81].

191. Поселение Аланская Крепость 2 (№ 266 по инвентарному списку памятников). Расположено на левом берегу р. Подкумок под скальной грядой между мысами Аланская Крепость и Кольцо-Гора. Открытое поселение находится на склонах отрогов Боргустанского хребта. Культурная принадлежность аланская (V–VIII вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 80].

192. Укрепление Аланская Крепость (Подкумское 1 по Г. Е. Афанасьеву). Укрепление (№ 267 по инвентарному списку памятников) находится на левом берегу р. Подкумок на возвышенности Аланская Крепость на нижнем и верхнем мысах. Занимает отрог Боргустанского хребта к востоку от Кольцо-Горы над шоссеиной дорогой из Кисловодска в Карачаевск. Обнаружено Н. Н. Михайловым и А. П. Руничем в 1960 г., описание памятника составлено Г. Е. Афанасьевым и М. А. Гуськовым.

Укрепление занимает территорию 130×70 м на мысу, ограниченном с трех сторон отвесными обрывами высотой до 20 м. К его северной части примыкает другой мыс, возвышающийся над первым на 5 м, на вершине которого прослежены остатки башни-замка, защищающей подступы с севера. Прямоугольное в плане здание состоит из двух помещений, размеры башни 11×9,8 м при толщине стен 0,4–0,8 м. Фундаменты двух других башен отчетливо видны на нижнем мысе. При исследовании сожженного жилища на укреплении найдены пряжки и детали поясного набора, каменный оселок, костяные поделки, зернотерки и жернова аланского времени (V–VIII вв. н. э.) [Ковалевская, 1973*. С. 12, 13; 1976*. № 54. С. 24; Рунич, 1974б. С. 103, 105; Афанасьев и др. 1974. С. 96, 97; Гуськов, Афанасьев, 1974. С. 106, 107; Афанасьев, 1975. С. 53, 60; Корневский, 1984*. № 9. С. 76; Коробов, 1996*. № 78].

193. Грунтовый могильник Аланская Крепость 2. Обнаружен Я. Б. Березиным в 1988 г. (№ 269 по инвентарному списку памятников). Находится под первой песчаниковой грядой в 150 м к югу от мыса Аланская Крепость. Найдены катакомбные захоронения аланской культуры (VI–X вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 82].

194, 195. Поселения Лесхоз 1, 2. Расположены в промзоне г. Кисловодска (№ 271, 272 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Подкумок в западной части территории конторы Мехлесхоза. В 1984 г. при раскопках южной части участка, занятого одноименным могильником (№ 196), Я. Б. Березин обнаружил на распаханной террасе под лесопосадками несколько фрагментов керамики, относящейся к кобанской культуре (Лесхоз 1) и позднеаланскому времени (Лесхоз 2). Датируется поселение 1-й половиной I тыс. до н. э. – X–XII вв. н. э. [Березин, 1984*. С. 5–8; Савенко, 1992*. С. 10; Коробов, 1996*. № 76, 77].

196. Грунтовый могильник Лесхоз (У городской свалки). Памятник находится на левом берегу р. Подкумок на северо-восточной и северной окраинах территории Мехлесхоза к северу от бывшей городской свалки Кисловодска. Катакомбный могильник обнаружен здесь А. П. Руничем и Н. Н. Михайловым в начале 1960-х гг. В 1969 г. была исследована 1 катакомба (рис. 56, цв. вклейка). Значительная часть могильника разрушена при строительстве хозяйственных дворов кисловодских предприятий, склон поврежден при террасировании под лесопосадки. В конце 1981 г. при разработке карьера в глубине балки за окраинными постройками промзоны г. Кисловодска, находящимися за зданием управления Лесхоза, разрушено не менее 15–20 захоронений. Остатки погребений в срезе на западной стороне балки были замечены членами городского археолого-краеведческого кружка «Искатель» и исследованы в 1982 г. под руководством С. Н. Савенко. Изучены 2 катакомбы и 1 жертвенный комплекс. В 1984 г. Я. Б. Березин раскопал на этом могильнике 4 катакомбы. Культурная принадлежность найденных захоронений позднеаланская (XI–XII вв. н. э.) [Рунич, 1969*. С. 14, 15; Березин, 1984*. С. 3–7; Савенко, 1982*. С. 45–49; 1984а. С. 134; 1992*. С. 10; Корневский, 1984*. № 40. С. 77; Коробов, 1996*. № 75].

197. Поселение Десять Пещер (№ 275 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок в промзоне г. Кисловодска на склонах отрогов Боргустанского хребта под

первой песчаниковой террасой у подножия мыса с выветрившимися пещерами, на котором расположено укрепление Тарный Склад (№ 198). Поселение известно с конца 1950-х гг., осмотрено С. Н. Савенко в 1992 г. Осмотр показал, что выходы культурного слоя фиксируются на склоне с восточной стороны от мыса, особенно в срезе дороги. Мощность его здесь 0,6–1,1 м. Также выходы культурного слоя зафиксированы с южной и юго-западной сторон у подножия скалы. Таким образом, поселение имело протяженность по линии запад–восток 100–120 м, от территории современного винзавода до небольшой балки, отделяющей юго-западный склон подножия скального мыса от отрогов следующей возвышенности, обнесенной лесопосадками. Южные границы не определяются. При повторном осмотре памятника в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробов в срезе со стороны дороги обнаружили остатки трех построек на расстоянии около 2 м друг от друга длиной около 5,8 м, заглубленных на 0,8–1 м. Встречаются развалы костей, угли, керамика. На поселении под укреплением Тарный Склад (см. ниже) были случайно найдены фоллисы Юстиниана I (525–565 гг.). Культурная принадлежность аланская (VI–X вв. н. э.) [Савенко, 1992*. С. 10, 49–55; Коробов, 1996*. № 74].

198. Укрепление Тарный Склад (Подкумское 2 по Г. Е. Афанасьеву). Памятник (№ 274 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Подкумок у северной окраины промзоны г. Кисловодска на мысообразном скальном выступе над территорией лесоторгового склада. Остатки стен снесены при выравнивании площадки. Культурная принадлежность памятника аланская (VI–IX вв. н. э.) [Афанасьев, 1973б. С. 76; 1975. С. 55, 60; Коробов, 1996*. № 73].

199. Грунтовый могильник Комбинат Стройматериалов (№ 278 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок на территории комбината стройматериалов г. Кисловодска возле поселения Комбинат Стройматериалов (№ 201, 202). В 1978 г. краевед В. А. Лученков обнаружил ряд предметов из двух разрушенных погребений, которые он передал С. Л. Дудареву для включения в отчет. В настоящий момент памятник практически полностью застроен. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Дударев, 1978*. С. 26, 27; 1979б. С. 124, 125; Кореневский, 1984*. № 18. С. 77; Коробов, 1996*. № 69].

200. Грунтовый могильник Винзавод. Памятник расположен в промзоне г. Кисловодска (№ 276 по инвентарному списку) на левом берегу р. Подкумок у северной границы территории Кисловодского винзавода. Обнаружен В. А. Лученковым в 1990 г., ныне практически полностью застроен. Известны находки здесь каменных ящиков кобанской культуры (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 71].

201, 202. Поселение Комбинат Стройматериалов. Памятник (№ 277 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Подкумок в промзоне г. Кисловодска на территории комбината стройматериалов и к северу от него. Поселение со слоями кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) и эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.), частично перекрывающимися друг друга, было найдено В. А. Лученковым в 1990 г. [Коробов, 1996*. № 72].

203. Грунтовый могильник Железнодорожный Мост. Расположен вблизи черты г. Кисловодска (№ 292 по инвентарному списку памятников) на левобережной пойменной террасе р. Подкумок в 150–200 м к северо-востоку от железнодорожного моста через него на землях Предгорного района. Могильник, вероятно, состоял из каменных ящиков кобанской культуры (VIII–VI вв. до н. э.). Обнаружен В. А. Лученковым [Коробов, 1996*. № 70].

204. Грунтовый могильник Рыбные Пруды (№ 255 по инвентарному списку памятников). Находится на западной окраине Кисловодска возле рыбных прудов в срезе на левом берегу р. Аликоновка у восточной границы территории форелевого хозяйства на возвышенной речной террасе. Раннесредневековый катакомбный могильник (VI–VIII вв. н. э.) открыт в начале 1960-х гг. Доследована одна катакомба [Коробов, 1996*. № 129].

205. Курганная группа Рыбные Пруды. Памятник (№ 256 по инвентарному списку) расположен недалеко от могильника Рыбные Пруды на возвышенной террасе левого берега р. Аликоновка в

районе ее впадения в р. Подкумок. Известна с конца 1950-х гг. На поверхности видны остатки распаханных невысоких курганов с каменными набросками, относящимися к позднесредневековым так называемым «старокабардинским» древностям (XV–XVII вв.) [Коробов, 1996*. № 130].

206, 207. Курганная группа Зеленогорские Сады (Нежинская 2 (?) по С. Н. Кореневскому). Находится на левом берегу р. Аликоновка у северо-западной окраины Кисловодска между электроподстанцией и форелевым хозяйством (№ 254 по инвентарному списку памятников). В 1983 г. экспедиция ИА АН СССР под руководством С. Н. Кореневского детально обследовала территорию, на которой расположено курганное поле у п. Нежинский Предгорного района Ставропольского края, условно подразделенное на три курганные группы. Экспедицией был снят план курганов и составлено их описание. В данной группе описано 6 курганов высотой до 10 м и диаметром до 62 м. В 1984 г. памятник изучал С. Н. Кореневский, раскопавший 2 кургана – № 2 и 4, а в 1986 г. им же был раскопан курган 5 этой группы, в котором обнаружено 22 захоронения майкопской (III тыс. до н. э.) и северокавказской (конец III – середина II тыс. до н. э.) культур [Кореневский, 1983*. С. 6, 7; 1984*. С. 3–60, № 37. С. 77; 1986*. С. 11–50; Кореневский, 1986а, б. С. 99; Кореневский и др., 1988. С. 130, 131; Коробов, 1996*. № 131].

208. Поселение Аликоновское 2. Расположено в черте г. Кисловодска на выезде из п. Аликоновка справа от дороги в п. Нежинский возле трансформаторной подстанции в 250–300 м к северо-западу от дороги и госпиталя «Велинград». Открытое поселение на левом, высоком, берегу Аликоновки. На поверхности склона и на кротовинах А. П. Рунич в 1964 г. нашел 9 отщепов и 1 нуклеус, относящиеся к майкопской культуре (1-я половина III тыс. до н. э.) [Рунич, 1964*. С. 17; Коробов, 1996*. № 133].

209. Одиночный курган Молочная Горка (№ 198 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Подкумок на западной окраине Кисловодска возле юго-западного угла территории госпиталя «Велинград» на возвышенной гряде. Сам отрог, на котором расположен курган, довольно круто спускается в сторону озера, а с запада сливается с возвышенностью, используемой под посевы. Одиночный курган высотой около 8 м, диаметром около 40 м, в полах которого обнаружен грунтовый могильник Агачевский (№ 210). Возможная культурная принадлежность кургана северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Рунич, 1965*. С. 1; Кореневский, 1984*. № 41. С. 78; Коробов, 1996*. № 134].

210. Грунтовый могильник Агачевский (№ 197 по инвентарному списку памятников). Находится в полах и рядом с курганом Молочная Горка (№ 209). Открыт в 1964 г. членами Кисловодской археологической секции В. Прониным и А. Агачевым. В 1965 г. А. П. Рунич доследовал 56 каменных ящиков, большинство из которых разрушено. Погребальный обряд и инвентарь сохранившихся захоронений носили черты кобанской культуры (IX–VII вв. до н. э.) [Рунич, 1965*. С. 1–10; Кореневский, 1984*. № 41. С. 78; Козенкова, 1989. № 85. С. 36; Коробов, 1996*. № 135].

211. Курганная группа Волчьи Ворота. Памятник (№ 523 по инвентарному списку) относится к территории Предгорного района Ставропольского края и находится на правом берегу р. Подкумок на южной гряде, ограничивающей урочище Клинь-Яр. Все 5 небольших (около 1–2,5 м высотой и 15–25 м диаметром) курганных насыпей с одиночными, видимо, катакомбными погребениями ограблены в начале 1990-х гг. Возможная культурная принадлежность аланская (IV–VII вв. н. э.) [Кореневский, 1984*. № 5. С. 78; Коробов, 1996*. № 113].

212. Грунтовый могильник Клинь-Яр 5. Могильник из каменных ящиков кобанской культуры (VIII–VI вв. до н. э.) расположен на территории Предгорного района Ставропольского края на правом берегу р. Подкумок на склонах к северу от так называемых Волчьих ворот слева от дороги в урочище Клинь-Яр примерно в 110–150 м к югу от бетонного завода [Коробов, 1996*. № 111].

213, 214, 802. Грунтовый могильник Малый Клинь-Яр 1. Относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 521 по инвентарному списку памятников), находится на правом

берегу р. Подкумок в 250–300 м к северо-западу от останца Клинь-Яр (Паровоз) на левой стороне одноименной балки. Погребения в каменных ящиках, грунтовых ямах и катакомбах были разрушены в ходе строительства дачного кооператива. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.), сарматская и аланская (1-я половина I тыс. н. э.) [Корневский, 1984*. № 36. С. 77; Коробов, 1996*. № 118].

215. Поселение Малый Клинь-Яр 1. Расположено на восточном и южном склонах подножий останца Малый Клинь-Яр на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 520 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Подкумок. Культурная принадлежность поселения, определяемая по подъемному материалу, аланская (IV–VIII вв. н. э.) [Корневский, 1984*. № 36. С. 77; Коробов, 1996*. № 116].

216. Укрепление Малый Клинь-Яр 1 (Клинь-Яр 2 по Г. Е. Афанасьеву, В. Б. Ковалевской, А. П. Руничу). Памятник (№ 519 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок на скальном мысу в западной оконечности урочища Клинь-Яр в 2–3 км к юго-западу от п. Нежинский Предгорного района Ставропольского края. Открыт в конце 1960-х гг. А. П. Руничем, описывался в 1973 и 1982 гг. В. Б. Ковалевской, в 1989 г. – Я. Б. Березиным, которыми были составлены планы укрепления.

Укрепление занимает скальный выступ высотой 7–8 м, длина его около 100 м, ширина от 12 до 55 м, с запада, с напольной стороны, его защищает каменная стена высотой до 2 м, сейчас имеющая вид задернованного вала с отдельными выходами камня. Цитадель неправильной формы, длиной 30 и шириной около 18 м, окружена со всех сторон отвесными обрывами высотой 5–15 м, и доступ на нее без использования элементов скалолазания невозможен. Поверхность цитадели задернована, в скале вырублена круглая цистерна диаметром около 2,2 и глубиной до 1,5 м. Укрепление, безусловно, относится к раннему средневековью, возможно к IV–VIII вв. н. э. [Рунич, 1974б. С. 101; Афанасьев, 1975; Ковалевская, 1973*. С. 11, 12; 1976*. № 59. С. 25; 1984в. С. 122; Корневский, 1984*. № 36. С. 77; Березин, 1989*. С. 2; Коробов, 1996*. № 115].

217. Поселение Малый Клинь-Яр 2. Административно относится к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия, находится на правом берегу р. Подкумок за укреплением Малый Клинь-Яр 1 (№ 216), к западу от него. Открыто в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым. На гряде, на территории около 150×20–40 м, был собран подъемный материал аланского времени (V–VIII вв. н. э.), в том числе фрагменты котлов с внутренними ушками [Коробов, 1996*. № 117].

218. Поселение Клинь-Яр 1а. Поселение (№ 512 по инвентарному списку памятников) находится на правом берегу р. Подкумок недалеко от п. Нежинский Предгорного района Ставропольского края на южном и западном склонах скального останца Клинь-Яр (Паровоз). Открытое поселение кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) исследовалось в 1983–1986 гг. экспедицией ИА АН СССР под руководством В. С. Флерова. В 1983 г. расчищена постройка (5×1,6 м), сложенная из хорошо пригнанных камней. В 1984 г. вскрыто около 1000 м², на которых исследованы остатки наземных сооружений и два жертвенника. В 1985 г. на поселении вскрыто жилище с каменным основанием.

В 1996 г., при работах совместной экспедиции ГУП «Наследие» и Редингского университета (Великобритания) (руководители А. Б. Белинский и Г. Харке) на могильнике Клинь-Яр 3 (№ 221, 222) в раскоп 1 попали остатки двух строений кобанской культуры. Среди находок имеются керамика и каменные орудия [Дударев, 1979б; Флеров, 1985*; 1985. С. 131; 1986. С. 108, 109; 1987. С. 157, 158; Корневский, 1984*. № 36. С. 77; Белинский, 1996*; Козенкова, 1989. № 81. С. 35; Коробов, 1996*. № 101].

219, 220. Укрепление Клинь-Яр (Клинь-Яр 1 по В. Б. Ковалевской и Г. Е. Афанасьеву). Широко известный памятник (№ 511 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок

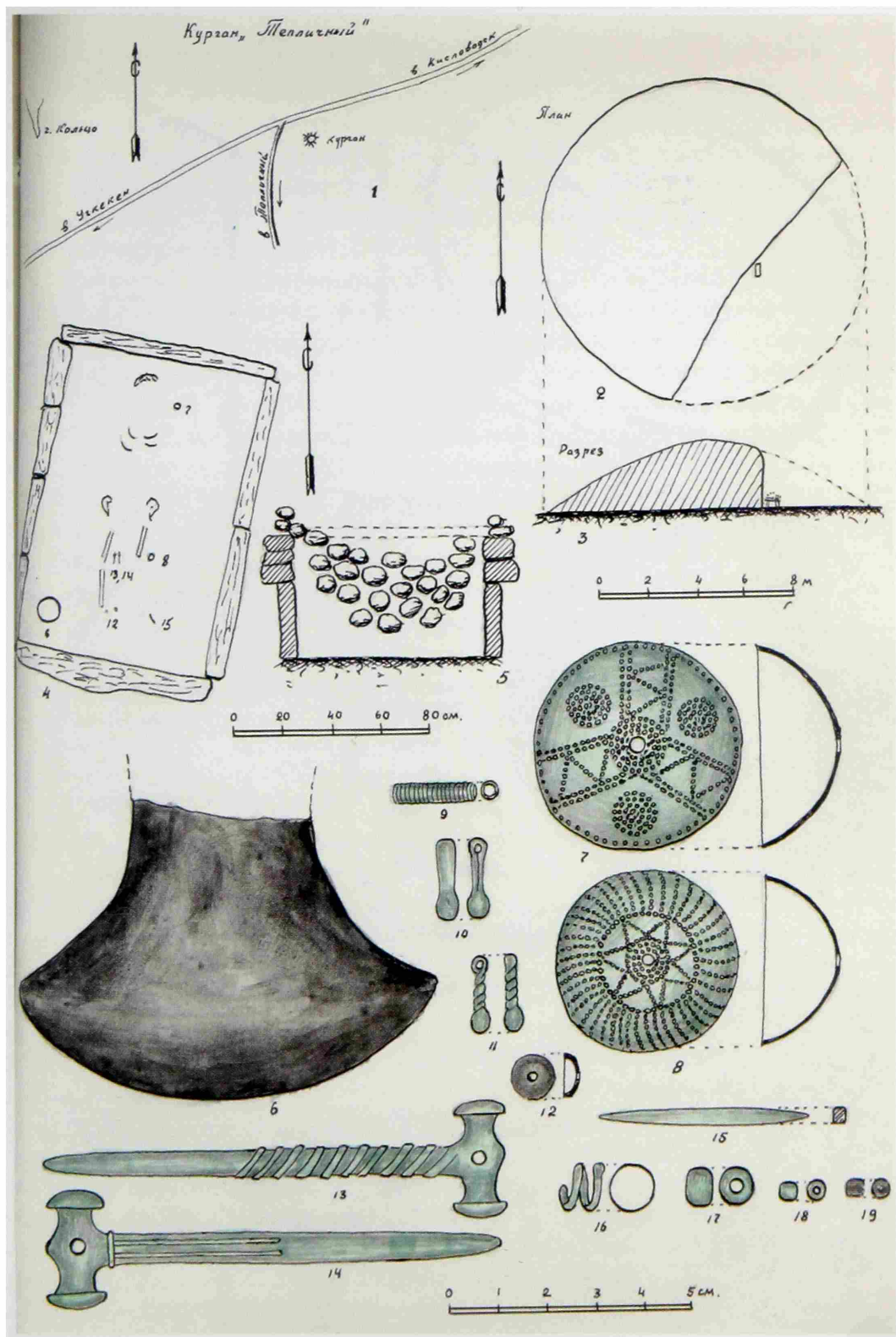

Рис. 55. Захоронение эпохи средней бронзы в кургане “Тепличный” курганной группы АЗС (Кольцо-гора 1) [Рунич, 1975*. Рис. 29]

1 – схема расположения кургана; 2 – план насыпи; 3 – разрез насыпи; 4 – план погребения; 5 – разрез погребения; 6 – фрагмент глиняного предмета в виде песта; 7, 8 – бронзовые литые бляхи; 9–17, 18 – бронзовые бусины; 10, 11 – бронзовые подвески; 12 – раковина моллюска; 13, 14 – бронзовые молоточковидные булавки; 15 – бронзовое шило; 16 – бронзовая спираль; 19 – стеклянная бусина

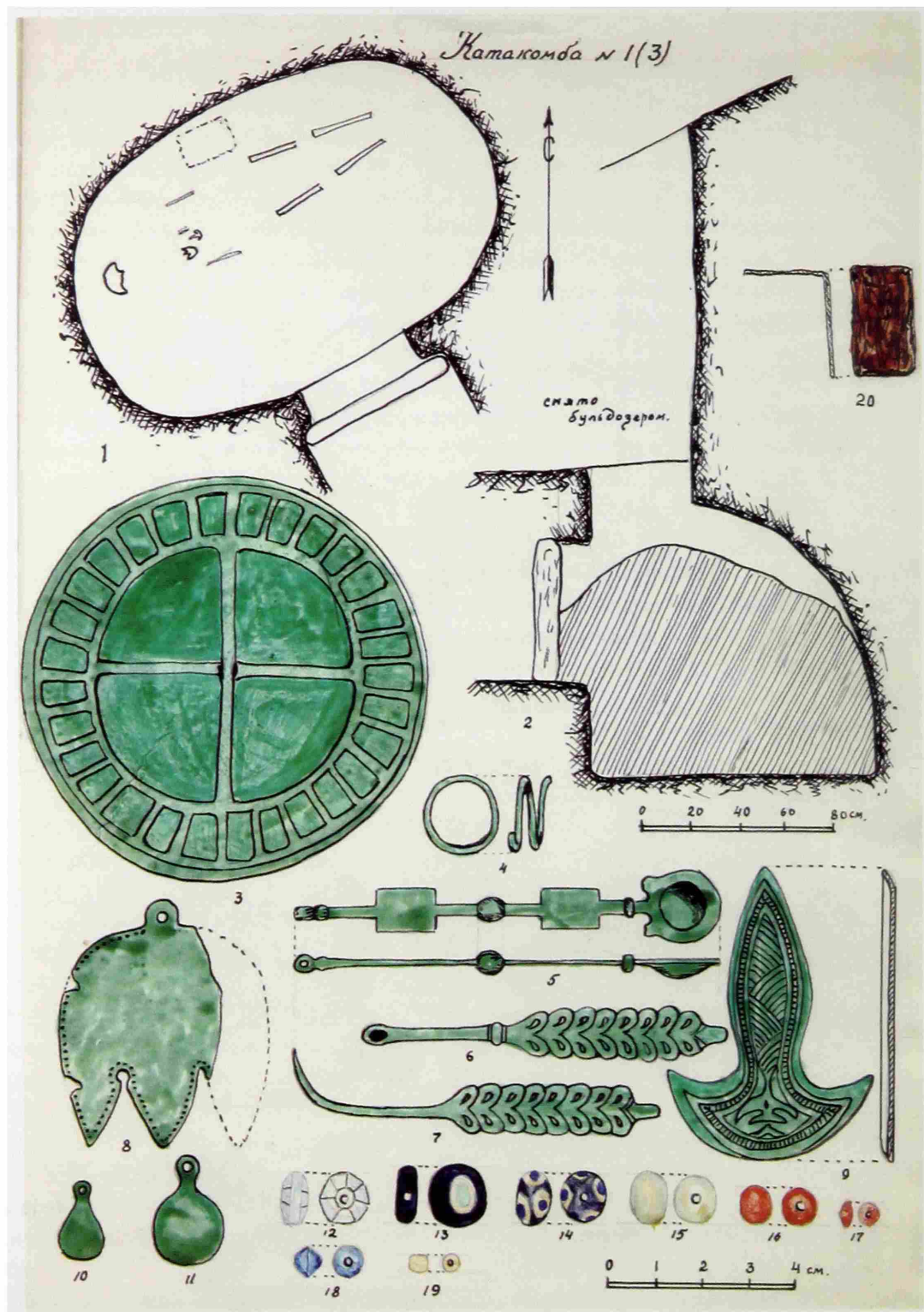

Рис. 56. Позднеэнеолитское захоронение в катакомбе 3 могильника Лесхоз (у городской свалки) [Руннич, 1969*. Рис. 27]

1 – план катакомбного погребения; 2 – разрез погребального сооружения; 3 – бронзовое зеркало; 4 – серебряная серьга; 5 – бронзовая туалетная ложечка; 6 – бронзовая копоушка; 7 – бронзовая ногтечистка; 8 – бронзовая подвеска; 9 – фрагмент бронзового складня; 10, 11 – бронзовые бубенчики; 12 – бусина из горного хрусталя; 13–15, 18, 19 – стеклянные бусины; 16, 17 – сердоликовые бусины

в 1,2–1,5 км к западу от п. Нежинский Предгорного района Ставропольского края в урочище Клинь-Яр на одноименном скальном останце, иногда называемом Паровоз. Памятник открыт местными краеведами в начале 1920-х гг., неоднократно осматривался Н. Н. Михайловым и А. П. Руничем, исследован в 1959 г. В. А. Кузнецовым, кратко опубликован им, Е. П. Алексеевой и А. П. Руничем, а также Г. Е. Афанасьевым. В 1992 г. укрепление было осмотрено и описано Северокавказской экспедицией ИА РАН под руководством Е. И. Савченко.

На узкой длинной площадке скального останца длиной 350 и шириной около 15 м расположены две задернованные каменные стены и три вырубленные в скале цистерны для сбора воды. Вход на укрепление в западной части. Поверхность останца нарушена многочисленными шурфами и свежими следами раскопок, по которым видно, что культурный слой не превышает 0,4 м, слабо насыщен керамикой и остатками построек. Керамика, найденная на укреплении, относится к аланскому времени и датируется VI–X вв. н. э., но не исключена вероятность функционирования укрепления в более раннюю, сарматскую, эпоху (I–III вв. н. э.) [Кузнецов, 1961. С. 211–214; Ковалевская, 1973*. С. 11; 1976*. № 58. С. 25; 1984в. С. 122; Рунич, 1974б. С. 100, 101; Афанасьев, 1975. С. 55; Корневский, 1984*. № 36. С. 77; Савченко, 1992*. С. 45, 46; Коробов, 1996*. № 100].

221, 222, 258. Грунтовый могильник Клинь-Яр 3. Не менее известный могильник (№ 516 по инвентарному списку памятников) расположен вдоль южного склона подножия останца Клинь-Яр (скала Паровоз) по обе стороны балки. Обнаружен А. Агачевым в 1968 г. Памятник подвергался систематическим раскопкам и подробно описан исследователями; найдены погребения от раннего железного века (кобанская культура – IX–VIII вв. до н. э.) до раннего средневековья (IV–VIII вв. н. э.), включая сарматское время (II–IV вв. н. э.) [Рунич, 1968*; Виноградов, Рунич, 1969; Ковалевская, 1976*. № 60. С. 25; Березин, 1983*, 1984*, 1987*; Корневский, 1983*; 1984*. № 36. С. 77; Флеров, 1984*, 1985*, 1985–1987, 1989; 2000; Флеров, Нахапетян, 1986*; 1988; Флеров, Дубовская, 1993; Белинский, 1988*; Белинский и др., 1989*; Белинский, 1990, 1991*, 1993*–1996*; Белинский, Харке, 1998; Belinsky, Härke, 2000; Коробов, 1996*. № 107].

В 1968 г. А. П. Рунич доследовал здесь 11 погребений. Более 10 комплексов выявлено местными краеведами в 1969 г. В 1982 г., при строительстве участка дороги из совхоза «Зеленогорский» в подсобное хозяйство, рабочие обнаружили каменные ящики и археологические находки. Местные археологи и активисты ВООПИК сообщили об этом в Ставропольскую археологическую экспедицию ИА АН СССР (руководитель С. Н. Корневский), сотрудники которой провели доследование разрушаемого памятника и зафиксировали 15 погребений после их частичного разрушения.

В 1983 г., когда начались крупные строительные работы на памятнике, было разрушено несколько погребений могильника Клинь-Яр 3. Учащимся ГПТУ-29 Н. Климовым и учеником средней школы № 15 А. Чухаркиным были доставлены предметы из одного погребения, переданные Я. Б. Березину. По сигналу последнего в ИА АН СССР в том же году на памятнике начал работы отряд Ставропольской экспедиции, которые затем продолжила Клинь-Ярская экспедиция ИА АН СССР под руководством В. С. Флерова, работавшая на памятнике до 1986 г. (в 1986 г. – совместно с В. Е. Нахапетян). За четыре сезона было вскрыто 79 погребений кобанской культуры, 40 погребений I–IV вв. н. э. и 28 погребений эпохи раннего средневековья.

В 1984 г. Я. Б. Березин проводил надзор за строительством, при котором были собраны некоторые предметы. В 1987 г. он же доследовал и раскопал 22 захоронения в каменных ящиках и грунтовых ямах, 2 конских погребения и один подбой. Погребения продолжали разрушаться во время строительных работ и в течение 1987–1989 гг. Часть их (более 30) доследовали местные краеведы-любители, передавшие материалы в Кисловодский краеведческий музей.

В 1988–1989, 1991 и 1993–1996 гг. на памятнике работала экспедиция СГПИ, затем ГУП «Наследие» под руководством А. Б. Белинского (с 1994 по 1996 гг. в ней принимали участие студенты Реддингского университета во главе с Г. Харке). В сезон 1988 г. было исследовано 88 погребений, в

1989 г. – 25, в 1991 г. – 62 захоронения и 3 ритуальных комплекса, в 1993 г. – 3 катакомбы, в 1994 г. – 13 погребений, в 1995 г. – 19, в 1996 г. – 16. Позднее, в 2000 г., А. Б. Белинский доследовал еще одну катакомбу эпохи раннего средневековья.

223. Поселение Клин-Яр 1б (№ 513 по инвентарному списку памятников). Частично перекрывает поселение Клин-Яр 1а (№ 218). Открытое поселение эпохи раннего средневековья (V–VIII вв. н. э.), занимающее южный склон останца Клин-Яр [Кореневский, 1984*. № 36. С. 77; Флеров, 1985*. С. 114–117; 1985; Коробов, 1996*. № 102].

224, 225. Грунтовый могильник Клин-Яр 4. Памятник (№ 518 по инвентарному списку) расположен на правом берегу р. Подкумок к западу от п. Нежинский Предгорного района Ставропольского края в 200 м к северу от скальных обрывов горы Клин-Яр (Паровоз). Могильник открыт экспедицией СГПИ (руководитель А. Б. Белинский) в 1990 г.: при прокладке газопровода были разрушены погребения раннего железного века и эпохи средневековья. Основная часть погребений разрушена при сносе части мыса, вдававшегося в балку. Небольшие раскопки 1991 и 1996 гг. установили нахождение в этом месте могильника кобанской культуры (VIII–VI вв. до н. э.), перекрытого раннесредневековыми аланскими катакомбами (V–VIII вв. н. э.). В 1991 г. были раскопаны 4 катакомбы и 2 грунтовые ямы, а также 1 ритуальный комплекс. В 1996 г. совместной экспедицией ГУП «Наследие» и Редингского университета под руководством А. Б. Белинского и Г. Харке раскопаны 6 катакомб, 1 грунтовая яма и 1 каменный ящик [Белинский, 1991*. С. 186–217; 1996*. С. 41–68; Коробов, 1996*. № 108].

226, 227. Курганная группа Клин-Ярская 1 (Нежинская 1 по С. Н. Кореневскому). Расположена на правом берегу р. Подкумок в 300–350 м к югу от теплиц экспериментального комбината п. Нежинский Предгорного района Ставропольского края на возвышенной гряде (№ 525 по инвентарному списку памятников). Курганная насыпь обнаружена студентом Я. Б. Березиным в 1974 г. При доследовании А. П. Руничем был найден каменный ящик.

В 1983 г. экспедиция ИА АН СССР под руководством С. Н. Кореневского обследовала территорию курганного поля у п. Нежинский, и данной группе был присвоен номер 1. До начала строительства автотрассы подсобного хозяйства «Зеленогорский» в 1982 г. группа состояла из 5 курганов высотой до 1 м и диаметром около 30–45 м, насыпанных на гребне водораздела, возвышающегося на правом берегу р. Подкумок несколько западнее впадения в него р. Аликоновка. В 1982–1983 гг. экспедиция раскопала 4 кургана группы: № 1–3 и 5. Культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Рунич, 1974*. С. 7, 8; Ковалевская, 1976*. № 61. С. 25; Кореневский, 1982*–1984*. № 35. С. 77; 1984. С. 125; Коробов, 1996*. № 109].

228. Грунтовый могильник Клин-Яр 2. Широко известный памятник (№ 515 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок на водораздельной гряде в 250–300 м к юго-востоку от останца Клин-Яр (Паровоз). Обнаружен в 1968 г. А. Агачевым по вывороченным при распашке плитам. В 1968 г. А. П. Рунич доследовал 8 погребений в каменных ящиках, относящихся к кобанской культуре (VII–V вв. до н. э.) [Рунич, 1968*. С. 2–5; Михайлов, 1968*; Виноградов, Рунич, 1969. С. 111, 112; Кореневский, 1984*. № 36. С. 77; Козенкова, 1989. № 81. С. 35; Коробов, 1996*. № 106].

229. Грунтовый могильник Клин-Яр 1. Памятник административно относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 514 по инвентарному списку). Находится на правом берегу р. Подкумок на водораздельной гряде в 150–180 м к юго-востоку от останца Клин-Яр. Первые захоронения были обнаружены здесь А. П. Руничем еще в 1936 г. В 1947 г. одно погребение исследовано Н. М. Егоровым. В 1963–1964 гг. А. П. Руничем при взятии грунта для парников обнаружены и доследованы 17 погребений в каменных ящиках из больших плит, перекрытых мелкими плитами в несколько рядов. Культурная принадлежность захоронений кобанская (VIII–VI вв. до

н. э.) [Рунич, 1964*. С. 6–10; Егоров 1947*; Кореневский, 1984*. № 36. С. 77; Козенкова, 1989. № 81. С. 35; Коробов, 1996*. № 105].

230. Грунтовый могильник Широкая Балка (№ 527 по инвентарному списку памятников). Расположен на правом берегу р. Подкумок в 1,5–1,7 км к юго-юго-западу от п. Нежинский Предгорного района Ставропольского края на левом склоне балки Широкой. Могильник занимает возвышенность, через которую идет проселочная дорога к фермам и Медовому водопаду. Обнаружен в 1965 г. С. Пьянковым. Тогда же А. П. Рунич доследовал и обмерил 9 каменных ящиков кобанской культуры (IX–VIII вв. до н. э.). В 1990 г. обследование было проведено Я. Б. Березиным: зафиксировано 7 недавно ограбленных погребений в каменных ящиках, их расположение занесено на план, произведена контрольная зачистка одного из них [Рунич, 1965*. С. 10, 11; Кореневский, 1984*. № 22. С. 77; Березин, 1990*. С. 18, 19; Козенкова, 1989. № 88. С. 36; Коробов, 1996*. № 114].

231. Поселение Директорская Горка (Аликоновское 1 по В. Б. Ковалевской). Поселение находится на левом берегу р. Аликоновка на склонах гряды возле останца Директорская горка в зоне индивидуальной застройки окраины Кисловодска. Культурная принадлежность аланская (VI–VIII вв. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 1. С. 17; Савенко, 1992*. С. 9; Коробов, 1996*. № 139].

232. Грунтовый могильник Березовский 1. Известный могильник из каменных ящиков находится по дороге из Кисловодска через п. Пчелосовхоз в п. Элькуш слева от дороги. Расположен на территории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Березовая. Открыт в 1938 г. Н. М. Егоровым. Исследовался с перерывами до начала 1980-х гг. 15 захоронений исследованы Н. М. Егоровым в 1938–1940 и 1946 гг. В 1957 г. при прокладке новой дороги в подсобное хозяйство были задеты 3 погребения, доследованные А. П. Руничем. В 1958 г. он же раскопал еще 4 захоронения, в 1962 г. доследовал 6 погребений, в 1963 г. – 9, в 1966 г. – еще 6. В 1978 г. краевед М. А. Гуськов обнаружил еще 3 захоронения, которые доследовал Я. Б. Березин (участок могильника был назван им могильником Березовский 7). В 1982 г. Я. Б. Березин доследовал каменный ящик, уничтоженный строительной траншеей. Культурная принадлежность захоронений кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Иессен, 1951; Крупнов, 1960; Рунич, 1957*. С. 11; 1958*. С. 14–16; 1962*. С. 13–15; 1963*. С. 1–4; 1966*. С. 10–12; 1973б; Виноградов, 1972б; Виноградов и др., 1976. С. 36–41; Ковалевская, 1976*. № 83. С. 28; Березин, 1978*; 1979. С. 114; 1982*; Дударев, Березин, 1979. С. 29; Кореневский, 1984*. № 31. С. 77; Козенкова, 1989. № 60, 64. С. 31, 32; Коробов, 1996*. № 271].

233. Укрепление Левоберезовское 3. Расположено на южной окраине п. Пчелосовхоз Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Березовая слева от дороги из Кисловодска в п. Элькуш при выезде из поселка на краю мыса. Впервые описано в 1976 г. В. Б. Ковалевской и повторно осмотрено С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. В 2003 г. Кисловодский отряд ИА РАН осуществил инструментальную топоъемку и сбор подъемного материала по склонам. Среди керамики аланского периода найдено большое количество орнаментированных черепков кобанской эпохи (см. поселение Левоберезовское 14 – № 796).

На площадке укрепления, размерами 55×67 м сохранились остатки развалов двух башен высотой около 4 м, шириной 7–8 м; общая длина развала 36 м. Прослеживаются также остатки двух небольших построек и нескольких каменных стен. Укрепление частично занято огородами. Культурная принадлежность аланская (середина I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 82. С. 28; Коробов, 1996*; 2003а, б, в. № 252; в печати].

234. Грунтовый могильник Березовский 2. Первые сведения о катакомбном могильнике относятся к 1939 г. В 1958 г. в котловане, предназначенном под склад горючего, в окрестностях дома культуры п. Пчелосовхоз Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Березовая обнаружены 4 катакомбы, которые были исследованы А. П. Руничем. В настоящее время почти полностью застроен. В 1970 г. А. П. Рунич исследовал погребения с подбоями аланского времени (V–

VIII вв. н. э.) [Рунич, 1958*. С. 7–13; 1971а. С. 125, 126; Ковалевская, 1976*. № 84. С. 29; Кореневский, 1984*. № 31. С. 77; Коробов, 1996*. № 269].

235. Поселение Левоберезовское 1. Памятник (№ 322 по инвентарному списку) находится на левобережной террасе р. Березовой в 100–130 м к северо-востоку от п. Левоберезовский Предгорного района Ставропольского края. Представляет собой открытое поселение кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Кореневский, 1984*. № 31. С. 77; Коробов, 1996*. № 266].

236. Поселение Левоберезовское 2 (№ 321 по инвентарному списку памятников). Расположено на левобережной террасе р. Березовой на расстоянии около 2 км к юго-западу от пионерского лагеря «Сосновый бор» справа от дороги на п. Левоберезовский Предгорного района Ставропольского края. Открытое поселение сарматского времени (I–III вв. н. э.) [Кореневский, 1984*. № 31. С. 77; Коробов, 1996*. № 267].

237. Грунтовый могильник Сосновая Горка 1 (№ 311 по инвентарному списку памятников). Обнаружен Н. Н. Михайловым и исследован им в 1961, 1962, 1964 и 1966 гг., во время работ по реконструкции Кисловодского курортного парка. Общее число исследованных на четырех участках парка в разных его местах (так называемые могильники 1–4) погребений – 50. Данный могильник расположен на южном пологом склоне Сосновой горки на выступающем над речкой мысу. В 1961 г. исследован участок размерами 25×75 м, на котором выявлено 13 каменных ящиков. Датирован этот памятник кобанской культуры может быть VIII–VI вв. до н. э. [Михайлов, 1964*; Виноградов и др., 1976. С. 43–45; Ковалевская, 1976*. № 51. С. 24; Кореневский, 1984*. № 23. С. 77; Козенкова, 1989. № 90. С. 37; Коробов, 1996*. № 299].

238. Грунтовый могильник Сосновая Горка 2. Могильник 2 (№ 312 по инвентарному списку памятников) расположен к юго-западу по крутому склону горки от могильника 1 на месте ступенчатой лестницы-дорожки, спускающейся к речке. В 1962 г. Н. Н. Михайловым на площади 20×10 м исследовано 8 погребений. Большинство из них полностью ограблено. Каменные ящики кобанской культуры датируются VIII–VII вв. до н. э. Остальные могильники (Сосновая Горка 3 и 4) в настоящее время точно не локализуются [Михайлов, 1964*; Виноградов и др., 1976. С. 43–45; Ковалевская, 1976*. № 51. С. 24; Кореневский, 1984*. № 23. С. 77; Козенкова, 1989. № 90. С. 37; Коробов, 1996*. № 300].

239. Грунтовый могильник Развилка. Расположен в черте г. Кисловодска (№ 216 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка у развилки дорог на п. Зеленогорский и «Замок коварства и любви». Найдены погребения сарматского времени (I в. до н. э. – III в. н. э.) [Коробов, 1996*. № 157].

240, 241. Курганная группа Тупой Мыс. Памятник относится к территории Кисловодска и находится на правом берегу р. Подкумок между Тупым мысом и окраиной дачного поселка. Здесь, перпендикулярно реке, напротив памятника природы Острый мыс проходит невысокая гряда на отрогах Кабан-Горы, носящая название Тупой мыс. Курганная группа находится у подножия этого отрога.

Один из курганов исследовался в 1993 г. экспедицией Кисловодского краеведческого музея под руководством С. Н. Савенко. Этот курган, получивший название Занозина Балка 1, располагался на юго-западной окраине или даже за границами курганной группы Тупой Мыс, поэтому может считаться самостоятельным объектом. Курган находился в 750–800 м к северо-востоку от Кисловодского асфальто-бетонного завода, у дороги. Высота около 2 м, диаметр 18–19 м. В процессе раскопок детально фиксировалась стратиграфическая ситуация, выявлены 3 каменных кромлеха и 12 грунтовых и грунтово-щебеночных насыпей. Раскопано 17 погребений в грунтовых ямах, ямах с каменными конструкциями, каменных ящиках, гробницах и одна катакомба. Все обнаруженные материалы относятся ко 2-й половине III – середине II тыс. до н. э. – эпохе майкопской и северокавказской культур [Коробов, 1996*. № 35].

242. Поселение Подкумские Дачи 2. Обнаружено С. Н. Савенко в начале 1990-х гг. Расположено на территории Кисловодска на правом высоком берегу р. Подкумок над поймой между курганной группой Тупой Мыс (№ 240–241) и поселением Подкумские Дачи 1 (№ 244) напротив стелы с надписью «Кисловодск», стоящей на трассе при въезде в город, и памятника природы Острый мыс. На ровной площадке размерами примерно 50×50 м обнаруживается подъемный материал кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 37].

243. Курганная группа Подкумские Дачи. Административно памятник относится к г. Кисловодску (№ 242 по инвентарному списку). Находится на правом берегу р. Подкумок на восточной окраине п. Подкумские Дачи. Курганная группа представлена небольшими (до 1 м высотой и до 15 м диаметром) курганами эпохи позднего средневековья (так называемые «старокабардинские курганы» XV–XVII вв.) [Коробов, 1984*. № 13. С. 77; Коробов, 1996*. № 39].

244. Поселение Подкумские Дачи 1. Поселение (№ 241 по инвентарному списку памятников) расположено у северо-восточной окраины Кисловодска на правобережной высокой террасе р. Подкумок среди дачного поселка. Встречается позднесредневековый материал, предположительно так называемой «старокабардинской» культуры (XV–XVII вв.) [Коробов, 1996*. № 36].

245. Поселение Подкумские Дачи 3. Памятник открыт С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым во время разведки 1996 г. Он находится в пределах Кисловодска на правом высоком берегу р. Подкумок и занимает склон к западу от Тупого мыса. На склоне обнаружен подъемный материал – фрагменты сосудов кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 38].

246, 247. Укрепление Тупой Мыс (№ 560 по инвентарному списку памятников). Находится в 1,5 км к югу от п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края. Занимает одну из высоких мысообразных террас правого берега р. Подкумок. Название мыса соответствует форме возвышенности, на которой находится укрепление, – площадка (с опорой высоковольтной ЛЭП на ней) на высоком гребне плавных очертаний. Исследовано в 1981 г. С. Н. Савенко, который отметил, что ограниченный с южной и западной сторон скальными выходами мыс имеет наверху удобную поверхность площадью 0,7–0,8 га. На центральной и западной части мыса без раскопок можно выявить остатки около 10–12 прямоугольных построек с фундаментами из камня. Они разрушены вспашкой. В центральной части плато, ближе к южной стороне, был заложен шурф 2×1 м, ориентированный по странам света. Культурный слой не выявлен. На поверхности мыса встречаются фрагменты керамики кобанского (I тыс. до н. э.) и раннесредневекового (I тыс. н. э.) времени [Савенко, 1981*. С. 88, 89; 1983а. С. 130, 131; Коробов, 1996*. № 33].

248, 249. Поселение Тупой Мыс. Памятник (№ 561 по инвентарному списку) занимает склоны площадки, на которой находится одноименное укрепление (№ 246, 247). Обнаружено и исследовано С. Н. Савенко в 1981 г. Основное поселение, вероятно, находилось на южном склоне мыса, где на огородах обнажаются участки культурного слоя с фрагментами керамики кобанской культуры и эпохи раннего средневековья. Общая датировка памятника – 1-я половина I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. [Савенко, 1981*. С. 88, 89; 1983а. С. 130, 131; Коробов, 1996*. № 34].

250. Грунтовый могильник Лермонтовская Дорога (№ 562 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Подкумок примерно в 1,2 км к югу от п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края. Здесь, по информации С. Н. Савенко, в срезе старой дороги, идущей в сторону Кисловодска, были обнаружены погребения в каменных ящиках, относящиеся к кобанской культуре (VIII–VII вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 23].

251. Скальный могильник Тихий Уголок. Памятник относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 559 по инвентарному списку). Находится на правом берегу р. Подкумок примерно в 700 м выше по течению от железнодорожной станции того же названия и 300 м к востоку от русла реки. Местные жители называют это место «Тихий уголок»; оно представляет собой своеобразную подкову, открытую на северо-запад. С юга, востока и севера его ограждают

отвесные обнажения песчаника высотой от 5 до 10 м, в которых на разной высоте вырублены усыпальницы. Когда в 1960-х гг. их исследовал А. П. Рунич, здесь сохранялось 48 камер, из которых 46 оказались пустыми. Представление о захоронениях в этом могильнике дали фактически только две усыпальницы, доследованные краеведом. В момент повторного осмотра памятника С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. на поверхности скалы отчетливо прослеживались очертания не более 4–6 погребальных камер. Культурная принадлежность захоронений аланская (VII–IX вв. н. э.) [Рунич, 1971б. С. 171–173; Ковалевская, 1976*. № 75. С. 27; Кореневский, 1984*. № 55. С. 78; Коробов, 1996*. № 22].

252. Укрепление Тихий Уголок. Укрепление открыто С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. при осмотре одноименного скального могильника. Оно занимает останец за могильником Тихий Уголок (№ 251), расположенный на правом берегу р. Подкумок и направленный длинной стороной к реке. Площадка наверху останца имеет размеры 80×30 м. На ней прослежены остатки каменной башни или стены высотой около 1,5 м. На противоположной стороне мыса со стороны одноименного могильника видны остатки вырубленной в скале лестницы, ведущей на укрепление. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 19].

253. Поселение Тихий Уголок. Поселение занимает склон к северо-западу от могильника Тихий Уголок (№ 251), где в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым на территории дачных участков санатория им. Орджоникидзе был собран подъемный материал – фрагменты керамики, относящиеся к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 20].

254. Грунтовый могильник Тихий Уголок. Расположен на территории поселения Тихий Уголок (№ 253) среди дачных участков санатория им. Орджоникидзе. В 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробов осмотрели здесь котлован, вырытый под фундамент небольшого дома. В отвале котлована были обнаружены остатки конского погребения. Возможно, в разрушенном котловане дромосе катакомбы находился целый костяк лошади, повернутый головой на юго-юго-запад и крупом к несохранившейся закладной плите. Вероятная культурная принадлежность могильника аланская (V–VIII вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 21].

255. Грунтовый могильник Бермамытский 1 (Ул. Ломоносова). Находится в черте г. Кисловодска (№ 310 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Березовая на склоне возвышенности над ул. Ломоносова возле укрепления Ломоносовка (№ 259, 260). Катакомбы устроены в юго-восточном склоне в супеси – продукте выветривания расположенных выше по склону песчаников. О существовании здесь катакомб А. П. Руничу стало известно в 1962 г. от местных жителей, которые сообщили, что во время устройства подъездов к домам и закладки фундаментов образовались провалы, в которых были найдены кости и предметы. Тогда же А. П. Рунич доследовал 3 катакомбы аланской эпохи (VI–VIII вв. н. э.) [Рунич, 1962*. С. 6–9; Ковалевская, 1976*. № 44. С. 23; Кореневский, 1984*. № 30. С. 77; Коробов, 1996*. № 243].

256. Укрепление Казачий Пикет (№ 314 по инвентарному списку памятников). Находится в черте г. Кисловодска на левом берегу р. Ольховка на западном окончании возвышенности Пикетной. Сохранились остатки находившегося здесь казачьего укрепления 1-й половины XIX в. [Коробов, 1996*. № 308].

257. Поселение Пикет (№ 313 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Ольховка на юго-восточной окраине Кисловодска. Занимает склон левой стороны Пикетной балки над ул. Пикетная, на котором встречался подъемный материал, в том числе круглодонный кубок с вогнутым основанием и орнаментом в виде ломаной линии и круглых наколов, хранящийся в Пятигорском музее. Поселение относится к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Козенкова, 1989. № 101. С. 40; Коробов, 1996*. № 309].

259, 260. Укрепление Ломоносовка (Бермамытское). Памятник (№ 309 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Березовая на юго-западной окраине Кисловодска на склоне возвы-

шенности над ул. Ломоносова. Двухъярусная площадка укрепления в настоящее время сильно повреждена выборкой камня. Культурная принадлежность сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 36. С. 23; Кореневский, 1984*. № 30. С. 77; Коробов, 1996*. № 244].

261, 262. Поселение Солдатская Балка 1. Расположено в черте г. Кисловодска на левом берегу р. Аликоновка в урочище Солдатская балка у рыбного пруда справа от дороги на п. Зеленогорский. Открытое поселение занимает склон возвышенности левого берега балки Солдатской. Здесь в 1996 г. Д. С. Коробов и С. Н. Савенко собрали подъемный материал сарматского (I–III вв. н. э.) и/или аланского (середина I тыс. н. э.) времени [Коробов, 1996*. № 159].

263, 264. Укрепление Солдатская Балка. Памятник открыт С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. Укрепление занимает мыс над рыбным прудом возле старых ферм на окраине п. Зеленогорский. Площадка, размерами 54×43 м находится на скальном мысу по левому берегу Солдатской балки, на котором сохранились остатки трех каменных башен. Две из них расположены с напольной стороны, одна – ближе к краю мыса. Между башнями прослеживается развал стены высотой около 1,5 м. Собранный подъемный материал позволяет отнести укрепление к сарматскому (I–III вв. н. э.) и/или аланскому (середина I тыс. н. э.) времени [Коробов, 1996*. № 158].

265, 266. Поселение Солдатская Балка 2. Обширное открытое поселение расположено на возвышенности на левом берегу р. Аликоновка за укреплением Солдатская Балка (№ 263, 264) с напольной стороны. В 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым здесь был собран подъемный материал сарматского (I–III вв. н. э.) и/или аланского (середина I тыс. н. э.) времени [Коробов, 1996*. № 160].

267. Грунтовый могильник Солдатская Балка 2 (?). Расположен на левом берегу р. Аликоновка на окраине п. Зеленогорский в срезе возле дороги к старым фермам с противоположной стороны рыбного пруда от укрепления Солдатская Балка (№ 263, 264). Предположительно здесь, по сообщению С. Н. Савенко, располагался могильник, относящийся к поселению Солдатская Балка. Культурная принадлежность памятника аланская (VI–VIII вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 161].

268. Грунтовый могильник Хлораторный (Зеленогорский 1). Раннесредневековый катакомбный могильник (V–VII вв. н. э.) находится на территории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Аликоновка на юго-западной окраине п. Зеленогорский. Обнаружен кисловодскими краеведами в 1960-х гг.; тогда А. П. Рунич доследовал 2 захоронения, но информация о них в отчеты не была включена. В 1983 г. отдельные материалы из этого памятника были переданы В. С. Флерову. В 1992 г. С. Пьянков сообщил Я. Б. Березину о разрушаемой катакомбе, которую последний доследовал [Березин, 1992* (17176). С. 14, 15; Коробов, 1996*. № 165].

269, 270. Одиночный курган Зеленогорский 2. Административно относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 471 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Аликоновка в 1 км к юго-западу от п. Зеленогорский на водораздельном плато. Высота около 2 м, диаметр около 35 м. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 166].

271. Поселение Аликоновский Ручей (Аликоновское 1, Аликоновский Карьер). Памятник (№ 469 по инвентарному списку) находится в 1,5 км к юго-западу от п. Зеленогорский на территории Предгорного района Ставропольского края в районе небольшого безымянного ручья, протекающего по левобережной террасе р. Аликоновка, рядом с прудом. У пруда была прорыта траншея, окаймлявшая границы пашни, в которой Я. Б. Березин и С. Н. Кореневский в 1987 г. собрали фрагменты керамики и костей животных. В 1989 г. С. Н. Кореневским заложен шурф 2,5×1,5 м, в котором на глубине 40 см обнаружен культурный слой мощностью 15–20 см, относящийся к майкопской культуре (1-я половина III тыс. до н. э.) [Кореневский, 1987*. С. 6, 7; 1989*. С. 15; Коробов, 1996*. № 167].

272. Грунтовый могильник Арбакол (№ 472 по инвентарному списку памятников). Находится примерно в 1,4 км к юго-западу от п. Зеленогорский на левобережной террасе р. Аликоновка прямо на проселочной дороге из Зеленогорского в п. Коммунар Предгорного района Ставропольского края. Могильник обнаружен В. А. Лученковым в 1974 г. Раскопано одно погребение кобанской культуры (V–IV вв. до н. э.), устроенное в каменном ящике из массивных плит [Рунич, 1974*. С. 10; Корневский, 1984*. № 48. С. 78; Козенкова, 1989. № 67. С. 33; Коробов, 1996*. № 198].

273. Укрепление Указатель (Аликоновское 10 по В. Б. Ковалевской). Укрепление относится к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. На протяжении нескольких сезонов исследовалось В. Б. Ковалевской (1973, 1975 и 1976 гг.). Расположено на труднодоступной скальной платформе левого берега р. Аликоновка, возвышающейся на 100 м над Медовыми водопадами. Самое крупное укрепление аланского времени (VI–IX вв. н. э.) площадью около 8 га, огражденное с напольной стороны несколькими рядами валов и задернованных каменных стен с хорошо сохранившимися основаниями каменных сооружений домов, загородок для скота, башен и юртообразных помещений, а также вырубленной в скале лестницей [Ковалевская, 1973*. С. 5–8; 1975*; 1976*. № 27. С. 21; 1976. С. 125, 126; 1977. С. 102, 103; Афанасьев и др., 1974. С. 96, 97; Корневский, 1984*. № 54. С. 78; Коробов, 1996*. № 205; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

274, 275. Укрепление Татарка (Березовское 1 по Я. Б. Березину; Правобережное Березовское 2 по В. Б. Ковалевской). Памятник (№ 325 по инвентарному списку) расположен в черте г. Кисловодска, примерно в 700–800 м к юго-западу от его окраины на правом берегу р. Березовая. Занимает скальный останец, образованный р. Березовой и ее безымянным правым притоком, и часть прилегающего склона. Осмотрено в 1989 г. Я. Б. Березиным, который составил план и описание каменных строений, расположенных на останце и в 50 м на северо-восток от него на скальном выступе. Собран подъемный материал, который можно отнести к сарматскому периоду (I–III вв. н. э.) и/или эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Березин, 1989*. С. 1, 2; Ковалевская, 1976*. № 81. С. 28; Коробов, 1996*. № 250].

276, 277. Поселение Татарка. Занимает высокий мыс над укреплением Татарка (см. выше), заросший лесом. Поселение открыто в процессе разведки Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко в 1996 г. На террасах между древесными насаждениями встречен подъемный материал – фрагменты сосудов сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (середина I тыс. н. э.) эпохи [Коробов, 1996*. № 251].

278, 279. Одиночный курган Правоберезовский. Открыт С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. Расположен на территории Предгорного района Ставропольского края с правой стороны боковой балки на правобережье р. Березовой на высоком берегу. Одиночный курган высотой около 1,5 м, диаметром около 40 м. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 265].

280, 281. Одиночный курган Индустрия 2. Курган, открытый во время разведки 1996 г. (руководитель Д. С. Коробов), относится к территории г. Кисловодска и находится на правом берегу р. Березовая в 100 м к северо-северо-востоку от поселения Индустрия 1. Высота около 5 м, диаметр около 35 м. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 261].

282. Грунтовый могильник Индустрия 1. Широко известный памятник (№ 332 по инвентарному списку) расположен в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Березовая в 600 м южнее п. Индустрия справа от дороги из Кисловодска в п. Хасаут. Обнаружен в январе 1966 г. Ю. Харьбиным. Исследовался в 1966–1967 гг. Н. Н. Михайловым и А. П. Руничем (6 погребений), в 1969 г. – В. Б. Виноградовым и Н. Н. Михайловым (1 кенотаф), в 1971 г. – Г. Е. Афанасьевым, В. Ценцеровым и В. Прониным (8 погребений).

В 1978 г. Я. Б. Березину был передан комплекс из этого могильника, который тот предоставил С. Л. Дудареву для включения в отчет. В 1983 г. Я. Б. Березин при осмотре могильника обнаружил и

доследовал 1 погребение в каменном ящике, расположенное в молодых лесопосадках с левой стороны от дороги из Кисловодска в п. Хасаут. В 1994 г. им же при осмотре памятника обнаружены 2 захоронения в каменных ящиках. Повторный осмотр могильника произведен Д. С. Коробовым в 2001 г.; был найден и расчищен комплекс, содержащий конское захоронение.

Основная форма погребального сооружения на данном памятнике – каменные ящики прямоугольной формы, перекрытые одним или двумя рядами плиток; в них располагались скорченные погребенные в сопровождении многочисленного инвентаря, относящегося к кобанской культуре (конец VIII – 1-я половина VII в. до н. э.) [Рунич, 1966*. С. 13, 14; 1969*. С. 12, 13; Виноградов, Михайлов, 1969*. С. 3; 1970. С. 97–99; Виноградов и др., 1976; Ковалевская, 1976*. № 87. С. 29; Дударев, 1978*. С. 26; Березин, 1983*. С. 5–7; 1994*. С. 2–5; Кореневский, 1984*. № 29. С. 77; Козенкова, 1989. № 96. С. 38; Коробов, 1996*. № 263; 2003а. С. 278, 279].

283. Поселение Индустрия 2 (№ 333 по инвентарному списку памятников). Расположено на правом берегу р. Березовая южнее могильника Индустрия 1 на возвышенной гряде примерно в 2,5 км к югу от Кисловодска и в 600–700 м южнее п. Индустрия. Поселение кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) исследовалось Я. Б. Березиным в 1978 и 1990 гг. Площадь его, судя по находкам керамики, определяется приблизительно в 0,7 га. Шурфовка, зачистка и осмотр обнажений культурного слоя показали большую насыщенность последнего остатками каменных строений [Березин, 1978*. С. 1–3; 1979. С. 114; Кореневский, 1984*. № 29. С. 77; Козенкова, 1989. № 96. С. 38; Коробов, 1996*. № 262].

284. Поселение Звездочка. Расположено в черте г. Кисловодска (№ 315 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Кабардинка в верхней части ул. Гагарина возле бывшего пионерского лагеря «Звездочка» рядом с конечной остановкой автобуса № 1. Культурная принадлежность кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 342].

285. Грунтовый могильник Черкасский. Памятник (№ 316 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Ольховка. Выявлен на индивидуальном участке дома 20 по ул. Черкасской в Кисловодске. Есть сведения об обнаружении там захоронений кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 311].

286, 287. Укрепление Черкасское. Памятник обнаружен и осмотрен С. Н. Савенко, Д. С. Коробовым и Н. Н. Климовым в 1996 г. Расположен на высоком мысу над Черкасским могильником (№ 285), прямо над домами 20–24 по ул. Черкасской в черте г. Кисловодска на левом берегу р. Ольховка. Узкая площадка размерами 84×35 м ориентирована по линии север–юг, на ней прослеживаются остатки каменного сооружения (башни?) высотой около 2,5 м. Найден подъемный материал сарматского (I–III вв. н. э.) и/или аланского (середина I тыс. н. э.) времени [Коробов, 1996*. № 310].

288. Грунтовый могильник Мирный 1 (№ 499 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок в районе магазина в центре п. Мирный Предгорного района Ставропольского края, стоящего на трассе Кисловодск–Учкекен. Катакомбный могильник аланского времени (V–VIII вв. н. э.) найден А. П. Руничем в 1969 г. по провалам в дороге. Всего были обнаружены 3 камеры, но они остались неисследованными [Рунич, 1969*. С. 15; Ковалевская, 1976*. № 67. С. 26; Коробов, 1996*. № 93].

289, 290. Укрепление Мирный 2. Расположено западнее мусульманского кладбища п. Мирный Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Подкумок. Открыто С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. Укрепление занимает мыс, возвышающийся над поселком, ориентированный по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад. На площадке размерами 65×38 м с мало-мощным культурным слоем в 56 м от края мыса видны остатки каменной постройки (башни?), расположенной примерно по центру площадки. Размеры постройки 3×4 м, сохранившаяся высота – всего 20 см. Предположительная культурная принадлежность памятника сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 97].

291, 292. Укрепление Мирный 1. Укрепление занимает высокую площадку, возвышающуюся над укреплением Мирный 2 (см. выше) и расположенную на расстоянии около 300 м к северо-северо-востоку от него. Обнаружено в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым. На небольшой (40×12 м), но высокой площадке сохранились остатки двух каменных строений типа башен высотой около 2 м, расположенных на расстоянии 17 м друг от друга. Они соединены стеной, отгораживающей пространство со стороны Боргустанского хребта. Культурная принадлежность сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 95].

293, 294. Поселение Мирный 1. Памятник (№ 498 по инвентарному списку) находится на северной окраине п. Мирный Предгорного района Ставропольского края. Занимает западный и южный склоны укрепления Мирный 1 (№ 291, 292). Встречается подъемный материал сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (середина I тыс. н. э.) эпохи [Коробов, 1996*. № 96].

295, 296. Укрепление Левоподкумское 1 (№ 501 по инвентарному списку памятников). Расположено на левом берегу р. Подкумок в 400–450 м к югу от п. Мирный Предгорного района Ставропольского края в районе бывшего подвесного моста. Культурная принадлежность сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 99].

297. Поселение Левоподкумское 2. Расположено на левом берегу р. Подкумок на мысу за укреплением Левоподкумское 1 (см. выше). В этом месте в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым был собран подъемный материал аланской эпохи (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 98].

298. Грунтовый могильник Мирный 2. Памятник (№ 500 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Подкумок примерно в 300 м к югу от п. Мирный Предгорного района Ставропольского края возле фермы и инкубаторов Кольцегорской птицефабрики. Здесь, в срезанном склоне, в 1969 г. обнаружен катакомбный могильник. Тогда же А. П. Рунич доследовал 4 катакомбы аланского периода (IV–VII вв. н. э.) [Рунич, 1969*; Ковалевская, 1976*. № 67. С. 26; Коробов, 1996*. № 94].

299. Грунтовый могильник Рим-Гора 1. Широко известный памятник расположен в 17 км к западу от Кисловодска на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия, на правом берегу р. Подкумок. Занимает высокие холмы – куэсты с восточной части городища Рим-Гора. Площадь его не менее 17 га. Памятник имеет длительную историю исследования. Он открыт В. Ф. Смолиным в 1927 г. С 1936 г. раскопки на Рим-Горе вел А. П. Рунич (в отдельные годы совместно с Н. Н. Михайловым). Так, в 1962 г. ими были доследованы 9 вскрытых катакомб, в 1963 г. – еще 6 камер. В 1966 г. при повторном осмотре могильника А. П. Рунич доследовал 8 катакомб, в 1972 г. раскопал еще 8 камер. С 1984 г. на могильнике работал С. Н. Савенко, раскопавший 7 катакомб и грунтовое погребение с заплечиками. Камеры исследованных катакомб вырублены в песчанике и суглинке. Обнаруженные погребенные лежали на угольной подстилке, досках, лестницах-носилках, бересте и в деревянных гробах. Судя по найденному инвентарю – сосудам, деревянным столикам, остаткам тканей, обрывкам кожаных изделий, металлическому оружию, доспехам, орудиям труда, – могильник относится к позднеаланскому времени (X–XII вв. н. э.). В настоящее время он подвергается активному разграблению. На поверхности видны многочисленные следы свежих грабительских ям [Рунич, 1962*. С. 1–6; 1963*. С. 12, 13; 1963; 1966*. С. 5–10; 1970; 1972*. С. 3–6; 1973; Кузнецов, Рунич, 1974; Рунич, Михайлов, 1976. С. 162–182; Ковалевская, 1976*. № 72. С. 27; Савенко, 1984*. С. 145–201; 1986а. С. 107, 108; Алексеева, 1992а. С. 159–161; Савченко, 1992*. С. 46–49; Коробов, 1996*. № 127].

300, 721. Городище Рим-Гора. Давно известное укрепление на горе Рим-Гора (Боргусант-кала), находится на отроге Боргустанского хребта в 17 км к западу от Кисловодска (Малокарачаевский район Республики Карачаево-Черкесия) на правом берегу р. Эшкакон в месте слияния ее с Подкумком. О нем впервые упоминает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби. Рим-Гору посетили и произвели на ней раскопки П. С. Паллас, Дюбуа де Монпере, А. Фиркович, Д. М. Струков,

Н. Е. Макаренко, В. Ф. Смолин, В. А. Кузнецов, Е. П. Алексеева, А. Л. Нечитайло. С 1936 до середины 1970-х гг. памятник регулярно осматривал А. П. Рунич, иногда совместно с Н. Н. Михайловым. В 1992 г. памятник осмотрен и описан Е. И. Савченко и В. А. Кузнецовым во время разведки по трассе Великого шелкового пути, проводимой Северокавказской экспедицией ИА АН СССР.

Городище расположено на огромном скальном останце-плато, вытянутом с востока на запад вдоль аула Джага, который господствует над окружающей местностью. Площадь останца 16 га, протяженность 2,2 км, склоны отвесные, высотой от 3 до 20 м. Из долины Подкумка на вершину плато ведет древняя, хорошо заметная дорога шириной около 3 м, имеющая подпорные стенки и 4 вырубленные в скале лестницы. По середине западного склона Рим-Горы сохранился каменный вал, у юго-западного угла плато высечено подземелье-тюрьма. На поселении обнаружены остатки фундамента христианского храма. В юго-восточном углу плато – христианский могильник и остатки трех прямоугольных в плане башен. На укреплении обнаружены 12 караульных помещений, вырубленных в скале, и 33 цистерны для воды, вырубленные в песчанике, а также остатки строений типа землянок.

Датируется городище VI–XIII вв., наиболее интенсивное заселение происходило в позднеаланское время (X–XII вв.), но встречаются и материалы аланской культуры (VI–IX вв. н. э.) [Челеби, 1979. С. 90; Pallas, 1799. S. 374; Дюбуа де Монпере, 1937. С. 9; Фиркович, 1857. С. 377–380; Макаренко, 1911. С. 121–126; Смолин, 1928. С. 87–90; Иессен. Папка № 13*; Кузнецов, 1961. С. 212, 213; Алексеева, 1971. С. 101, 135, 140–144; Минаева, 1971. С. 98; Рунич, 1970. С. 198; 1974б. С. 97–100; Рунич, Михайлов, 1976. С. 162–182; Ковалевская, 1976*. № 71. С. 27; Козенкова, 1989. № 68. С. 33; Алексеева, 1992а. С. 159–161; Савченко, 1992*. С. 46–49; Коробов, 1996*. № 125].

301. Грунтовый могильник Рим-Гора 2. Могильник находится за центральными воротами укрепления Рим-Гора в северо-западной его части на крутом склоне над скальными выходами ниже уровня укрепления. Обнаружен А. П. Руничем в 1939 г. на западном склоне Рим-Горы. Катакомбы расположены в один ряд с юга на север и выдолблены в обнаженном выступе песчаника. Вследствие этого дромосы и входные отверстия всех 12 катакомб открыты и хорошо просматриваются. В 30–40 м по склону ниже камер находится скала высотой около 7–8 м, выступающая из склона в виде естественного бастиона и господствующая над расположенным ниже колодцем, выдолбленным в песчанике. Между ними проходят остатки вала, прослеженные на протяжении 700–800 м вдоль западного склона Рим-Горы. В 1962 г. А. П. Рунич нашел в этом месте еще одно катакомбное погребение, выдолбленное в песчанике. Культурная принадлежность исследованных захоронений аланская (VIII–IX вв. н. э.) [Рунич, 1962*. С. 6; 1970. С. 209, 210; Виноградов, Михайлов, 1969*. С. 5; Алексеева, 1992а. С. 160; Савченко, 1992*. С. 46–48; Коробов, 1996*. № 128].

302. Поселение Рим-Гора. Обширное поселение, судя по распространению подъемного материала, тянется с запада на восток более чем на 1,2 км, от окраины аула Джага до лесопосадок у выезда с проселочной дороги на трассу Кисловодск – Учкеек. Площадь поселения около 117 га, оно полукольцом охватывало городище Рим-Гора (№ 300, 721) с севера и запада. На поверхности видны очертания кварталов, остатки стен, обгорелые балки, обугленный камень, булыжниковые стены, следы турлучных и глинобитных стен, следы пожара. Среди находок, сделанных здесь, есть обгорелые зерна пшеницы, ячменя, проса; железные ножи и тесла, мельничные жернова, железные и бронзовые шлаки, остатки деревянной наковальни, пропитанной окисью меди, кости крупного и мелкого рогатого скота, керамика (глиняные котлы с внутренними ушками, кувшины, кружки, миски). Кроме того, на поселении обнаружены остатки христианского храма – фундамент в виде креста, а также древнерусский бронзовый литой змеевик XI–XIII вв. Культурная принадлежность памятника позднеаланская (X–XII вв. н. э.) [Кузнецов, 1970б. С. 154, 155; Ковалевская, 1976*. № 71. С. 27; Алексеева, 1992а. С. 159, 160; Савченко, 1992*. С. 46, 47; Коробов, 1996*. № 126].

303. Грунтовый могильник Водонапорный. Расположен на территории Кисловодского курортного парка (№ 174 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Ольховка

в 200–250 м к юго-западу от санатория «Красные Камни». Могильник из каменных ящиков был обнаружен при строительстве водонапорных сооружений. Культурная принадлежность кобанская (X–VIII вв. до н. э.) [Козенкова, 1989. № 89. С. 36, 37; Коробов, 1996*. № 298].

304. Грунтовый могильник Красные Камни (№ 173 по инвентарному списку памятников). Расположен в курортном парке Кисловодска на правом берегу р. Ольховка к югу от Красных Камней. Обнаружен при строительстве санатория «Красные Камни» в 1934 г. Раскопана одна могила, видимо грунтовая, датирующаяся не позднее VIII в. до н. э. (кобанская культура) [Иессен. Папка № 16*; Ковалевская, 1976*. № 43. С. 23; Козенкова, 1989. № 89. С. 36–37; Коробов, 1996*. № 293].

305. Поселение Храм Воздуха. Памятник (№ 176 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Ольховка в курортном парке Кисловодска и занимает мысообразный холм, на котором находится ресторан «Храм Воздуха». В настоящий момент верхняя часть плато полностью заасфальтирована. Был обнаружен подъемный материал кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 301].

306. Грунтовый могильник Малое Седло. Памятник находится на восточном склоне горы Малое Седло в юго-восточной части курортного парка Кисловодска (№ 191 по инвентарному списку). В 1932 г. М. М. Беляевым отсюда в Пятигорский музей были доставлены 6 целых сосудов VIII–VII вв. до н. э., относящиеся к кобанской культуре [Крупнов, 1960. С. 181. № 8а; Иессен. Папка № 13*; Ковалевская, 1976*. № 106. С. 31; Козенкова, 1989. № 87. С. 36; Коробов, 1996*. № 307].

307. Поселение Малое Седло 2. Расположено в верхнем курортном парке Кисловодска (№ 194 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Ольховка на северо-западном склоне возвышенности Малое Седло. Обнаружен подъемный материал эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 306].

308. Укрепление Глухая Балка 2. Найдено в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым при осмотре памятников в районе горы Малое Седло. Располагается к востоку от укрепления Глухая Балка 1 (см. ниже) по дороге на Малое Седло. На площадке размерами примерно 80×40 м видны остатки рва и каменной башни, которая фланкирует плато со стороны отрогов Малого Седла. Культурный слой и подъемный материал невыразительны, но позволяют отнести данное укрепление к аланской эпохе (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 304].

309. Укрепление Глухая Балка 1 (Малое Седло 1 по Я. Б. Березину; Джинальское 1 по Г. Е. Афанасьеву). Памятник (№ 192 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Ольховка в глубине Кисловодского курортного парка на гребне Джинальского хребта, разделяющего балки Глухую и Широкую, примерно в 3 км к юго-востоку от горы Малое Седло.

Описание и топоъемка памятника произведены Я. Б. Березиным в 1989 г. Укрепление занимает скальный мыс, ориентированный по линии восток–запад. Длина занятой укреплением части мыса 65 м, ширина – до 15 м. Со всех сторон, кроме северной, мыс окружен обрывами высотой 3–10 м. На мысу обнаружены 4 выбитые в скале лунки (диаметр около 10 см, глубина 15–25 см) с вертикальными стенками и несколько скоплений камней, возможно остатки строений. Наиболее вероятно отнесение укрепления к периоду раннего средневековья (I тыс. н. э.). Г. Е. Афанасьевым была опубликована хорезмийская монета 2-й половины VIII в. н. э., происходящая с этого памятника [Афанасьев, 1973б. С. 76; 1975. Табл. 1. С. 60; Ковалевская, 1976*. № 107. С. 32; Березин, 1989*. С. 1; Коробов, 1996*. № 303].

310. Поселение Глухая Балка 1 (Малое Седло 1 по Я. Б. Березину). Памятник (№ 193 по инвентарному списку) занимает восточный склон скалистого гребня, занятого укреплением Глухая Балка 1 (см. выше). Обнаружено и описано Я. Б. Березиным в 1990 г. Поверхность поселения покрыта лесопосадками. Мощность культурного слоя определялась по срезам лесопосадочных террас, обычно она не менее 0,5 м. В стенках террас встречаются пятна прокала кирпичного цвета. Общая площадь поселения, определяемая по выходам культурного слоя, – около 1,5 га. Собранный подъем-

ный материал позволяет отнести памятник к раннему средневековью (I тыс. н. э.) [Березин, 1990*. С. 2; Коробов, 1996*. № 305].

311. Грунтовый могильник Конхуторский (Эчкивашский; Эчки-Башинский по В. Б. Ковалевской). Административно относится к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия, находится на правом берегу р. Аликоновка в глубине балки Конхуторской с левой ее стороны в 150–200 м к югу от старых ферм конзавода № 169 по обеим сторонам дороги.

В 1966 г. А. П. Рунич доследовал здесь 9 захоронений в каменных ящиках. В настоящее время на поверхности видно около 5 каменных ящиков хорошей сохранности. Датировка этого памятника кобанской культуры – VIII–VI вв. до н. э. [Рунич, 1966*. С. 19–22; 1973б. С. 163; Виноградов, 1972б. С. 132, 188–204. Рис. 20, 3–13; Виноградов и др., 1976. С. 48. Рис. 5, 6; Ковалевская, 1976*. № 26. С. 20, 21; Козенкова, 1989. № 58. С. 31; Коробов, 1996*. № 204].

312, 313. Укрепление Конхуторское 1 (Аликоновское 9 по В. Б. Ковалевской). Памятник находится на правом берегу р. Аликоновка напротив п. Коммунастрой Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия и на левой стороне балки Конхуторской при слиянии ее с каньоном Аликоновки. Укрепление занимает две скальные площадки. Размеры верхней площадки – 120×40 м, на поверхности видны остатки двух каменных башен высотой до 4 м и следы рвов. На нижней площадке располагалась еще одна башня, ее сохранившаяся высота – около 2 м. По правому краю мыса идет кладка из аккуратно обработанных каменных блоков высотой до 4 рядов. По правой стороне мыса видны следы древней дороги, ведущей на укрепление. Культурная принадлежность памятника сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 25. С. 20; Коробов, 1996*. № 202; Афанасьев и др., 2002. С. 73].

314, 315. Поселение Конхуторское 1 (Аликоновское 9 по В. Б. Ковалевской). Расположено за укреплением Конхуторское 1 (см. выше). Подъемный материал здесь тянется в сторону разрушенных ферм, находящихся на плато по левой стороне балки Конхуторской. На этом обширном поселении недалеко от укрепления стоит каменный менгир размерами 170×57×23 см, сделанный из слегка подработанного куска известняковой плиты, с несколько закругляющимся верхом.

По подъемному материалу, обнаруженному на поселении, его можно отнести к сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (I тыс. н. э.) эпохе [Ковалевская, 1976*. № 25. С. 20; Коробов, 1996*. № 203].

316. Скальный могильник Эчкиваш. Относится к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия, находится на правом берегу р. Аликоновка. Скальный могильник в нишах, расположенных на мысу по правой стороне балки Эчкиваш (Медовая), напротив Медовых водопадов и укрепления Указатель. Культурная принадлежность аланская (VIII–X вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 211].

317. Укрепление Арбакол 1. Расположено на территории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Аликоновка. Мыс напротив Катыхинской балки, нависающий над урочищем Красные Пески, справа от проселочной дороги от Медовых водопадов в п. Зеленогорский, был осмотрен Д. С. Коробовым, Н. Н. Климовым и К. М. Магомедовым в 1996 г. На обширной (200×200 м) площадке видны остатки валов и подпрямоугольных построек. При повторном посещении памятника в 1999 г. собран подъемный материал аланского времени (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 199; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

318. Поселение Луначарка. Памятник (№ 210 по инвентарному списку) находится на западной окраине Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка на возвышенности между инфекционной больницей и п. Луначарка. На возвышенности установлен геодезический знак ГУГК № 6876; найден подъемный материал аланской эпохи (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 144].

319. Поселение Дачи. Расположено в черте г. Кисловодска (№ 213 по инвентарному списку памятников) на высокой правобережной террасе р. Аликоновка между ручьями Митькин кутан и

Луначарка посреди дачной застройки. Культурная принадлежность, определяемая по подъемному материалу, кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 148].

320. Поселение Митькин Кутан 2. Открыто Д. С. Коробовым в процессе разведки в 1996 г. Поселение находится на правом берегу р. Аликоновка в 200–250 м к северо-западу от подошвы возвышенности Острый курган. С восточной стороны его ограничивает боковая балка, впадающая в Аликоновку. На поверхности видны каменные сооружения, собран подъемный материал, относящийся к аланской культуре (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 155].

321. Поселение Катыхинское 6. Расположено на территории Предгорного района Ставропольского края на правом берегу р. Аликоновка. Поселение находится на правом берегу бокового ответвления Катыхинской балки и занимает округлый мыс напротив укрепления Катыхинское 2. Найденный здесь подъемный материал относится к майкопской культуре (конец IV – начало III тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 196].

322. Поселение Катыхинское 2. Памятник административно относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 478 по инвентарному списку). Находится на правом берегу р. Аликоновка в 3,2 км к юго-западу от п. Зеленогорский в глубине Катыхинской балки на ее левом берегу на верху скального мыса напротив урочища «Стрелка», занятого укреплением Катыхинское 2 (см. ниже). Поселение обнаружено В. Б. Ковалевской в 1980 г. Укрепление и поселение совокупно занимают площадь около 6000 м² и простираются на 120 м по оси север–юг и на 30–50 м по оси запад–восток. Поселение ограждено валами, сейчас представляющими собой слабо заметные всхолмления. Восточный вал находится в 22 м от обрыва к ручью. В. Б. Ковалевской был собран подъемный материал и заложен шурф, в котором обнаружены невыразительные фрагменты красно- и сероглиняной гончарной керамики аланской эпохи (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1980*. С. 6; 1981. С. 104, 105; Корневский, 1984*. № 53. С. 78; Коробов, 1996*. № 195].

323. Укрепление Катыхинское 2 (№ 478 по инвентарному списку памятников). Занимает нижнюю площадку мыса, на котором расположено поселение Катыхинское 2 (см. выше). Обнаружено и описано В. Б. Ковалевской в 1980 г. На укреплении видны остатки каменной башни, достигающие около 2 м в высоту. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1980*. С. 6; 1981. С. 104, 105; Корневский, 1984*. № 53. С. 78; Коробов, 1996*. № 194].

324. Поселение Катыхинское 1. Памятник (№ 473 по инвентарному списку) находится на территории Предгорного района Ставропольского края на правом берегу р. Аликоновка и левом берегу балки Катыхинской на небольшом мысу в районе старых силосных ям, расположенных в 200–250 м к югу от триангуляционного знака, стоящего на холме. Обнаружено В. Б. Ковалевской в 1980 г. В силосной яме найдены многочисленные фрагменты красноглиняной керамики, что дало повод исследователю отнести поселение к началу II тыс. н. э.

Повторно памятник был обнаружен в 1987 г. М. А. Гуськовым. В 1988 г. место находки было осмотрено Я. Б. Березиным и С. Н. Корневским. В районе силосных ям на глубине 0,5–0,7 м от поверхности встречался подъемный материал майкопской культуры. Там же М. А. Гуськовым найдена очажная подставка, включенная в отчет С. Н. Корневского 1987 г. как находка с поселения Аликоновский Карьер. Культурная принадлежность памятника майкопская (конец IV – начало III тыс. до н. э.) [Ковалевская, 1980*. С. 6; 1981. С. 104, 105; Корневский, 1988*. С. 65; Коробов, 1996*. № 191].

325, 326. Курганная группа Катыхинская 1. Курганы находятся на правом берегу р. Аликоновка на водораздельной гряде между Катыхинской балкой и Аликоновкой. Три курганные насыпи, найденные в 1996 г. Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко, высотой от 1 до 5 м и диаметром от 20 до 40 м, находятся на холме, где расположен триангуляционный знак, в 200–250 м к северу от поселения Катыхинское 1 на расстоянии 15–20 м друг от друга. Возможная культурная принадлежность – май-

копская (III тыс. до н. э.) и/или северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 192].

327. Скальный могильник Катыхинский 4 (Бачхакол). Расположен на правом берегу р. Аликоновка в скальных выходах левого берега Катыхинской балки напротив укрепления Катыхинское 2. Могильник в естественной нише под скальным навесом обнаружен и осмотрен С. Н. Савенко в 1995 г., найдены разграбленные погребения, из инвентаря сохранилось несколько бусин и железных предметов. Культурная принадлежность аланская (VIII–IX вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 193].

328, 329. Одиночный курган Катыхинский 2. Относится к территории Предгорного района Ставропольского края, находится на правом берегу р. Аликоновка на поселении Катыхинское 4, расположенном над укреплением Катыхинское 1 (см. ниже). Одиночный курган высотой около 2 м и диаметром около 20 м найден С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. при осмотре памятников балки Катыхинской. В норе грызуна в насыпи найден фрагмент керамики сарматского времени. Курган возведен предположительно в майкопскую (III тыс. до н. э.) или северокавказскую (конец III – середина II тыс. до н. э.) эпоху [Коробов, 1996*. № 190].

330. Поселение Катыхинское 4. Открытое поселение расположено на правом берегу р. Аликоновка, занимает верхнюю площадку мыса над укреплением Катыхинское 1 (см. ниже). В 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым здесь был найден подъемный материал – невыразительные фрагменты керамики сарматского времени (I в. до н. э. – III в. н. э.) [Коробов, 1996*. № 189].

331. Поселение Катыхинское 3. Обнаружено в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым на средней площадке между поселением Катыхинское 4 (№ 330) и укреплением Катыхинское 1 (№ 332). На поселении видны остатки поперечных стен шириной около 2 м, сохранился один ряд кладки из необработанного камня. Не исключено, что стена является современной. Судя по обнаруженному подъемному материалу, поселение может относиться к аланской культуре (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 188].

332. Укрепление Катыхинское 1 (Аликоновское 7 по В. Б. Ковалевской; Аликоновское 4 по Г. Е. Афанасьеву). Памятник (№ 477 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Аликоновка и занимает скальный мыс между р. Аликоновкой и Катыхинской балкой, расположен примерно в 1,9 км к юго-западу от п. Зеленогорский. По сведениям, приводимым Г. Е. Афанасьевым, на укреплении имела стена-башня. В настоящее время укрепление практически полностью уничтожено при устройстве карьера «Замок». Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 1975. С. 53; Ковалевская, 1976*. № 23. С. 21; Кореневский, 1984*. № 53. С. 78; Коробов, 1996*. № 187].

333. Поселение Катыхинское 5. Расположено на левом берегу р. Аликоновка напротив укрепления Катыхинское 1 под скалами в районе разрушенных домов хутора у карьера «Замок». В осыпях склона в 1996 г. Д. С. Коробов и С. Н. Савенко нашли несколько фрагментов керамики аланского времени (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 183].

334. Скальный могильник Катыхинский 2а (№ 475 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Аликоновка в скальных выходах напротив карьера «Замок» к юго-западу от скального могильника Катыхинский 1 (см. ниже). Могильник расположен под скальным навесом, сильно выветренным, и без альпинистского снаряжения недоступен. Культурная принадлежность аланская (VIII–XI вв. н. э.) [Кореневский, 1984*. № 52. С. 78; Коробов, 1996*. № 200].

335. Скальный могильник Катыхинский 3. Как и описанные выше памятники, относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 476 по инвентарному списку). Находится на левом берегу р. Аликоновка в скальном выходе под естественным навесом между скальными могильниками Катыхинский 1 и 2а. Культурная принадлежность аланская (VIII–XI вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 181].

336. Грунтовый могильник Катыхинский 1. Памятник (№ 479 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Аликоновка в 1,7–1,8 км к юго-западу от п. Зеленогорский под скальными выходами возле идущей по склону трубы по дороге от «Замка коварства и любви» к карьере «Замок». Найденные здесь катакомбные погребения относятся к аланской эпохе (VII–IX вв. н. э.) [Кореневский, 1984*. № 52. С. 78; Коробов, 1996*. № 182].

337. Скальный могильник Катыхинский 1. Расположен на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 474 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка в 1,6–1,8 км к юго-западу от п. Зеленогорский в скальных выходах в районе карьера «Замок». Могильник занимает естественную нишу под скальным навесом и относится к аланской культуре (VIII–XI вв. н. э.) [Кореневский, 1984*. № 52. С. 78; Коробов, 1996*. № 180].

338. Поселение Аликоновское 1. Расположено на западной окраине Кисловодска (№ 202 по инвентарному списку памятников) на левобережной скальной террасе р. Аликоновка в 300–350 м южнее п. Аликоновка. Открытое поселение ныне практически полностью застроено дачами и индивидуальными домами. Культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 152].

339. Грунтовый могильник Красная Площадь (№ 308 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Ольховка в южном секторе г. Кисловодска возле Крепости и Никольского собора. Раннесредневековый могильник (середина I тыс. н. э.) в настоящее время почти полностью застроен [Коробов, 1996*. № 242].

340, 341. Поселение Мосейкин Мыс 1–2. Находится в черте г. Кисловодска (№ 327, 328 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Березовая. Занимает северо-западный и северо-восточный склоны скалы Мосейкин мыс. Двойная нумерация поселения отражает разные этапы его существования – в кобанскую (Мосейкин Мыс 1) и аланскую (Мосейкин Мыс 2) эпохи (1-я половина I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.). В 2001–2002 гг. описание и инструментальная топосъемка памятника произведены Кисловодским отрядом ИА РАН (руководитель Д. С. Коробов). Были осмотрены гроты, возле которых и ниже по склону, в боковой балке, впадающей с правой стороны в р. Березовую, обнаружено большое количество подъемного материала, относящегося в основном к аланской эпохе. Осмотр показал, что подъемный материал распространяется по склону практически без перерывов от скальных выходов, занимаемых укреплением Мосейкин Мыс 1, до первой террасы р. Березовой. На юго-запад он прослеживается вплоть до большого обломка скалы, находящегося на правом берегу р. Березовой [Коробов, 1996*. № 256; 2002*. № 256. С. 12–15].

342, 343. Укрепление Мосейкин Мыс 1 (Березовское 1 по Г. Е. Афанасьеву; Березовское 2 по Я. Б. Березину). Расположено в южном секторе г. Кисловодска примерно в 1,5 км к северо-востоку от п. Левоберезовский (№ 326 по инвентарному списку памятников). Находится в долине р. Березовой на правом ее берегу на оконечности мыса, образованного рекой и ее правым притоком.

Памятник известен с 1960-х гг., неоднократно осматривался и описывался краеведами. В 1990 г. топоплан и описание укрепления были составлены Я. Б. Березиным. Повторный осмотр и инструментальная топосъемка проводились Кисловодским отрядом ИА РАН (руководитель Д. С. Коробов) в 1996, 2001 и 2002 гг.

Укрепление занимает три мысовые площадки. Верхняя отгорожена от напольной стороны выемкой глубиной до 3 м, образованной, по мнению Я. Б. Березина, выборкой камня для строительства укрепленных сооружений. За ней располагаются остатки стены, сохранившейся в виде развала камнем разной формы и размеров. Длина развала 13,5 м, ширина – до 7 м, высота – 1,5 м. На восточном краю верхней площадки укрепления на поверхности видны остатки каменных построек. Ниже идет средняя площадка, где также обнаружены бесформенные каменные развалины, вероятно строений. На нижней площадке в юго-западной части под скальным выходом находится башня, которая имеет по внешней стороне длину 8,4 м, ширину 5,4 м и сохранившуюся высоту кладки 0,8 м. Кроме того,

на восточном краю нижней скальной площадки расположена еще одна постройка, а на самом краю, возле обрыва в р. Березовую, находится столбовая ямка, вырубленная в скале.

Собранный подъемный материал позволяет с большой долей вероятности отнести существование этого памятника к V–VII вв. н. э., однако не исключено, что данное укрепление функционировало в позднеаланский период, поскольку найдены несколько фрагментов керамики и наконечник стрелы, которые датируются в пределах X–XII вв. [Афанасьев, 1975. Табл. 1; Березин, 1990*. С. 3, 4; Коробов, 2003а. С. 278-279; 2003б. С. 248-249; 1996*. № 257; 2001*. С. 14–19].

344, 345. Поселение Мосейкин Мыс 3. Обнаружено в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым по подъемному материалу, найденному в верхней части террасы над Мосейкиным мысом. По верху террасы проходит заброшенная линия электропередач. Видимо, именно этот объект упоминается в своде кобанских памятников В. И. Козенковой под названием «Березовское 1 поселение».

В 2001 г. Кисловодский отряд ИА РАН произвел визуальное обследование, фотофиксацию памятника, сбор подъемного материала, инструментальную топо съемку и шурфовку с целью определения границ культурного слоя. Поселение занимает обширную площадку к юго-западу и юго-востоку от укрепления Мосейкин Мыс 1. Край мыса на всем протяжении распахан противопожарной траншеей, в которой собирался подъемный материал. Он распространяется на 120–150 м от площадки с одиноко стоящим деревом и старой ЛЭП перед входом на укрепление Мосейкин Мыс 1, постепенно уменьшаясь в количестве и практически исчезая в районе границы посадок березы и сосны. К юго-западу от вышеупомянутой площадки подъемный материал с перерывами встречается в противопожарной траншее на протяжении 240 м. При этом наибольшая его концентрация приходится на верхнюю часть площадки поселения возле укрепленной мысовой части на расстоянии примерно 50–60 м от верхней площадки укрепления. Подтвердить это наблюдение удалось при закладке трех шурфов, два из которых – в юго-западной и восточной частях поселения – показали отсутствие культурного слоя и материала, а один, разбитый возле укрепления, дал уникальную насыщенность материалами кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культур (более 1000 фрагментов на 4 м² площади и 30 см глубины) [Афанасьев, 1975. С. 53, 54; Козенкова, 1989. № 65. С. 32; Коробов, 1996*. № 259; 2002*. № 259. С. 19–29; 2003а. С. 278, 279].

346. Грунтовый могильник Правоберезовский (Березовский ?). Памятник (№ 329 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Березовая в 200–250 м к юго-востоку от Мосейкиного мыса в лесопосадках. Имеются сведения о найденных здесь склепах IV–VI вв. н. э. В настоящий момент точно не локализуется [Коробов, 1996*. № 260].

347. Поселение Правоберезовское 2. Относится к территории Предгорного района Ставропольского края, находится на правом берегу р. Березовая, на мысу напротив укрепления Левоберезовское 4 (см. ниже). На площадке размерами 50×80 м в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробов собрали подъемный материал аланской эпохи (середина I тыс. н. э.). С южной стороны мыса видны остатки каменной постройки [Коробов, 1996*. № 270].

348. Укрепление Правоберезовское 2. Обнаружено в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым на правом берегу р. Березовая на мысу, следующим на юг за Мосейкиным мысом вверх по течению реки. Тогда в отчете он был назван «поселение Правоберезовское 2» и отнесен к северокавказской культуре. Повторный осмотр памятника, проведенный в 2002 г., убедил исследователей, что объект является укреплением эпохи раннего средневековья. На памятнике была проведена инструментальная топо съемка, его описание и шурфовка.

Укрепление занимает две площадки на юго-западной оконечности большого мыса над рекой. На нижней площадке над рекой находятся остатки каменной башни и вырубленной в скале лестницы. Сама площадка отгорожена двумя каменными стенками шириной около 3 м. На верхней площадке зафиксированы ряд каменных построек, состоящих из нескольких помещений, полукруг стоящих вертикально камней крупных размеров с большой каменной плитой, лежащей посередине, а также

небольшая каменная стена и остатки древнего родника. В шурфе (2×2 м), разбитом на нижней площадке укрепления, найдены остатки каменной кладки, многочисленные фрагменты керамики и кости животных, а также обломок каменного терочника, фрагмент стеклянной бусины и каменное пряслице. Судя по обнаруженным находкам, укрепление, относящееся к аланской культуре, существовало на протяжении V–VII вв. н. э. [Коробов, 2003а. С. 278–279; 1996*. № 272; 2002*. № 272. С. 19–29].

349. Поселение Кабардинка 1. Памятник (№ 565 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Кабардинка в 1,7–1,8 км к западу-северо-западу от п. Правоберезовский Предгорного района Ставропольского края. На поселении найден подъемный материал кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 358].

350, 351. Поселение Индустрия 3. Расположено в черте г. Кисловодска (№ 336 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Кабардинка у западной окраины п. Индустрия на гребне водораздельного хребта, который находится слева от дороги из п. Индустрия в Кисловодск. На поверхности видны остатки каменной стены от постройки (длиной до 1,5 м), встречается подъемный материал кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и сарматской (I в. до н. э. – III в. н. э.) культур [Коробов, 1996*. № 264].

352, 353. Укрепление Сосновый Бор. Расположено в черте г. Кисловодска на левом берегу р. Кабардинка. Высокий мыс над бывшим пионерским лагерем «Сосновый Бор» недалеко от обувной фабрики на ул. Ермолова был осмотрен С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. Узкий скальный мыс размерами 50×15 м ориентирован длинной стороной с юго-запада на северо-восток. На поверхности видны остатки двух каменных башен высотой около 2 м. Найден подъемный материал сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (I тыс. н. э.) культуры [Коробов, 1996*. № 246].

354. Одинокый курган Конзавод 1. Курган располагается на левом берегу р. Подкумок на окраине п. Конзавод (Красный Курган) Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия слева от дороги из п. Конзавод на Медовые водопады при выезде из поселка. Высота около 5 м, диаметр около 30 м, на поверхности видны остатки каменных конструкций. Возможная культурная принадлежность скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 119].

355. Курганная группа Конзавод 2. Находится на левом берегу р. Подкумок в 1,5 км от п. Конзавод. Три курганные насыпи, обследованные в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым, видны справа (одна) и слева (две) от дороги на Медовые водопады. Они вытянуты цепочкой по линии северо-запад–юго-восток, отстоят на 50 и 300 м друг от друга, высота их 1,5–2 м, диаметр – 20–25 м. Возможная культурная принадлежность скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 120].

356. Курганная группа Конзавод 3. Две курганные насыпи находятся на левом берегу р. Подкумок примерно в 2 км к юго-востоку от п. Конзавод слева и справа от дороги, ведущей из поселка на Медовые водопады. Обследованы Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко в 1996 г. Курганы отстоят на 50 м друг от друга по линии север–юг, высота их около 2 м, диаметр около 25–30 м. Видны следы нарушения насыпи грабителями. Возможная культурная принадлежность скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 121].

357, 358. Укрепление Красивый Курган 1. Памятник относится к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия, находится на левом берегу р. Аликоновка. Известен краеведам с 1960-х гг. Осмотрен в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым. Укрепление занимает скальный мыс, ориентированный по линии север–юг, находящийся к востоку от возвышенности Красивый Курган. Длина мыса 60 м, ширина 35 м, с напольной стороны он перегорожен стеной, сложенной из необработанных камней на глиняном растворе, около 2 м высотой, с башней размерами 4×5 м по центру. Башня разрушена, внутри нее в скальном грунте – круглая яма диаметром 1,5 м и глубиной около 1 м (разрушенная цистерна?). Найден подъемный материал сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (I тыс. н. э.) культур. Возможно, укрепление упоминается в списке памятников

В. Б. Ковалевской под аналогичным названием как сторожевой пункт на небольшом естественно укрепленном мысу [Ковалевская, 1976*. № 64. С. 26; Коробов, 1996*. № 123].

359, 360. Укрепление Красные Пески (Аликоновское № 8 напротив Конхуторского по В. Б. Ковалевской). Расположено на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка. Укрепление занимает скальный останец с восточной стороны мыса, нависающего над урочищем «Красные Пески», напротив укрепления Конхуторское 1. Мыс небольшой по размерам – примерно 30×20 м; на нем располагается каменная стена около 2 м шириной и 0,5 м высотой с остатками двух башен размерами примерно 4×4×0,5 м. Культурная принадлежность сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. С. 5, № 24. С. 20; Коробов, 1996*. № 201; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

361. Грунтовый могильник Подкумский 3 (№ 541 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок на западной окраине п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края на склоне под карьером, устроенным для выборки камня, в глинистых осыпях. Обнаружен в феврале 1965 г. Н. Н. Михайловым и исследован в 1966 г. Всего раскопано 4 погребения в каменных ящиках из плит. Датировка этого кобанского могильника, главным образом по оружию скифского типа, – середина VI – V в. до н. э. В настоящее время практически полностью разрушен карьером [Михайлов, 1966б*; Виноградов, 1972а, б. С. 61, 101, 188, 192, 335; Козенкова, 1989. № 112. С. 41; Коробов, 1996*. № 8].

362, 363, 462. Поселение Спящая Красавица. Расположено на левом берегу р. Подкумок на восточном склоне возвышенности Спящая Красавица под одноименным укреплением (см. ниже). На склоне встречается невыразительный подъемный материал, культурная принадлежность которого может быть определена как кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.), сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 9].

364, 365. Укрепление Спящая Красавица. Укрепление занимает вершину одноименной возвышенности на левом берегу р. Подкумок примерно в 1,5 км к северо-западу от железнодорожной станции Подкумок и имеет две укрепленные площадки. Верхняя из них подтреугольной формы, примерно 15×20 м, с башней размерами 5×5×1 м, потревоженной в процессе выборки камня. Нижняя площадка примыкает к ней с севера, со стороны подходящей гряды Боргустанского хребта. На ней сохранилась башня размерами 3×3 м, также разрушенная при выборке камня. Сложена она из обработанных и необработанных каменных блоков. Судя по незначительному подъемному материалу, укрепление относится к сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (середина I тыс. н. э.) эпохам [Рунич, 1974б. С. 106; Ковалевская, 1976*. № 73. С. 27; Коробов, 1996*. № 10].

366. Поселение Белый Уголь (Орленок). Находится на территории Предгорного района Ставропольского края (№ 557 по инвентарному списку памятников) на правом берегу р. Подкумок. Памятник осмотрен в 1989 г. В. А. Фоменко, который составил его описание и произвел топосъемку. Выходы культурного слоя обнаружены им на южном склоне возвышенности, занятом укреплением Белый Уголь (см. ниже). Из находок имеются фрагменты керамики, обломок каменного терочника и кости животных. Поселение относится к раннему железному веку (кобанская культура) и приблизительно датируется в рамках 1-й половины I тыс. до н. э. [Фоменко, 1989*. С. 12–14; Коробов, 1996*. № 2].

367, 368. Укрепление Белый Уголь. Широко известный памятник (№ 556 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Подкумок возле южного окончания жилых и хозяйственных строений п. Белый Уголь Предгорного района Ставропольского края на высокой террасе (500–700 м) к северо-востоку от пионерского лагеря «Орленок». Представляет собой двухчастное земляное сооружение на естественном мысообразном выступе отрога Джинальского хребта. Памятник неоднократно осматривался и описывался А. П. Руничем, В. Б. Ковалевской, В. А. Фоменко, Д. С. Коробовым.

Первая часть укрепления представляет собой возвышенность, отделенную от второй части глубоким (9–9,5 м от вершины) поперечным рвом. Верхняя площадка неправильно-овальной формы, размерами 27,5×19 м, с остатками по крайней мере двух башен размерами 4×5×1 м; по периметру площадки идет стена шириной около 1,5 м. Нижняя часть укрепления также представляла собой небольшую площадку подтрапециевидной формы длиной 10 м, шириной 8 м, с примыкающими к ней подтреугольно расположенными возвышенными выступами над северо-восточным уклоном основного рва. Эта часть укрепления отделялась от основного отрога Джинальского хребта искусственным рвом длиной 9–10 м, шириной около 2 м и глубиной 1,5–2 м, вероятно также с остатками башни, расположенной со стороны хребта. Предположительная культурная принадлежность памятника сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Рунич, 1974б. С. 107; Ковалевская, 1976*. № 57. С. 25; Фоменко, 1989*. С. 12–14; Коробов, 1996*. № 1].

369. Курганная группа Красивый Курган 1. Обнаружена Д. С. Коробовым в 1996 г. Курганы расположены на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на правом берегу р. Подкумок в 300 м к северу от возвышенности Красивый Курган на широком плато. Видны по крайней мере 4 курганные насыпи, вытянутые цепочкой по линии запад–восток, со следами каменных конструкций в насыпи высотой 0,5–1,5 м и диаметром 15–25 м. Насыпь на краю плато разрушена грабителями. Возможная культурная принадлежность скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 122].

370, 371. Укрепление Красивый Курган 2 (?). Широкое плато к северу от возвышенности Красивый Курган было осмотрено в 1996 г. Д. С. Коробовым. На восточной стороне плато у края, южнее проселочной дороги, идущей вниз, на п. Конзавод Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия зафиксированы остатки вала укрепления (?). Вал (?) идет по краю плато вдоль обрыва, длина его около 50 м, ширина около 8 м, высота до 2 м. Возможная культурная принадлежность укрепления – сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 124].

372. Поселение Нарзанное. Расположено в черте г. Кисловодска, на правом берегу р. Ольховка в 600–700 м к востоку-юго-востоку от п. Нарзанский справа от дороги из поселка на Кисловодск. Здесь, в срезе обрыва над дорогой, в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым был обнаружен культурный слой серого цвета с золистыми включениями мощностью около 1 м, в котором видны остатки каменных конструкций от построек. Собран выразительный подъемный материал – фрагменты керамических сосудов сарматского времени (I в. до н. э. – III в. н. э.) [Коробов, 1996*. № 333].

373, 374. Одиночный курган Круглый (№ 356 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Ольховка на южной окраине Кисловодска примерно в 100 м к востоку от окраины п. Нарзанский. Курган разрушен строениями поселка, размеры его были весьма значительными. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 332].

375. Укрепление Медовое (Аликоновское 12; Эчки-Башинское Правобережное по В. Б. Ковалевской). Занимает две площадки скального мыса на правом берегу р. Аликоновка напротив Медовых водопадов на левой стороне балки Медовой (Эчкиваши). Осмотрено и описано В. Б. Ковалевской в 1973 г. и Д. С. Коробовым в 1996 г.

На нижней площадке видны остатки поперечной стены длиной около 7 м, шириной около 2 м, на самом краю мыса – остатки каменной башни (приблизительные размеры 5×6×1 м). Верхняя площадка также укреплена башней размерами 8×6×2 м; позади нее прослеживается стена из крупных каменных блоков высотой до 1 м. Судя по подъемному материалу, укрепление относится к раннему средневековью и датируется в пределах I тыс. н. э. [Ковалевская, 1973*. С. 9; 1976*. № 31. С. 22; Коробов, 1996*. № 210; Афанасьев и др., 2002. С. 72, 73].

376. Укрепление Аликоновское 14. Расположено на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка. Занимает небольшой скальный

выступ выше по течению Аликоновки от мыса Указатель. Укрепление в 1973 г. описано В. Б. Ковалевской, в 1996 г. – Д. С. Коробовым. С напольной стороны оно перегорожено несколькими рядами каменных стен (высотой до 1 м), видны следы каменных сооружений. Общая площадь укрепления 90×40 м. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. С. 7. № 33. С. 22; Коробов, 1996*. № 212].

377. Поселение Аликоновское 14. Находится на плато восточнее остатков укрепления Аликоновское 14 (см. выше). Осмотрено и описано В. Б. Ковалевской в 1973 г., Д. С. Коробовым – в 1996 г. На ровном открытом плато встречается подъемный материал аланского времени (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. С. 7. № 33. С. 22; Коробов, 1996*. № 213].

378. Курганная группа Аликоновская Левобережная 1. Расположена на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка на высокой гряде над укреплениями Аликоновское 13 и 14. Группа, вытянутая с северо-востока на юго-запад на вершине гряды, состоит из 11 насыпей, расположенных на расстоянии от 5 до 20 м друг от друга. Высота курганов от 1 до 3 м, диаметр от 10 до 30 м. Все насыпи нарушены грабительскими раскопками. При осмотре в 1996 г. Д. С. Коробов в грабительских ямах двух курганов обнаружил остатки погребальных сооружений (каменных склепов, сложенных из хорошо обработанных плит на глиняном растворе, с мощным перекрытием). Зафиксированные размеры склепов 1,9×0,8×0,7 м. Возможно, что курганы относятся к скифской культуре и датируются в пределах VII–IV вв. до н. э. [Коробов, 1996*. № 209].

379. Укрепление Нарт-Башинское (Аликоновское 13 по В. Б. Ковалевской). Занимает скальный мыс на левом высоком берегу р. Аликоновка выше по течению реки от мыса Указатель. Состоит из двух площадок. Осмотрено и описано В. Б. Ковалевской в 1973 г., Д. С. Коробовым – в 1996 г.

Со стороны водораздельного плато укрепление перегорожено поперечной стеной, из которой произведена мощная выборка камня. На краю мыса – башня размерами 6×7 м и высотой до 2,0–2,15 м. В центре башни также наблюдается яма с выборкой камня. Западнее башни, на краю плато, в скальном грунте видны две столбовые ямки круглой формы (диаметр 23–24 см, глубина 26 см). Встречается невыразительный подъемный материал аланского времени (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1973*. С. 8; 1976*. С. 7. № 32. С. 22; Коробов, 1996*. № 208; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

380. Грунтовый могильник Нарт-Башинский 1. Обнаружен при рытье силосных ям возле старых ферм, расположенных на левом берегу р. Аликоновка на мысу выше по течению от мыса Указатель справа от дороги из п. Конзавод Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на Медовые водопады. В стенках силосной ямы в 1975 г. экспедицией ИА АН СССР (руководитель В. Б. Ковалевская) обнаружена раннесредневековая катакомба без вещей и костяка, позволяющая предполагать местонахождение здесь могильника аланского времени (VI–IX вв. н. э.). Видимо, он находился на склонах холма, господствующего над мысом, занятым Нарт-Башинским укреплением (см. выше) [Ковалевская, 1976*. С. 6. № 30. С. 21; Коробов, 1996*. № 207].

381. Укрепление Водопадное (Аликоновское 11 по В. Б. Ковалевской). Осмотрено и описано В. Б. Ковалевской в 1973 г., Д. С. Коробовым – в 1996 г. Расположено на левом берегу р. Аликоновка на мысу напротив укрепления над Медовыми водопадами с левой стороны от дороги из п. Конзавод Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. Укрепление занимает оконечность следующего от мыса Указатель мыса, состоящего из двух уступов. На нем имеется высокая задернованная каменная стена, перегораживающая мыс. Размеры укрепления небольшие – приблизительно 40×20 м. Оно относится к аланской эпохе и датируется в пределах I тыс. н. э. [Ковалевская, 1973*. С. 9; 1976*. № 29. С. 21; Коробов, 1996*. № 206; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

382. Скальный могильник Катыхинский 26 (№ 475 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Аликоновка в скальных выходах напротив карьера «Замок» недалеко от п. Зеленогорский Предгорного района Ставропольского края примерно в 1,5 км к юго-западу от

могильника Катыхинский скальный 1 (см. выше). Могильник расположен под естественным скальным навесом. Культурная принадлежность обнаруженных здесь захоронений аланская (VIII–XI вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 186].

383. Укрепление Напротив Катыхинской Балки 3 (Аликоновское 6 по В. Б. Ковалевской). Занимает мыс на левом берегу р. Аликоновка напротив укрепления Катыхинское 1 (см. выше) и карьера «Замок». Осмотрено в 1976 г. В. Б. Ковалевской, в 1996 г. – Д. С. Коробовым. На краю мыса стоит одиночная каменная башня размерами 4×4 м, вероятно относящаяся к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. С. 5. № 22. С. 20; Коробов, 1996*. № 185; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

384. Укрепление Напротив Катыхинской Балки 1 (Аликоновское 5 по В. Б. Ковалевской). Расположено на левом берегу р. Аликоновка на соседнем мысу ниже по течению реки от укрепления Аликоновское 6 (см. выше), также напротив укрепления Катыхинское 1 и карьера «Замок». Осмотрено и описано В. Б. Ковалевской в 1976 г. В средней части мыса, на краю его, над рекой, имеется каменная башня (5×6×1 м). Севернее ее в 1996 г. Д. С. Коробов зафиксировал на поверхности каменный ящик размерами 0,75×0,87×0,38 м, сложенный из цельных плит небольших размеров; его культурно-хронологическую принадлежность без раскопок установить не представляется возможным. Укрепление аланское, относится к I тыс. н. э. [Ковалевская, 1976*. С. 5. № 21. С. 20; Коробов, 1996*. № 184; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

385. Грунтовый могильник Нарзанный 2 (Игорская Балка). Находится в черте г. Кисловодска (№ 355 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Ольховка у восточной окраины п. Нарзанный на возвышенности правого берега Игорской балки. Могильник занимает склон мыса возле огородов. Здесь была найдена одна разрушенная раннесредневековая катакомба (V–VI вв. н. э.). Видимо, он упоминается в списке памятников В. Б. Ковалевской как аланский могильник с катакомбами и склепами [Ковалевская, 1976*. № 98. С. 31; Коробов, 1996*. № 334].

386, 387. Поселение Лермонтовская Скала 1. Находится справа от дороги из Кисловодска в п. Нарзанный на плато над Лермонтовской скалой на правой стороне небольшой балки, спускающейся от дороги к р. Ольховка. Занимает плато, с трех сторон ограниченное скальными обрывами. Поселение обнаружено в 1978 г. Я. Б. Березиным, который очертил его границы по подъемному материалу и определил его площадь в 1,3 га. В южной части мыса видна каменная насыпь – вал или развал стены – длиной 30 м, шириной 3–3,5 м и высотой 0,8–1 м. Севернее вала идут скопления камней, возможно, остатки строений. Собранный подъемный материал относится к кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культурам [Березин, 1978*. С. 4–6; 1979. С. 114; Кореневский, 1984*. № 24. С. 77; Коробов, 1996*. № 314].

388. Грунтовый могильник Ул. Войкова (№ 171 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Подкумок в восточном секторе Кисловодска на углу ул. Декабристов и верхнего конца ул. Войкова на склонах холма. Могильник кобанской культуры (VII–VI вв. до н. э.), ныне практически полностью застроен [Коробов, 1996*. № 239].

389. Грунтовый могильник Белореченский 3. Памятник (№ 234 по инвентарному списку) находится на левом берегу р. Белая в северной части Кисловодска напротив хлебозавода. Могильник, исследовавшийся в 1992 г. Я. Б. Березиным, занимает небольшой мыс на левом берегу р. Белой в месте слияния ее с ручьем Соленым возле автомобильного моста. Раскопано три каменных ящика кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.). [Березин, 1992*. С. 15–16; Коробов, 1996*. № 224].

391, 392. Грот Попова Доля. Скальный грот с остатками культурного слоя (№ 230 по инвентарному списку памятников) находится на правом берегу р. Подкумок в северной части Кисловодска в скальном выступе над ул. Станичной. В слое встречаются материальные остатки, относящиеся к различным эпохам – от I тыс. до н. э. (кобанская культура) до нового времени (1-я половина XIX в.) [Коробов, 1996*. № 219].

393, 394. Курганная группа Клин-Ярская 2 (Нежинская 3 по С. Н. Корневскому – ?). Расположена на правом берегу р. Подкумок справа от дороги из п. Нежинский Предгорного района Ставропольского края на трассу Кисловодск–Учкекен севернее скалы Клин-Яр (Паровоз) между дорогой и теплицами, примерно в 400–450 м к юго-западу от границ экспериментального тепличного хозяйства (№ 526 по инвентарному списку памятников).

Курганная группа обнаружена А. П. Руничем при осмотре окрестностей Клин-Яра в 1969 г. Тогда же он доследовал одно захоронение эпохи перехода от средней бронзы к поздней. Вероятно, один из курганов этой группы был доследован в 1971 г. Г. Е. Афанасьевым и Н. Н. Михайловым. Курган был разрушен при распашке под огороды, обнаружено погребение северокавказской культуры. В 1983 г. экспедиция ИА АН СССР под руководством С. Н. Корневского детально обследовала территорию, на которой расположено курганное поле у п. Нежинский; был снят его план. К этой группе отнесены два кургана – высотой 4,2 и 6,5 м, диаметром 28 и 50 м. Возможная их датировка и культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Рунич, 1969*. С. 14; Афанасьев, Михайлов, 1972. С. 125–126; Корневский, 1983*. С. 5–8; Козенкова, 1989. № 80. С. 35; Коробов, 1996*. № 110].

395, 396. Поселение Зеленогорские Сады. Расположено на левом берегу р. Аlikоновка в западной части Кисловодска (№ 199 по инвентарному списку памятников) на гряде между военным санаторием «Велинград» и застройкой п. Нежинский. Поселение эпохи бронзы – майкопской (III тыс. до н. э.) и северокавказской (конец III – середина II тыс. до н. э.) культур – занимает склон небольшой балочки возле проселочной дороги, идущей из города в сторону урочища Клин-Яр [Коробов, 1996*. № 132].

397, 398. Одиночный курган Пятницкая Горка (№ 307 по инвентарному списку). Находится в центральной части Кисловодска на западной стороне Пятницкой высоты выше центрального рынка. Вершина кургана занята памятником павшим героям гражданской войны. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 136].

399, 400. Укрепление Высокогорное 1. Укрепление (№ 449 по инвентарному списку памятников) находится на правом берегу р. Сухая Ольховка в 1,4 км к юго-востоку от п. Высокогорный Предгорного района Ставропольского края на высоком скальном останце. Осмотрено и описано в 1991 г. Я. Б. Березиным, им же составлен план памятника.

Останец имеет овальную в плане форму, размерами 28×12 м, площадью около 330 м². Со всех сторон он окружен скальными обрывами высотой 2–5 м. На поверхности останца в северной и южной его частях расположены две башни размерами 5×5×1,5 и 5×4×0,5 м, разрушенные при выборке камня. В нескольких местах зафиксированы ямы неправильной формы, сделанные грабителями, глубиной до 0,5 м. В них видно, что под дерном поверхность останца покрыта сплошным развалом рваного камня и щебня, явно не естественного происхождения (вероятно, это остатки разрушенных строений).

Подъемный материал можно отнести к периоду раннего средневековья (I тыс. н. э.), но не исключена возможность функционирования данного укрепления в сарматское время (I–III вв. н. э.) [Березин, 1991*. С. 3; Коробов, 1996*. № 329].

401, 402. Поселение Высокогорное 1 (№ 447 по инвентарному списку памятников). Расположено на юго-восточной, примыкающей к плато части гребня, у подножия скального останца, на котором находится одноименное укрепление (см. выше). Обнаружено и описано Я. Б. Березиным в 1991 г. Длина поселения с северо-запада на юго-восток около 180 м, ширина 40–55 м, площадь (около 0,9 га) определена по выходам культурного слоя. В юго-восточной части поселения зафиксировано несколько западин глубиной до 1 м подпрямоугольной и округлой формы размерами 4×5, 4×4, 4×8 м, – возможно, остатки строений. Поселение можно уверенно отнести к эпохе раннего средневе-

ковья, может быть, к сарматскому времени. Общая предварительная датировка памятника – I–VI вв. н. э. [Березин, 1991*. С. 2, 3; Коробов, 1996*. № 330].

403. Грунтовый могильник Высокогорный 2 (№ 448 по инвентарному списку памятников). Могильник кобанской культуры (VIII–VII вв. до н. э.) находится на правом берегу р. Сухая Ольховка в 1,4 км к востоку от п. Высокогорный Предгорного района Ставропольского края на правом берегу ручья. Занимает склон у подошвы возвышенности, находящейся на противоположной от укрепления Высокогорное 2 (№ 100) стороне реки [Коробов, 1996*. № 327].

404, 405. Грот Кольцо-Гора. Относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 259 по инвентарному списку памятников), находится на левом берегу р. Подкумок в скальной гряде на расстоянии 200–220 м от Кольцо-Горы. В скальном гроте с сохранившимся культурным слоем встречаются разновременные материалы – от северокавказских (конец III – середина II тыс. до н. э.) до этнографических (1-я половина XIX в.) [Коробов, 1996*. № 91].

406. Грунтовый могильник Подкумский 4 (№ 542 по инвентарному списку памятников). Находится на юго-западной окраине п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края на высокой террасе левого берега р. Подкумок на территории дачной застройки. Здесь при строительстве дач были разрушены погребения эпохи поздней бронзы (конец II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 14].

407. Поселение Аул Махуков. Историческое селение (№ 558 по инвентарному списку) размещалось на правом берегу р. Подкумок в северо-западной части п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края справа от дороги из Кисловодска в Минеральные Воды. Остатки абазинского аула Махуков (XVIII–XIX вв.) ныне полностью застроены [Коробов, 1996*. № 11].

408, 409. Поселение Белоглинское. Расположено на правом берегу р. Подкумок, занимает северный склон мыса, на котором находится одноименное укрепление (см. ниже). На склоне встречается подъемный материал, относящийся к сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (I тыс. н. э.) культурам [Коробов, 1996*. № 13].

410, 411. Укрепление Белоглинское (№ 536 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Подкумок примерно в 2 км к западу от п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края на правой стороне р. Белоглинки, правого притока Подкумка. Укрепление занимает вершину возвышенности, на которой видны остатки 4 башен: одна в западной части укрепления, одна – в южной (обе имеют приблизительные размеры 5×5×2 м) и две – в восточной (7×6×2–2,5 м). Кроме того, в восточной части укрепления имеются остатки каменной стены, идущей по краю мыса, а в западной – еще одна башня или остатки отвалов карьера по выборке камня. Культурная принадлежность памятника – сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 12].

412. Грунтовый могильник Клин-Яр 6. Обнаружен в 1996 г. Я. Б. Березиным на поле справа от дороги из военного санатория «Велинград» в урочище Клин-Яр. На распаханном участке были видны вывороченные камни от каменных ящиков и разбросанные человеческие кости. Могильник территориально относится к Предгорному району Ставропольского края, находится на левом берегу р. Подкумок примерно в 1 км к юго-востоку от скалы Клин-Яр (Паровоз) по левую сторону балки, идущей параллельно урочищу Клин-Яр. Предположительная культурная принадлежность кобанская (VIII–VII вв. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 112].

413. Поселение Клин-Яр 2. Обнаружено Д. С. Коробовым в 1996 г. при осмотре памятников в урочище Клин-Яр. Поселение располагается примерно в 1 км к юго-востоку от восточной оконечности скалы Клин-Яр (Паровоз) справа от дороги из Кисловодска в урочище Клин-Яр, по левую сторону небольшой балки. Здесь на пашне был найден немногочисленный подъемный материал, относящийся к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 103].

414. Поселение Клин-Яр 3. Расположено слева от дороги из Кисловодска в урочище Клин-Яр на распаханном поле на высоком водораздельном хребте приблизительно в 1,5 км к юго-юго-

востоку от восточной оконечности скалы Клин-Яр (Паровоз). По сообщению Я. Б. Березина, в этом месте предположительно находился могильник из каменных ящиков. Однако обследование местности, проведенное в 1996 г. Д. С. Коробовым, показало, что каменные плиты являются выходом скалы, задетым при глубокой распашке, характерный же для могильника подъемный материал (например, кости людей) отсутствует. Найдены немногочисленные фрагменты керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 104].

415. Грунтовый могильник Западный (№ 251 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Подкумок на ул. Западной в северной части Кисловодска на территории бывшей станицы Кисловодской. Здесь, возле частного дома, располагающегося напротив недавно построенных многоэтажных домов, в 1991 г. при рытье котлована разрушены погребения в каменных ящиках, относящиеся к кобанской культуре (VIII–VI вв. до н. э.), которые были доследованы В. А. Фоменко и С. Н. Савенко [Коробов, 1996*. № 216].

416. Грунтовый могильник Долгоруковский. Памятник (№ 250 по инвентарному списку) располагается на левом берегу р. Подкумок в северной части Кисловодска на территории бывшей станицы Кисловодской в начале ул. Долгоруковской рядом с недавно построенными домами, стоящими возле частной застройки. При рытье котлована в 1991 г. здесь были нарушены погребения в каменных ящиках, датирующиеся приблизительно VIII–VI вв. до н. э. и относящиеся к кобанской культуре [Коробов, 1996*. № 46].

417, 418. Поселение Дачно-Березовское 1. Найдено Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко в 1996 г. Поселение расположено в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Березовая справа от дороги в дачный поселок, идущей за ул. Ермолова. Здесь, возле выхода скалы, на террасах лесопосадок на небольшой площадке возле огородов найден невыразительный подъемный материал, относящийся к сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (середина I тыс. н. э.) культурам [Коробов, 1996*. № 248].

419, 420. Укрепление Мосейкин Мыс 2. Расположено в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Березовая. Укрепление занимает небольшой мыс на правом высоком берегу балки безымянного ручья, впадающего в р. Березовую, на западной окраине дачных участков. Небольшая выступающая площадка размерами 15×9 м, на краю которой видны остатки каменной башни (7×8×0,5 м) и постройки (около 4×5×0,2–0,3 м), были осмотрены в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым. В 2003 г. Кисловодский отряд ИА РАН произвел инструментальную топосъемку памятника; заложены два разведочных шурфа, в которых обнаружены столбовые ямы и каменные конструкции очагов. Среди встречающегося в шурфах археологического материала – керамика кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) эпох, а также бронзовый хоботковидный язычок от поясной пряжки, датирующийся V в. н. э. [Коробов, 1996*; 2003*. № 258; в печати].

421, 422. Поселение Первомайская Поляна. Памятник (№ 175 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Ольховка в курортном парке г. Кисловодска примерно на 100–150 м южнее Первомайской поляны на мысообразном холме. Здесь Я. Б. Березиным был обнаружен подъемный материал сарматской (I–III вв. н. э.) и/или аланской (I тыс. н. э.) эпохи [Коробов, 1996*. № 296].

423, 424. Поселение Красные Камни (№ 172 по инвентарному списку памятников). Расположено в курортном парке г. Кисловодска на правом берегу р. Ольховка в 200–300 м к юго-востоку от территории санатория «Красные камни» рядом с водонапорными сооружениями. Известно, что отсюда происходит подъемный материал сарматского (I–III вв. н. э.) или аланского (I тыс. н. э.) времени [Коробов, 1996*. № 297].

425. Поселение Дачно-Березовское 2. Обнаружено Я. Б. Березиным в середине 1980-х гг. (№ 331 по инвентарному списку памятников). Поселение находится на правом берегу р. Березовая и занимает мыс напротив дома 84а по ул. Ермолова слева от дороги из Кисловодска на дачные участки у скального выхода. Поселение расположено на заросшей лесом террасе, позади него располагаются

огороды, далее по ходу дороги от Кисловодска – небольшая балка. Культурная принадлежность найденных здесь материалов – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1996*. № 247].

426, 427. Одиночный курган Гора Солдатка. Расположен в черте г. Кисловодска, на правом берегу р. Березовая на возвышенности над обувной фабрикой на ул. Ермолова. Курган не сохранился – он полностью снесен при строительстве водонапорных сооружений. Предположительная культурная принадлежность памятника – майкопская (III тыс. до н. э.) и/или северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.). Однако не исключено, что на этом месте были остатки башни раннесредневекового укрепления, а не курганная насыпь [Коробов, 1996*. № 245].

428. Грунтовый могильник Подсобное Хозяйство Семашко 1, 2. Известные памятники (№ 337 по инвентарному списку) находятся на правом берегу р. Кабардинка в районе домов бывшего подсобного хозяйства им. Семашко примерно в 1 км к юго-востоку от п. Индустрия в черте г. Кисловодска. Здесь при строительстве в 1950-е гг. были разрушены каменные ящики; одно погребение кобанской культуры (VIII в. до н. э.) исследовано Н. Н. Михайловым. В настоящее время местонахождение этих двух могильников локализуется приблизительно. Известно, что могильник 2 располагался в 100–120 м к юго-востоку от могильника 1 [Козенкова, 1989. № 98. С. 39; Коробов, 1996*. № 355].

429. Грунтовый могильник Березовский 3. Памятник (№ 318 по инвентарному списку) расположен на левом берегу р. Березовая примерно в 1,5–2 км к юго-западу от окраины Кисловодска в правом берегу промоины, впадающей в реку. Здесь в 1958 г. А. П. Рунич доследовал один каменный ящик, сложенный комбинированной кладкой. Дата могилы – не ранее середины VII в. до н. э.; она относится к кобанской культуре [Рунич, 1958*. С. 17; Виноградов и др., 1976. С. 41, 42; Корневский, 1984*. № 31. С. 77; Козенкова, 1989. № 61. С. 32; Коробов, 1996*. № 253].

430. Укрепление Левоберезовское 4. Расположено в черте г. Кисловодска на левом берегу р. Березовая на небольшом мысу напротив Мосейкиного мыса. Открыто и зафиксировано Кисловодским отрядом ИА РАН (руководитель Д. С. Коробов) в 1996 г. В 2001 г. на памятнике были проведены инструментальная топосъемка и описание видимых на поверхности сооружений.

Укрепление занимает две небольшие площадки, с юга ограниченные высокими скальными обрывами в р. Березовую, слева от шоссе Кисловодск – Хасаут. На верхней площадке укрепления (45×80 м) наблюдается развал стены длиной 71 м, которая затем делает поворот и продолжается еще на 25 м. Средняя ширина развала стены около 5,6 м, высота – около 0,6–0,8 м. С внутренней стороны стены на площадке прослеживаются развалы каменных кладок, возможно от построек, количеством не менее 7.

К югу от верхней расположена нижняя площадка укрепления (60×20 м). На ней – развалины башни (?), сложенной из крупных каменных блоков и состоящей, по-видимому, из трех помещений, примыкающих друг к другу. Общая длина этого строения не менее 18 м, ширина около 6 м, а высота сохранившихся стен достигает 1 м.

На верхней площадке укрепления с внутренней стороны стены заложен разведочный шурф размерами 2×2 м, в котором обнаружены около 200 фрагментов керамики, кости животных и фрагменты шлака от металлического производства. Все найденные на укреплении материалы датируются исключительно аланской эпохой (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 254; 2001*. № 254. С. 10–13; 2003а. С. 278, 279].

431. Поселение Левоберезовское 4. Находится к западу от укрепления Левоберезовское 4 (см. выше), на том же мысу. Оно также открыто нами в 1996 г. При повторном осмотре в 2001 г. на распаханых огородах собран многочисленный подъемный материал, в основном стенки кухонных сосудов аланского времени (середина I тыс. н. э.). Основное количество подъемного материала найдено на пашнях у угла посадки ореха, а также к северо-западу на расстоянии не менее 135 м на

грунтовой дороге, причем его количество постепенно уменьшается. Некоторое количество черепков керамики найдено на склонах с северо-западной стороны от укрепленных площадок [Коробов, 1996*. № 255; 2001*. № 254. С. 14; 2003а. С. 278, 279].

432. Поселение Коши Березовские. Памятник относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 324 по инвентарному списку). Находится на левом берегу р. Березовая в 200–300 м к северо-востоку от п. Пчелосовхоз. На протяжении около 200 м вдоль берега реки на склоне под скальными обрывами видны остатки многочисленных стен и построек, относящихся к хозяйственной деятельности карачаевцев, происходившей здесь в XVIII–XIX вв. [Коробов, 1996*. № 268].

433, 434. Укрепление Элькуш. Занимает правый небольшой мыс правого притока Аликоновки, берущего начало у п. Элькуш Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия приблизительно в 600 м к юго-западу от нижнего села. Укрепление описано В. Б. Ковалевской в 1980 г. По длинной оси укрепление тянется на 60 м; каменная стенка в виде задернованного невысокого вала прослеживается на 50 м, перегораживая мыс. Видны руины по крайней мере трех башен размерами 4×5×0,8 м и остатки около 10 предполагаемых построек. Общая площадь памятника составляет около 1500 м². В кротовинах видны небольшие невыразительные фрагменты кобанской (I тыс. до н. э.) и раннесредневековой (I тыс. н. э.) керамики [Ковалевская, 1976*. № 86. С. 29; 1980*. С. 6; 1981. С. 104, 105; Коробов, 1996*. № 197].

435. Укрепление Мокрая Балка 2. Административно относится к территории Предгорного района Ставропольского края (№ 459 по инвентарному списку памятников). Находится на правом берегу р. Мокрая балка и занимает небольшой мыс в верховьях реки, примерно в 1,2 км к западу от п. Левоберезовский. Мыс размерами 30×20 м вытянут с запада на восток. На вершине мыса находятся каменное строение шириной 4,3 м и длиной 14 м, состоящее из двух помещений, а также другие постройки, представленные в виде остатков поперечных стен во всю ширину мыса. Культурная принадлежность памятника аланская (V–VIII вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 178].

436. Поселение Мокрая Балка 1 (№ 494 по инвентарному списку памятников). Находится на левом берегу р. Мокрая балка, в ее истоках, примерно в 1 км к северо-западу от п. Левоберезовский Предгорного района Ставропольского края. Занимает склон холма под МТФ совхоза «Зеленогорский» за правым притоком Мокрой балки над родником. В осыпях склона встречается многочисленная керамика кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 19. С. 20; Коробов, 1996*. № 179].

437. Укрепление Левоберезовское 5. Обнаружено и описано С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. Расположено на мысу на левом берегу р. Березовая напротив мыса Зубчихинского на юго-восточной окраине п. Элькуш Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия слева от дороги из Кисловодска в поселок. На краю мыса имеется башня размерами 7×4 м и высотой до 1,5 м, к югу от нее – еще две башни размерами 4×5 и 6×7 м и высотой около 70–80 см. Их опоясывает ров шириной около 3 м и глубиной до 90 см. Встречается подъемный материал – фрагменты ранне-средневековой керамики (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 273].

438. Поселение Зубчихинское 1. Памятник относится к территории Предгорного района Ставропольского края и находится на правом берегу р. Березовая на северо-западном склоне мыса Зубчихинского, занятого современными террасами лесопосадок. Поселение найдено в 1996 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым. На склоне собрано небольшое количество подъемного материала. Возможно, эта керамика происходит с вершины плато, занятого одноименным укреплением (см. ниже). Культурная принадлежность найденных фрагментов – аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 276; 2001. С. 47].

439. Укрепление Зубчихинское 1. Находится на вершине мыса, образованного правым берегом балки р. Березовой и левым берегом балки Зубчихинской. Расположено на территории Предгорного

района Ставропольского края и обнаружено С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. Укрепление занимает четыре площадки с каменными сооружениями. Нижняя площадка (размерами 15×20 м) перегорожена стеной из огромных камней (высотой до 1,75 м). В кладке прослеживаются до 5 рядов блоков; некоторые из них имеют подтески снизу для переноски. Длина стены с запада на восток – 7 м, с севера на юг – 12 м.

Выше расположена площадка с башней подпрямоугольной формы; ее стены толщиной 65 см сложены из аккуратно подтесанных блоков, один из которых имеет подтеску внутри. Перпендикулярно короткой стороне башни находится стена шириной 1,35 м. Еще выше располагается площадка размерами 23×12 м, сильно заросшая кустарником. На площадке видна постройка (размеры 4×5 м, высота до 1,2 м) из обработанных камней. Самая верхняя площадка укрепления также сильно заросла кустарником. На ней расположены остатки башни и построек, ориентированных с севера на юг. Башня имеет размеры 6×6,65×2,5 м, толщина стен достигает 2 м; сложена она из обработанных каменных блоков. За башней с напольной стороны находится ров шириной около 6 м и глубиной до 3 м. Предположительно укрепление относится к эпохе раннего средневековья и датируется в пределах I тыс. н. э. [Коробов, 1996*. № 277; 2001. С. 47, 49].

440. Поселение Левоберезовское 5. Расположено на склонах левого берега р. Березовая и правого берега балки, ограничивающей с северо-запада укрепление Левоберезовское 5 возле юго-западной окраины п. Элькуш. Административно относится к территории Предгорного района Ставропольского края. Обнаружено во время работ Кисловодского отряда ИА РАН (руководитель Д. С. Коробов) в 1996 г. На склонах собран подъемный материал раннесредневековой эпохи (I тыс. н. э.). С поселения, из долины реки наверх, идет дорога к одноименному укреплению (см. ниже) [Коробов, 1996*. № 274].

441. Древняя дорога Левоберезовская. Обнаружена С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1996 г. Идет из долины р. Березовой, с ее левого берега, от поселения Левоберезовское 5 наверх на одноименное укрепление (см. выше). Прослеживаемая ширина дороги – около 3 м; на длину не менее 20 м она местами вымощена щебнем, местами подтесана в скальных выходах и имеет невысокие ступеньки. Вероятно отнесение ее к раннесредневековой эпохе (I тыс. н. э.) [Коробов, 1996*. № 275].

442. Скальный могильник Замковый (Аликоновский, выше Замка, по А. П. Руничу). Памятник (№ 480 по инвентарному списку) находится на правом берегу р. Аликоновка, занимает северо-западный склон скалы «Замок коварства и любви» примерно в 1,5 км к юго-западу от п. Зеленогорский и относится к территории Предгорного района Ставропольского края. Обнаружен в 1960-х гг., когда во время добычи камня в левом каньоне р. Аликоновка под навесами было разрушено несколько погребений. Как удалось выяснить А. П. Руничу, могилы находились на карнизах, образовавшихся при выветривании более слабых слоев доломитизированных известняков. От рабочих стало известно лишь то, что на карнизе вокруг скелетов находились стенки, сложенные из камней. Из инвентаря собраны некоторые предметы, позволяющие отнести захоронения к эпохе раннего средневековья и датировать их VIII–IX вв. н. э. [Рунич, 1971б. С. 170, 171; Коробов, 1996*. № 170].

443, 444. Поселение Солдатское 1 (Зеленогорское 1). Расположено в черте г. Кисловодска (№ 470 по инвентарному списку памятников) на левом берегу р. Аликоновка. Поселение занимает мыс к западу от Солдатской Балки, в глубине левого ее берега, на расстоянии около 1,5 км к северо-западу от п. Зеленогорский. Вершины соседних мысов справа и слева разрушены при эксплуатации каменоломен. На верху мыса, на западном его склоне, в промоинах видны остатки культурного слоя мощностью до 40 см, встречается подъемный материал, относящийся к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) и сарматскому времени (I–III вв. н. э.) [Коробов, 1996*. № 162].

445, 446. Поселение Митькин Кутан 3. Обнаружено в 1998 г. кисловодским краеведом К. М. Магомедовым и зафиксировано в том же году Д. С. Коробовым. Поселение находится в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка. В срезе возле тропы, идущей по возвышенности на

левом берегу руч. Митькин кутан, найден подъемный материал – фрагменты керамики кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культур. Поселение занимает склон пологого плато на окраине дачных участков [Коробов, 1998*. № 376].

447. Поселение Острый Курган 2. Расположено в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка на ровном высоком плато мыса в районе сосновых посадок напротив укреплений Броненосец 1 и 2 и над нарзанным источником по дороге на «Замок коварства и любви». По сообщению К. М. Магомедова, на данной территории им встречался подъемный материал – керамика эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 378].

448. Укрепление Острый Курган. Обнаружено в 1998 г. К. М. Магомедовым. Укрепление расположено на территории Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка. Одиночная башня находится в посадках грецкого ореха на плато над нарзанным источником по дороге на «Замок коварства и любви». Башня из камня, развалена. Размеры ее 3×4 м, высота около 0,6–0,9 м. В юго-восточном углу находится обработанный каменный блок размерами 44×29×18 см из местного песчаника. Подъемный материал не найден, предположительная культурная принадлежность памятника – аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 379].

449–451. Поселение Острый Курган 1. Находится на ровном плато к западу от возвышенности Острый Курган в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка. С восточной стороны поселение ограничено балкой руч. Митькин кутан, с западной – безымянной балкой. На дороге через дачные участки К. М. Магомедовым найдена керамика. Обследовано в 1998 г. Д. С. Коробовым. Подъемный материал распространяется по дороге на протяжении около 150 м. Встречается керамика майкопской (III тыс. до н. э.), кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культур [Коробов, 1998*. № 377].

452. Поселение Мокрая Балка 2. О памятнике сообщил К. М. Магомедов. Поселение расположено на правом берегу р. Мокрая балка в черте г. Кисловодска. Занимает часть плато и склоны над скальными выходами, частично занятыми огородами и посадками грецкого ореха. Подъемный материал распространен на площади приблизительно 200×100 м. Найдено большое количество керамики, в основном кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 382].

453, 454. Святилище Мокрая Балка. Находится в скальной нише на верхней террасе скальных выходов на правом берегу р. Мокрая балка под поселением Мокрая Балка 2 (см. выше). Святилище занимает грот в скале, длина которого около 50 м, ширина 5–10 м, высота до 1,5 м. Обнаружено местными охотниками, которые сообщили о находке К. М. Магомедову. Предварительно осмотрено в 1997 г. К. М. Магомедовым и С. Н. Савенко. В гроте найдены конское снаряжение эпохи раннего средневековья, многочисленные кости животных, в том числе черепа овцы/козы, фрагменты керамики кобанской (I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культур [Коробов, 1998*. № 381].

455, 456. Древняя дорога Мокрая Балка 1. Обнаружена С. Н. Савенко и К. М. Магомедовым; в 1998 г. обследована Д. С. Коробовым. Расположена в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Мокрая Балка. Дорога с ровного плато, находящегося над «Замком коварства и любви», спускается к святилищу Мокрая Балка, соединяя его «серпантинном» протяженностью 200–250 м с поселением Мокрая Балка 2. В некоторых местах дорога фиксируется по вырубленным в скале проходкам. Ширина одного из них 1,5 м. На дороге встречаются фрагменты керамики с поселения Мокрая Балка 2, относящиеся к кобанской (I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культурам [Коробов, 1998*. № 383].

457. Укрепление Мокрая Балка 4 (?). Находится на левом берегу р. Мокрая балка по дороге от «Замка коварства и любви» на могильник Мокрая Балка 1 с левой стороны от дороги под укреплением Замковое. Здесь К. М. Магомедовым найдены развалины сооружения из камня (башня?); сохранились 2 стены размерами 3×0,9×0,5 м, сложенные из каменных блоков. На поверхности видна

стенка из трех рядов, сложенная из необработанных камней без следов раствора. Размеры камней в среднем 20×10×10 см; имеется крупный блок (1×0,42×0,7 м). Подъемный материал не найден. Возможная культурная принадлежность памятника – аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 386].

458. Поселение Мокрая Балка 3. Административно памятник относится к территории Предгорного района Ставропольского края. Расположен на правом берегу р. Мокрая балка на проселочной дороге в сторону Кисловодска примерно в 50 м от переезда через р. Мокрая балка. На юго-восточном склоне мыса, занимаемого укреплением Мокрая Балка 1, К. М. Магомедов обнаружил следы культурного слоя мощностью до 50 см и развалины постройки. Постройка зафиксирована в 1998 г. Д. С. Коробовым. Она сложена из крупных каменных блоков, ориентирована по линии северо-восток–юго-запад; прослеженные размеры по внешней стороне – 4,6×3,8 м. Размеры крупных блоков достигают 1×0,5 м. Найдено большое количество подъемного материала аланского времени (середина I тыс. н. э.). В 1999 г. К. М. Магомедовым была передана трудно атрибутируемая бронзовая пуговица, включенная в отчет Кисловодского отряда ИА РАН [Коробов, 1998*. № 387].

459, 460. Древняя дорога Мокрая Балка 2. На данный объект обратил внимание К. М. Магомедов, различивший на правом берегу р. Мокрая балка углубление, находящееся на холме, расположенном к западу от укрепления Мокрая Балка 1. Оно прослеживается на длину до 50 м, спускаясь «серпантинном» с холма к реке по направлению к могильнику Мокрая Балка 1. Достигает ширины 3 м. Возможная культурная принадлежность памятника кобанская (I тыс. до н. э.) и аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 385].

461. Склеповый могильник Мокрая Балка. Обнаружен в 1998 г. К. М. Магомедовым на правом берегу р. Мокрая балка на пологом западном склоне холма напротив укрепления Мокрая Балка 1. В траншее газопровода, идущего из п. Мирный в п. Кичи-Балык, рядом с проселочной дорогой из Мокрой балки в сторону Кисловодска возле укрепления Мокрая Балка 1 и поселения Мокрая Балка 3 видна кладка каменных блоков, напоминающая склеп. Сооружение разрушено, 5 необработанных блоков составляют вертикальную стенку, один блок, видимо, из противоположной стены. Ширина стены 70 см, глубина склепа – около 70 см. Блоки в среднем имеют размеры 35×20×12 см. Никакого материала не обнаружено. Возможная культурная принадлежность этого памятника аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 384].

463, 464. Одиночный курган Кордон. О местонахождении памятника сообщил К. М. Магомедов. Курган был зафиксирован Кисловодским отрядом ИА РАН в 1998 г. Он расположен на вершине плато, выходящего на правый берег р. Аликеновка и находящегося над садом с посадками грецкого ореха (местность «Лесничий кордон»). Находится в центральной части плато, насыпь частично потревожена сосновыми лесопосадками. В насыпи отмечено большое количество камня. Высота кургана 1,5 м, диаметр – 20 м. Возможная культурная принадлежность майкопская (III тыс. до н. э.), северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 380].

465, 466. Поселение Правоберезовское 3. Расположено на территории Предгорного района Ставропольского края на правом берегу р. Березовая. Занимает ровное плато напротив селения Элькуш, с западной стороны ограничено безымянной балкой, находящейся рядом с балкой Зубчихинской. Судя по распространению подъемного материала, обнаруженного в 1998 г. Д. С. Коробовым, поселение занимает площадь около 20×30 м возле края мыса. Культурная принадлежность его сарматская (I–III вв. н. э.) и/или аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 413].

467. Курганная группа Правоберезовская 1. Курганы найдены Д. С. Коробовым в 1998 г. при обследовании верховьев р. Березовой. Находятся на территории Предгорного района Ставропольского края на правом берегу р. Березовая в южной части мыса, на котором расположено поселение Правоберезовское 3. Мыс ограничен с запада безымянной балкой, с юга – небольшой западиной. Группа состоит из 6 курганов с каменными насыпями; 3 из них расположены цепочкой, протянув-

шейся с запада на восток. Курган 2 потревожен ямой (60×80×40 см), возможно с целью ограбления или добычи камня. Перпендикулярно первой (по линии север–юг), также по краю мыса, идет вторая цепочка из 3 курганов диаметром 3–4 м и высотой 0,3–0,6 м. Возможно, данные сооружения не являются курганными насыпями и возникли в результате уборки камня с полей. Однако без раскопок утверждать этого нельзя. Предположительная культурная принадлежность курганов старокабардинская (XV–XVII вв.) [Коробов, 1998*. № 410].

468, 469. Поселение Правоберезовское 4. Расположено на правом берегу р. Березовая на мысу размерами 70×30 м к юго-востоку от селения Элькуш. Мыс ограничен с юга балкой, с северо-запада от него находится курганный могильник Правоберезовский 1, с юго-востока – ручей (приток р. Березовой). В 1998 г. Д. С. Коробов обнаружил на мысу подъемный материал, а также всхолмления с остатками каменных конструкций. Однако рядом расположены развалины современных домов, поэтому не исключено, что фрагменты керамики происходят не отсюда, так как залегают вперемешку с современным мусором. Культурная принадлежность обнаруженных фрагментов майкопская (III тыс. до н. э.) и аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 414].

470, 471. Укрепление Правоберезовское 1 (?). Памятник относится к территории Предгорного района Ставропольского края, находится на правом берегу р. Березовая и левом берегу безымянного ручья (правого притока р. Березовой) к северу от заброшенного дома возле проселочной дороги. Сохранились две стены с каменными кладками, возможно остатки башни, полностью разобранные на камень. Стены расположены на расстоянии 4,5 м друг от друга, каждая состоит из двух рядов необработанных камней, расположенных по направлению север–юг. О полных размерах судит затруднительно. На расстоянии около 80 м к юго-западу от башни поперек проселочной дороги видны развалины стены шириной около 1,5 м, длиной до 9 м и высотой 20–30 см. Стена идет по линии северо-запад–юго-восток, в северо-западной части она образует угол из хорошо обработанных блоков. Предполагаемая культурная принадлежность аланская (середина I тыс. н. э.) или старокабардинская (XV–XVII вв.) [Коробов, 1998*. № 409].

472. Курганная группа Правоберезовская 2. Находится на правом берегу р. Березовая и левом берегу ее правого притока напротив поселения Правоберезовское 4, через небольшую балочку от него. Курганы, расположенные цепочкой по линии север–юг на расстоянии 5–15 м друг от друга, имеют каменные насыпи диаметром 3,5–4,5 м и высотой 0,3–0,7 м. Как и описанная выше группа, могут быть остатками хозяйственной деятельности (уборки камня), но не исключена и позднесредневековая их атрибуция (XV–XVII вв.) [Коробов, 1998*. № 411].

473. Курганная группа Правоберезовская 3. Занимает периметр мыса, ограниченного р. Березовой по ее правому берегу, безымянным ручьем и балкой Зубчихинской. Группа насчитывает 18 насыпей диаметром 3,5–5 м и высотой 0,2–0,7 м. Шесть насыпей тянутся вдоль северо-восточного края мыса, 5 – по северо-западному и 7 – по юго-западному. Насыпи 7 и 11 нарушены ямами (ограбление или выборка камня). Возможная культурная принадлежность старокабардинская (XV–XVII вв.) [Коробов, 1998*. № 412].

474. Поселение Зубчихинское 2. Расположено на правом берегу р. Березовая, занимает восточный склон укрепления Зубчихинское 1 на левом берегу безымянной балки на территории Предгорного района Ставропольского края. Справа от дороги, ведущей вдоль склона, имеется небольшой мыс, заваленный большими обломками скал. Вокруг них и на них располагаются остатки каменных стенок, сооруженные в один ряд из необработанных камней разных размеров. Две стены идут по краю мыса; сохранившаяся ширина их 50–70 см, высота 30–50 см. Несколько южнее расположено подпрямоугольное помещение, сохранившееся на высоту до 1,3 м; ширина его стен 0,5 м, сохранившаяся длина помещения 4 м, ширина – 3 м. Данный комплекс относится к временным постройкам пастухов и может быть датирован новым временем (XVIII–XIX вв.) [Коробов, 1998*. № 419; 2001. С. 49].

475. Поселение Зубчихинское 2а. Памятник, получивший в отчете ошибочное название «укрепление Зубчихинское 2», как и описанные выше, открыт в 1998 г. Д. С. Коробовым при обследовании правого берега р. Березовая. В верховьях балки Зубчихинской на правой ее стороне возле проселочной дороги расположен скальный навес, перегороженный кладкой без раствора в один ряд. Стена идет по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад, углы боковых стенок расположены на расстоянии 4,5 м от навеса. Длинная стенка имеет длину 18 м, ширину 0,5 м и высоту до 1,5 м. В северо-северо-восточной части отходит боковая стенка, перегораживая выход на плато. Стена эта тянется (с разрывами) с востока на запад на расстояние до 20 м, выходя на скальные выступы над правой стороной балки.

Данное сооружение, видимо, также является «временкой пастухов». Датировка его затруднительна, возможно, оно относится к XVIII–XIX вв. [Коробов, 1998*. № 416].

476. Менгир Зубчихинский (?). На правом берегу р. Березовая на западном окончании плато с правой стороны балки Зубчихинской рядом с курганом 15 курганной группы Правоберезовская 3 (см. выше) находится одиночно стоящий камень (менгир?) размерами 69×50×35 см, культурная принадлежность которого не определена [Коробов, 1998*. № 415].

477. Грунтовый могильник Солдатская Балка 1. Расположен в черте г. Кисловодска на левом берегу р. Аликоновка на возвышенности правого берега балки Солдатской на территории глиняного карьера над п. Зеленогорским. Здесь в 1998 г. К. М. Магомедов обнаружил два каменных ящика. На момент посещения памятника в том же году Кисловодским отрядом ИА РАН (руководитель Д. С. Коробов) сохранился один ящик размерами 90×70 см, сложенный из тонких каменных плит. На поверхности видна вертикальная стенка и часть перекрывающей ящик плиты. Ящик ориентирован по линии север–юг. Культурная принадлежность кобанская (VIII–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 388].

478. Курганная группа Аликоновская Левобережная 2. Эта курганная группа, как и описанные ниже, обнаружена в 1998 г. Д. С. Коробовым, К. М. Магомедовым и С. Н. Савенко на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка. Курганы расположены на верхней гряде водораздела между Аликоновкой и Подкумком к востоку от п. Коммунар над укреплением Арбакол 1 (№ 317), несколько ниже по течению находящегося на противоположном берегу Аликоновки укрепления Конхуторское 1 (№ 312). Шесть насыпей диаметром 10–15 м и высотой 0,3–1 м тянутся цепочкой по линии север–юг. Возможная культурная принадлежность скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 389].

479, 480. Одиночный курган Аликоновский Левобережный 3. Одиночный курган диаметром 40 м, высотой 1 м расположен на водоразделе Аликоновки и Подкумка восточнее Медовых водопадов. В центре грабительская яма (4×4×1,5 м). Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 390].

481, 482. Курганная группа Красивый Курган 2. Расположена на правом берегу р. Подкумок справа от дороги на Медовые водопады на водоразделе Аликоновки и Подкумка. Зафиксированы два кургана. Курган 1, расположенный ближе к дороге, ограблен, для чего была вырыта Г-образная траншея размерами 3×0,5–1,5 и глубиной до 1,8 м. Сохранилась каменная кладка, обнажены каменные конструкции кромлеха. Видна плита центрального (?) погребения. Второй курган находится дальше от дороги в 40 м к востоку от первого; уничтожен ямой (диаметр 8 м, глубина до 2 м), вырытой при помощи экскаватора. Видны каменные кладки гробницы. Диаметр насыпей 20–25 м, высота 2–2,5 м, возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 362].

483, 484. Одиночный курган Красивый Курган 3. Находится справа по дороге на Медовые водопады в 200–250 м к югу от могильника Красивый Курган 2 (см. выше). По центру кургана – грабительская яма размерами 2×1×1,5 м. На кургане расположен геодезический знак № 59. Высота

насыпи 4 м, диаметр около 40 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 363].

485. Курганная группа Аликоновская Левобережная 4. Семь курганных насыпей, вытянутых цепочкой с востока на запад, находятся на водоразделе Аликоновки и Подкумка справа от проселочной дороги, отходящей к западу от дороги на Медовые водопады. Насыпи диаметром 10–30 м, высотой от 0,3 до 1 м, некоторые разрушены грабителями (по свидетельству местных жителей, в 1997 г.). В грабительских отвалах найдены фрагменты керамики и кремневый наконечник стрелы. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 391].

486. Курганная группа Аликоновская Левобережная 5. Как и вышеописанные, группа расположена на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка и обследована Кисловодским отрядом ИА РАН в 1998 г. Цепочка из трех курганов, вытянутая с востока на запад, находится на водоразделе Аликоновки и Подкумка возле проселочной дороги, ведущей к верховьям Аликоновки. Диаметр насыпей от 5 до 35 м, высота – от 0,5 до 4 м. Два кургана ограблены, в грабительских ямах найдены фрагменты амфоры и железные предметы, скорее всего относящиеся к скифскому периоду (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 392].

487, 488. Курганная группа Аликоновская Левобережная 6. Занимает возвышенный мыс над укреплением Нарт-Башинское (№ 381). Состоит из двух насыпей без следов ограбления. На кургане 2 сохранились бетонные опоры триангуляционного пункта. Диаметр насыпей 10 и 15 м, высота – около 0,5 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 393].

489, 490. Курганная группа Аликоновская Левобережная 7. Расположена над укреплением Нарт-Башинское (№ 381) на краю мыса рядом с опорой ЛЭП. Зафиксированы две курганные насыпи, обе нарушены грабительскими ямами диаметром около 3 м и глубиной около 1 м. Видны каменные конструкции насыпей. Диаметр курганов около 20 м, высота насыпей до 1 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 394].

491. Грунтовый могильник Нарт-Башинский 2. Памятник обнаружен в процессе разведки в 1998 г. С. Н. Савенко, Д. С. Коробовым и К. М. Магомедовым. Расположен на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка на пологом юго-восточном склоне возвышенности, занятой курганной группой Аликоновская Левобережная 1 (№ 378), к западу от укрепления Нарт-Башинское (№ 381). На поверхности видны ямы грабительских раскопок, произведенных, по-видимому, на катакомбном могильнике, причем с таким расчетом, чтобы сразу обнаружить вход в камеру, то есть достаточно профессионально. В грабительских отвалах обнаружены фрагменты бронзового котла, челюсти человека, несколько зубов лошади. Всего насчитано около 30 ограбленных погребений, представленных различными погребальными сооружениями (катакомбами, подбоями и склепами), причем часть их, вероятно, была перекрыта невысокими курганными насыпями. Культурная принадлежность аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 395].

492. Укрепление Аликоновское 15. Расположено на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка в ее верховьях. Памятник, открытый Кисловодским отрядом ИА РАН в 1998 г., занимает следующий выше по течению реки мыс за укреплением Аликоновское 14 (№ 376, 377). Размеры мыса 50×40 м, он перегорожен двумя каменными стенками шириной около 2 м. На краю мыса – развалины каменной башни размерами 5×5 м и высотой около 1 м. На укреплении найден подъемный материал аланской культуры (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 396].

493. Укрепление Аликоновское 16. Занимает следующий выше по течению за укреплением Аликоновское 15 мыс на левом берегу р. Аликоновки, обследованный С. Н. Савенко, Д. С. Коробовым и К. М. Магомедовым в 1998 г. Расположено на небольшой (25×10 м) площадке с одиночной башней размерами 8×7×2 м. По центру башня потревожена грабителями. Этот мыс и два соседних имеют одну общую каменную стенку с напольной стороны. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 397].

494. Курганная группа Аликоновская Левобережная 8. Обнаружена на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка. Курганная группа занимает водораздел Аликоновки и Подкумка, 6 насыпей расположены цепочкой (восток–запад) на расстоянии 10–15 м друг от друга. Их диаметр – от 10 до 30 м, высота – от 20 до 80 см. В грабительских ямах, имеющих на всех курганах, видны остатки каменных гробниц и каменные конструкции насыпи, в отвалах найден подъемный материал – фрагменты керамики. Возможная культурная принадлежность скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 398].

495, 496. Укрепление Воровские Балки 1. Целый комплекс памятников в урочище «Воровские Балки» был первоначально зафиксирован Д. С. Коробовым по материалам аэрофотосъемки, а затем обследован в 1998 г. Кисловодским отрядом ИА РАН. Расположен он на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на правом берегу правобережного притока р. Подкумок – р. Теплушки. Укрепление 1, расположенное на возвышенной площадке размерами 30×20 м, состоит из одной башни (5×5×1 м). Башня потревожена грабительским шурфом, обнажившим каменные кладки ее стен. В шурфе найден подъемный материал кобанской (I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культур [Коробов, 1998*. № 368; 2001. С. 53].

497. Укрепление Воровские Балки 2. Находится в том же урочище, на соседнем (к северо-западу) холме от укрепления Воровские Балки 1. На площадке размерами 100×25 м, расположенной на вершине холма, обнаружены 2 башни, между ними остатки построек в виде небольших валов на поверхности. Обе башни потревожены грабительскими шурфами. На северной башне глубина шурфа достигала 3 м. Размеры башен, видимо, были около 5×5 м, сохранившаяся высота около 0,5 м. Встречаются фрагменты керамики аланской культуры (середина I тыс. н. э.).

К северу от укрепления расположено несколько мысов с похожими сооружениями (см. ниже); с запада и востока по берегам р. Теплушки находятся прекрасно сохранившиеся террасированные склоны, видимо являющиеся земледельческой округой этих укрепленных поселений, находящихся рядом с городищем Рим-Гора [Коробов, 1998*. № 369; 2001. С. 54, 55].

498. Укрепление Воровские Балки 3. Находится на отроге водораздельного хребта между Аликоновкой и Подкумком, в том же урочище, занимает небольшой (15×10 м) мыс и состоит из двух небольших (4×4×0,5 м) каменных башен. Южная башня на одну четверть обвалилась вместе со скалой, на которой расположена. Среди развалин найдены фрагменты керамики аланской эпохи (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 370; 2001. С. 55].

499. Курганная группа Аликоновская Левобережная 9. Расположена на водоразделе Аликоновки и Подкумка над безымянным урочищем по левому берегу р. Аликоновка выше по склону над укреплением Аликоновское 15 (см. выше). Группа состоит из 10 курганных насыпей, находящихся недалеко от дороги на бывший сырзавод в верховьях реки. Она вытянута с востока на запад неправильными цепочками в несколько рядов. Курганы имеют диаметр от 10 до 40 м, высоту от 0,5 до 6 м. В насыпях – ямы, вырытые при помощи экскаватора, в которых видны остатки каменных конструкций. В грабительских отвалах найдено большое количество подъемного материала, среди которого большой фрагмент венчика крупного сосуда. Обнаружены каменные плиты от гробниц. Возможная культурная принадлежность скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 399].

500, 501. Курганная группа Аликоновская Левобережная 10. Обнаруженные в том же 1998 г. 3 курганные насыпи этой группы находятся справа от дороги на старый сырзавод на водоразделе

Аликоновки и Подкумка. Курганы 1 и 2 расположены возле дороги, курган 3 – в 50 м к северо-западу от них. Диаметр курганов 20–25 м, высота 1–1,5 м. Сохранность их хорошая. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 400].

502, 503. Курганная группа Верхнеаликоновская 1. Как и нижеописанные курганные группы, расположена на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка и обследована в 1998 г. С. Н. Савенко, Д. С. Коробовым и К. М. Магомедовым. Группа находится справа от дороги, ведущей в верховья Аликоновки, на старый сырзавод, выше по водоразделу от курганных групп Аликоновские Левобережные 1–10. Насчитано 7 курганных насыпей, вытянутых цепочкой по направлению восток–запад. Диаметры их 10–20 м, высота – 0,3–1,2 м. В двух насыпях по центру имеются грабительские шурфы, вырытые вручную и при помощи бульдозера. Возможно, курганы относятся к северокавказской (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифской (VII–IV вв. до н. э.) культурам [Коробов, 1998*. № 401].

504, 505. Курганная группа Верхнеаликоновская 2. Обнаружена выше по водоразделу справа и слева от дороги на сырзавод возле ее поворота. Группа состоит из 12 насыпей, вытянутых двумя цепочками по направлению северо-восток–юго-запад, диаметром 10–30 м и высотой 0,4–4 м. По центру курганов 1 и 4 имеются грабительские ямы, в которых видны каменные конструкции. Скорее всего, курганы могут относиться к северокавказской (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифской (VII–IV вв. до н. э.) культурам [Коробов, 1998*. № 402].

506. Курганная группа Верхнеаликоновская 3. Еще выше по течению р. Аликоновка на водоразделе Аликоновки и Подкумка расположена группа из 4 курганов, стоящих справа и слева от дороги на старый сырзавод. Диаметры курганов колеблются от 10 до 20 м, высота – от 0,4 до 3,5 м. Два кургана ограблены, в грабительских ямах обнаружена керамика. На кургане 4 расположен триангуляционный пункт ГУГК. Возможная культурная принадлежность группы скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 403].

507. Курганная группа Верхнеаликоновская 4. Группа находится на левом берегу р. Аликоновка в верхнем ее течении, в месте сближения каньонов рек Аликоновка и Эшкакон. Она насчитывает 13 насыпей, расположенных справа и слева от дороги на бывший сырзавод. Насыпи вытянуты двумя цепочками по линии запад–восток. Слева от дороги прослеживаются 4 кургана диаметром от 10 до 20 м и высотой от 0,4 до 1,2 м. Справа от дороги видны 9 насыпей диаметром 10–20 м, высотой 0,5–3 м; 5 из них по центру нарушены грабительскими шурфами, в которых обнаружены керамика и каменные плиты гробницы. На кургане 10 находится геодезический знак № 76. Предполагаемая культурная принадлежность курганной группы скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 404].

508. Курганная группа Зубчихинская 1. Этот и описанные ниже памятники в балках Зубчихинская и Беловодская обнаружены Д. С. Коробовым во время разведки 1998 г. Административно они относятся к территории Предгорного района Ставропольского края и располагаются на правом берегу р. Березовая, в ее верховьях.

Курганная группа расположена на левом берегу балки Зубчихинской, в ее верховьях, на поляне среди сосновых посадок по обе стороны от проселочной дороги. Насыпи курганов (?), числом не менее 13, диаметром 5–7 м и высотой 0,2–0,5 м, состоят из камня. Насыпи распаханы, курган 1 перерезан дорогой. Возможно, это не курганы, а результат уборки камня с полей. Но не исключено, что при их раскопках будут обнаружены так называемые «старокабардинские» захоронения позднего средневековья (XV–XVII вв.) [Коробов, 1998*. № 417; 2001. С. 49, 50].

509, 510. Поселение Зубчихинское 4. Обнаружено в верховьях балки Зубчихинская, на левом ее берегу, на поляне среди сосновых посадок по обе стороны проселочной дороги. Поселение перекрывается курганной группой (?) Зубчихинская 1. Судя по подъемному материалу, памятник имеет раз-

меры около 50×30 м. Он примыкает к боковой балке, впадающей в балку Зубчихинскую. Наибольшая концентрация подъемного материала наблюдается в северной части поселения. Найденные здесь фрагменты керамики позволяют отнести поселение к кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культурам [Коробов, 1998*. № 421; 2001. С. 50].

511. Поселение Зубчихинское 3. Находится на плато в верховьях балки Зубчихинская за укреплением Зубчихинское 1 (№ 439). Обширное поселение ограничено с востока балкой Зубчихинской, с запада – балкой Беловодской, с севера, со стороны укрепления, – небольшим скальным выступом-останцом, с юга – лесопосадками. Поселение занимает два уровня: верхний, на скальном останце, и нижний, ближе к лесопосадкам. В верхнем ярусе на площади около 70×20 м, обнаружено не менее 10 построек, сохранившихся в виде каменных фундаментов высотой до 1,3 м. Нижний ярус имеет площадь около 150 х 50 м, на которой наблюдается не менее 40 построек (средние размеры – 4×5 м), ориентированных длинной стороной в основном по линии восток–запад. В кротовинах найден многочисленный подъемный материал, в том числе железный нож, относящийся к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 420; 2001. С. 50].

512. Склеповый могильник (?) Зубчихинский. Расположен на возвышенности справа от дороги, которая ведет от поселения Зубчихинское 3 в сторону укрепления Зубчихинское 1. В посадках березы обнаружены остатки каменного склепа (?), сложенного из плит. Плиты на поверхности, склеп (?) разрушен. Никаких находок или костей не обнаружено, поэтому без раскопок атрибутировать этот памятник не представляется возможным [Коробов, 1998*. № 424].

513. Курганная группа Зубчихинская 2. Занимает правый берег балки Зубчихинской в ее верховьях напротив боковой балки слева от проселочной дороги, ведущей к сосновым посадкам и разрушенным постройкам хутора. Группа состоит из 4 каменных насыпей диаметром 5–7 м, высотой 0,3–0,5 м. Возможно, данные сооружения являются не курганами, а результатом уборки камня с полей, но не исключено, что наброски камня – это так называемые «старокабардинские» курганы, относящиеся к XV–XVII вв. [Коробов, 1998*. № 418].

514. Поселение Зубчихинское 5. На западном пологом склоне плато, ограниченного балками Зубчихинская и Беловодская, в березовых лесопосадках у северной границы сосновых лесопосадок найдены фрагмент керамики и фрагмент железной крицы. Площадь поселения примерно 30×15 м, возможная культурная атрибуция аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 422; 2001. С. 50].

515. Поселение Зубчихинское 6. Недалеко от предыдущего поселения на пологом западном склоне плато, ограниченного балками Зубчихинская и Беловодская, в березовых лесопосадках возле поляны, на которой расположено поселение Зубчихинское 4 и курганная группа Зубчихинская 1, было найдено небольшое количество фрагментов раннесредневековой керамики (I тыс. н. э.). Площадь поселения около 30 х 20 м; возможно, оно является частью поселения Зубчихинское 5 [Коробов, 1998*. № 423; 2001. С. 50].

516. Поселение Беловодское 1а. Поселение, ошибочно отраженное в отчете Кисловодского отряда ИА РАН как «укрепление Беловодское 1», расположено на небольшом мысу у северо-западного склона, занимаемого укреплением и поселениями Зубчихинскими, в балке Беловодской. Мыс размерами 40×40 м расположен на правом берегу р. Березовой на первой надпойменной террасе к северу от строений насосной нарзанной станции. На мысу, в глубине его, – развалины постройки (возможно, башни) размерами 5×4×1 м, ориентированной длинной стороной по линии запад–восток. Предполагаемая культурная принадлежность памятника – карачаевская (XVIII–XIX вв.) [Коробов, 1998*. № 425].

517. Поселение Беловодское 2а. Как и описанное выше, это поселение в отчете ошибочно получило название «укрепление Беловодское 2». Оно занимает мыс на второй террасе западного склона балки Беловодской под поселением Зубчихинское 5 (см. выше). Мыс образован слиянием двух ручьев, протекающих по балке Беловодской. С востока он ограничен возвышенностью, на которой

никаких памятников не обнаружено. В северной части поселения расположены развалины 8 построек (башен?), идущих тремя рядами и имеющих размеры около 4×4×0,3–0,5 м. Возле башен на расстоянии около 25 м по направлению к югу прослежены остатки каменной стенки с сохранившейся максимальной шириной до 1,5 м, высотой 0,5–0,8 м (местами до 1,2 м). С внутренней стороны стены возле восточного угла имеется пристройка в виде каменной стены размерами 5×5 м. С внешней стороны возле угла расположены остатки еще двух башен размерами 4×4×0,5 м. Данное поселение, возможно, представляет собой остатки позднесредневекового хутора, но не исключено, что эти конструкции являются результатом более поздней хозяйственной деятельности, относящейся к XVIII–XIX вв. [Коробов, 1998*. № 426].

518. Поселение Беловодское 1. Находится выше укрепления Беловодское 1 (см. ниже), занимая мыс на пологом правом склоне балки Беловодской. На поселении обнаружены остатки постройки, сложенной из необработанных камней, размерами 6×4×0,8 м и ориентированной по линии северо-запад–юго-восток. Подъемный материал не обнаружен, предположительная датировка памятника – XVIII–XIX вв. [Коробов, 1998*. № 427].

519. Поселение Верхнеольховское 1. Обнаружено в 1998 г. Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко на территории Предгорного района Ставропольского края на правом берегу р. Ольховка. Поселение находится выше мыса Султанский на водоразделе р. Ольховки и балки Узкой. По вершине плато проходит противопожарная траншея, в которой встречен подъемный материал – фрагменты керамики аланской эпохи (середина I тыс. н. э.). Вероятно, поселение занимало верхнюю часть небольшого мыса размерами 30×30 м, в настоящее время занятого сосновыми лесопосадками [Коробов, 1998*. № 437].

520. Укрепление Беловодское 1. Занимает мыс на левом берегу ручья, протекающего по балке Беловодской, в месте ее слияния с соседней балкой, находящейся выше по течению р. Березовой. Мыс ориентирован по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад, имеет размеры 20×15 м, с обеих сторон его видны рвы (?) глубиной около 2 м и шириной 3–4 м. С юго-юго-западной стороны обнаружены остатки каменной кладки стены шириной около 1,5 м, сохранившейся на длину до 2–3 м. Стена сложена из необработанных камней. Подъемный материал не обнаружен, однако судя по топографии памятника, скорее всего он относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 428].

521, 522. Курганная группа Кичи-Балык 1. Эта курганная группа, как и описанные ниже, относится к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия и находится на правом берегу р. Березовая на водоразделе Березовой и Кабардинки. Они были осмотрены в 1984 г. С. Н. Кореневским, упомянувшим все Кичи-Балыкские курганные группы в отчете, вторично посещены и описаны в 1998 г. Кисловодским отрядом.

Курганы первой группы расположены на верхней гряде над селением Кичи-Балык справа от дороги из Кисловодска в селение, примерно в 0,5 км к востоку от МТФ. Курганная группа состоит из 4 насыпей, вытянутых цепочкой по направлению восток–запад. Все они – без видимых следов повреждения, имеют диаметр 10–25 м и высоту 0,5–1,5 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Кореневский, 1984*; 1986б. С. 99; Коробов, 1998*. № 430].

523, 524. Курганная группа Кичи-Балык 2. Курганы второй группы находятся севернее первой (№ 521, 522), на соседнем холме. Группа состоит из 6 насыпей, расположенных цепочкой по направлению запад–восток. Насыпи – без видимых следов повреждения, имеют диаметр 15–20 м и высоту 0,7–1,2 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.), скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Кореневский, 1984*; 1986б. С. 99; Коробов, 1998*. № 431].

525, 526. Курганная группа Кичи-Балык 3. Группа 3 расположена к северу от курганной группы Кичи-Балык 2, на соседнем холме. Пересекается линией ЛЭП, проходящей к северу от МТФ, и проселочной дорогой, задевшей несколько насыпей. Группа состоит из 32 насыпей, которые располагаются несколькими рядами в направлении восток–запад на вершине холма, ее западное окончание лежит примерно в 300 м к северу от МТФ. Нумерация курганов дана с запада на восток. Насыпи курганов имеют диаметр от 10 до 30 м, высоту – от 0,2 до 2 м. Курганы 8, 19–21 и 29 нарушены грабительскими раскопками, обнажившими остатки каменных конструкций в насыпях; в отвалах найдены фрагменты керамики. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Корневский, 1984*; 1986б. С. 99; Коробов, 1998*. № 432].

527, 528. Курганная группа Кичи-Балык 4. Две курганные насыпи расположены восточнее курганной группы Кичи-Балык 3, на том же холме, но несколько ниже. Скорее всего, являются продолжением группы Кичи-Балык 3 и выделены условно. Курганные насыпи имеют диаметр 20–30 м и высоту 1,5–2 м. По центру насыпей имеются грабительские ямы диаметром 3 м и глубиной 1,5 м, в которых видны каменные плиты центральных погребений курганов. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.), скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Корневский, 1984*; 1986б. С. 99; Коробов, 1998*. № 433].

529, 530. Курганная группа Кичи-Балык 5. Занимает следующий к северу от курганных групп Кичи-Балык 3 и 4 холм. Единственная насыпь, расположенная на нем, возможно, является естественной возвышенностью. Диаметр насыпи – 20 м, высота 1,8 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.), скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 434].

531, 532. Курганная группа Кичи-Балык 6. Занимает следующий к северу от курганной группы Кичи-Балык 5 холм. Состоит из 16 насыпей, располагающихся цепочкой в направлении восток–запад, причем восточная оконечность группы находится над асфальтированной дорогой из Кисловодска в селение Кичи-Балык. Насыпи имеют диаметр 10–30 м и высоту 0,5–2,5 м. На поверхности некоторых из них видны каменные плиты. Вокруг курганов 13 и 15 прослеживаются небольшие рвы шириной 0,5 и глубиной 0,2 м, с заплывшими краями. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Корневский, 1984*; 1986б. С. 99; Коробов, 1998*. № 435].

533. Поселение Беловодское 2. Находится на левом берегу ручья, протекающего по балке Беловодской, на мысу напротив поселения Зубчихинское 3 (№ 511). На мысу размерами 50×60 м находятся остатки каменной стены длиной около 40 м и постройки размерами 6×4×1,1 м, сложенных из необработанных камней. Возможно, данный памятник представляет собой остатки пастушеского поселка, относящегося к новому времени (XVIII–XIX вв.) [Коробов, 1998*. № 429].

534, 535. Одиночный курган Перепрыжка 1. Серия памятников обнаружена Д. С. Коробовым и К. М. Магомедовым в 1998 г. на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на правом берегу р. Подкумок на р. Перепрыжке.

К востоку от Рим-Горы на небольшом плато на правом берегу р. Перепрыжка в урочище «Воровские Балки» стоит одиночный курган. Диаметр насыпи 25 м, высота около 1 м, в центре – грабительская яма размерами 4×1×1 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 364].

536. Курганная группа Перепрыжка 2. Два кургана расположены на правом берегу р. Подкумок, на юго-западном отроге небольшого плато, находящегося к востоку от Рим-Горы на правом берегу р. Перепрыжка. Диаметры курганов 20–40 м, высота 1–2,5 м. По центру первой насыпи – грабительская яма диаметром 5 м, в которой обнаружено два фрагмента керамики, возможно скифской (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 365].

537. Курганная группа Перепрыжка 3. Расположена к востоку от Рим-Горы на плато на правом берегу р. Перепрыжка и на поле к югу от п. Конзавод и к юго-востоку от п. Джага. Группа состоит из 8 насыпей, отделенных друг от друга большим расстоянием. Диаметр курганов колеблется от 30 до 40 м, высота – от 1,5 до 5 м. Практически все курганы ограблены с помощью землеройной техники. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 366].

538, 539. Поселение Перепрыжка 1. В срезе с правой стороны проселочной дороги из п. Джага к ферме, находящейся в урочище «Воровские Балки», на левом берегу р. Перепрыжка найдено большое количество подъемного материала – фрагментов керамики; видны также остатки культурного слоя мощностью до 50 см и каменная кладка высотой до 30 см, возможно представляющая собой остатки постройки. Найденные материалы относятся к сарматской (I–III вв. н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культурам [Коробов, 1998*. № 372; 2001. С. 54].

540, 541. Курганная группа Воровские Балки 1. Нижеописанные памятники в Воровских Балках, на правом берегу р. Подкумок (Малокарачаевский район Республики Карачаево-Черкесия), обследованы в 1998 г. Д. С. Коробовым и К. М. Магомедовым. На высоком мысу на правом берегу р. Перепрыжка через дорогу от МТФ напротив поселения Перепрыжка 1 на вершине плоского холма находятся три кургана диаметром 20 и высотой 0,5–1,5 м. В центре насыпи первого кургана имеется грабительская яма размерами 1,5×2×0,5 м, в которой видна каменная плита от разрушенного погребения. Возможная культурная принадлежность группы – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 367].

542. Укрепление Воровские Балки 4. Занимает мыс на правом берегу р. Перепрыжка над МТФ к северу от укрепления Воровские Балки 1 и 2 (№ 495–497). На вершине мыса, на площадке размерами 45 × 25 м, расположены остатки каменных стен; с напольной стороны прослеживается вал высотой до 2 м. На поверхности видны каменные стенки построек, по-видимому, аланского времени (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 371; 2001. С. 55].

543. Укрепление Воровские Балки 5. Занимает вершину холма, расположенного справа от дороги из п. Джага на МТФ, на левом берегу р. Перепрыжка. На площадке размерами 40×15 м на вершине холма располагается одиночная башня (4×4×1 м), сложенная из необработанных каменных блоков. В центре башни – грабительский шурф размерами 1×1×0,5 м, в котором обнаружен фрагмент керамики эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 373; 2001. С. 55].

544. Укрепление Воровские Балки 6. Занимает мыс между укреплениями Воровская Балка 3 и 5 справа от дороги из п. Джага на МТФ на левом берегу р. Перепрыжка. На вершине мыса длиной 70 и шириной 15 м находятся остатки двух башен размерами 4×4×0,5–1 м. Башни сложены из каменных необработанных блоков, которые видны в грабительском шурфе размерами 1×0,5×0,5 м, обнаруженном на первой башне на краю мыса. Башня 2 расположена дальше от края. На ее вершине – также грабительский шурф размерами 1,5 × 1 × 1 м; в яме найден фрагмент керамики аланской культуры (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 375; 2001. С. 55].

545. Поселение Воровские Балки 1. Расположено на восточном склоне холма, занимаемого укреплением Воровские Балки 5. Поселение, видимо, занимало площадь примерно 50×50 м на искусственно террасированном склоне. Обнаружен невыразительный фрагмент керамики, очевидно эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 1998*. № 374; 2001. С. 55].

546, 547. Курганная группа Верхнеаликоновская 5. Находится на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка. Обнаружена в 1998 г. Кисловодским отрядом ИА РАН (руководитель Д. С. Коробов). Курганная группа расположена на водоразделе Аликоновки и Подкумка, выше по гряде к югу от группы Верхнеаликоновская 3 справа от дороги на старый сырзавод. Прослеживаются две насыпи диаметром 15 м и высотой около 1 м. На кургане 2 обнаружен фрагмент керамики. Возможная культурная принадлежность северокавказ-

ская (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифская (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 1998*. № 406].

548, 549. Поселение Аликоновское 15. Находится на левом берегу р. Аликоновка справа от дороги на сырзавод рядом с курганной группой Верхнеаликоновская 4 (№ 507) на верхнем мысу над Аликоновкой на обширной (80×50 м) площадке. На поверхности видны остатки каменных стен постройки размерами 3×1,5 м, найден подъемный материал – фрагменты керамики кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культур [Коробов, 1998*. № 405].

550, 551. Курганная группа Верхнеаликоновская 6. Расположена на левом берегу р. Аликоновка по дороге на старый сырзавод южнее группы Верхнеаликоновская 4 (№ 507). Курганная группа состоит из 6 насыпей, одна из которых находится слева от дороги, а 5 – справа от нее. Группа вытянута цепочкой с запада на восток, диаметр курганов 15–25 м, высота 0,5–2,5 м. Три насыпи нарушены грабительскими раскопками. Вероятно, курганы относятся к северокавказской (конец III – середина II тыс. до н. э.) и/или скифской (VII–IV вв. до н. э.) культурам [Коробов, 1998*. № 407].

552. Грунтовый могильник Набережная ул., д. 63. Находится в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Березовая. Раннесредневековый могильник (середина I тыс. н. э.) был зафиксирован в 1960-е гг. кисловодским краеведом Н. Н. Михайловым возле дома 63 по Набережной ул., в месте пересечения улицы с Аллейным переулком. В настоящее время памятник практически полностью застроен усадьбой дома 63 и соседними домами [Коробов, 1998*. № 408].

553. Грунтовый могильник Васюкова Балка. Расположен в черте г. Кисловодска за санаторием «Москва» на повороте дороги от санатория вверх на Георгиевское плато в сторону бывшего санатория «Наркомтяжпром» (ныне им. Орджоникидзе) на левом берегу руч. Солёный (приток р. Белая). В настоящее время могильник занимает крутой склон под сосновыми посадками, через который проходит асфальтовая дорога. Возможно, он упоминается в списке В. Б. Ковалевской под № 35 как раннесредневековый катакомбный могильник (I тыс. н. э.), обнаруженный в глинище левого берега р. Белой [Ковалевская, 1976*. № 35. С. 22; Коробов, 1998*. № 436].

554. Укрепление Верхнеольховское 1. Памятник обнаружен в 1998 г. С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым, обследован Кисловодским археологическим отрядом ИА РАН в 1999 г. Расположен на территории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Ольховка. Укрепление занимает возвышенность в верховьях р. Ольховки и ее правого притока. На верху площадки размерами 30×20 м, ориентированной по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток, – остатки двух башен из необработанных каменных блоков. Башни практически полностью разрушены, вероятно, в результате природного воздействия. Среди каменных обломков найдено большое количество подъемного материала эпохи раннего средневековья (V–VIII вв. н. э.) [Коробов, 1999*. № 495].

555. Укрепление Арбакол 2. Этот памятник, как и описанные ниже, находится на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Аликоновка и обнаружен в процессе разведки С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1999 г. Земляное укрепление на возвышенности к северо-северо-западу от укрепления Арбакол 1 (№ 317) занимает площадку (40×16 м), ориентированную по линии северо-восток–юго-запад. С северо-восточной стороны площадка перегорожена рвом длиной около 20 м, шириной 4 м и максимальной глубиной до 1,5 м. В центре площадки находится небольшая возвышенность (башня?) без следов каменных конструкций, размерами 9×10 м. Еще две подобные возвышенности располагаются на юго-западном краю площадки. Подъемного материала не обнаружено. Часть склонов холма занята искусственными террасами. Наиболее вероятно отнесение этого укрепления к аланской культуре (I тыс. н. э.) [Коробов, 1999*. № 452].

556. Поселение Коммунастрой. Открытое поселение справа от дороги на Медовые водопады возле п. Коммунастрой примерно в 300 м к северо-востоку от поселка, рядом с разрушенным домом,

несколько выше по берегу от укрепления Красные Пески (№ 359). В траншее газопровода, проходящей через поселение, обнаружены керамика кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) и остатки постройки из камня. Выходы культурного слоя мощностью до 40 см прослеживаются на площади 90×30 м. К северо-западу от поселения видны древние земледельческие террасы [Коробов, 1999*. № 449].

557. Курганная группа Сырзавод 1. Расположена в 0,5 км к северо-востоку от старого сырзавода в верховьях р. Аликоновка. Восемь курганных насыпей, вытянутых цепочкой по линии север–юг, со следами каменных конструкций на поверхности. Диаметры курганов – 8–20 м, высота 0,5–1,5 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 459].

558. Одиночный курган Сырзавод 2. Стоит к востоку от бывшего сырзавода в верховьях р. Аликоновка. В насыпи диаметром около 20 м, высотой около 1 м видны каменные конструкции. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 460].

559. Курганная группа Сырзавод 3. Слева от дороги на плато Бермамыт к юго-юго-западу от старого сырзавода в верховьях р. Аликоновка находится курганная группа, состоящая из 3 насыпей со следами каменных конструкций. Насыпи располагаются цепочкой прямо у дороги, ориентированы почти точно по линии запад–восток. Диаметр их 18–20 м, высота – 0,8–1,5 м. По центру в двух курганах устроены грабительские ямы, в которых видны каменные конструкции насыпи и ящик из каменных плит – центральное погребение (?), скорее всего относящееся к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 461].

560. Одиночный курган Сырзавод 4. В 1 км к юго-юго-востоку от старого сырзавода в верховьях р. Аликоновка слева от проселочной дороги на плато Бермамыт находится одиночная насыпь диаметром 30 м, высотой 2 м, круглой формы, с каменными конструкциями. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 462].

561. Поселение Зеленогорское. Относится к территории Предгорного района Ставропольского края. Находится на левом берегу р. Аликоновка к северо-западу от разрушенной МТФ на окраине п. Зеленогорский в правой боковой балке, примыкающей к балке Солдатской. Поселение занимает нижнюю часть левого берега балки на северо-восточном склоне холма, частично срезанного проселочной дорогой. На участке примерно 30×15 м К. М. Магомедовым в 1999 г. обнаружен слабо гумусированный слой мощностью около 30 см, в котором встречалась керамика; нижнюю часть зернотерки, обнаруженную там же, краевед передал в Кисловодский краеведческий музей. Памятник обследован Кисловодским отрядом в 1999 г. Вероятно, он относится к майкопской культуре (III тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 447].

562. Поселение Катыхинское 7. Расположено на левом берегу р. Аликоновка напротив карьера «Замок» и устья балки Катыхинской на территории Предгорного района Ставропольского края. Поселение занимает южный склон высокого берега реки, находится над каменоломней, расположенной над проселочной дорогой к «Замку коварства и любви». Поселение расположено ниже скального могильника Катыхинский 26 (№ 382). На склоне видны выходы культурного слоя мощностью 20–30 см и остатки каменных построек, найденные в 1999 г. К. М. Магомедовым. Наиболее вероятная культурная принадлежность памятника – позднеаланская (X–XII вв. н. э.) [Коробов, 1999*. № 450].

563. Поселение Катыхинское 8. Обнаружено в 1999 г. Кисловодским отрядом ИА РАН в процессе осмотра вышеописанного памятника. Поселение расположено на склоне левого берега р. Аликоновка напротив карьера «Замок» и устья балки Катыхинской ниже могильника Катыхинский 26. В срезе дороги на каменоломню на протяжении 20 м виден культурный слой мощностью до 0,5 м, насыщенный подъемным материалом – фрагментами керамики позднеаланской эпохи (X–XII вв. н. э.) [Коробов, 1999*. № 451].

564. Склеповый могильник (?) Луначарский. Найден в 1999 г. кисловодским краеведом К. М. Магомедовым в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка. На северном склоне холма Луначарка с противоположной от усадьбы семьи Магомедовых стороны в лесопосадках на нижнем склоне холма справа от дороги к монументу «Самолет» находятся остатки склепа (?), сложенного из плоских необработанных плит, разрушенных грабительской ямой размерами 2×1 м. Наиболее вероятна аланская атрибуция памятника и его датировка в пределах I тыс. н. э. [Коробов, 1999*. № 446].

565. Поселение Верхнеольховское 2. Памятник в верховьях р. Ольховки, расположенный в пределах Предгорного района Ставропольского края, был обследован Д. С. Коробовым в 1999 г. Поселение Верхнеольховское 2 найдено на небольшом мысу в глубине балки р. Ольховка на ее правом берегу. Поселение занимает ровную площадку размерами 35×25 м на высоте около 15 м от уровня воды. На мысу, ориентированном по линии северо-запад–юго-восток, С. Н. Савенко и Д. С. Коробов в 1998 г. обнаружили подъемный материал. При обследовании в 1999 г. на поверхности встречались развалы камней – возможно, остатки построек. В срезам по краям мыса видны выходы культурного слоя черного цвета с прослойками угля и каменными конструкциями. Найдена раннесредневековая керамика, датируемая в пределах I тыс. н. э. [Коробов, 1999*. № 496].

566. Курганная группа Верхнеольховская 1. Находится на левом берегу р. Ольховка, в ее верховьях, к востоку от лесопосадок, расположенных возле дороги, идущей по водоразделу Ольховки и Сухой Ольховки. Обнаружены две курганные насыпи диаметром 30–40 м и высотой 1,5–2 м; северо-западная пола первого кургана прорезана проселочной дорогой. Вероятно курганы относятся к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 498].

567. Курганная группа Верхнеольховская 2. Пять насыпей находятся на левом берегу р. Ольховка, в ее верховьях, примерно в 1,5 км к востоку от первой группы (№ 566) слева от дороги из п. Нарзанный. Курганы вытянуты в цепочку по линии северо-запад–юго-восток, имеют диаметр 15–40 м и высоту 0,8–3 м. На верхушке кургана 3 стоит геодезический знак. Возможная культурная принадлежность памятника – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 499].

568. Укрепление Султанное. Занимает площадку на мысу правого берега р. Ольховка в месте слияния ее с балкой Узкой на вершине Султан-Горы (одноименный памятник, описанный выше под № 85, 86, находится на значительном отдалении от мыса и назван так его открывателями). Площадка размерами 40×20 м, ориентированная по линии северо-запад–юго-восток, разрушена при добыче камня, однако на ней встречается подъемный материал эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.). Возможно, с юго-западной, напольной стороны укрепление перекрывалось сложенной из необработанных блоков каменной стеной, сохранившейся в виде невысокого вала шириной около 2 м и длиной около 30 м [Коробов, 1999*. № 493].

569. Поселение Султанное. Расположено на восточном склоне мыса, занимаемого укреплением Султанное. Многочисленные фрагменты раннесредневековой керамики (I тыс. н. э.) встречаются на проселочной дороге на протяжении 260 м. В срезам дороги видны выходы культурного слоя мощностью до 70 см [Коробов, 1999*. № 494].

570. Грунтовый могильник Митькин Кутан 2. Расположен на юго-западной окраине Кисловодска на правом берегу р. Аликоновка в долине руч. Митькин кутан на территории садовых участков рядом с д. 73 по ул. Трудовая, на дороге. В срезе дороги возле развилки у ворот дома 73, на левой ее стороне, К. М. Магомедов в 1999 г. обнаружил каменный ящик, осмотренный Д. С. Коробовым в том же году. Ящик ориентирован по линии юго-восток–северо-запад, длина его 1,9 м, ширина – 0,68 м. Он сложен из каменных плит толщиной 13–15 см. По сообщению хозяина дома 73, он нашел при его строительстве и передал в Кисловодский краеведческий музей каменный топор и керамику с веревочным орнаментом. Наиболее вероятно, что могильник относится к кобанской культуре (X–VI вв. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 448].

571. Поселение Правоберезовское 7. Памятник, как и описанные ниже, обнаружен Кисловодским отрядом ИА РАН в 1999 г. при обследовании верховьев р. Березовой в пределах Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкессия. Он находится на правом берегу р. Березовая и левой стороне боковой балки. Посередине склона расположены развалины строений 1930–1950-х гг., среди которых найден подъемный материал. На площадках, расположенных в 360 м к северу и в 200 м к востоку от строений, находятся остатки пастушеских загонов круглоплановой конструкции. На северной площадке нами обнаружены четыре подобных загона диаметром 16–20 м, сложенных из необработанного камня без следов раствора; сохранившаяся высота стенок – до 1,5 м. Эти сооружения, скорее всего, относятся к XVIII–XIX вв. [Коробов, 1999*. № 478].

572. Укрепление Правоберезовское 5. Обнаружено в верховьях р. Березовая, на высоком скальном мысу левого берега балки, следующей за балкой Беловодской по правому берегу реки. На площадке 30×15 м расположены остатки двух башен, ориентированных по линии юго-запад–северо-восток. Юго-западная башня имеет приблизительные размеры 4×4 м и сохранилась на высоту до 1,5 м; размеры северо-восточной башни – 3,5×3×0,5 м. Обе башни сложены из необработанного камня. На укреплении стоит геодезический знак. С южной стороны оно отделяется рвом шириной около 3 м и глубиной до 1,5 м. За ним расположено обширное плато, занимаемое поселением Правоберезовское 8 (см. ниже). Возле рва обнаружен подъемный материал аланской культуры (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1999*. № 476].

573. Поселение Правоберезовское 8. Расположено к юго-западу от мыса, занимаемого укреплением Правоберезовское 5 (см. выше), на обширном плато. Многочисленный подъемный материал аланской культуры (I тыс. н. э.) прослеживается на плато на расстоянии не менее чем 400 м с северо-запада на юго-восток и 300 м с северо-востока на юго-запад. С западной стороны плато по краю мыса видны остатки стены (?) длиной 15–20 м, шириной около 0,5 м и высотой до 0,3 м. Рядом с ней видны остатки постройки размерами 7×6×0,3 м. В юго-западной части поселения наблюдаются остатки вала (?), прослеживающегося на расстоянии около 200 м по линии север–юг и сохранившегося на ширину около 1 м и высоту до 2 м. В южной части вал изменяет направление под прямым углом и в восточном направлении прослеживается на длину около 20 м [Коробов, 1999*. № 480].

574. Курганная группа Правоберезовская 4. Группа находится в юго-западной части мыса, занимаемого поселением Правоберезовское 8 (см. выше), и имеет не менее четырех насыпей. Курганы 1–3 располагаются цепочкой вдоль линии север–юг, находятся на расстоянии 10–15 м друг от друга и имеют диаметр 10–15 м и высоту 0,5–0,8 м. Курган 4 находится в 100 м к югу от них, за стеной поселения. Возможно, данные каменные насыпи являются не курганами, а кучами убранного с полей камня. Однако не исключено, что это группа позднесредневековых «старокабардинских» курганов XV–XVII вв. [Коробов, 1999*. № 477].

575. Курганная группа Верхнеольховская 3. Две описанные ниже курганские группы найдены Д. С. Коробовым в 1999 г. на территории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Ольховка. На водоразделе рек Ольховка и Сухая Ольховка возле дороги, идущей через лесопосадки по Кабардинскому хребту, рядом с развилкой (ответвлением дороги на п. Нарзанный) находятся две курганские насыпи. Они вытянуты по линии запад–восток на расстоянии 30 м друг от друга рядом с проселочной дорогой, которая срезала южную часть насыпей примерно на одну треть. Первый курган диаметром 22 и высотой 2,5 м имеет каменные конструкции в насыпи, видимые в срезанной части (возможно, это остатки гробницы – центрального погребения?); в насыпи встречаются кости животных. На вершине кургана – грабительская яма размерами 2×2×1,5 м. Второй курган имеет диаметр 20 и высоту около 3 м. В западной части насыпи также есть грабительская яма (2×3×1 м). Наиболее вероятна северокавказская культурная атрибуция данной группы (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 500].

576. Одиночный курган Верхнеольховский 4. Находится на проселочной дороге в п. Нарзанный, идущей через лесопосадки по Кабардинскому хребту, на водоразделе рек Ольховка и Сухая Ольховка на просеке примерно в 130 м к западу от курганной группы Верхнеольховская 3. Южная пола насыпи диаметром 15 и высотой около 1 м примерно на треть срезана проселочной дорогой, в срезе видны остатки каменных конструкций, вероятно северокавказской принадлежности (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 501].

577, 578. Поселение Кабаногорское Кольцо 1. Комплекс памятников Кабаногорское Кольцо на северной окраине Кисловодска на юго-западном отроге Кабан-Горы обнаружен С. Н. Савенко в 1999 г. и в том же году обследован Кисловодским отрядом ИА РАН. Поселение 1 расположено на правом берегу р. Невольки (правого притока р. Подкумок) над пещерными гротами. На склоне над скальными выходами на пологой площадке размерами примерно 40×30 м найден подъемный материал. Площадка находится выше укрепления Кабаногорское Кольцо 1 (см. ниже). Обнаруженная невыразительная керамика может относиться к сарматским (I–III вв. н. э.) или аланским (середина I тыс. н. э.) древностям [Коробов, 1999*. № 442].

579, 580. Укрепление (?) Кабаногорское Кольцо 1. Занимает площадку размерами 50×17 м, ориентированную по линии северо-восток–юго-запад. С северо-восточной стороны площадки, возможно, находились остатки рва и каменных конструкций. В этой части укрепления ныне располагаются опора ЛЭП и посадки березы. Наиболее вероятно, что памятник относится к сарматской (I–III в. н. э.) и/или аланской (середина I тыс. н. э.) культурам [Коробов, 1999*. № 443].

581, 582. Поселение Кабаногорское Кольцо 2. Расположено на юго-западном склоне Кабан-Горы, ниже пещер-гrotов, над которыми находятся укрепление и поселение Кабаногорское Кольцо 1 (см. выше). На пологом склоне, занятом огородами, на площади примерно 60×30 м найдено небольшое количество невыразительного подъемного материала, относящегося к сарматской (I–III вв. н. э.) или аланской (середина I тыс. н. э.) эпохе [Коробов, 1999*. № 444].

583. Поселение Камышовая Балка 1. Сведения об этом поселении относятся к началу 1960-х гг. Оно обнаружено Н. Н. Михайловым, а обследовано С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1999 г. Поселение находится на территории Предгорного района Ставропольского края на правом берегу р. Ольховка и занимает юго-западный склон Джинальского хребта на левом берегу Первой Камышовой балки к северо-востоку от п. Нарзанный. В срезах осыпей на левой стороне балки имеются выходы культурного слоя мощностью около 20 см, в которых найден подъемный материал. Поселение занимает, видимо, край небольшого (примерно 30×20 м) пологого мыса. Культурная принадлежность обнаруженной керамики – майкопская (III тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 486].

584. Поселение Джинальское 1. Расположено на правом берегу р. Ольховка к юго-юго-востоку от горы Большое Седло на мысу юго-западного отрога Джинальского хребта с правой стороны небольшой боковой балки. На ровной площадке размерами примерно 30×20 м Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко в 1999 г. найдено небольшое количество подъемного материала аланской культуры (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1999*. № 491].

585. Одиночный курган Джинальский 1. Курган относится к территории Предгорного района Ставропольского края и находится на вершине Джинальского хребта на правом берегу р. Ольховка в 80 м к востоку-юго-востоку от горы Малый Джинал и к западу от высоковольтной ЛЭП. Диаметр насыпи 35 м, высота – 4 м; по центру насыпи имеется грабительская яма размерами 2×2×1,5 м, в которой видны следы каменных конструкций. В яме обнаружен кремневый отщеп. Вероятнее всего, курган был сооружен носителями северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 492].

586, 587. Укрепление Малое Седло 1. Расположено в черте г. Кисловодска на правом берегу р. Ольховка. Укрепление занимает скальный останец к югу от горы Малое Седло на левой стороне балки, располагающейся южнее балки Глухой, на правой стороне Первой Камышовой балки. Мыс

размерами 50×20 м ориентирован по линии запад–восток. В восточной его части имеется ров, отделяющий площадку мыса от плато и имеющий ширину около 3 и глубину до 2 м. В западной части мыса расположена одиночная башня размерами 6×6×1,5 м, сложенная из необработанных камней. Возле нее найден фрагмент керамики сарматской (I–III вв. н. э.) или аланской (середина I тыс. н. э.) культурной принадлежности [Коробов, 1999*. № 485].

588, 589. Поселение Камышовая Балка 2. Описываемые ниже памятники в Камышовой Балке, расположенные на правом берегу р. Ольховка в пределах Предгорного района Ставропольского края открыты в 1999 г. во время работ Кисловодского отряда ИА РАН. Поселение 2 занимает склон над укреплением Камышовая Балка 1 (см. ниже) к северо-западу и юго-западу от него, на правом берегу Первой Камышовой балки. Найдено значительное количество подъемного материала на большой площади – на дороге, проходящей по соседнему мысу в 100 м к северо-западу от укрепления, на огородах по юго-западному склону выше и ниже укрепления Камышовая Балка 1, где наблюдаются максимум его распространения и выходы культурного слоя черного цвета, а также на мысу к юго-западу от огородов. Найденные здесь фрагменты керамических сосудов относятся к майкопской (III тыс. до н. э.) и аланской (V–VIII вв. н. э.) культурам [Коробов, 1999*. № 488].

590. Укрепление Камышовая Балка 1. Находится на правом берегу Первой Камышовой балки к западу от огражденных лесопосадок сосны и к юго-западу от поселения Камышовая Балка 2 (см. выше) над огородами. Укрепление занимает вершину мыса – скального останца – размерами 25×15 м, в северо-восточной части которого прослеживаются остатки башни размерами 6×6×1,5 м, сложенной из необработанных камней. На укреплении найдена керамика эпохи раннего средневековья, датируемая в рамках I тыс. н. э. [Коробов, 1999*. № 487].

591. Поселение Камышовая Балка 3. Расположено на правой стороне Первой Камышовой балки возле бокового урочища, находящегося к востоку от п. Нарзанный, на окраине лесопосадок Курзеленстроя. В противопожарной траншее, идущей по краю мыса, на площади 30×40 м обнаружен подъемный материал аланского времени (середина I тыс. н. э.). Выходов культурного слоя не зафиксировано [Коробов, 1999*. № 490].

592. Поселение Камышовая Балка 4. Находится на правой стороне Первой Камышовой балки на следующем от поселения Камышовая Балка 3 мысу возле строений Курзеленстроя, над п. Нарзанный. На восточном краю мыса в противопожарной траншее рядом с лесопосадками Курзеленстроя на площади примерно 40×20 м найден подъемный материал – фрагменты раннесредневековой керамики (I тыс. н. э.) [Коробов, 1999*. № 489].

593. Поселение Верхнеаликоновское 1. Памятники в верховьях р. Аликоновка найдены Д. С. Коробовым и К. М. Магомедовым во время разведки 1999 г.; они относятся к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия и находятся на правом берегу р. Аликоновка. Поселение 1 расположено на мысу в верховьях боковой балки, на левом берегу которой стоит МТФ. Обширное поселение занимает ровный мыс ниже небольшой возвышенности. На площади примерно 150 (север–юг) × 90 (запад–восток) м найдено большое количество подъемного материала – фрагментов керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.). В восточной части мыса находятся остатки построек (?) из камня и развалины стены, сохранившейся в виде невысокого вала шириной около 2 м [Коробов, 1999*. № 456].

594. Поселение Верхнеаликоновское 2. Находится на мысу, расположенном к юго-юго-западу от мыса Указатель, и на левом берегу балки, расположенной западнее балки Эчкивашской (Медовая). На мысу, ориентированном по линии запад–восток, на площади 50×60 м встречен подъемный материал. Культурная принадлежность аланская (I тыс. н. э.) [Коробов, 1999*. № 453].

595. Поселение Чабарня 1. Находится на правом берегу балки, следующей за балкой Эчкивашской, в ее верховьях, на отроге плато Чабарня. Поселение занимает мыс, ориентированный по линии север–юг, и имеет размеры около 80×100 м. С южной и восточной сторон мыса видны следы камен-

ной постройки размерами 5×12 м и остатки каменной стены, сложенной из необработанных блоков и сохранившейся на высоту до 0,4 м. Обнаружена керамика, относящаяся к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 454].

596. Поселение Чабарня 2. Расположено на плато Чабарня, на следующем к северу от поселения Чабарня 1 (см. выше) мысу, также расположенном в верховьях балки, следующей за балкой Эчкивашской, на ее правом берегу. Ровный мыс, ориентированный по линии запад–восток, имеет размеры 100×100 м. В южной части поселения находятся остатки каменной постройки размерами 10×5 м. Культурная принадлежность найденных здесь материалов – аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1999*. № 455].

597. Поселение Большое Седло 1. Находится в черте г. Кисловодска, на правом берегу р. Белая, в ее верховьях. Небольшой мыс слева от ответвления дороги из Кисловодска на Большое Седло, за поворотом основной дороги к Олимпийскому комплексу, осмотрен Д. С. Коробовым в 1999 г. На ориентированном по линии север–юг мысу размерами 50×40 м найден подъемный материал – фрагменты керамики позднеаланской эпохи (X–XII вв. н. э.) [Коробов, 1999*. № 445].

598. Одиночный курган Верхнеольховский 5. Обследование Кабардинского хребта проводилось Кисловодским отрядом ИА РАН в 1999 г. Памятники, относящиеся к территории Предгорного района Ставропольского края, находятся на левом берегу р. Ольховка. Одиночный курган Верхнеольховский 5 стоит в верховьях р. Ольховки в 150 м к юго-востоку от курганной группы Верхнеольховская 2. Возможно, что это естественная возвышенность, напоминающая курганную насыпь, диаметром 25 и высотой 1 м. Предполагаемая культурная атрибуция – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 502].

599. Курганная группа Кабардинская 2. Две курганные насыпи на границе лесопосадок у проселочной дороги, идущей по Кабардинскому хребту на водоразделе рек Ольховка и Кич-Малка, расположены рядом, по линии север–юг. Диаметры насыпей 20–25 м, высота около 1,5–2 м. Наиболее вероятно, что курганы относятся к северокавказской культуре и датируются концом III – серединой II тыс. до н. э. [Коробов, 1999*. № 503].

600. Поселение Сухая Ольховка 1. Расположено на краю лесопосадок, идущих по северо-восточной стороне мыса, на левом берегу р. Сухая Ольховка в ее верховьях. На краю мыса у лесопосадок на площади 20×30 м обнаружено небольшое количество керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 497].

601. Курганная группа Кабардинская 3. Курганы этой группы находятся на водоразделе рек Кич-Малка и Сухая Ольховка к юго-западу от просеки, идущей через лесопосадки возле дороги на вершине Кабардинского хребта. Четыре курганные насыпи цепочкой тянутся по направлению юго-юго-запад–северо-северо-восток. Диаметр их 10–25 м, высота 0,5–4 м. Насыпи не имеют видимых повреждений; возможно, относятся к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 504].

602. Укрепление Дзержинка. Обнаружено при обследовании курортного парка г. Кисловодска в 1999 г. Укрепление находится в глубине парка на правом берегу р. Ольховка. Занимает мыс, расположенный к северу от правительственной дачи (бывший пионерский лагерь «Сосновый Бор»), в балке урочища «Дзержинка» на левом берегу ручья – притока р. Ольховка. Мыс ориентирован по линии запад–восток, размеры его примерно 30×15 м. В восточной части мыса обнаружены развалины башни из камня размерами 6×5×1,5 м. Культурная принадлежность памятника аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 1999*. № 484].

603. Поселение Дзержинка. Занимает поросший лесом северный склон под одноименным укреплением (см. выше). Расположено на окраине курортного парка на левом берегу ручья – притока р. Ольховка по левому берегу оврага в урочище «Дзержинка» к северу от правительственной дачи. На дороге, идущей по среднему уровню склона от асфальтовой дороги к гаражам, приблизительно в

150–200 м к югу от них, видны выходы культурного слоя черного цвета мощностью до 30–40 см, в котором обнаружен подъемный материал. Площадь его распространения не менее 50×70 м. Найденная здесь керамика относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 1999*. № 483].

604. Курганная группа Подкумская 3. Памятники найдены Кисловодским отрядом ИА РАН при обследовании правого берега р. Подкумок недалеко от п. Подкумок Предгорного района Ставропольского края. Две курганные насыпи находятся возле развалин фермы, расположенной на берегу реки, к северо-востоку от п. Подкумок. Расстояние между курганами по линии север–юг – около 15 м. Диаметр их около 16 м, высота около 2 м. Курган 2 разрушен на треть при возведении опоры ЛЭП (с южной и восточной сторон). В срезах видны каменные конструкции. Вероятно, курганы относятся к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 439].

605, 606. Поселение Долина Очарования 2. Занимает мыс на левом берегу ручья (правого притока р. Подкумок), протекающего в балке Долина Очарования. Мыс расположен на восточной окраине дачного поселка. На распаханых огородах на площади не менее 270 (с севера на юг) × 140 (с запада на восток) м найдено большое количество подъемного материала – фрагменты керамики кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) эпох, в том числе фрагменты котла с внутренними ушками. Возможно, этот памятник упоминается в списке В. Б. Ковалевской как селище X–XII вв. [Ковалевская, 1976*. № 76. С. 27; Коробов, 1999*. № 440].

607. Поселение Левоберезовское 9. В 1999 г. Кисловодским отрядом ИА РАН при обследовании верховьев р. Березовая на ее левом берегу обнаружено несколько памятников, относящихся к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. Поселение Левоберезовское 9 занимает небольшой мыс рядом с насосной станцией нарзанной трубы возле дороги в Кисловодск. На площади примерно 40×25 м С. Н. Савенко в 1998 г. обнаружил подъемный материал кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.). При повторном осмотре площадки Д. С. Коробовым в 1999 г. также были найдены фрагменты кобанских сосудов [Коробов, 1999*. № 464].

608. Курганная группа Элькуш 1. Две курганные насыпи находятся на юго-западной окраине п. Элькуш среди огородов возле ЛЭП и несколько ниже сельского кладбища. Южная пола кургана 1 разрушена бульдозером. Диаметр курганов 18–25 м, высота около 1,5 м. Возможная культурная принадлежность северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 465].

609. Поселение Левоберезовское 7. Расположено примерно в 1 км к юго-западу от п. Элькуш на левом берегу р. Березовая у скальных выходов к юго-западу от возвышенности, покрытой сосновыми лесопосадками. В 1998 г. С. Н. Савенко обнаружил на этом мысу, на площади примерно 30×45 м, подъемный материал – несколько фрагментов керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 471].

610. Поселение Левоберезовское 8. Мыс на вершине скального берега реки к западу от поселения Левоберезовское 7, частично разрытый при прокладке газопровода, к северо-северо-востоку от МТФ, расположенной внизу у реки. В 1998 г. С. Н. Савенко обнаружил здесь несколько фрагментов кобанской керамики 1-й половины I тыс. до н. э., которая была найдена и Д. С. Коробовым при повторном осмотре в 1999 г. [Коробов, 1999*. № 472].

611. Поселение Левоберезовское 6. Находится к юго-западу от п. Элькуш, примерно в 250 м к юго-востоку от сельского кладбища, расположенного над селением. Поселение занимает небольшой мыс ниже кладбища на скалистом левом берегу р. Березовая. На юго-западном склоне мыса найден каменный загон для скота, размерами 50×60 м и высотой до 1,5 м, сложенный из необработанных камней. В центре его – развалины строения 1930-х гг. Ближе к краю мыса – остатки каменных стенок. Строения, по-видимому, являются остатками селения XVIII–XIX вв. [Коробов, 1999*. № 470].

612. Поселение Балка Сова 1. Памятник обнаружен С. Н. Савенко в 1998 г. и повторно обследован Кисловодским отрядом ИА РАН в 1999 г. Расположен на территории Предгорного района

Ставропольского края на правом берегу р. Подкумок. Поселение занимает мыс под скальными выходами – отрогами Малого Клин-Яра к юго-западу от п. Мирный справа от дороги из него в Кисловодск и напротив тепличного хозяйства «Садовая Долина». На возвышающемся мысу первой речной террасы на площади примерно 70×40 м собран многочисленный подъемный материал кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.).

Возможно, именно это поселение упоминается в своде памятников, составленном В. И. Козенковой, под № 82 как поселение XI–VI вв. до н. э., расположенное в урочище Клин-Яр на возвышенном плато на правом берегу р. Подкумок. Подъемный материал хранится в Кисловодском краеведческом музее (сборы участников археологического кружка 1958–1964 гг.) [Михайлов. Папка «Клин-Яр»*; Козенкова, 1989. № 82. С. 35; Коробов, 1999*. № 441].

613. Одиночный курган Кабардинский 4. Как и описанные выше (№ 598–601) курганные могильники, расположенные на Кабардинском хребте в границах Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Кич-Малка, следующие несколько групп были открыты во время работ Кисловодского археологического отряда ИА РАН в 1999 г. На краю лесопосадки, расположенной между дорогами, идущими по Кабардинскому хребту – водоразделу рек Кич-Малка и Сухая Ольховка, – стоит одиночный курган. Диаметр насыпи около 20 м, высота около 2 м, видимых повреждений не имеет. Возможно, памятник относится к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 505].

614. Курганная группа Кабардинская 5. Находится на Кабардинском хребте возле дороги в Кисловодск, слева от нее между лесопосадками. Четыре курганные насыпи тянутся цепочкой по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад, диаметры их колеблются от 20 до 30 м, высота – от 1 до 2 м. Наиболее вероятно отнесение их к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 506].

615. Курганная группа Кабардинская 6. Пять курганных насыпей располагаются у развилки проселочных дорог, идущих по Кабардинскому хребту – водоразделу рек Кич-Малка и Сухая Ольховка. Курганная группа делится на две части: четыре насыпи стоят между двумя дорогами, а в 50 м к юго-востоку от них, ближе к р. Кич-Малка, расположен курган 5. Все они хорошей сохранности, диаметром от 15 до 20 м, высотой – от 0,7 до 1,2 м. Вероятно, курганы возведены носителями северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 507].

616. Одиночный курган Кабардинский 7. Расположен слева от проселочной дороги из п. Кичи-Балык, идущей по Кабардинскому хребту, к востоку от лесопосадок. Одиночный курган имеет диаметр 28 м, высоту 2 м. Возможная культурная принадлежность – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 508].

617. Курганная группа Кабардинская 8. Справа и слева от дороги, идущей по Кабардинскому хребту, по разные стороны лесопосадки, находятся пять курганных насыпей, вытянутых цепочкой по линии запад–восток. Курганы имеют диаметр 18–21 м и высоту 0,8–1,2 м. Весьма вероятно, что они возведены представителями северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 509].

618. Курганная группа Кабардинская 9. Восемь курганных насыпей, стоящих на Кабардинском хребте справа от дороги, ведущей из п. Кичи-Балык, ближе к р. Кич-Малка, за лесопосадкой. Насыпи вытянуты цепочкой по линии запад–восток, находятся на расстоянии 15–40 м друг от друга. Диаметр насыпей 17–30 м, высота 0,8–2,2 м. Вероятно, курганы относятся к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 510].

619. Курганная группа Кабардинская 10. Курганные насыпи находятся на проселочной дороге, идущей по водораздельному Кабардинскому хребту, в месте наибольшего сближения рек Кич-Малка и Сухая Ольховка возле лесопосадки. Четыре кургана расположены цепочкой по линии север–юг. Два из них стоят прямо на проселочной дороге (диаметр 18–22 м, высота 1,5–1,8 м), еще две

насыпи, возможно не являющиеся курганами, находятся к северу от вышеописанных, ближе к балке Сухой Ольховки (диаметр 22–25 м, высота около 0,8 м). Вероятнее всего их северокавказская принадлежность (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 511].

620. Курганная группа Кабардинская 11. Расположена напротив зафиксированной Кисловодским отрядом ИА РАН в 1996 г. группы Кабардинская 1, через проселочную дорогу, на соседнем к югу холме – берегу р. Кич-Малка. Группа из пяти насыпей находится на двух мысах, разделенных небольшой балкой – притоком р. Кич-Малка. На северном мысу видны две насыпи диаметром 18–20 и высотой 1,2–1,5 м. Под этими насыпями на склоне мыса располагаются древние земледельческие террасы. Еще три насыпи обнаружены к югу от вышеописанных, на соседнем мысу. Диаметры их колеблются в пределах 16–28 м, а высота – 0,8–2,2 м. Возможная культурная принадлежность памятника – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 512].

621. Курганная группа Водораздел 1. Следующая группа памятников, обнаруженных Кисловодским отрядом ИА РАН в 1999 г., расположена на территории Предгорного района Ставропольского края и Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Березовая вдоль проселочной дороги, ведущей из п. Элькуш в сторону старого сырзавода в верховьях р. Аликоновка. Курганы находятся на водоразделе рек Аликоновка и Березовая.

Курганная группа Водораздел 1 располагается к западу от п. Элькуш возле проселочной дороги, ведущей к сырзаводу. Она состоит из четырех насыпей, вытянутых цепочкой по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад по обе стороны дороги. Одна насыпь сильно разрушена, в грабительской яме видны остатки каменных конструкций. Диаметр курганов 15–20 м, высота – 0,8–1,2 м. Вероятно, курганы относятся к северокавказской культуре и могут быть датированы концом III – серединой II тыс. до н. э., однако без раскопок этого утверждать нельзя [Коробов, 1999*. № 466].

622. Курганная группа Водораздел 2. Находится справа от дороги из п. Элькуш на сырзавод на возвышенности у истоков балки Катыхинской – правого притока р. Аликоновка. Насчитывает три насыпи диаметром 10–30 м, высотой 0,5–2,8 м; по центру насыпи кургана 1 – грабительская яма, в которой видны остатки каменных конструкций, относящихся, по-видимому, к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 467].

623. Курганная группа Водораздел 3. Расположена на высокой гряде слева от дороги из п. Элькуш на сырзавод, к юго-востоку от МТФ, находящейся в боковой балке р. Аликоновка. Обнаружено как минимум девять курганных насыпей, расположенных по линии северо-восток–юго-запад. Размеры насыпей варьируют по диаметру от 15 до 25 м, по высоте – от 0,4 до 1,5 м. На вершине насыпи кургана 9 находятся знак ГУГК № 4370 и остатки триангуляционного пункта. Возможная культурная принадлежность памятника – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 468].

624. Одиночный курган Левоберезовский 1. Находится на левом берегу р. Березовая, в ее верховьях, к северо-западу от расположенного на противоположном берегу укрепления Правоберезовское 5 (№ 572) и к востоку от поселения Левоберезовское 10 (см. ниже). Диаметр насыпи 20 м, высота 1,7 м. На ней обнаружен фрагмент керамики, относящейся, видимо, к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 473].

625. Поселение Левоберезовское 10. Располагается на высоком левом берегу р. Березовая возле боковой балки к западу через балку от одиночного кургана Левоберезовский 1 (см. выше). На мысу на площади около 40 x 30 м обнаружен невыразительный подъемный материал, относящийся к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 475].

626. Одиночный курган Левоберезовский 2. Находится на возвышенности к северу от поселения Левоберезовское 10 (см. выше), справа от проселочной дороги из п. Элькуш на старый сырзавод в верховьях р. Аликоновка. Диаметр насыпи около 30 м, высота около 3 м; по центру насыпи имеется грабительская яма размерами 2,5×1×0,8 м, в которой видны остатки каменных конструкций. Ско-

рее всего, сооружение кургана можно отнести ко времени существования северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 474].

627. Курганная группа Водораздел 4. Семь курганных насыпей находятся на возвышенности справа от проселочной дороги из п. Элькуш на сырзавод. Курганы вытянуты цепочкой по линии запад-северо-запад–восток-юго-восток, диаметр их колеблется в пределах 10–23 м, высота – 0,4–1,4 м. Вероятная культурная атрибуция – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 469].

628. Курганная группа Кичи-Балык 7. Расположена на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на правом берегу р. Березовая. Курганная группа находится на нижней гряде к западу от группы Кичи-Балык 1 (№ 521, 522), зафиксированной Д. С. Коробовым в 1998 г., между двумя МТФ, соединяемыми проселочной дорогой. В 1999 г. Кисловодский отряд ИА РАН обнаружил здесь группу из девяти насыпей, вытянутых цепочкой по линии запад-юго-запад–восток-северо-восток. Диаметры насыпей 10–30 м, высота – 0,6–3 м. На верхушке насыпи курганов 1 и 9 находятся геодезические знаки, на насыпи кургана 7 найдена каменная плита. Возможная культурная принадлежность курганной группы – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 482].

629. Одиночный курган (?) Правоберезовский 5. Обнаружен при работах Кисловодского отряда ИА РАН в 1999 г. на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на правом берегу р. Березовая. Расположен на левом берегу балки (правом притоке р. Березовой), следующей за балкой Беловодской, возле МТФ, находящейся на противоположном берегу балки, примерно в 1 км к северо-западу. Курганная насыпь диаметром 18 и высотой 0,4 м, возможно, является результатом уборки камня с полей. К западу от насыпи идет трасса газопровода, к юго-востоку от него обнаружено глиняное пряслице, видимо относящееся к поселению Правоберезовское 9 (см. ниже), расположенному примерно в 200 м к северу от кургана. Не исключено, что данная насыпь относится к так называемым «старокабардинским» курганам XV–XVII вв. [Коробов, 1999*. № 479].

630, 631. Поселение Правоберезовское 9. Обширное поселение находится на левой стороне балки, следующей за балкой Беловодской (правого притока р. Березовая), примерно в 100 м к югу от южного края лесопосадки, занимающей северную оконечность мыса на правом берегу р. Березовая. На площади около 70×35 м найден многочисленный подъемный материал и фундаменты построек из камня, ориентированных по линии север–юг, размерами 7×8 м. К северо-востоку от этой площадки на краю балки на возвышенности – остатки каменных стенок шириной около 1,5 м, высотой около 0,5 м и длиной около 20 м, ориентированных по линии север–юг. Обнаружена керамика кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культур [Коробов, 1999*. № 481].

632. Поселение Верхнеаликоновское 3. Несколько памятников, относящихся к Малокарачаевскому району Республики Карачаево-Черкесия найдено С. Н. Савенко и Д. С. Коробовым в 1999 г. при обследовании верховьев р. Аликоновка. На левом берегу боковой балки на правобережье Аликоновки, в ее верховьях, к северу от сырзавода на пологом склоне находится поселение Верхнеаликоновское 3. Оно расположено к юго-западу от поселения Верхнеаликоновское 2 (№ 594), на другом берегу балки. На площади 40×30 м, ближе к возвышенности, обнаружен подъемный материал – невыразительные фрагменты керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 1999*. № 457].

633. Поселение Верхнеаликоновские Коши. Расположено в глубине боковой балки в верховьях р. Аликоновка, на ее правом берегу, к западу от поселения Верхнеаликоновское 3 (см. выше). Обнаружено несколько загонов для овец круглой в плане формы диаметром около 20–30 и высотой до 1,5 м, сложенных без использования раствора из необработанных камней в один ряд. Скорее всего, эти сооружения относятся к новому времени и датируются XVIII–XIX вв. [Коробов, 1999*. № 458].

634. Курганная группа Сырзавод 5. В верховьях р. Аликоновка возле развалин старого сырзавода, примерно в 1–1,4 км к западу от него, обнаружено пять насыпей, вытянутых цепочкой по линии запад–восток. Диаметры насыпей – 20–28 м, высота – 0,8–1,3 м. Рядом с курганом 1 находится геодезический знак № 651 и, возможно, остатки каменного ящика. Предположительное время сооружения этих курганов – бронзовый век (конец III – середина II тыс. до н. э.), однако без специальных исследований утверждать этого нельзя [Коробов, 1999*. № 463].

635, 636. Поселение Боргустанское 1. Целый комплекс памятников зафиксирован Кисловодским отрядом ИА РАН (руководитель Д. С. Коробов) в 2000 г. при обследовании отрогов Боргустанского хребта на территории Предгорного района Ставропольского края и Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Подкумок. К северо-западу от п. Мирный у подножия Боргустанского хребта по дороге на кошару напротив балки Сова на небольшой площади (20×30 м) обнаружен подъемный материал – керамика кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культур [Коробов, 2000*. № 514].

637. Поселение Мирный 2. Расположено к северу от п. Мирный справа от асфальтовой дороги на мусорную свалку местного колбасного завода. Занимает склон у южных отрогов Боргустанского хребта. Керамика была обнаружена к северо-северо-западу от застройки на окраине п. Мирный, на холмах, на площади примерно 45×25 м. Она относится к эпохе раннего средневековья и датируется в пределах I тыс. н. э. [Коробов, 2000*. № 522].

638, 639. Поселение Мирный 3. Памятник находится к востоку от поселения Мирный 2 на северной окраине п. Мирный на правой стороне промоины, располагающейся справа от асфальтовой дороги на свалку колбасного завода. Подъемный материал, обнаруженный в промоине на небольшой площади (примерно 25×30 м), относится к кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) эпохам [Коробов, 2000*. № 524].

640. Укрепление Боргустанское 1. Укрепление занимает высокий мыс на вершине Боргустанского хребта, выходящий к п. Мирный, к северо-западу от Кисловодской телевизионной вышки с правой стороны балки. Возвышенность (башня?) размерами 7×7×2,5 м с северной стороны нарушена грабительским шурфом. Возможно, что это не башня, а холм естественного происхождения, отделенный с напольной стороны рвом шириной 4 и глубиной до 1,5 м. Найден один фрагмент керамики эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 513].

641. Укрепление Боргустанское 2. Небольшой мыс (приблизительно 30×10 м) в глубине балки, выходящей к п. Мирный, на вершине Боргустанского хребта. На мысу расположены остатки двух башен. Башня 1 находится с северной, напольной стороны мыса. Ее размеры 7×7×2 м. Следов каменных конструкций на поверхности не прослежено (возможно, конструкции были земляными). По центру башни – грабительский шурф размерами 2×2 м. Башня 2 находится с южной стороны на краю мыса, ее размеры 4×5×1,2 м, на вершине ее также имеется грабительский шурф. Наиболее вероятно отнесение этого памятника к аланской культуре (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 515].

642. Поселение Боргустанское 2. Занимает мысовую часть на вершине Боргустанского хребта между укреплениями Боргустанское 2 и 3. В противопожарной траншее по краю мыса найдено большое количество подъемного материала. Он идет непрерывно на протяжении 200–250 м по краю плато на вершине хребта. Между мысами, занимаемыми укреплениями, визуально прослеживаются остатки древней дороги. На краю лесопосадок, расположенных на вершине плато, видны холмообразные небольшие возвышенности – возможно, остатки построек. Керамика, обнаруженная на поселении, относится к аланской культуре (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 516].

643. Укрепление Боргустанское 3. Расположено на мысу в западной части поселения Боргустанское 2, на вершине Боргустанского хребта, на площадке размерами примерно 35×18 м, ориентированной по линии северо-запад–юго-восток. В северо-западной части площадки – остатки двух

башен (возможно, это остатки вала) высотой до 3 м. Одна из них разрушена по центру бульдозерной траншеей. В юго-восточной части мыса расположена вторая башня размерами 8×8×1 м, почти полностью разрушенная. В ее развалинах найден подъемный материал – керамика аланской культуры (середина I тыс. н. э.). Оба сооружения представляют собой насыпи из мелового щебня (распавшиеся кладки?), на поверхности кладок не прослеживается [Коробов, 2000*. № 517].

644. Укрепление Боргустанское 4. Располагается к юго-западу от балки, в которой находятся укрепления Боргустанское 2 и 3 (см. выше), на краю плато на вершине Боргустанского хребта, к северо-западу от стоящей на дороге из Кисловодска в Карачаевск стелы, обозначающей границу между Ставропольским краем и Республикой Карачаево-Черкесия. На небольшом мысу (примерно 20×30 м), ориентированном по линии северо-запад–юго-восток, обнаружены развалины трех башен, одна из которых разрушена по центру грабительской ямой, достигающей 3 м в диаметре и 2 м в глубину. В ней обнажилась кладка в 6–7 рядов из обработанных каменных блоков различных размеров. Формы башен подквадратные, длина стен от 4 до 10 м, сохранившаяся высота развалов – до 3 м. В грабительском шурфе найдено большое количество подъемного материала эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.), среди которого 3 речные гальки правильной округлой формы (метательные камни от пращи?) [Коробов, 2000*. № 518].

645, 646. Поселение Катыхинское 9. Как и описываемые ниже памятники, расположено на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия и обнаружено в процессе обследования правого берега р. Аликоновка, проведенного Кисловодским отрядом ИА РАН в 2000 г. Поселение занимает северо-западную часть мыса на левом берегу балки Катыхинской к северо-западу от п. Элькуш на пологом склоне холма. Мыс прямоугольной формы, размерами примерно 50×40 м. В северо-западной части его найдено незначительное количество подъемного материала кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культур. На юго-восточном склоне холма видны следы древнего террасирования [Коробов, 2000*. № 565].

647. Поселение Эчкиваши 1. Находится на левом берегу балки Эчкиваши (Медовой) на втором мысу от укрепления Медовое (№ 375). Мыс, ориентированный по линии запад–восток, имеет размеры около 30×20 м. Возле обрыва обнаружено небольшое количество керамики, относящейся к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 573].

648. Поселение Эчкиваши 2. Занимает следующий к северу мыс на левом берегу балки Эчкиваши над домиком пастуха. Ближе к южному краю обширной площадки (размерами приблизительно 100×30 м) найдено несколько фрагментов керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 574].

649. Поселение Над Медовыми Водопадами. Располагается на площадке на вершине мыса к югу от укрепления Медовое, зафиксированного Кисловодским отрядом в 1996 г. (№ 375). Подъемный материал обнаружен на площади не менее 60×50 м ближе к восточному краю мыса над ручьем в балке Эчкиваши, на ее левом берегу. Керамика, найденная здесь, относится к эпохе раннего средневековья и датируется в пределах I тыс. н. э. [Коробов, 2000*. № 584].

650. Скальный могильник Джагинский 1. Этот широко известный памятник расположен на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Подкумок справа от дороги из п. Учкёкен на Боргустанский хребет. Могильник устроен в отроге возвышенности, которая является нижней частью Дарьинского хребта и состоит из довольно плотных желтоватых глинистых песчаников. Скальные захоронения обнаружены здесь юным краеведом С. Пьянковым в 1966 г. Первое детальное обследование произведено А. П. Руничем и студентом Э. В. Ртвеладзе 10 июля 1966 г.; доследовано 56 камер, из которых 32 не были заполнены грунтом, 8 заполнял грунт, а 16 были найдены при снятии дерна с карниза. Все они оказались ограбленными в древности, однако при доследовании найден довольно интересный погребальный инвентарь, в том числе золотые и серебряные индикации с солидов Константина IV (668–669 гг.), Константина II

и Константа (659–668 гг.) и Ираклия с сыновьями Ираклием Константином и Ираклеоном (632–641 гг.). По обнаруженному в камерах материалу погребения в могильнике можно отнести к VIII–IX вв. н. э. [Рунич, 1966*. С. 2, 3; Рунич, 1971б. С. 167–169; Ковалевская, 1976*. № 56. С. 25; Коробов, 2000*. № 550].

651. Скальный могильник Джагинский 2. Расположен в верховьях боковой балки левого берега р. Подкумок возле дороги из п. Учкекен на Боргустанский хребет с ее правой стороны возле асфальтового завода к северу от Джагинского 1 могильника (см. выше). Могильник обнаружен С. Пьянковым. Всего здесь сохранилось 12 камер, вырубленных во втором ярусе выхода скалы. При поверхностном осмотре, проведенном в 1973 г. А. П. Руничем, выяснилось, что 10 из них полностью разрушены из-за выветривания песчаника, – остались только небольшие ниши. Две камеры сохранились хорошо и были доследованы А. П. Руничем, который обнаружил в них материал, относящийся к эпохе раннего средневековья (VIII–IX вв. н. э.) [Рунич, 1973*. С. 6, 7; Ковалевская, 1976*. № 56. С. 25; Коробов, 2000*. № 551].

652. Скальный могильник Джагинский 3. Находится с левой стороны балки, к северо-востоку от могильника Джагинский 2 (см. выше) возле асфальтового завода у дороги из Учкекена на Боргустанский хребет. В обрывах скального останца с западной и восточной сторон видны ниши – остатки погребальных камер, вырубленных в скале. Обнаружены С. Н. Пьянковым и доследованы А. П. Руничем в 1973 г. Возможно, данный могильник составляет единый памятник с могильником Джагинский 2 и также относится к раннесредневековой эпохе (VIII–IX вв. н. э.) [Коробов, 2000*. № 552].

653, 654. Курганная группа Джагинская 1. Комплекс памятников найден Кисловодским отрядом ИА РАН в 2000 г. на левом берегу р. Подкумок в окрестностях п. Джага Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия и п. Мирный Предгорного района Ставропольского края.

Курганная группа Джагинская 1 занимает мыс к западу от дороги из п. Красный Курган на Боргустанский хребет. На вершине холма зафиксированы три насыпи диаметром 8–20 и высотой 0,5–1,5 м. Все они нарушены по центру грабительскими ямами, выкопанными вручную. Вероятно, данная группа могла возникнуть в период существования северокавказской (конец III – середина II тыс. до н. э.) или скифской (VII–IV вв. до н. э.) культур [Коробов, 2000*. № 554].

655. Поселение Джагинское 1. Занимает мыс на левом берегу р. Подкумок над ОТФ напротив недостроенного здания справа от дороги Кисловодск – п. Учкекен к северо-востоку от окраины п. Джага. На узком вытянутом мысу размерами примерно 20×6 м найдено незначительное количество керамики аланского облика (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 558].

656. Поселение Джагинское 2. Расположено к северо-западу от поселения Джагинское 1 на ровной площадке на левом берегу Подкумка к северо-востоку от окраины п. Джага. На площадке размерами примерно 75×40 м обнаружен подъемный материал, который относится к эпохе раннего средневековья и датируется в пределах I тыс. н. э. [Коробов, 2000*. № 559].

657. Одиночный курган Джагинский 2. На плато в 390 м к северу от поселения Джагинское 2 (см. выше) находится одиночная насыпь диаметром около 30 и высотой около 2,5 м. По центру насыпи – большая грабительская яма (10×5 м), вырытая, видимо, при помощи экскаватора. В ней видны остатки каменного кромлеха, сделанного из крупной речной окатанной гальки. В яме найден фрагмент керамики, возможно северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 555].

658. Поселение Джагинское 3. Расположено к западу через балку-промоину от поселения Джагинское 2 (см. выше) на первой террасе р. Подкумок напротив моста. На обширном мысу (размерами примерно 400×250 м), в восточной его части, найден подъемный материал – фрагменты керамики аланской культуры (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 560].

659. Поселение Мирный 6. Расположено к югу от одиночного кургана Мирный 2 (№ 700) на мысу у садового участка на проселочной дороге, идущей по первой террасе Подкумка параллельно

реке. Мыс отделен с запада от поселения Мирный 5 (№ 699) балкой, по которой проходит проселочная дорога от трассы Кисловодск – Карачаевск на садовые участки. На дороге обнаружен невыразительный подъемный материал – фрагменты керамики эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.). На территории садового участка и на краю мыса на поверхности видны остатки фундаментов построек (?) из речной окатанной гальки [Коробов, 2000*. № 529].

660. Поселение Мирный 7. Находится к северо-востоку от поселения Мирный 6 (см. выше) в пределах дачной застройки, располагающейся слева от проселочной дороги, ведущей от трассы Кисловодск–Карачаевск на садовые участки. На распаханых огородах обнаружено незначительное количество подъемного материала эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 530].

661. Поселение Джагинское 4. Найдено в верховьях балки-промоины, левого притока р. Подкумок, возле скального останца к западу от дороги из п. Красный Курган на Боргустанский хребет на правом берегу ручья к юго-западу от курганной группы Джагинская 1 (№ 653, 654) возле проселочной дороги. На ровной площадке размерами примерно 30×20 м обнаружены фрагменты керамики, относящиеся к аланской культуре (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 561].

662. Одиночный курган Джагинский 3. Стоит на вершине холма к северу от кладбища п. Джага, располагающегося на первой левобережной террасе Подкумка. Диаметр насыпи 25, высота 1,5 м. На ее верху – грабительская яма размерами 2×2×4,2 м, в которой видны каменные конструкции. На дне ямы лежит окатанная речная галька – видимо, от кромлеха кургана. В отвалах грабительского шурфа найден фрагмент керамики. Возможна атрибуция кургана в качестве памятника скифской культуры (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 556].

663. Одиночный курган Джинальский 2. В верховьях р. Ольховка слева от проселочной дороги, ведущей в Кисловодск по вершине Джинальского хребта. Одиночная насыпь расположена прямо под опорой высоковольтной ЛЭП возле поворота дороги на Кабардинский хребет в 30 м к северо-западу от кургана Джинальский 1. Полусферическая задернованная насыпь диаметром 18 и высотой 0,7 м. Наиболее вероятно северокавказская атрибуция памятника (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 588].

664. Поселение Эчкивашские Коши. Описываемые ниже памятники были найдены Кисловодским отрядом ИА РАН в 2000 г. при обследовании балок Эчкивашской (Медовой) и Конхуторской на правом берегу р. Аликоновка, в пределах Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия.

В верховьях боковой балки, впадающей в правый берег балки Эчкивашской, на ее правом берегу, найдена скальная ниша, перегороденная двумя каменными стенками, сложенными в один ряд без раствора. Видны следы ее современного использования, однако не исключено, что это остатки старой временки пастухов, относящейся к XVIII–XIX вв. [Коробов, 2000*. № 575].

665. Поселение Эчкиваш 3. Занимает мыс на правой стороне балки Эчкивашской, в ее верховьях, возле места, где балка раздваивается. Подъемный материал (площадь распространения примерно 30×40 м) обнаружен на верху мыса, на поверхности плоской площадки. Ниже, под площадкой, находится скальная ниша с каменными стенками – поселение Эчкивашские Коши (см. выше). Культурная принадлежность найденной здесь керамики – аланская (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 576].

666, 667. Поселение Эчкиваш 4. Расположено в верховьях балки Эчкивашской, на ее правом берегу, на пологой площадке возле проселочной дороги, ведущей от МТФ вниз, в балку. Подъемный материал найден справа от дороги в балку, на площади примерно 60 х 80 м. Здесь обнаружены фрагменты керамики как кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.), так и аланской (I тыс. н. э.) культур [Коробов, 2000*. № 577].

668. Поселение Эчкиваш 5. Памятник найден на правом берегу балки Эчкивашской возле проселочной дороги в ее верховьях на верху мыса рядом с ЛЭП к юго-западу от кургана Эчкивашский (см. ниже). На ровной мысовой площадке размерами приблизительно 30×20 м встречен немного-

численный подъемный материал, относящийся к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 579].

669. Одиночный курган Эчкивашский. Расположен на вершине холма, возвышающегося на правом берегу балки Эчкивашской, к югу от фермы, находящейся на левом берегу балки Конхуторской. Курган полностью разрушен грабительской траншеей, форма и размеры его неясны. В остатках насыпи прослеживаются каменные конструкции и остатки плит от гробницы (?). Возможная культурная принадлежность кургана – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 578].

670. Поселение Эчкиваш 6. Находится на южном склоне холма на правом берегу балки Эчкивашской, на вершине которого располагается курган (см. выше), возле проселочной дороги, идущей над террасами, и к западу от этого склона, на обширном мысу. На южной стороне холма видны следы древнего террасирования. На террасах найдены четыре фрагмента керамики, видимо относящиеся к поселению. На площадке мыса обнаружен многочисленный подъемный материал, распространенный на большой площади – примерно 100–120 м (с востока на запад) × 200 м (от края мыса к северу). Керамика относится к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 580].

671. Поселение Эчкиваш 7. Занимает мыс к северу от поселения Эчкиваш 6 (см. выше) на правом берегу балки Эчкивашской. По всей территории мыса, на площади примерно 300×300 м найден подъемный материал. К востоку от мыса расположена холмообразная возвышенность, склоны которой искусственно террасированы. На ее вершине находится укрепление Эчкивашское (см. ниже). Культурная принадлежность найденной здесь керамики – кобанская (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 581].

672. Укрепление Эчкивашское. Представляет собой две башни на вершине холмообразной возвышенности, расположенной на правом берегу балки Эчкивашской и на левом берегу балки Конхуторской, к северу от МТФ в балке Конхуторской и к востоку от поселения Эчкиваш 7 (см. выше). По центру возвышенности расположена первая башня, нарушенная грабительской ямой размерами 2,5×2 м. В ней видна каменная кладка из отесанных блоков. Размеры башни 5,6×6×3 м. К юго-востоку от нее – вторая башня размерами 7×6×0,3 м, заросшая и напоминающая курган (?). На поверхности найден фрагмент керамики аланского времени (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 582].

673. Поселение Эчкиваш 8. Расположено на мысу к северу от поселения Эчкиваш 7 (см. выше), на правой стороне балки Эчкивашской. На всей обширной площадке размерами 400 м (с севера на юг) × 70–80 м (с запада на восток) найден подъемный материал – керамика, относящаяся к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 583].

674. Поселение Конхуторское 2. Находится на краю мыса на правом берегу р. Аликоновка, к западу от поселения Конхуторское 1 (№ 314, 315). На ровной площадке по краю мыса найден подъемный материал кобанской эпохи (1-я половина I тыс. до н. э.). С южной стороны расположена холмообразная возвышенность с террасированными склонами. Подъемный материал распространен неравномерно, на большой площади [Коробов, 2000*. № 567].

675. Курганная группа Бермамытская 1. Расположена на левом берегу р. Березовая на юго-западной окраине Кисловодска возле бывшего пионерского лагеря «Сосновый Бор», в котором в настоящее время находится военная часть ФАПСИ. Могильник (№ 317 по инвентарному списку памятников) находится на глиняном холме у выезда из города по улицам Катыхина и Полевая, справа от асфальтовой дороги в п. Элькуш. Известны находки захоронений эпохи бронзы. В 2000 г. Я. Б. Березин доследовал здесь 3 погребения середины II тыс. до н. э. В 2003 г. экспедиция ИИМК РАН (руководитель А. М. Бианки) доследовала здесь 2 небольших кургана с каменными обкладками и среднебронзовыми катакомбными погребениями [Коробов, 1996*. № 249; 2000*. № 249].

676. Грунтовый могильник Броненосец. Обнаружен в 2000 г. К. М. Магомедовым и С. Н. Са-венко в черте г. Кисловодска на левом берегу р. Аликоновка. Могильник находится рядом с укрепле-ниями Броненосец 1 и 2 (№ 21, 22) возле тропинки, ведущей на плато от нарзанного источника, который находится возле асфальтовой дороги на «Замок коварства и любви». Остатки каменных ящиков, найденные здесь, располагаются в склоне правого берега небольшой балки, образованной родником, на втором ярусе под скальными выходами. На поверхности видны каменные плиты, воз-можно остатки других каменных ящиков, представляющих собой классические захоронения кобан-ской культуры (I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 564].

677. Укрепление Боргустанское 5. Два описываемых ниже укрепления расположены на терри-тории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Подкумок. Они были найдены во время работ Кисловодского отряда ИА РАН в 2000 г. Укрепление Боргустанское 5 находится на средней площадке отрогов Боргустанского хребта, в глубине балки, располагающейся к северо-вос-току от дороги из п. Красный Курган на Боргустанский хребет, напротив упомянутого поселка и развилки дорог. Небольшая площадка (размерами примерно 30×10 м) ориентирована по линии се-вер–юг и, по-видимому, окружена рвом шириной около 10 и глубиной около 3 м. Возвышенность на краю мыса не имеет следов каменных конструкций. Это видно по обнажениям в стенках грабитель-ского шурфа в ее центре. Возможно, это земляное укрепление и/или сторожевой пункт. Подъемный материал не обнаружен, однако наиболее вероятно отнесение данного памятника к аланской культу-ре (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 519].

678. Укрепление Боргустанское 6. Расположено в небольшой боковой балке отрогов Боргу-станского хребта к западу от укрепления Боргустанское 5 (см. выше) и от дороги из п. Красный Курган на Боргустанский хребет. Небольшой мыс, ориентированный по линии север–юг, имеет раз-меры 40×15 м. С напольной стороны он перегорожен рвом шириной 14 и глубиной до 3 м. По центру площадки – возвышенность (вал?) длиной около 10 м, шириной до 4 и высотой около 2 м, на верши-не которого – грабительский шурф (2×1×0,6 м). В нем виден щебень; каменные конструкции и подъем-ный материал не наблюдаются. Наиболее вероятна аланская атрибуция памятника (I тыс. н. э.) [Ко-робов, 2000*. № 520].

679. Одиночный курган Джагинский 4. Найден в 2000 г. Кисловодским отрядом ИА РАН на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Подку-мок. На вершине одиночной возвышенности на первой надпойменной террасе реки к северо-восто-ку от п. Джага и к северо-западу от дороги, ведущей от п. Красный Курган на Боргустанский хребет, виднеется одиночная насыпь диаметром 8 и высотой около 0,2 м. Уничтожена грабительской ямой диаметром около 2 м, в которой видны каменные конструкции, сооруженные из речной окатанной гальки. Не исключено, что курган был возведен в период существования северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 557].

680, 681. Поселение Верхнеберезовское 1. Несколько памятников были найдены в 2000 г. при обследовании Кисловодским отрядом ИА РАН верховьев р. Березовая в пределах Малокарачаевско-го района Республики Карачаево-Черкесия.

Поселение Верхнеберезовское 1 занимает ровную площадку в верховьях р. Березовой, на ее ле-вом берегу, к югу от ЛЭП и проселочной дороги, ведущей из п. Элькуш к старому сырзаводу. Юго-восточная часть поселения, находящаяся ближе к обрыву, уничтожена силосной ямой, устроенной в скальном грунте.

На поверхности площадки, занимаемой поселением, видны развалины каменных сооружений и обнаружен многочисленный подъемный материал. В южной части мыса видны остатки как мини-мум трех построек, ориентированных по линии запад–восток, размерами 4×6 м. Среди стоящих вертикально камней найдена керамика кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культур [Коробов, 2000*. № 585].

682. Курганная группа Верхнеберезовская 1. Находится на возвышенности у ЛЭП и проселочной дороги, ведущей из п. Элькуш на бывший сырзавод, по обе стороны от промоины. Две насыпи расположены в 50 м к северо-западу от поселения Верхнеберезовское 1 (см. выше) и имеют диаметры 10–12 и высоту 0,6–0,7 м. В насыпи на поверхности видны выходы каменных конструкций. Возможно, данная курганная группа относится к скифской эпохе и датируется VII–IV вв. до н. э. [Коробов, 2000*. № 586].

683. Поселение Верхнеберезовское 2. Расположено в верховьях р. Березовая на правом берегу возле развалин МТФ на небольшом мысу, находящемся к северу от заросшего лесом небольшого мыса на правом берегу небольшой балки, впадающей в р. Березовая. Возле скопления белых камней (возможно, остатки построек?) на площади примерно 40×50 м найдено небольшое количество подъемного материала – фрагментов керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 587].

684. Поселение Джагинское 5. Расположенные в окрестностях поселков Джага и Конзавод Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия памятники были обнаружены Кисловодским отрядом ИА РАН в 2000 г. при обследовании левого берега р. Подкумок.

Поселение Джагинское 5 занимает мыс на левом берегу Подкумка к северо-западу от моста через него и к северо-востоку от бетонного завода, на первой террасе. На мысу (размерами примерно 100×70 м), ограниченном с запада и востока балками-промоинами, видны остатки каменных построек из речной гальки. В обрыве над рекой видны каменные кладки построек, также из речной гальки, и большое количество подъемного материала аланского культурного облика (I тыс. н. э.), а также выходы культурного слоя темно-серого цвета мощностью до 40 см. Видимые на поверхности остатки построек ориентированы по линии север–юг, размеры их около 4×10 м, толщина стен до 70 см, высота – до 50 см [Коробов, 2000*. № 562].

685. Поселение Конзавод 1. Находится на левом берегу р. Подкумок на первой террасе напротив моста через реку, расположенного при подъезде из Кисловодска к п. Джага по трассе Кисловодск–Карачаевск, на небольшом мысу, ориентированном по линии север–юг, размерами 40×20 м. На поверхности видны постройки из речной гальки, на склонах собран подъемный материал эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 541].

686. Поселение Конзавод 2. Занимает мыс к востоку от поселения Конзавод 1 (см. выше). Площадка его разрушена карьером. К востоку от карьера находятся небольшой частный завод и усадьба его хозяев – семьи Байрамкуловых. В срезе карьера видны сооружения из речной гальки и обнаружен подъемный материал – керамика аланского времени (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 542].

687, 688. Поселение Конзавод 3. Расположено к востоку от поселения Конзавод 2 на огородах усадьбы Байрамкуловых (см. выше), где на площади примерно 40×20 м найден подъемный материал. По рассказам хозяйки усадьбы Любови Макаровны Байрамкуловой там же в 1999 г. ими был обнаружен железный наконечник стрелы со срезанным боевым концом и перехватом у основания черенка (видимо, монгольского времени). Керамика, найденная здесь, относится к кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) эпохам [Коробов, 2000*. № 543].

689, 690. Поселение Конзавод 4. Занимает мыс к востоку от поселения Конзавод 3 (см. выше), на первой террасе р. Подкумок над трассой Кисловодск–Карачаевск и бензозаправочной станцией, расположенной рядом с ДПС у въезда в Республику Карачаево-Черкесия. На западной стороне мыса, ориентированного по линии север–юг, размерами 30×20 м, в промоине обнаружен подъемный материал кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (середина I тыс. н. э.) культур [Коробов, 2000*. № 545].

691. Поселение Конзавод 5. Находится на пологом мысу над постом ДПС у въезда в Республику Карачаево-Черкесия на первой террасе р. Подкумок над трассой Кисловодск–Карачаевск. Размеры мыса примерно 40×20 м, ориентирован он по линии север–юг. На мысу прослеживаются скопления

речной гальки – видимо, остатки построек. На склоне собрано немного керамики раннесредневекового времени (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 547].

692, 693. Курганная группа Конзавод 4. Девять курганных насыпей находится по обе стороны балочки-промоины на первой террасе р. Подкумок над стелой, обозначающей въезд в Республику Карачаево-Черкесия. Курганные насыпи 1–3 располагаются к западу от промоины, 4–8 – к востоку от нее. Насыпи имеют диаметр 15–40 и высоту 0,6–3 м. На поверхности видны каменные плиты и остатки триангуляционного пункта; некоторые курганы имеют на вершине грабительские ямы, в которых видны остатки каменных конструкций из речной гальки. Возможно отнесение курганов к северокавказской (конец III – середина II тыс. до н. э.) или скифской (VII–IV вв. до н. э.) культурам [Коробов, 2000*. № 544].

694. Поселение Конзавод 6. Занимает несколько мысов размерами около 20×30 м на первой террасе р. Подкумок над трассой Кисловодск–Карачаевск, к югу от насыпей 3–8 группы Конзавод 4 (см. выше). На небольшом мысу к западу от балки, разделяющей группу Конзавод 4, видны скопления гальки – остатки постройки (?). На остальных мысах и примерно в 100 м к северо-востоку от них, на дороге, найден подъемный материал. На грунтовой дороге, проходящей через курган 9 группы Конзавод 4, находятся обнаженные скопления речной гальки. Керамика, найденная здесь, относится к эпохе раннего средневековья и датируется в пределах I тыс. н. э. [Коробов, 2000*. № 549].

695. Одиночный курган Конзавод 5. Одиночная насыпь расположена примерно в 300 м к северо-востоку от стелы, обозначающей границу Республики Карачаево-Черкесия, и примерно в 250 м к востоку от кургана 4 группы Конзавод 4 (см. выше). Диаметр кургана около 30, высота около 1 м. На поверхности видна речная галька, в юго-западной поле у основания насыпи найден фрагмент керамики. Вероятно, сооружение насыпи относится ко времени существования северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 546].

696. Одиночный курган Конзавод 6. Расположен на мысу над трассой Кисловодск–Карачаевск на первой террасе р. Подкумок к северо-востоку от стелы у границы Республики Карачаево-Черкесия. На поверхности насыпи диаметром 16, высотой 0,5 м видна речная галька. Возможная культурная принадлежность кургана – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 548].

697. Одиночный курган Мирный 1. Памятники в окрестностях п. Мирный Предгорного района Ставропольского края также обнаружены Кисловодским отрядом ИА РАН в 2000 г. при обследовании левого берега р. Подкумок.

Одиночная насыпь находится на западной окраине садовых участков за п. Мирный на первой надпойменной террасе Подкумка над трассой Кисловодск–Карачаевск. К западу от кургана проходит проселочная дорога, идущая от упомянутой трассы. Насыпь имеет диаметр 27 и высоту 2,7 м. На северной поле ее находился триангуляционный пункт. По центру вершины кургана имеется грабительская яма диаметром 2,5 и глубиной 1,8 м. В южной поле кургана, на огородах, найден подъемный материал. Наиболее вероятно отнесение кургана к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 521].

698. Поселение Мирный 4. Расположено на мысу на первой террасе р. Подкумок над трассой Кисловодск–Карачаевск к юго-западу от садовых участков и к юго-востоку от кургана Мирный 1 (см. выше). На распаханых садовых участках обнаружен подъемный материал, у края мыса наблюдаются скопления речной гальки. На юго-восточном окончании мыса расположен знак ГУГК. Керамика распространяется здесь на протяжении не менее 170 м по небольшим мысам к востоку от описанного мыса. Она относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 526].

699. Поселение Мирный 5. Занимает небольшой мыс к северо-востоку от поселения Мирный 4 (см. выше) на первой террасе р. Подкумок над трассой Кисловодск–Карачаевск на садовых участках к западу от п. Мирный. Площадка поселения (20×35 м) отделена рвом шириной около 7 и глубиной

до 2 м. На ней найден подъемный материал аланской эпохи (середина I тыс. н. э.). К северу от нее находится еще одна площадка (30×15 м), также отделенная с напольной стороны рвом шириной 8 и глубиной 1,5 м. На ней видны скопления речной гальки (видимо, остатки построек) [Коробов, 2000*. № 528].

700. Одиночный курган Мирный 2. Находится на окраине садовых участков к западу от п. Мирный на первой надпойменной террасе р. Подкумок над трассой Кисловодск–Карачаевск. С восточной стороны кургана проходит проселочная дорога, подрезавшая полу насыпи. Насыпь неправильной формы, размерами 23×18 м, высотой до 1 м. На поверхности видна речная галька – возможно, остатки кромлеха. Не исключено, что курган был возведен в период существования северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 523].

701. Поселение Мирный 8. Расположено к северо-востоку от кургана Мирный 2 (см. выше) на распаханых садовых участках к западу от п. Мирный. Поселение располагается на ровном мысу, отделенном с восточной стороны проселочной дорогой, ведущей к садовым участкам от трассы Кисловодск – Карачаевск. На поверхности видны скопления речной окатанной гальки – остатки построек (?). Весьма вероятно отнесение данного памятника к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 531].

702. Поселение Мирный 9. Находится на соседнем к востоку от поселения Мирный 8 (см. выше) мысу на первой террасе Подкумка, на садовых участках к западу от п. Мирный. Мыс с запада ограничен небольшой балкой, по которой проходит дорога на садовые участки от трассы Кисловодск–Карачаевск. В центре на распаханной под огорода площадке на площади примерно 30×20 м найден подъемный материал аланского времени (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 532].

703. Одиночный курган Мирный 3. На садовых участках к западу от п. Мирный на первой террасе Подкумка стоит одиночная насыпь диаметром 30 и высотой 2,5 м. Южная пола кургана срезана при планировке мыса для строительства дачи. На северной поле находится триангуляционный пункт № 7487. В срезе видны остатки кромлеха из речной гальки. Возможная культурная принадлежность кургана – северокавказская (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 525].

704. Одиночный курган Мирный 4. Расположен на мысу первой террасы Подкумка в пределах дачных участков к западу от п. Мирный возле проселочной дороги, ведущей от трассы Кисловодск–Карачаевск к дачным участкам. Форма и размеры кургана не устанавливаются, так как насыпь уничтожена при строительстве водопровода для дач. Внутри насыпи – яма, в которой устроен вентиль. Встречается речная окатанная галька (кромлех?). Предварительно курган отнесен к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 527].

705. Поселение Конхуторское 3. Памятники в балке Конхуторской, относящиеся к территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия, обследованы на правом берегу р. - Аликоновка Кисловодским отрядом ИА РАН в 2000 г.

Поселение Конхуторское 3 занимает мыс в верховьях балки Конхуторской, образованный ее разветвлением, к юго-западу от МТФ на правом берегу балки. На ровной площадке на площади примерно 50×80 м найдены подъемный материал и остатки каменных сооружений. На правом берегу балки напротив устья боковой балки видны террасированные склоны, на которых встречается керамика аланской культуры (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 568].

706. Поселение Конхуторское 4. Расположено на мысу напротив устья боковой балки на правом берегу балки Конхуторской к востоку от могильника Конхуторский (№ 311) и МТФ. На юго-западном краю мыса видны заросшие каменные развалины построек (?) размерами 30 x 15 м, ориентированные длинной стороной по линии запад–восток. Ширина развалов стен около 2 м, высота их 20–50 см. Подъемный материал не обнаружен, однако не исключено, что данное поселение относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 569].

707. Поселение Конхуторское 5. Занимает небольшой мыс на правом берегу балки Конхуторской напротив поселения Конхуторское 1 и менгира (№ 314, 315). Подъемный материал обнаружен на площади примерно 40×60 м на пологом склоне. Недалеко от него на правом берегу р. Аликоновка видны террасированные склоны холмов, тянущиеся на большом расстоянии. Ширина террас примерно 15–20 м; на них также найден подъемный материал – фрагменты керамики аланского периода (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 570].

708. Поселение Конхуторское 6. Находится на левом берегу балки Конхуторской в месте впадения в нее небольшой боковой балки на верхнем мысу, располагающемся над родником, примерно в 300 м к востоку от пасеки и к юго-юго-востоку от МТФ и могильника Конхуторский (№ 311). В северо-западной части мыса на площади примерно 20×30 м найдено небольшое количество керамики, относящейся к кобанской культуре (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 571].

709. Укрепление Конхуторское 2. Расположено в боковой балке на левом берегу балки Конхуторской, к северу от пасеки и к югу от развалин МТФ и могильника Конхуторский (№ 311). На мысу размерами примерно 60×20 м, в северо-восточной его части, – скальные выходы. Сам мыс сильно поврежден каменными разработками, однако местами видна каменная кладка (?). Примерно в 100 м от края мыса к западу найден подъемный материал. К северо-северо-востоку от развалин МТФ и северо-востоку от проселочной дороги, идущей по левому берегу балки Конхуторской в сторону балки Эчкивашской (Медовой), на небольшой площадке (примерно 20×30 м) также найден подъемный материал. Он распространяется с юго-запада на северо-восток примерно на 200 м и, видимо, относится к террасированным склонам холмов. Керамика, найденная здесь, относится к эпохе раннего средневековья и датируется в пределах I тыс. н. э. [Коробов, 2000*. № 566].

710. Поселение Конхуторское 7. Подъемный материал найден на площади примерно 60×40 м на пологом террасированном склоне у южной границы поселения Конхуторское 1 (№ 314, 315) на левом берегу балки Конхуторской, примерно в 500 м от менгира. Керамика датируется серединой I тыс. н. э. и имеет аланскую принадлежность [Коробов, 2000*. № 572].

711. Укрепление Джагинское. Несколько памятников обнаружено Кисловодским отрядом ИА РАН в 2000 г. в окрестностях п. Джага Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Подкумок. Укрепление Джагинское занимает мыс над скальным могильником Джагинский 3 (№ 652). На площадке видны остатки башни размерами 7×4×1 м; с северной стороны площадка разрушена при выборке грунта с помощью экскаватора. Рядом – два грабительских шурфа размерами 1×0,5×1 м; в одном из них, возможно, остатки катакомбного погребения. Среди отвалов грабителей обнаружен подъемный материал эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 553].

712. Поселение Джагинское 6. Находится на мысу под скальным могильником Джагинский 2 (№ 651) возле боковой балки – притока р. Подкумок. В срезе балки найден подъемный материал – фрагменты керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 563].

713. Одиночный курган Куян Балка 1. В 2000 г. Кисловодский отряд ИА РАН обследовал урочище Куян балка на правом берегу р. Подкумок (Малокарачаевский район Республики Карачаево-Черкесия).

Одиночная насыпь находится на мысу, расположенном на первой террасе правого берега Подкумка к востоку от п. Красный Курган. Насыпь наполовину осыпалась в реку. Курган ограблен при помощи траншеи, в которой видна речная галька, оставшаяся от каменных конструкций. Сохранившийся диаметр насыпи 22, высота – 1,8 м. Предположительно относится к северокавказской культуре (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 533].

714. Поселение Куян Балка 1. Расположено на западной стороне мыса над р. Подкумок на пологом склоне, справа от проселочной дороги, ведущей из долины реки к трассе Красный Курган – Медовые водопады. С северо-восточной стороны к поселению примыкают строения Малокарачаев-

ского конзавода, располагающиеся в Куян балке. В траншеях вдоль проселочной дороги на площади примерно 20×30 м найден подъемный материал, относящийся к аланской культуре (середина I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 534].

715. Поселение Куян Балка 2. Находится на небольшом мысу над зданиями Малокарачаевского конзавода, расположенного в Куян балке, к западу от него и к востоку от курганной группы Конзавод 1 (№ 354). На небольшой площади (10×7 м) найдено небольшое количество керамики кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) и следы золы [Коробов, 2000*. № 535].

716. Одиночный курган Куян Балка 2. В истоках Куян балки, на поле, к югу от возвышенности, на которой расположена курганная группа Куян Балка 3 (см. ниже), и к юго-востоку от строений конзавода, находящегося в балке, стоит одиночная насыпь диаметром 25 и высотой 1 м. По центру вершины – грабительская яма диаметром 3 и глубиной около 0,7 м. В ней видны каменные конструкции, сильно поврежденные грабителями. Скорее всего, курган возведен в эпоху северокавказской культуры (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 536].

717. Курганная группа Куян Балка 3. Одиннадцать насыпей находятся на вершине возвышенности, расположенной в истоках Куян балки. Курганы идут плотной цепочкой по линии северо-запад–юго-восток (курганы 1–7), а затем поворачивают в соответствии с рельефом по линии восток–запад (8–11). Диаметр курганов колеблется от 14 до 28 м, высота – от 0,4 до 0,9 м. Некоторые из них повреждены грабительскими ямами, в которых видны камни от конструкций в насыпи. Весьма вероятно скифская атрибуция памятника (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 537].

718. Поселение Куян Балка 3. Расположено на северо-восточном краю мыса на северо-восточной стороне Куян балки, к северу от возвышенности, на которой обнаружена курганная группа Куян Балка 3 (см. выше). На склоне, занятом скотным двором, и в силосной яме на территории поселения найдено небольшое количество керамики эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 538].

719. Курганная группа Куян Балка 4. Три насыпи стоят на мысу на первой террасе р. Подкумок к северо-востоку от устья Куян балки. Диаметр их 15–30, высота – 0,8–1,5 м. Возможно, курганы возведены в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.) [Коробов, 2000*. № 539].

720. Укрепление Сова 1. Занимает мыс к югу от фермы, находящейся в балке Сова¹, к востоку от Куян балки на правом берегу р. Подкумок. На мысу расположен трансформаторный столб местной ЛЭП. Мыс размерами 60×40 м ориентирован по линии север–юг. С южной, напольной стороны он перегорожен валом высотой до 1 и шириной около 3 м. В 1999 г. С. Н. Савенко собрал здесь подъемный материал. Нами при осмотре мыса также был найден подъемный материал аланской культуры (I тыс. н. э.) [Коробов, 2000*. № 540].

722. Поселение Мокрая Балка 4. Расположено в черте г. Кисловодска, на левом берегу р. Мокрая балка ниже поселения Замковое к юго-западу от «Замка коварства и любви». Поселение находится на территории знаменитого могильника Мокрая Балка 1 (№ 28). Известны находки керамики майкопской культуры (III тыс. до н. э.).

723. Поселение Эшкаконское 25. Памятники в долине р. Эшкакон (Малокарачаевский район Республики Карачаево-Черкесия) обследовались в 1977 г. В. Б. Ковалевской, повторно зафиксированы в 2001 г. Г. Е. Афанасьевым.

Раннесредневековое поселение находится на правом берегу р. Эшкакон на естественно укрепленном мысу, господствующем над долиной р. Теплушка – правого притока р. Эшкакон. В. Б. Ковалевской в 1977 г. здесь обнаружен подъемный материал аланского времени (середина I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1977*. С. 28].

¹ В народной традиции балка иногда называется Саво.

724. Укрепление Левобережное Эшкаконское 2. Находится на расстоянии 1,1 км к юго-западу от укрепления Левобережное Эшкаконское 1 (№ 761). Памятник обнаружен во время работ Первого Кисловодского отряда ИА РАН (руководитель Г. Е. Афанасьев) в 2001 г. Расположен на мысу около устья левого притока р. Эшкакон. С трех сторон укрепление защищено крутыми склонами, с напольной стороны подход к нему преграждает ров. Внутри прослеживается развал каменных строений. Это место расположено прямо напротив укрепления Правобережное Эшкаконское 1 (№ 763). На южном и западном склонах сохранились следы земледельческих террас. Памятник относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*].

725. Укрепление Эшкаконское 21. Занимает сильно выступающий естественно укрепленный скальный мыс на левом берегу р. Эшкакон, имеющий по продольной оси около 500 м при длине задернованной каменной стены 200 м. Раннесредневековое укрепление (I тыс. н. э.) обследовала в 1977 г. В. Б. Ковалевская, обнаружившая здесь цитадель площадью 1200 м², огражденную каменной крепостной стеной. Остальная часть укрепления дополнительно укреплена тремя рядами стен [Ковалевская, 1977*. С. 28].

726. Укрепление Эшкаконское 15. Расположенное на правом берегу р. Эшкакон раннесредневековое укрепление (I тыс. н. э.) занимает выступ мыса над правым берегом р. Уллубаганалы. Описание памятника составила В. Б. Ковалевская, обследовавшая его в 1977 г. На мысу располагается сторожевая башня, господствующая над долиной Уллубаганалы, дополнительно укрепленная задернованной сейчас каменной стеной [Ковалевская, 1977*. С. 27].

727. Укрепление Ниязбековское. Находится на правом берегу р. Большая Теплушка, правого притока р. Эшкакона, на расстоянии 6,6 км к юго-западу от Рим-Горы. В 2001 г. Г. Е. Афанасьев зафиксировал здесь массивный развал крепостной стены, отделяющей площадку мыса от напольной стороны, и громадный грабительский раскоп на мысовой укрепленной части, обнаживший остатки большой постройки, вырубленной в скале. Относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.). На высотах к востоку от укрепления хорошо заметны следы террасного земледелия. Они покрывают водораздел между Большой и Малой Теплушкой. Яркие следы террасного земледелия прослеживаются и на левом берегу р. Большая Теплушка напротив Ниязбековского укрепления. В верховьях Большой Теплушки видны как следы террасирования склонов, так и следы древней дороги, ведущей на юг, в сторону описываемого памятника, и на восток, в сторону группы памятников близ Медового водопада в долине р. Аликоновка [Афанасьев, 2001*].

728. Укрепление Гипотетическое 1. Аланское укрепление I тыс. н. э. выделено Г. Е. Афанасьевым с помощью методов пространственного анализа.

729. Укрепление Гипотетическое 2. Аланское укрепление I тыс. н. э. выделено Г. Е. Афанасьевым с помощью методов пространственного анализа.

730. Укрепление Гипотетическое 3. Аланское укрепление I тыс. н. э. выделено Г. Е. Афанасьевым с помощью методов пространственного анализа.

731. Скальный могильник Эшкаконский 5 (Эшкаконский 16 по В. Б. Ковалевской). Скальные захоронения Эшкаконских могильников 1–6 находятся в верхнем и среднем ярусах скальных выходов левого берега р. Эшкакон. Обнаружены в 1969 г. В. А. Лученковым, детальное обследование проведено в 1970–1971 гг. А. П. Руничем, повторные осмотры памятника – в 1977 г. В. Б. Ковалевской и в 2001 г. Г. Е. Афанасьевым.

Высота отвесных скал, в которых устроены погребения могильника Эшкаконский 5, близка к 30 м. Первый, нижний ряд могил был размещен у основания скалы, под навесом, второй – на карнизе на высоте 3–6 м, третий – на очень узком карнизе еще выше (10–16 м). Два верхних яруса размещены в своеобразных горизонтальных щелях, образованных в результате выветривания более мягких слоев. Здесь обнаружены остатки каменной кладки, которая огораживала могилы. Все 63 «домика мертвых» были ограблены. В могилах и около них найден многочисленный инвентарь, в

том числе монеты – серебряная сасанидская Кавада I (499–531 гг.) и индикация – варварское подражание монете Тиберия Константина (578–582 гг.). Найдены остатки штанов из ткани, ноговиц с фрагментами костей ноги, сумочки, подушка, набитая травами. Могильник относится к эпохе раннего средневековья, погребения, совершенные в нем, датируются VII–VIII вв. н. э. [Рунич, 1975в. С. 71, 72; Ковалевская, 1977*. С. 28].

732. Скальный могильник Эшкаконский 4 (Эшкаконский 17 по В. Б. Ковалевской). Находится ниже предыдущего по течению реки, также на втором снизу скальном ярусе. Сохранилось только шесть заполненных грунтом усыпальниц. Они сооружены тем же способом, что и остальные Эшкаконские, с той лишь разницей, что обмазку белой глиной с внутренней стороны выявить не удалось. В ограбленных могилах и около них собран инвентарь – керамика, украшения, остатки тканей и кожи, обломки деревянных предметов, – датируемый VII–VIII вв. н. э. [Рунич, 1975в. С. 70, 71; Ковалевская, 1977*. С. 28].

733. Скальный могильник Эшкаконский 3 (Эшкаконский 18 по В. Б. Ковалевской). Могильник выявлен севернее описанных выше. А. П. Рунич доследовал здесь 38 ограбленных погребений, из которых особого внимания заслуживает погребение 2, опубликованное в виде отдельной работы [Кузнецов, Рунич, 1974]. В комплексе обнаружена рукоять сабли с остатками ткани и кожи, датируемая IX в. н. э. Среди находок, обнаруженных в других погребениях, были семь стеклянных бусин и фрагмент бронзового украшения. Памятник относится к эпохе раннего средневековья и датируется VII–IX вв. н. э. [Рунич, 1975в. С. 67–70; Ковалевская, 1977*. С. 28].

734. Скальный могильник Эшкаконский 2 (Эшкаконский 19 по В. Б. Ковалевской). Расположен севернее могильника Эшкаконский 3, также на втором снизу скальном ярусе. А. П. Руничем обнаружено 10 захоронений, полностью аналогичных по своему устройству погребениям других Эшкаконских могильников. В разграбленных могилах найдены лишь обломки человеческих костей, остатки тканей, кожи и восемь стеклянных бусин с черными глазками и белым фоном. По аналогии с остальными могильниками этот также отнесен к VII–VIII вв. н. э. [Рунич, 1975в. С. 67; Ковалевская, 1977*. С. 28].

735. Скальный могильник Эшкаконский 1 (Эшкаконский 20 по В. Б. Ковалевской). Выявлен в левой боковой балке р. Эшкакон в 10 км к юго-западу от Рим-Горы на расстоянии около 400 м к западу от русла реки. Как выяснил А. П. Рунич, все 8 захоронений были ограблены. По устройству они аналогичны другим скальным погребениям в долине р. Эшкакон – небольшие углубления, вырубленные в карнизе, с трех сторон огораживала сухая кладка, а щели между камнями были замазаны красной глиной. Среди инвентаря, обнаруженного в погребениях и рядом с ними, найдены обрывки тканей, в том числе шелковых, а также украшения, предметы одежды, керамические и деревянные сосуды, датируемые VII–VIII вв. н. э. [Рунич, 1975в. С. 66, 67; Ковалевская, 1977*. С. 28].

736. Скальный могильник Эшкаконский 6 (Эшкаконский 22 по В. Б. Ковалевской). Найден западнее Эшкаконских 1–5 в верхнем ярусе скал левого берега р. Эшкакон. Скальный навес над карнизом, где выявлены погребения, частично разрушен, а остатки его грозили обвалиться, поэтому из 22 захоронений А. П. Руничу удалось расчистить лишь 2. Могилы по конструкции целиком аналогичны описанным выше. Обнаружены погребение женщины с украшениями и ограбленная могила, в которой кроме человеческих костей, остатков ткани, кожи и железного ножа ничего не найдено. Могильник относится к эпохе раннего средневековья и датируется VII–VIII вв. н. э. [Рунич, 1975в. С. 72, 73; Ковалевская, 1977*. С. 28].

737. Скальный могильник Эшкаконский 24. Расположен на правом берегу р. Эшкакон в верхнем ярусе скальных выходов. Упоминается в отчете В. Б. Ковалевской [1977*. С. 28]. Относится к раннесредневековому периоду (VII–IX вв. н. э.).

738. Скальный могильник Эшкаконский 11. Скальные захоронения в первом и втором ярусах выходов известняков правого берега Гришкиной балки известны по находкам металлических

украшений VIII–IX вв., переданным Тамбиевым в Черкесский краеведческий музей, и по свидетельствам местных жителей, сообщивших о них В. Б. Ковалевской в 1977 г. [Ковалевская, 1977*. С. 26, 27].

739. Скальный могильник Рим-Гора 3. Могильник находится выше лестниц, ведущих на городище Рим-Гора (№ 300, 721), в обнаженных выступах песчаника рядом с остатками древних дорог. Осматривался Н. Е. Макаренко в 1907 г., позднее – А. П. Руничем. Одна из камер, расположенная у южной лестницы, имеет вид прямоугольника и потолок в виде двускатной крыши. На северной стенке камеры Н. Е. Макаренко обнаружил высеченные знаки в виде трех крестов. В 1970 г. А. П. Рунич писал, что из 6 имевшихся здесь камер, доступных для осмотра, остались только 3, причем в одной из них, которую описал Н. Е. Макаренко, крестов и знаков уже не было. А. П. Рунич посредством шурфовки установил, что дно всех этих пещер находится на 30–70 см ниже уровня скалы. У дна – обломки керамики и разбитые кости животных (в основном баранов, реже свиней и крупного рогатого скота). По мнению А. П. Рунича, камеры были своеобразными караульными помещениями, служившими страже укрытием во время ненастной и холодной погоды. Об этом свидетельствует также их расположение у ворот при входе в крепость, где должна была находиться стража, но никак не могильные или иные сооружения. Однако не исключено, что для этой цели использовались погребальные камеры. Памятник относится к X–XII вв., как и весь основной комплекс на Рим-Горе [Макаренко, 1911. С. 121–125; Рунич, 1970. С. 208, 209; Афанасьев, 2001*].

740. Скальный могильник Учкеекский 1. Находится поблизости от могильника Джагинский 1 (№ 650). Обнаружен Н. Н. Михайловым и А. П. Руничем в 1959 г. на восточной окраине районного центра Малокарачаевского района п. Учкеек в месте впадения в р. Эшкакон ее первого нижнего притока. Все 10 сохранившихся здесь камер выдолблены в отвесном обнажении песчаника и расположены на высоте 1,5–2 м от наносов, отложившихся у подножия скалы. Они находились на территории усадеб жителей и использовались ими как курятники и для иных хозяйственных целей. Вследствие этого входы в них местами расширены, а некоторые камеры соединены между собой. Никаких следов от захоронений и инвентаря здесь не сохранилось, поэтому раннесредневековая атрибуция их (в рамках VII–IX вв.) несколько условна [Рунич, 1959*. С. 28; 1971б. С. 170; Ковалевская, 1977*. С. 28].

741. Грунтовый могильник Учкеекский 2. Рядом со скальным могильником Учкеекский 1 (см. выше) у дороги и на склонах балки А. П. Рунич в 1959 г. обнаружил грунтовые захоронения позднеаланского времени (X–XII вв.) [Рунич, 1959*. С. 28; Ковалевская, 1977*. С. 28].

742. Поселение Эшкаконское 1. Расположено на первой надпойменной террасе у дороги, ведущей на плотину по правому берегу р. Эшкакон. Памятник исследовала В. Б. Ковалевская в 1977 г., когда геологической партией при рытье шурфа (2×2 м) в погребенной почве на глубине 2 м были обнаружены фрагменты керамики VIII–IX вв. н. э. Зачистка геологами обнажений на холме конуса выноса позволила обнаружить слой погребенной почвы на глубине 3–6 м от современной дневной поверхности холма [Ковалевская, 1977*. С. 2, 3].

743, 744. Поселение Уллубаганалы 2 (Эшкаконское 2). Поселение эпохи бронзы – раннего железа и средневековья (1-я половина I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) – обнаружено в 1977 г. В. Б. Ковалевской на мысу при слиянии руч. Уллубаганалы с правым берегом р. Эшкакон, в пределах Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. Исследовалось в 1978–1979 гг. В. Б. Ковалевской и В. И. Козенковой. Раскопанная площадь составляет более 700 м². Общая мощность культурного слоя 0,3–1,5 м, нижняя его часть относится к X–VIII вв. до н. э., верхняя – к середине VII – 1-й половине VI в. до н. э. На поселении открыты остатки больших (40 х 80 м) наземных домов, сложенных из булыжника [Ковалевская, 1977*. С. 3–20; 1978*–1979*; 1978. С. 122, 123; 1983б; 1984б. С. 31; Ковалевская, Козенкова, 1979а. С. 25; 1979б. С. 128, 129; Терехова, 1983. С. 110–128; Козенкова, 1989. № 71, 72. С. 33].

745, 746. Поселение Эшкаконское 3. Обнаружено В. Б. Ковалевской в 1977 г. в обнажениях и шурфах вдоль дороги по правому берегу руч. Уллубаганалы на первой надпойменной террасе правого берега р. Эшкакон. Поселение эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). Культурный слой мощностью 0,3–0,4 м представляет собой бурый суглинистый грунт, слабо насыщенный керамикой и костями. Некоторые фрагменты мисок датируются сарматским периодом (I в. до н. э. – III в. н. э.). Площадь поселения не менее 1800 м², оно занимает крутой склон к скальным выходам, где обнаружена каменная кладка архаического типа [Ковалевская, 1977*. С. 21].

747. Грунтовый могильник Эшкаконский 4. Занимал высокую надпойменную террасу р. Эшкакон к северу и западу от поселения Эшкаконское 3 (см. выше). Могильник выявлен при строительстве производственных помещений водовода; материалы переданы в Пятигорский музей краеведения. Памятник обследован В. Б. Ковалевской в 1977 г. Представлен погребениями в каменных ящиках или в грунтовых могилах, перекрытых плитой, по инвентарю датирующимися VII–VI вв. до н. э. и относящимися к кобанской культуре [Ковалевская, 1977*. С. 21, 22].

748. Поселение Эшкаконское 5. Поселение раннесредневекового времени (I тыс. н. э.) занимает первую надпойменную террасу правого берега р. Эшкакон, возможно доходя до правого берега руч. Уллубаганалы и смыкаясь с поселением Эшкаконское 3 или частично перекрывая его. В 1977 г. В. Б. Ковалевской в ряде шурфов на поселении 3, наряду с ранней керамикой, обнаружены немногочисленные фрагменты керамики средневекового времени. Культурный слой представлен черным гумусированным грунтом мощностью 0,3–0,6 м с отдельными фрагментами керамики и костями. Длина поселения вдоль дороги – до 250 м, ширина – около 80 м [Ковалевская, 1977*. С. 22].

749. Грунтовый могильник Эшкаконский 6. Занимает холм второй надпойменной террасы площадью 20×40 м. Состоит из каменно-земляных курганов высотой 0,5–0,8 при диаметре 5–6 м и грунтовых погребений с каменными двойными оградками (примерно 30–50 погребений). Исследовался в 1977 г. В. Б. Ковалевской, которой был заложен раскоп размерами 4×4,85 м, ориентированный по сторонам горизонта. В раскопе обнаружены два грунтовых погребения с каменными выкладками, совершенные по мусульманскому обряду, неопределенной датировки [Ковалевская, 1977*. С. 22–25].

750. Курганная группа Эшкаконская 6. Позднесредневековый могильник, состоящий из каменно-земляных курганов высотой 0,5–0,8 м при диаметре 5–6 м и грунтовых погребений с каменными двойными оградками (30–50 погребений), исследовался в 1977 г. В. Б. Ковалевской. Курганы не раскапывались, однако наиболее вероятно их отнесение к эпохе позднего средневековья (XV–XVII вв.) [Ковалевская, 1977*. С. 22–25].

751. Курганная группа Эшкаконская 7. Расположена на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия на левом берегу р. Эшкакон. Могильник из невысоких (0,5–1 м) каменно-земляных курганов диаметром 5–10 м зафиксирован в 1977 г. В. Б. Ковалевской. Обнаружены как минимум пять курганов, через которые проходит дорога к ОТФ. Помимо них вдоль дороги от п. Учкекен располагаются одиночные курганы или курганные могильники. Судя по их высоте (1–2 м) и диаметру (до 8–10 м), это курганы эпохи бронзы (конец III – середина II тыс. до н. э.) [Ковалевская, 1977*. С. 25, 26].

752. Грунтовый могильник Эшкаконский (Эшкаконский 8 по В. Б. Ковалевской). Строительными работами 1953 г. у моста на левом берегу р. Эшкакон затронут могильник из каменных ящиков, относящийся к кобанской культуре и датирующийся XII–VIII вв. до н. э. Исследован Н. М. Егоровым и М. И. Рыбенко. Могильник состоял из простых грунтовых могил и ящиков, сложенных из булыжника. Покойники погребены по обряду частичной кремации вместе с вещами. Среди сопровождающих предметов – личные украшения, орудия труда и 7 сосудов. В 1958 г. М. И. Рыбенко была исследована где-то поблизости еще одна такая же «большая коллективная могила» с погребальным инвентарем. В окрестностях могильника, в 20–25 м севернее руч. Уллубага-

налы, найдены в кювете бронзовые чекан и привеска с головкой лошади (1955 г.); отсюда же происходит бронзовый наконечник копья с длинной раскрытой втулкой и малым пером. В 1977 г. повторный осмотр памятника совершила В. Б. Ковалевская [Иессен. Папка 16*; Егоров, 1953*; Крупнов, 1960. С. 180, 181; Ковалевская, 1977*. С. 26; Козенкова, 1989. № 70. С. 33].

753. Поселение Эшкаконское 13. Находится на верхней куэсте правого берега р. Эшкакон над устьем руч. Уллубаганалы. Памятник, обследованный в 1977 г. В. Б. Ковалевской, состоит из нескольких десятков беспорядочно расположенных каменных зданий размерами 6–8×8–10 м², сохранившихся на высоту до 1–1,2 м. Керамический материал и аналогии в строительной технике жилых сооружений укрепления Указатель (№ 273) позволяют датировать поселение началом II тыс. н. э. и атрибутировать его в качестве аланского [Ковалевская, 1977*. С. 27].

754. Укрепление Эшкаконское 10. Обнаружено в 1977 г. В. Б. Ковалевской. Находится на правом берегу р. Эшкакон над поселением Эшкаконское 3 (см. выше), которое занимает крутой склон, завершающийся скальными выходами. Последние представляют собой удобный естественно укрепленный сторожевой пункт. Памятник занимает небольшую задернованную площадку (5×10 м), дополнительно укрепленную по периметру архаического вида каменной подпорной стенкой из 2–3 рядов грубо оббитых камней, положенных насухо. Наиболее вероятно отнесение его к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1977*. С. 26].

755. Поселение Эшкаконское 12. Расположено на правом берегу р. Эшкакон на верхнем плато горы Шапка. В двух пунктах – в 750 и 1200 м от вершины горы – В. Б. Ковалевская в 1977 г. обнаружила остатки отдельно расположенных каменных строений размерами 8×10 м, с мощными стенами с закругленными внешними углами, высота которых местами достигает 2 м. Керамический материал позволяет датировать строения концом I тыс. н. э. – началом II тыс. н. э. (позднеаланская культура) [Ковалевская, 1977*. С. 27].

756. Поселение Эшкаконское 14. Памятник находится на правом берегу р. Эшкакон на верхней куэсте в истоках руч. Уллубаганалы, в 1 км к западу от дороги на п. Бермамыт. Найденные здесь В. Б. Ковалевской в 1977 г. загоны для скота представляют собой каменные стенки размерами 20×40 и 30×60 м с отдельно расположенными жилыми каменными помещениями. В. Б. Ковалевская отнесла эти загоны к эпохе раннего средневековья, однако по аналогии с обнаруженными в других долинах Кисловодской котловины подобными сооружениями мы склонны считать их так называемыми ацангуарами и датировать эпохой позднего средневековья – новым временем (скорее всего, XVIII–XIX вв.) [Ковалевская, 1977*. С. 27].

757. Укрепление Первомайское 1. Серия памятников в районе Рим-Горы (в пределах Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия) обследована Г. Е. Афанасьевым в 2001 г. Укрепление Первомайское 1 находится на правом берегу р. Подкумок на расстоянии 5,2 км к западу-юго-западу от Рим-Горы в с. Первомайское. Занимает вершину столообразной горы – останца из песчаника, имеющего со всех сторон неприступные обрывы. Внизу, у подошвы горы с южной стороны, сохранились следы раскопа в виде длинной траншеи. Вероятно, это раскоп Х. Х. Биджиева. Памятник относится к эпохе раннего средневековья и датируется в рамках I тыс. н. э. [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 69].

758. Укрепление Первомайское 2. Укрепление находится на расстоянии 2,2 км к западу от Первомайского 1 (см. выше). Расположено на правом берегу р. Подкумок у с. Первомайское. Занимает высокий холм без обрывов, но с очень крутыми склонами. Вершину прорезают два рва глубиной около 4 м, выбросы образуют два вала. Оба имеют следы грабительских раскопов. К юго-западу от этого памятника прослеживается ров, отделяющий от основной возвышенности участок более пологого склона, который мог использоваться в качестве террасы.

Культурная принадлежность укрепления – аланская (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 69].

759. Укрепление Первомайское 3. Расположено в 1,8 км к западу от укрепления Первомайское 1 (см. выше) на правом берегу р. Подкумок у с. Первомайское. Это высокая возвышенность с эскарпом. В центральной части сохранились следы каменной башни. С западного склона прослеживается древняя дорога, под углом 40–45° поднимающаяся из поймы Подкумка. Перешеек, соединяющий укрепление с напольной стороной, прорезан рвом. Укрепление относится к аланскому периоду (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 69].

760. Укрепление Первомайское 4. Находится в 1,4 км к западу от укрепления Первомайское 1 (см. выше). Расположено на вершине правого берега р. Подкумок близ с. Первомайское. Сохранились остатки башни аланского времени (I тыс. н. э.). С восточной стороны к башне примыкают сельскохозяйственные террасы шириной около 10 м [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 70].

761. Укрепление Левобережное Эшкаконское 1. Описываемые ниже памятники, находящиеся в долине р. Эшкакон на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия, открыты Первым Кисловодским отрядом в 2001 г. (руководитель Г. Е. Афанасьев). Укрепление находится на расстоянии 6,3 км к западу–юго-западу от городища Рим-Гора (№ 300, 721) и на расстоянии 1,6 км к юго-западу от укрепления Первомайское 1 (№ 757). Расположено на мысу правого берега балки, которая с левой стороны впадает в долину р. Эшкакон. Явных следов оборонительных сооружений не видно, но склоны мыса довольно крутые и, возможно, были эскарпированы. Узкий перешеек соединяет мыс с напольной стороной. К югу от него – возвышенность с сельскохозяйственными террасами шириной 10–15 м, покрывающими северо-западный склон. Наиболее вероятно аланская атрибуция памятника (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*].

762. Укрепление Левобережное Эшкаконское 3. Расположено на расстоянии 3,5 км к юго-западу от укрепления Левобережное Эшкаконское 2 (№ 724). Занимает мыс левого берега р. Эшкакон и правого берега балки, впадающей слева в его долину. Внизу расположена МТФ. Хорошо прослеживаются остатки древних дорог двух направлений, ведущих от Центрального Эшкаконского укрепления (№ 765) и с напольной стороны левого берега Эшкакона. На мысу сохранились остатки каменного вала-стены высотой 5–6 м. В центральной его части – грабительская яма. На высоте к югу от укрепления – следы сельскохозяйственных террас. Памятник относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*].

763. Укрепление Правобережное Эшкаконское 1. Находится в 1,1 км к западу от укрепления Теплушкинское 1 (№ 766) и в 2,2 км к северо-западу от Ниязбековского укрепления (№ 727). Расположено на мысу, ограниченном маленькой балкой и покатостью общего склона правого берега р. Эшкакон. Хорошо прослеживаются остатки крепостной стены, отделяющей мыс с напольной стороны. Склоны высоты, расположенной к востоку от памятника, носят следы террасного земледелия. Укрепление относится к раннему средневековью (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*].

764. Укрепление Правобережное Эшкаконское 2. Расположено в 2,1 км к югу от укрепления Правобережное Эшкаконское 1 (см. выше) и в 1,2 км к западу от Ниязбековского укрепления (№ 727) на правом берегу балки, впадающей справа в р. Эшкакон. Здесь прослеживаются остатки каменного вала аланской эпохи (I тыс. н. э.), а по южному склону высоты к северу от памятника – следы террасного земледелия. У подошвы этой высоты располагается курганный могильник Правобережный Эшкаконский 1 (№ 804) [Афанасьев, 2001*].

765. Укрепление Центральное Эшкаконское. Находится в 3,2 км к юго-западу от Ниязбековского укрепления (№ 727), в 6,2 км к югу от укрепления Первомайское 1 (№ 757) и в 9,7 км к западу от укрепления Указатель (№ 273). Расположено в долине на второй надпойменной террасе на останце, имеющем со всех сторон неприступные склоны. С северной стороны к останцу спускается древняя дорога, вырубленная в склоне правого берега Эшкакона; в точке примыкания (в северной части останца) она образует подобие воротного проема. Визуально прослеживается и вторая дорога, которая ведет на юг от укрепления, на правый берег Эшкакона. Обе дороги прослеживаются приблизи-

тельно на 800 м. Внизу, перед воротным проемом укрепления, видны следы курганного могильника Центрального Эшкаконского (№ 805). В южной части плато расположена каменная возвышенность – остатки башни. Грабители разбили раскоп в центральной ее части; в нем хорошо прослеживаются крупные блоки основания башни. Памятник относится к раннесредневековому периоду и может датироваться в рамках I тыс. н. э. [Афанасьев, 2001*].

766. Укрепление Теплушкинское 1. Несколько новых укреплений обнаружено в 2001 г. Г. Е. Афанасьевым в долине р. Теплушки – правого притока р. Эшкакон, у юго-восточной окраины п. Учккен – районного центра Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. Укрепление находится на левом берегу р. Большая Теплушка в месте ее слияния с р. Малая Теплушка на расстоянии 1,8 км к северу от Ниязбековского укрепления (№ 727). По микрорельефу хорошо читается крепостная стена с воротным проемом; в центральной части – каменное сооружение высотой 2–3 м (вероятно, башня) со следами грабительского раскопа. В нем видны остатки крупных блоков. Наиболее вероятна аланская атрибуция памятника (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 70].

767. Укрепление Теплушкинское 2. Расположено напротив предыдущего укрепления на правом берегу р. Теплушки в 2 км к северу от Ниязбековского укрепления (№ 727) на мысу в месте слияния двух балок. С напольной стороны укрепление защищает глубокий ров. Образовавшийся останец (высотой 8 м) со всех сторон защищен отвесными скалами. С правой и левой сторон на нижней площадке расположены две крепостные стены, идущие от края обрыва к останцу. Укрепление относится к аланской эпохе (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 70, 71].

768. Укрепление Теплушкинское 3. Находится на левом берегу р. Малая Теплушка на небольшом мысу на расстоянии 1,8 км к северу от Ниязбековского укрепления (№ 727). На вершине мыса прослеживается кладка из блоков. Общие размеры сооружения – 8×8 м, толщина отдельных блоков – около 1 м. Вероятно, это остатки башни эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 71].

769. Скальный могильник Ниязбековский 1. Могильник отчетливо прослеживается в 100 м вниз по течению р. Большая Теплушка от Ниязбековского укрепления (№ 727) на правом берегу реки. Хорошо видны несколько вырубленных в скале погребальных пещерок. Аналогичные памятники в этом регионе датируются VII–IX вв. н. э. [Афанасьев, 2001*].

770. Скальный могильник Ниязбековский 2. Расположен на противоположном от Ниязбековского укрепления (№ 727) берегу и растянулся на 200 м вниз по течению р. Большая Теплушка вдоль ее левого берега. Прослеживаются специально вырубленные погребальные пещерки и удобные скальные карнизы, которые могли использоваться для погребения. Подобные могильники относятся к раннему средневековью и обычно датируются VII–IX вв. н. э. [Афанасьев, 2001*].

771. Теплушкинский канал. На правом берегу р. Эшкакон прослеживается канал шириной 30 м, глубиной 5–6 м. Совершенно нет выбросов земли, отвалов рва, земля хорошо спланирована. Канал берет начало почти на водоразделе, в месте скопления родников, и идет на 800 м вниз, с юга на север, а затем поворачивает почти под прямым углом на восток и продолжается на расстоянии еще 200 м. Вероятно, это сооружение относится к периоду раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*].

772. Водосбор Верхнетеплушкинский 1. Расположен на водоразделе рек Теплушка и Аликовка. Находится в 3,1 км к востоку от укрепления Центральное Эшкаконское (№ 765) и в 6,6 км к западу от укрепления Указатель (№ 273). Прослеживаются два параллельных рва глубиной 4 и шириной 20 м. Они отсекают оконечность мыса, но не образуют площадки, которая была бы достаточно защищена для устройства здесь укрепления. Скорее всего, относится к эпохе раннего средневековья и датируется в рамках I тыс. н. э. [Афанасьев, 2001*].

773. Водосбор Верхнетеплушкинский 2. Расположен на расстоянии менее 0,5 км к востоку–юго-востоку от предыдущего на вершине соседнего холма. Представляет собой зачистку оконечности маленького мыса шириной 30 и глубиной 20 м. Никаких следов эскарпирования склонов нет. Вероятно, относится к раннесредневековому времени (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*].

774. Укрепление Напротив Катыхинской Балки 2. Несколько памятников открыто Г. Е. Афанасьевым в 2001 г. в долине р. Аликоновка в балках Медовая (Эчкиваши), Конхуторская и напротив Катыхинской на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. Описываемое укрепление расположено на левом берегу р. Аликоновка напротив правого ее притока – Катыхинской балки. Здесь прослеживаются остатки башни, несколько блоков которой видны на поверхности. Культурная принадлежность памятника – аланская (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

775. Укрепление Зуретинское. Памятник расположен на мысу левого берега р. Аликоновка. Находится на расстоянии 0,6 км к западу от предыдущего. По микрорельефу прослеживаются остатки стены и построек эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.). Склоны высокого левого берега долины имеют следы земледельческих террас [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 72].

776. Укрепление Медовое Правобережное 1. Находится на правом берегу Медовой балки (Эчкиваши), правого притока р. Аликоновка, и на правом берегу оврага, впадающего справа в Медовую балку. Здесь хорошо прослеживаются остатки идущей параллельно склону оврага оборонительной каменной стены (?), к которой примыкают помещения. К югу от них, на высотах водораздела между Медовой и Конхуторской балками, прослеживаются четыре параллельных ряда сельскохозяйственных террас, скорее всего, аланского времени (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 73].

777. Укрепление Медовое Правобережное 2. Расположено на правом берегу Медовой балки, правого притока р. Аликоновка, на небольшом мысу. Хорошо прослеживаются остатки прямоугольной башни размерами 4,7×2,6 м. Толщина блоков основания башни 0,25 м. Сразу за башней, на плоскогорье первой террасы Медовой балки, прослеживаются земледельческие террасы. Кроме того, шесть рядов земледельческих террас прослеживаются по склону водораздела между балками Медовая и Конхуторская. Укрепление относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 73].

778. Укрепление Медовое Правобережное 3. Обнаружено на правом берегу Медовой балки – правого притока р. Аликоновка. Прослеживаются остатки каменных строений, в совокупности формирующих, возможно, укрепление. На плоскогорье, примыкающем к укреплению, видны следы земледельческих террас. Такие же террасы прослеживаются и на склонах водораздела между балками Медовая и Конхуторская. Культурная принадлежность памятника – аланская (середина I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 73].

779. Укрепление Конхуторское Правобережное 1. Расположено на мысу, образованном правым берегом Конхуторской балки и правым берегом р. Аликоновка и находящемся прямо напротив укрепления Конхуторское 1 (№ 312, 313). Мыс с напольной стороны отделен эскарпом и укреплен башней, остатки которой прослеживаются по микрорельефу. К югу от укрепления северные склоны водораздела между Конхуторской и Катыхинской балками покрыты средневековыми земледельческими террасами. Здесь же хорошо прослеживается эскарп склона, вертикальная зачистка для выхода родников. Укрепление относится к эпохе раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 73].

780. Укрепление Конхуторское Правобережное 2. Находится на правом берегу Конхуторской балки и на правом берегу впадающего в нее оврага. Здесь по микрорельефу прослеживается группа каменных построек, вытянутых вдоль оврага. Центральной фигурой комплекса является вытянутая вдоль оврага каменная стена, от которой отходят стены, образующие отдельные помещения, вероят-

но, раннесредневекового времени (I тыс. н. э.). Склон водораздела между Конхуторской и Катыхинской балками, обращенный в сторону описываемого памятника, покрыт земледельческими террасами [Афанасьев, 2001*; Афанасьев и др., 2002. С. 73].

781, 782. Поселение Первомайское 1. Поселение сопровождается одноименное укрепление (№ 757), обследованное Г. Е. Афанасьевым в 2001 г. Найден подъемный материал кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) эпох [Афанасьев, 2001*].

783, 784. Поселение Первомайское 2. Сопровождает одноименное укрепление (№ 758). Судя по найденной здесь керамике, относится к кобанской (1-я половина I тыс. до н. э.) и аланской (I тыс. н. э.) культурам [Афанасьев, 2001*].

785. Поселение Первомайское 3. Обследованное в 2001 г. Г. Е. Афанасьевым поселение находится рядом с одноименным укреплением (№ 759). Найден подъемный материал эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*].

786. Поселение Первомайское 4. Сопровождает одноименное укрепление (№ 760), возле которого Г. Е. Афанасьев в 2001 г. нашел подъемный материал – керамику аланского времени (I тыс. н. э.) [Афанасьев, 2001*].

787, 788. Поселение Левоберезовское 11. Два обширных поселения, расположенных на территории Предгорного района Ставропольского края на левом берегу р. Березовая, найдены в процессе работ Второго Кисловодского отряда в 2001 г. (руководитель Д. С. Коробов). Поселение Левоберезовское 11 занимает обширный мыс на левом берегу р. Березовая слева от дороги из Кисловодска в п. Элькуш за территорией военной части возле дачных поселков. Мыс размерами 240×220 м, ориентированный длинной стороной по линии северо-восток–юго-запад, ограничен с юго-западной и северо-восточной сторон балками, впадающими в р. Березовая. На территории размерами 210 (северо-восток–юго-запад) × 150 м (северо-восток–юго-запад), практически по всей площади мыса, собран подъемный материал – фрагменты сосудов кобанской культуры (1-я половина I тыс. до н. э.) и эпохи раннего средневековья (I тыс. н. э.) [Коробов, 2001*. № 589; 2003а. С. 278, 279].

789, 790. Поселение Левоберезовское 12. Занимает следующий к юго-западу от поселения Левоберезовское 11 (см. выше) и отделенный от него небольшой балкой мыс. С северо-западной стороны мыса проходит шоссейная дорога Кисловодск – п. Элькуш. Плоский мыс размерами 180×220 м вытянут по линии юго-юго-запад–северо-северо-восток. Поверхность его занята под огороды. Юго-западный край мыса поврежден старой каменоломней. С юго-западной стороны его расположена небольшая балка, отделяющая мыс от следующего вверх по течению реки мыса. Подъемный материал собран на северо-востоке мыса на площади примерно 100×130 м возле его края. Встречаются стенки и венчики сосудов кобанской и аланской культур (1-я половина I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.) [Коробов, 2001*. № 590; 2003а. С. 278, 279].

791. Поселение Глухая Балка 2. Обнаружено Д. С. Коробовым во время прогулки по курортному парку г. Кисловодска в апреле 2002 г. и зафиксировано в октябре того же года во время работ Кисловодского отряда ИА РАН. В обнажениях на северном склоне скального останца, занимаемого укреплением Глухая Балка 1 (№ 309), вдоль туристической тропы найден подъемный материал. Он начинается на тропинке под лестницей, ведущей на укрепление Глухая Балка 1 (как один из пунктов туристического маршрута), и продолжается на расстоянии по прямой не менее 211 м до небольшой балки, впадающей в ручей, который, в свою очередь, впадает с правой стороны в р. Ольховку. По обнажениям на склоне (следствию прокладки тропинки туристического маршрута) и интенсивности распространения подъемного материала предположительно можно выделить три участка культурного слоя. Собранный материал – фрагменты керамики – относится к эпохе раннего средневековья и датируется, видимо, V–VII вв. н. э. [Коробов, 2003б. С. 248-249; 2002*. № 591].

792. Скальный могильник Мосейкин Мыс 1. Обнаружен в 2002 г. Д. С. Коробовым при осмотре скальных гротов и ниш, расположенных на правом берегу р. Березовая и правом берегу впа-

дающего в нее безымянного ручья, практически под укреплением Мосейкин Мыс 2 (№ 419, 420). Здесь был найден небольшой скальный навес, под которым располагались остатки захоронения, обложенного каменными плитами. Погребение было ограблено в древности; обнаружены кости двух индивидов (мужчины и женщины), а также две серьги и фрагменты деревянных предметов. По аналогиям найденным предметам, данное захоронение датируется VIII в. н. э. [Коробов, 2003б. С. 248-249; 2002*. № 592; 2004а].

793. Грунтовый могильник Элькуш. Широко известный могильник кобанской культуры (VIII–IV вв. до н. э.) был исследован Северокавказской экспедиции Государственного Музея искусства народов Востока (руководитель М. Н. Погребова) в окрестностях п. Элькуш. Вскрыто девять почти квадратных каменных ящиков, ориентированных с севера на юг. Скелеты лежали в скорченном положении. Найденные здесь вещи – керамика, обломки бронзовых украшений, бронзовый ножичек – относятся к началу I тыс. до н. э. В настоящее время точное местоположение могильника не устанавливается [Погребова, 1970. С. 107–110; Козенкова, 1989. № 105. С. 40].

794. Укрепление Левоберезовское 1. Находится на окраине Кисловодска за домом 175 по ул. Катыхина. Памятник занимает скальный мыс, возвышающийся над рекой. На нем располагаются остатки каменной башни, частично разрушенной при строительстве опоры ЛЭП; на поверхности также видны задернованные стены двух каменных построек. Первые сведения об укреплении были получены кисловодскими краеведами в 1960-х гг. В 1976 г. памятник осматривала В. Б. Ковалевская. В 2003 г. Кисловодским отрядом ИА РАН составлено его описание и произведена инструментальная топосъемка, а также собран подъемный материал аланской культуры (середина I тыс. н. э.) [Ковалевская, 1976*. № 80. С. 28; Коробов, 2003*. № 794; в печати].

795. Поселение Левоберезовское 13. Находится на окраине Кисловодска за домом 175 по ул. Катыхина в небольшой балке, занятой огородами. Поселение расположено к юго-западу от укрепления Левоберезовское 1. При осмотре огородов в 2003 г. Кисловодским отрядом ИА РАН на небольшом участке обнаружены скопление мелких камней и подъемный материал – фрагменты лепной керамики со штампованным орнаментом. С этого же участка происходит и фрагмент сланцевого оселка. Судя по найденным керамическим фрагментам, поселение относится к эпохе средней бронзы (середина II тыс. до н. э.) [Коробов, 2003*. № 795; в печати].

796. Поселение Левоберезовское 14. Обнаружено Кисловодским отрядом ИА РАН в 2003 г. при осмотре склонов к востоку и юго-востоку от укрепления Левоберезовское 3 (№ 223) на восточной окраине п. Левоберезовский. Среди керамики, происходящей с упомянутого укрепления, найдено большое количество орнаментированных фрагментов кобанского времени (I-я половина I тыс. до н. э.) [Коробов, 2003*. № 796; в печати].

803. Грунтовый могильник Уллубаганалы 2. Находится на месте поселения Уллубаганалы (№ 743, 744). Обнаружен в 1977 г. В. Б. Ковалевской на мысу при слиянии руч. Уллубаганалы с р. Эшкакон (правый берег), в пределах Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия. При раскопках поселения в 1978–1979 гг. В. Б. Ковалевской и В. И. Козенковой были исследованы 23 погребения в каменных ящиках из плит и в прямоугольных и овальных грунтовых ямах с обкладкой булыжником, относящиеся к кобанской культуре (VIII–VI вв. до н. э.) [Ковалевская, 1977*. С. 3–20; 1978*–1979*. С. 51–73; 1978. С. 122, 123; 1983б; 1984б. С. 31; Ковалевская, Козенкова, 1979а. С. 128, 129; 1979б. С. 25; Терехова, 1983. С. 110–128; Козенкова, 1989. № 71, 72. С. 33].

804. Курганная группа Правобережная Эшкаконская 1. Обнаружена в 2001 г. Г. Е. Афанасьевым при осмотре укрепления Правобережное Эшкаконское 2 (№ 764), расположенного в Малокарачаевском районе Республики Карачаево-Черкесия. У подошвы вала укрепления заметны насыпи небольших курганчиков. Один из них – со следами грабительских раскопок.

Без археологических раскопок отнести памятник к какой-либо культуре не представляется возможным [Афанасьев, 2001*].

805. Курганная группа Центральная Эшкаконская. Находится на территории одноименного укрепления (№ 765), расположенного в долине правого берега р. Эшкакон. Памятник обнаружен Г. Е. Афанасьевым в 2001 г. Внизу, перед воротным проемом укрепления, видны следы курганного могильника. Курганчики высотой 0,5 и диаметром до 10 м неопределенной культурной принадлежности [Афанасьев, 2001*].

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П.*, 1973. Могильник у станции Подкумок близ Кисловодска // АО 1972 г.
- Абрамова М. П.*, 1975. Результаты работ на Подкумском могильнике // АО 1974 г.
- Абрамова М. П.*, 1978. Раскопки в районе г. Кисловодска // АО 1977 г.
- Абрамова М. П.*, 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. № 2.
- Абрамова М. П.*, 1986. К вопросу об этническом составе населения Центрального Предкавказья в сарматскую эпоху // XIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Орджоникидзе.
- Абрамова М. П.*, 1987. Подкумский могильник. М.
- Абрамова М. П.*, 1989а. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Абрамова М. П.*, 1989б. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время. (Археология СССР). М.
- Абрамова М. П.*, 1990. Западные районы Центрального Предкавказья во II–III вв. н. э. // КСИА. Вып. 197.
- Абрамова М. П.*, 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.
- Абрамова М. П.*, 1994. О локальных особенностях в культуре населения центральных районов Северного Кавказа в III–V вв. н. э. (по данным погребального обряда) // XVIII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Кисловодск.
- Абрамова М. П.*, 1997. Ранние аланы Северного Кавказа (III–V вв. н. э.). М.
- Акритас П. Г.*, 1955. Первобытнообщинный строй на территории Кабарды // Сб. статей по истории Кабарды. Нальчик. Вып. 4.
- Акритас П. Г.*, 1957. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Уч. зап. КБНИИ. Нальчик. Т. XI.
- Алексеева Е. П.*, 1959. Очерки истории черкесов XIV–XV вв. // Тр. КЧНИИ. (Сер. истор. Вып. III.)
- Алексеева Е. П.*, 1960. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Алексеева Е. П.*, 1963. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск. (2-е изд. – М., 1993).
- Алексеева Е. П.*, 1969. Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Алексеева Е. П.*, 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии: Вопросы этнического и социально-экономического развития. М.
- Алексеева Е. П.*, 1976. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э. – IV в. н. э.). Черкесск.

- Алексеева Е. П.*, 1988. К истории археологических обследований территории Карачаево-Черкесии (XVIII в. – 1985 г.) // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск.
- Алексеева Е. П.*, 1990. Археологические памятники Карачаево-Черкесии как исторический источник // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Алексеева Е. П.*, 1992а. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.
- Алексеева Е. П.*, 1992б. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV веках в отечественной исторической науке. Черкесск.
- Амброз А. К.*, 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель IV–VIII вв. // СА. № 4.
- Амброз А. К.*, 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.
- Андрианов Б. В.*, 1965. Дешифрование аэрофотоснимков при изучении оросительных систем // Археология и естественные науки. М.
- Антонович В. Б.*, 1895. Археологическая карта Киевской губернии // Древности. М. Т. 15.
- Анучин Д. А.*, 1884а. Доисторическая археология Кавказа // ЖМНП. Ч. 231.
- Анучин Д. Н.*, 1884б. К вопросу о составлении легенд к археологической карте России (по доисторической археологии). М.
- Аржанцева И. А., Савенко С. Н., Сычёв А. А.*, 2003. Кисловодский археологический музей под открытым небом “Горное эхо”: основы концепции. Кисловодск.
- Аржанцева И. А., Седов С. Н., Скрипникова М. И.*, 1998. Аланские поселения I-го тыс. н. э. Кисловодской котловины: палеоландшафтные реконструкции систем жизнеобеспечения // XX Юбилейные международные “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998 г.): Тез. докл. конф. Ставрополь.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981.
- Археологическая находка, 1913 // Пятигорское эхо. 25 сентября.
- Археологические разведки на Рим-Горе, 1926 // Советский Юг. № 146.
- Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг.: Указатель. М., 1962.
- Афанасьев Г. Е.*, 1970а. Бронзовые фигурки всадников Северного Кавказа // Всесоюз. конф. по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных республик РСФСР: Тез. докл. М.
- Афанасьев Г. Е.*, 1970б. О чем рассказывают древние погребения // Ставрополье. № 4.
- Афанасьев Г. Е.*, 1973а. Курганы близ Кисловодска // АО 1972 г.
- Афанасьев Г. Е.*, 1973б. На караванной тропе // Ставрополье. № 3.
- Афанасьев Г. Е.*, 1973в. Памятник аланской старины // Кавказская здравница. 2 апреля.
- Афанасьев Г. Е.*, 1974. Работы в Мокрой Балке // АО 1973 г.
- Афанасьев Г. Е.*, 1975. Поселения VI–IX вв. района Кисловодска // СА. № 4.
- Афанасьев Г. Е.*, 1976а. Дохристианские религиозные воззрения алан // СЭ. № 1.
- Афанасьев Г. Е.*, 1976б. Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа (по материалам могильника Мокрая Балка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Афанасьев Г. Е.*, 1977. Патронимия у алан (по материалам могильника Мокрая Балка) // Полевые исследования Института этнографии АН СССР в 1975 г. М.
- Афанасьев Г. Е.*, 1978. Патронимия у алан (к постановке вопроса) // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Афанасьев Г. Е.*, 1979а. К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины – Малокарачаевского района (вторая половина V – первая половина VIII в.) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Афанасьев Г. Е.*, 1979б. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. № 3.

- Афанасьев Г. Е., 1989. Археологические разведки на новостройках и пространственный анализ // КСИА. № 196.
- Афанасьев Г. Е., 1992. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтовомаяцкой культуре // Аланы и Кавказ. Владикавказ; Цхинвал. Alanica. II.
- Афанасьев Г. Е., 1993а. Донские аланы. М.
- Афанасьев Г. Е., 1993б. Перспективы применения методов аэрокосмического зондирования в археологии // КСИА. № 210.
- Афанасьев Г. Е., 2002а. Новые результаты применения ГИС- и ДЗ-технологий в изучении археологических памятников Кисловодской котловины // XXII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Кисловодск.
- Афанасьев Г. Е., 2002б. Разведки в Кисловодской котловине // АО 2001 г.
- Афанасьев Г. Е., Биджиев Х. Х., Воронов Ю. Н., Ковалевская В. Б., Ситников Л. Н., Ситникова Л. Л., 1974. Работы отряда Северокавказской экспедиции // АО 1973 г.
- Афанасьев Г. Е., Зотько М. Р., Коробов Д. С., 1999. Первые шаги “космической археологии” в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. № 2.
- Афанасьев Г. Е., Кислов А. В., Чернышев А. В., 2002. К проблеме террасного земледелия на Северном Кавказе (новые методические подходы) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 1–2.
- Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И., 1981. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. № 2.
- Афанасьев Г. Е., Михайлов Н. Н., 1972. Курган у совхоза “Тепличный” // АО 1971 г.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 1970. Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ Кисловодска // СА. № 4.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.
- Багалец Д. И., 1905. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Труды XIV Археологического съезда. М.
- Байерн Ф. С., 1871. О древних сооружениях на Кавказе // Сб. сведений о Кавказе. Тифлис. Т. 1.
- Барцева Т. Б., 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.
- Баталин Ф. А., 1861. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. СПб.
- Белинский А. Б., 1990. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе // СА. № 4.
- Белинский А. Б., 1994. Склеповые сооружения раннежелезного века Ставропольской возвышенности и Кисловодской котловины и проблема их культурной принадлежности // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск.
- Белинский А. Б., Харке Г., 1998. Новые исследования на могильнике Клинь-Яр близ г. Кисловодска // XX Юбилейные международные “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998 г.): Тез. докл. конф. Ставрополь.
- Белоконь В. В., 1999. Григорий Николаевич Прозрителев (к 150-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 год. Ставрополь.
- Березин Я. Б., 1979. Разведки к югу от Кисловодска // АО 1978 г.
- Березин Я. Б., 1983. Работы в Предгорном районе Ставропольского края // АО 1981 г.
- Березин Я. Б., 1986. Историография изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья (40–80-е гг.) // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Березин Я. Б., 1999. Обобщающие работы кавминводских краеведов по археологии Пятигорья // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа: Матер. археолого-этнографической, историко-краеведческой конф. “II Минаевские чтения”. Ставрополь.

- Березин Я. Б., Виноградов В. Б.*, 1998. Центральное Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов.
- Березин Я. Б., Дударев С. Л.*, 1998. Могильник “Лермонтовская скала (у реки)” – памятник раннежелезного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1: Археология. Ставрополь.
- Березин Я. Б., Савенко С. Н.*, 1996. Андрей Петрович Рунич. Кисловодск; Армавир.
- Березин Я. Б., Хашегульгов Б. М.*, 1988. Курганы эпохи бронзы в районе Кисловодска // МИСК. Вып. 15–16.
- Берже А. П.*, 1881. Записка об археологии Кавказа // Труды II Археологического съезда. СПб. Вып. I. Отд. IV.
- Берлизов В. Е.*, 1990. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э. – III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Биджиев Х. Х.*, 1982. Некоторые итоги исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Биджиев Х. Х.*, 1984. Работы в Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае // АО 1982 г.
- Биджиев Х. Х.*, 1993. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск.
- Биджиев Х. Х., Гадло А. В.*, 1975. Исследование в Карачаево-Черкесской автономной области // АО 1974 г.
- Биджиев Х. Х., Козенкова В. И.*, 1980. Предметы кобанской культуры из с. Терезе (Карачаево-Черкесия) // СА. № 3.
- Бобин В. В.*, 1957. Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу // История и археология древнего Крыма. Киев.
- Бобин В. В.*, 1958. Могильник и поселение VII–VI веков до нашей эры на Барановской и Крестовой горах в г. Кисловодске // Тр. Крымского мед. ин-та им. И. В. Сталина. Кафедра нормальной анатомии. Симферополь. Т. XIX.
- Болховская Н. С., Горлов Ю. В., Кайтамба М. Д., Мюллер К., Поротов А. В., Парунин О. Б., Фураш Э.*, 2002. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск.
- Бронзовый шлем с надписями, найденный в 1950 году на дне реки Подкумок // Эпиграфика Востока. М.; Л., 1952. № 6.
- Бруяко И. В., Назарова Н. П., Петренко В. Г.*, 1991. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев.
- Будем изучать свой край: Пятигорский краеведческий музей – преподавателям школ, комсомольцам и пионерам, юным путешественникам // Советская здравница. № 93 (3182). 11 мая 1959 г.
- Вальчак С. Б.*, 1997. Предскифские колесницы и “Новочеркасские клады” (некоторые дополнения к проблеме) // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. (МИАР. Вып. 1.)
- Вальчак С. Б., Эрлих В. Р.*, 1993. Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // Вторая кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар.
- Винников А. З.*, 1998. Донские славяне и Хазарский каганат // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб.
- Виноградов В. В.*, 1956. О выборе времени для аэрофотосъемок в пустынных ландшафтах юга Средней Азии // Тр. Лаборатории аэрометодов. М.; Л. Т. V.
- Виноградов В. В.*, 1971. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром // Проблемы скифской археологии. М.

- Виноградов В. Б.*, 1972а. К выделению предкавказского варианта в скифо-сибирском “зверином” стиле // III Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии: Тез. докл. М.
- Виноградов В. Б.*, 1972б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Грозный.
- Виноградов В. Б.*, 1973. Кинжалы с “крестовидной рукоятью” на Северном Кавказе // III “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. и сообщ. конф. Грозный.
- Виноградов В. Б.*, 1976. Проблема локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе исследования (историографический обзор) // Изв. СКНЦВШ. № 4. (Сер. обществ. наук.)
- Виноградов В. Б.*, 1980а. Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный. Вып. 2.
- Виноградов В. Б.*, 1980б. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Виноградов В. Б., Березин Я. Б., Савенко С. Н.*, 1983. О чем рассказывают монеты // Ставрополь. № 4.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л.*, 1983а. К хронологии раннего этапа скифо-кавказских взаимоотношений // Изв. ЮОНИИ АН ГССР. Цхинвали. Вып. XXVI.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л.*, 1983б. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья // АСГЭ. № 23.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л.*, 1983в. О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н. э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.*, 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.
- Виноградов В. Б., Михайлов Н. Н.*, 1970. Новые памятники скифо-сарматского времени в районе г. - Кисловодска // АО 1969 г.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П.*, 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. 3.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.*, 1976. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // АЭС. Т. 4.
- Виноградов Е. С.*, 1992. Из истории Кисловодского краеведческого общества // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск.
- Владыкин М.*, 1885. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу: В 2-х ч. М. Ч. I.
- Габуев Т. А.*, 1986а. История племен центральных районов Северного Кавказа в I–VII вв. н. э. (по данным погребального обряда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Габуев Т. А.*, 1986б. О времени прихода алан на Северный Кавказ // XIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Орджоникидзе.
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю.*, 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры. Самара.
- Гадло А. В.*, 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Гадло А. В.*, 1994. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.
- Гориславский И.*, 1992. Он выполнил указ Екатерины Второй // Кавказский край. № 5.
- Горлов Ю. В., Лопанов Ю. А.*, 1995. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. № 3.
- Городцов В. А.*, 1905а. Материалы для археологической карты долины и берегов Оки // Труды XII Археологического съезда. М.
- Городцов В. А.*, 1905б. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII Археологического съезда. М. Т. I.

- Городцов В. А., 1910. Бытовая археология: Курс лекций. М.
- Готье Ю., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.
- Гребенчиков О. С., 1974. Опыт климатической характеристики основных растительных формаций Кавказа // Ботанический журнал. Т. 59. № 2.
- Гремяцкий М. А., 1922. Подкумская черепная крышка и ее морфологические особенности // Русский антропологический журнал. М. Т. 12. Кн. 1–2.
- Грен А., 1902. Кавказские Минеральные Воды в археологическом отношении // Кавказские Минеральные Воды. № 127. 4 сентября; № 129. 6 сентября.
- Григорьев С. С., 1913. Долины окрестностей Кисловодска // Сб. в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М.
- Гуськов М., Афанасьев Г. Е., 1974. Поселение VI–VIII вв. н.э. в окрестностях Кисловодска // АО 1973 г.
- Деген Б. Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке // МИА. № 3.
- ДеМерс М. Н., 1999. Географические информационные системы. М.
- Дмитрий Михайлович Павлов (к 110-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1994 год. Ставрополь, 1994.
- Доде З. В., 1993. Средневековый костюм народов Центрального Предкавказья как источник по истории региона в I–III вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Дударев С. Л., 1978. Поселение “Подкумский мост” // VIII “Крупновские чтения”: Тез. докл. конф.
- Дударев С. Л., 1979а. Деталь конской сбруи из окрестностей Кисловодска // СА. № 4.
- Дударев С. Л., 1979б. Исследования в Кисловодске // АО 1978 г.
- Дударев С. Л., 1981. Работы в Чечено-Ингушетии и Пятигорье // АО 1980 г.
- Дударев С. Л., 1983. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX–VII вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Дударев С. Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.
- Дударев С. Л., 1995. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир.
- Дударев С. Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир.
- Дударев С. Л., Березин Я. Б., 1978. Работы Кисловодского отряда // АО 1977 г.
- Дударев С. Л., Березин Я. Б., 1979. Головной убор и детали женского костюма по новым материалам VIII–V вв. до н. э. из района Кисловодска (опыт реконструкции) // IX “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Элиста.
- Дударев С. Л., Рунич А. П., 1992. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н. э. Грозный.
- Дьячков-Тарасов А. Н., 1930. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ // Новый Восток. М. Кн. 28.
- Дэрумс В. Я., 1973. К палеопатологии жителей Кавказа // Изв. АН Латв. ССР. № 3 (308).
- Дюбуа де Монпере Ф., 1937. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Пер. Н. А. Данкевич-Пушиной. Сухуми.
- Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970) // ВИ. 1971. № 1.
- Евгений Игнатьевич Крупнов (некролог) // СА. 1971. № 1.
- Егоров Н. М., 1933. К вопросу о древности так называемого “подкумского человека” // Антропологический указатель. Т. 2/3.
- Егоров Н. М., 1956. Могильник на реке Эшкакон // КСИИМК. Вып. 64.
- Ежегодник Кавказского Горного общества в г. Пятигорске за 1902 и 1903 гг. Пятигорск, 1904. № 1.

- Замятнин С. Н.*, 1935. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске // Изв. ГАИМК. Вып. 109.
- Замятнин С. Н.*, 1950. О первоначальном заселении пещер // КСИИМК. Вып. 31.
- Зотько М. Р.*, 1996. Компьютерная обработка изображений в археологии // Компьютеры в археологии. М.
- Иванчик А. И.*, 2000. О так называемых “передневосточных” шлемах, найденных на Кавказе // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Ивашнев Е., Рунич А., Рыбенко М.*, 1962. Древнее городище // Кавказская здравница. № 243. 9 декабря.
- Игонин Н. И.*, 1965. Применение аэрофотосъемки при изучении археологических памятников // Археология и естественные науки. М.
- Иерусалимская А. А.*, 1972. Великий шелковый путь и Северный Кавказ. Л.
- Иессен А. А.*, 1936. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Изв. ГАИМК. Вып. 120.
- Иессен А. А.*, 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3.
- Иессен А. А.*, 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. № 23.
- Исмагилов Р. Б., Суразаков А. С., Членова Н. Л.*, 1977. Султан-Гора III. М.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В.*, 1998а. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. М.; Армавир. Вып. 4.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В.*, 1998б. Северный Кавказ и Средиземноморье в V–VI вв.: к вопросу о формировании культуры варварской аристократии // XX Юбилейные международные “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998 г.): Тез. докл. конф. Ставрополь.
- Каминский В. Н.*, 1989. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Каталог музея Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1856. Ч. II. № 10.
- Кашкин А. В.*, 2004. Археологическая карта России – новое направление археологического источниковедения // Матер. науч. конф., посвященной 300-летию Санкт-Петербурга. СПб.
- Кислов А. В.*, 2001. Климат в прошлом, настоящем и будущем. М.
- Князев А.*, 1970. Встречи с предками. Ставрополь.
- Ковалевская В. Б.*, 1972. Раскопки аланского могильника VI–IX вв. Мокрая Балка близ Кисловодска // АО 1971 г.
- Ковалевская В. Б.*, 1976. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии // АО 1975 г.
- Ковалевская В. Б.*, 1977. О работе средневекового отряда Ставропольской экспедиции // АО 1976 г.
- Ковалевская В. Б.*, 1978. Разведки и раскопки на р. Эшкакон // АО 1977 г.
- Ковалевская В. Б.*, 1979а. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2.
- Ковалевская В. Б.*, 1979б. Хронология аланских катакомб IV–IX вв. на основании анализа их конструктивных деталей // КСИА. Вып. 158.
- Ковалевская В. Б.*, 1981. Работы в Ставропольском и Краснодарском краях // АО 1980 г.
- Ковалевская В. Б.*, 1982. Местные традиции в домостроительстве Северного Кавказа // XII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. М.
- Ковалевская В. Б.*, 1983а. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 176.
- Ковалевская В. Б.*, 1983б. Военские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллу-Баганаллы в Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.

- Ковалевская В. Б., 1984а. Древние традиции домостроительства у горцев Северного Кавказа // СЭ. № 6.
- Ковалевская В. Б., 1984б. Кавказ и аланы. М.
- Ковалевская В. Б., 1984в. Работы средневековой Северокавказской экспедиции // АО 1982 г.
- Ковалевская В. Б., 1986. Некоторые новые подходы к датировке средневековых северокавказских памятников с использованием ЭВМ // XIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Орджоникидзе.
- Ковалевская В. Б., 1987. Географический фактор в культурах Кавказа I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Методы естественных наук в археологии. М.
- Ковалевская В. Б., 1988. Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказские племена и передвижение ираноязычных племен): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Ковалевская В. Б., 1991. Амулеты солнечного культа на Северном Кавказе // Проблемы археологии Евразии. М.
- Ковалевская В. Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.
- Ковалевская В. Б., 1998. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. М. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма.
- Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из ранне-средневековых памятников Евразии. М.
- Ковалевская В. Б., Козенкова В. И., 1979а. Новейшие раскопки поселения поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкесии // IX "Крупновские чтения": Тез. докл. конф. Элиста.
- Ковалевская В. Б., Козенкова В. И., 1979б. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО 1978 г.
- Ковалевская В. Б., Рунич А. П., 1970. Раскопки аланского могильника в окрестностях г. Кисловодска // АО 1969 г.
- Ковалевский Е. П., 1911. Доклад по законодательству о мерах по сохранению памятников древностей // Представление Министерства Внутренних дел по департаменту Общих Дел от 29.10. 1911 г. № 27281.
- Ковалевский М., Иванюков И., 1886. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. № 1.
- Коваленко А. Н., 1992. Д. М. Павлов – выдающийся краевед Северного Кавказа // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск.
- Кожин П. М., Розенфельд Р. Л., 1969. Сессия Отделения истории и пленум Института археологии АН СССР // СА. № 3.
- Козенкова В. И., 1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев.
- Козенкова В. И., 1977. Работы Кавминводского отряда // АО 1976 г.
- Козенкова В. И., 1981. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. № 3.
- Козенкова В. И., 1982. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. № 3.
- Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5.
- Козенкова В. И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. № 3.
- Козенкова В. И., 1995. Оружие и конское снаряжение кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.
- Козенкова В. И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке: Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры. М.
- Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5.
- Козенкова В. И., Мишина Т. Н., 1984. О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры // СА. № 1.
- Койшевский Б. А., 1931. Археологическая карта Середкинского района // СГАИМК. № 6.

- Колесникова М. Е., 1998. Кавказское горное общество (страницы истории) // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 2.
- Колесникова М. Е., 1999. Пятый археологический съезд и его роль в развитии краеведческих исследований на Северном Кавказе во второй половине XIX столетия // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь. Вып. 21. Социально-гуманитарные науки.
- Колесникова М. Е., 2000. Археология Северного Кавказа в начале XX века: некоторые итоги исследования // XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. Кисловодск.
- Корневский С. Н., 1984. Работы Предгорного отряда // АО 1982 г.
- Корневский С. Н., 1986а. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. Вып. 185.
- Корневский С. Н., 1986б. Работы Ставропольской экспедиции // АО 1984 г.
- Корневский С. Н., 1987. Кавминводская группа населения эпохи средней бронзы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М.
- Корневский С. Н., 1988. Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита и ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Корневский С. Н., 1990а. Новые источники по эпохам энеолита, ранней и средней бронзы в работах Предгорной экспедиции 1985–1989 гг. // XVI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Ставрополь.
- Корневский С. Н., 1990б. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Корневский С. Н., 1992. Древнейшая история Кисловодской котловины // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск.
- Корневский С. Н., 1993а. К вопросу об обрядах с молоточковидными булавками понто-кавказских равнин // Кавказ и цивилизация Востока в древности и средневековье. Владикавказ.
- Корневский С. Н., 1993б. Погребения с каменными топорами эпохи средней бронзы в Центральном Предкавказье // Социальная дифференциация общества. М.
- Корневский С. Н., 1996. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Корневский С. Н., 1998. Поселение "Замок" у города Кисловодска (нижний слой) // Матер. по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 1. Археология.
- Корневский С. Н., Андреева М. В., Ульянова О. А., 1988. Раскопки Ставропольской экспедиции // АО 1986 г.
- Коренько В. А., 1976. Исследование курганов в Ставропольском крае // АО 1975 г.
- Коробов Д. С., 1994. Сравнительный анализ социальной структуры алан V–VIII и X–XII вв. в Кисловодской котловине (по материалам мужских погребений могильника Мокрая Балка) // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Кисловодск.
- Коробов Д. С., 1999а. Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа. М.
- Коробов Д. С., 1999б. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Коробов Д. С., 2001. Некоторые итоги работ Кисловодского археологического отряда в 1996–1999 гг. // Практика и теория археологических исследований. (Тр. Отдела охранных раскопок). М.
- Коробов Д. С., 2003а. Работы в Кисловодской котловине в 2001 г. // АО 2001 г.
- Коробов Д. С., 2003б. Работы Кисловодского отряда в 2002 г. // АО 2002 г.
- Коробов Д. С., 2003в. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. н. э. СПб.
- Коробов Д. С., 2004а. К вопросу о скальных захоронениях Кисловодской котловины // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.

- Коробов Д. С., 2004б. Круглый стол “Геоинформационные технологии в археологических исследованиях” (Москва, 2003 г.) // РА. № 1.
- Коробов Д. С. В печати. Обследование Кисловодской котловины в 2003 г. // АО 2003 г.
- Королев В. П., 1962. Могильник эпохи бронзы в окрестностях г. Кисловодска // СА. № 1.
- Котович В. Г., 1965. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА. № 3.
- Котович В. Г., 1978. О происхождении “кабардино-пятигорских” биметаллических мечей и кинжалов // МАД. Т. VIII. Махачкала.
- Краснов Ю. А., 1993. Основные вопросы составления археологических разделов Свода памятников истории и культуры // КСИА. Вып. 210.
- Краснокутская Л. И., 1999. Семен Алексеевич Смирнов – основоположник курортологии (к 180-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 г. Ставрополь.
- Краснокутская Л. И., Коваленко А. Н., 1998. Первый музей под открытым небом // Матер. краеведческих чтений, посвященных памяти Андрея Петровича Рунича. Пятигорск.
- Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии // ВИ. 2001. № 7.
- Круглов А. П., Подгаецкий Г. В., 1935. Родовое общество Восточной Европы: основные формы материального производства. М.; Л.
- Крупнов Е. И., 1952. Древняя история Кабарды // Уч. зап. КБНИИ. Нальчик. Т. VII.
- Крупнов Е. И., 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.
- Крупнов Е. И., 1958. Новые данные по археологии Северного Кавказа // СА. № 3.
- Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кузнецов В. А., 1961. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик. Вып. IX.
- Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106.
- Кузнецов В. А., 1964. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИИМК. Вып. 99.
- Кузнецов В. А., 1966. Н. М. Егоров // СА. № 3.
- Кузнецов В. А., 1968. Энкалпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь: к шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова. М.
- Кузнецов В. А., 1970а. Алания в X–XIII веках (историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Кузнецов В. А., 1970б. Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе // Древние славяне и их соседи. (МИА. Вып. 176.)
- Кузнецов В. А., 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1980. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1984. Очерки истории алан. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1985. Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска // СА. № 3.
- Кузнецов В. А., 1990. Погребения III в. из Кисловодска // СА. № 2.
- Кузнецов В. А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ.
- Кузнецов В. А., 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ.
- Кузнецов В. А., 1997. Иранизация и тюркизация Центрального Кавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени Юго-Восточной Европы. (МИАР. Вып. 1.)
- Кузнецов В. А., Рунич А. П., 1974. Погребение аланского дружинника IX в. // СА. № 3.
- Курбаткин Г. П., Дяттерев А. И., Фролов А. В., 1994. Спектральная модель атмосферы: инициализация и базы данных для численного прогноза погоды. СПб.
- Лавров Л. И., 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII веков на арабском, персидском и турецком языках. М.

- Лайпанов К. Т., Мизиев И. М.*, 1993. О происхождении тюркских народов. Черкесск.
- Лапшин В. А.*, 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Западные районы. Л.
- Лапшин В. А.*, 1992. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные районы. Л.
- Латынин Б. А.*, 1967. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. Вып. 9.
- Лачинов И. А., Савенко С. Н.*, 2000а. Керамическая мастерская середины I тысячелетия до н. э. на поселении Крестовая Горка в Кисловодске // XXI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Кисловодск.
- Лачинов И. А., Савенко С. Н.*, 2000б. Охранно-спасательные раскопки на поселении Крестовая горка в г. Кисловодске // АО 1998 г.
- Лисецкий Ф. Н.*, 1994. Система античного землеустройства на Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Одесса. (Краткие сообщения Одесского археологического общества.)
- Лунин Б. В.*, 1927а. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 году // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Ростов-на-Дону. № 1–6.
- Лунин Б. В.*, 1927б. Курганные могильники близ г. Пятигорска Терской области // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону. Кн. I (Т. III). Вып. 2.
- Макаренко Н. Е.*, 1911. Археологические исследования 1907–1909 годов // Изв. Императорской археологической комиссии. СПб. Вып. 43.
- Макаров Н. А.*, 2004. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. М.
- Малашев В. Ю.*, 2000. Раннесредневековая керамика могильника Клинь-Яр III: вопросы хронологии. М.
- Мансуров А. А.*, 1937. Археологическая карта реки Прони // СА. № 4.
- Мансуров А. А.*, 1939. Методика составления археологической карты. М.
- Марковин В. И.*, 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. № 93.
- Марковин В. И.*, 1976. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Маслов В. Е.*, 1991. Новые находки из окрестностей Кисловодска // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Массон М. Е., Ртвеладзе Э. В.*, 1992. Памяти археолога-краеведа // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск.
- Материалы по археологии Кабардино-Балкарии // Матер. и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1941.
- Махортых С. В.*, 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.
- Махортых С. В.*, 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.
- Махортых С. В., Черненко Е. В.*, 1995. О кавказских “пекторалях” VIII–VII вв. до н. э. // РА. № 2.
- Месяц на Кавказских водах: Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Железноводск. Ставрополь. 1965.
- Мизиев И. М.*, 1986. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик.
- Миллер А.*, 1931. Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. // СГАИМК. № 3.
- Миллер В. Ф.*, 1888. Терская область: археологические экскурсии // Матер. по археологии Кавказа. М. Вып. 1.
- Милонов Н. П.*, 1928. Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии (районы течения рек Верды и Прони) // Тр. Об-ва исследователей Рязанского края. Рязань. Вып. XII.
- Милорадович О. В.*, 1954. Кабардинские курганы XIV–XVI веков // СА. Т. XX.

- Минаева Т. М.*, 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.
- Михайлов Н. Н.*, 1957. Создать археологическое общество в Кисловодске // Советская здравница. 4 января.
- Михайлов Н. Н.*, 1960а. Археологические находки // Кавказская здравница. 30 августа.
- Михайлов Н. Н.*, 1960б. Охранять памятники старины // Кавказская здравница. 27 мая.
- Михайлов Н. Н.*, 1961. Крепость аланов // Кавказская здравница. 8 октября.
- Михайлов Н. Н.*, 1962а. Когда-то здесь был город // Ставропольская правда. № 286. 4 декабря.
- Михайлов Н. Н.*, 1962б. Находки юных археологов // Кавказская здравница. 11 апреля.
- Михайлов Н. Н.*, 1965а. Древний памятник аланов // Кавказская здравница. 30 января.
- Михайлов Н. Н.*, 1965б. Скальпель древнего хирурга // Кавказская здравница. 29 августа.
- Михайлов Н. Н.*, 1967а. Где же город Фесты? // Кавказская здравница. 29 сентября.
- Михайлов Н. Н.*, 1967б. Десять лет поисков // Кавказская здравница. 27 января.
- Москвич Г.*, 1896. Практический путеводитель по Кавказу. М.
- Музей истории медицины им. Павла Страдыня. Рига. 1966.
- Мунчаев Р. М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мурзин В. Ю.*, 1981. Скифы на Северном Кавказе // Археология и краеведение – ВУЗу и школе. Грозный.
- Нагоев А. Х.*, 1972. Материальная культура кабардинцев в период позднего средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Нагоев А. Х.*, 1981. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик.
- Назаренко Я. Н.*, 1922. Музейное дело, охрана и изучение культуры на Кавказе // Казанский музейный вестник. № 2.
- Нарцев А. Н.*, 1905. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов. Вып. 50.
- Нарышкин Н. Ю.*, 1877. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // Изв. Русского археологического общества. СПб. Т. VIII.
- Научные экспедиции Главнауки за 1929–1930 гг. / Под ред. Г. Костенко. М., 1930.
- Нечитайло А. Л.*, 1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.
- Николаева Н. А.*, 1980. Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А.*, 1975. Происхождение костяных молоточковидных булавок // КСИА. Вып. 142.
- Николаенко Г. М.*, 1985. Межевание полей Херсонесской хоры // КСИА. Вып. 182.
- Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823.
- Ольховский В. С.*, 1990. О северокавказских стелах эпохи раннего железного века // СА. № 3.
- Ольховский В. С.*, 1998. К изучению скифской скульптуры Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. М.; Армавир. Вып. 4.
- Павлов Д. М.*, 1926. Искусство и старина Карачая: история изучения и описание // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала. Вып. 45.
- Павлов Д. М.*, 1927. Искусство и старина Карачая: история изучения и описание // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Пятигорск.
- Павлов С. П.*, 1934. Применение аэро съемки в археологии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л. № 11–12.

- Паромов Я. М., 1994. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Паромов Я. М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова // Древности Боспора. М. № 1.
- Паромов Я. М., 2000. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. СПб. № 7.
- Первухин Н. Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Матер. по археологии восточных губерний России. М.; СПб.
- Петербургский Рериховский сборник. Самара. 1999. Вып. II–III.
- Петренко В. А., 1973. Еще раз о клинках с серповидным навершием из могильников сарматской эпохи Центрального Кавказа // III “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Грозный.
- Петренко В. А., Савенко С. Н., 1979. Этносоциальная интерпретация некоторых черт катакомбного обряда Центрального Предкавказья в середине I тыс. н. э. // IX “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Элиста.
- Пиотровский Б. Б., 1931. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // СГАИМК. Вып. 6.
- Плетнев А. А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь.
- Погребова М. Н., 1970. Исследования в районе Кисловодска // АО 1969 г.
- Покровский М. В., Анфимов Н. В., 1937. Карта древних поселений и могильников Прикубанья // СА. № 4.
- Покровский Ф., 1893. Археологическая карта Виленской губернии. Вильно.
- Попова Т. Б., 1957. К вопросу о курильницах “северокавказского типа” // СА. № 1.
- Природа и древний человек / Сост. Г. И. Лазурков. М., 1981.
- Прозрителев Г. Н., 1924. В горах и ущельях близ Кисловодска (очерк). Ставрополь.
- Прокопенко Ю. А., 1995. Клады и находки единичных монет на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесии (к вопросу о древних путях в Центральном Предкавказье) // Из истории земли Ставропольской. Ставрополь.
- Прокопенко Ю. А., 1998. Березовский склеповый могильник близ г. Кисловодска // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 2.
- Прокопенко Ю. А., 1999. История северокавказских торговых путей IV в. до н. э. – XI в. н. э. Ставрополь.
- Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р., Фоменко В. А., 2000. Склеповые сооружения эпохи раннего железного века района Кавминвод // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 3.
- Прокопенко Ю. А., Фоменко В. А., 1996а. Комплексы эпохи раннего железного века и раннего средневековья Клин-Ярского III могильника // Из истории земли Ставропольской. Ставрополь. Вып. 2.
- Прокопенко Ю. А., Фоменко В. А., 1996б. Могильные древности из окрестностей г. Кисловодска // Там же.
- Разведки у Рим-Горы, 1926 // Молот. № 1549.
- Розинкина И. А., 2001. Модель Гидрометцентра России “почва – растительность – приземный слой атмосферы”: алгоритм и результаты тестирования // Метеорология и гидрология. № 3.
- Ромашкевич А. И., 1988. Горное почвообразование и геоморфологические процессы. М.
- Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П., 1971. Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска // ВВ. № 32.
- Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П., 1976. Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска // ВВ. № 37.
- Рудницкий Р. Р., Фоменко В. А., 2000. Погребения скифского времени у станции Подкумок в районе Пятигорья // XXI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Кисловодск.

- Рунич А. П., 1961. Находки в скалах // Кавказская здравница. 25 марта.
- Рунич А. П., 1963. Катакомбные могильники в районе Кисловодска // СА. № 3.
- Рунич А. П., 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА. № 1.
- Рунич А. П., 1968. Катакомбный могильник VII–VIII вв. около Кисловодска // СА. № 3.
- Рунич А. П., 1969. Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // МАДИСО. Т. 2.
- Рунич А. П., 1970. Катакомбы Рим-Горы // СА. № 2.
- Рунич А. П., 1971а. Погребения V–VI вв. у г. Кисловодска // АО 1970 г.
- Рунич А. П., 1971б. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. № 2.
- Рунич А. П., 1973а. Катакомбные могильники IV–V вв. в Кисловодской котловине // III “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Грозный.
- Рунич А. П., 1973б. О конской сбруе из района Пятигорья // СА. № 1.
- Рунич А. П., 1974а. Могильник № 2 у Лермонтовской скалы около Кисловодска // АО 1973 г.
- Рунич А. П., 1974б. Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине // АЭС. Нальчик. Вып. I.
- Рунич А. П., 1975а. Аланский могильник в “Мокрой Балке” у города Кисловодска // МАДИСО. Т. III.
- Рунич А. П., 1975б. Разведки у г. Кисловодска // АО 1974 г.
- Рунич А. П., 1975в. Скельні могильники у верхів'ях р. Ешкакон на Північному Кавказі // Археологія. Київ. Вип. 16.
- Рунич А. П., 1976а. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3.
- Рунич А. П., 1976б. Кугульские склепы // АО 1975 г.
- Рунич А. П., 1977. Два богатых средневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. № 1.
- Рунич А. П., 1978. Могильники “Кавказ” и Рим-Гора № 2 // VIII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Нальчик.
- Рунич А. П., 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4.
- Рунич А. П., 1983. Наскальные рисунки и тамги в Джинальском гроте у Кисловодска // СЭ. № 4.
- Рунич А. П., Березин Я. Б., Савенко С. Н., 1983. Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Рунич А. П., Михайлов Н. Н., 1976. Городище Бургусант или Рим-Гора // МИСК. Ставрополь. Вып. 14.
- Рунич А. П., Формозов А. А., 1972. Новые памятники первобытной культуры в районе Кавказских Минеральных Вод // КСИА. Вып. 132.
- Рунич А. П., Черненко И. И., Филимонов Ю. М., 1975. Археологическое изучение нозоареала чумы на Кавказе // Международные и национальные аспекты эпиднадзора при чуме. Иркутск. (Минво здравоохранения СССР; Противочумный ин-т Сибири и Дальнего Востока.)
- Рыбаков Б. А., 1973. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII–VII вв. до н. э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Савельева В. В., 1964. Краеведческие уголки и музеи в школах Ставропольского края // МИСК. Ставрополь. Вып. 11.
- Савенко С. Н., 1981. Работы на раннесредневековых памятниках // АО 1980 г.
- Савенко С. Н., 1983а. Исследования памятников близ Кисловодска // АО 1981 г.
- Савенко С. Н., 1983б. Конские захоронения на могильнике X–XII вв. н. э. Кольцо-Гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.
- Савенко С. Н., 1984а. Изучение раннесредневековых памятников долины р. Подкумок // АО 1982 г.

- Савенко С. Н., 1984б. Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальный показатель // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.
- Савенко С. Н., 1986а. Раскопки могильников в долине р. Подкумок // АО 1984 г.
- Савенко С. Н., 1986б. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Савенко С. Н., 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Савенко С. Н., 1993. Предметы египетского, китайского, иранского происхождения в комплексах I тысячелетия н. э. Пятигорья // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.
- Савенко С. Н., 1997а. Из истории Кисловодского краеведческого музея // Апрельские культурные чтения. Кисловодск. Ч. I. Проблемы сохранения и использования культурного наследия Кавминвод.
- Савенко С. Н., 1997б. Т. М. Минаева и изучение археологических памятников Кавминвод // Мат. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Т. М. Минаевой. Ставрополь.
- Савенко С. Н., 1998а. Бронзовый шлем типа “Монте-Фортино” из фондов Кисловодского музея // Античная цивилизация и варварский мир: Мат. 6 археолог. семинара. Краснодар. Ч. 1.
- Савенко С. Н., 1998б. К историко-культурной оценке подбойных захоронений сарматского времени бассейна р. Подкумок // XX Юбилейные международные “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998 г.): Тез. докл. конф. Ставрополь.
- Савенко С. Н., 2000а. Возрождение // Наследие: Вестник Кавказского горного общества. Пятигорск. № 2.
- Савенко С. Н., 2000б. Тайны Эшкаконской экспедиции и другие // Там же.
- Савенко С. Н., 2001. Археологические реликвии Кисловодска и окрестностей // Кавказские Минеральные Воды. М. (Памятники Отечества. № 49.)
- Самоковасов Д. Я., 1876. Древние земляные насыпи и их значение для науки // Древняя и новая Россия. СПб. Т. 1.
- Самоковасов Д. Я., 1885. Могильные древности Пятигорского округа. Варшава.
- Самоковасов Д. Я., 1887. Могильные древности Пятигорского округа // Тр. V Археологического съезда. г. Тифлис, 1881 г. М.
- Самоковасов Д. Я., 1895. Основания хронологического распределения этнографических материалов, открытых в Южной и Центральной России // Тр. Археологического съезда. М. Т. II.
- Самоковасов Д. Я., 1908. Могилы русской земли. М.
- Сафронов В. А., 1970. Хронология памятников II тыс. до н. э. Юго-Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Северо-Кавказский институт краеведения // Краеведение на Кавказе. Ростов-на-Дону. 1924. № 1.
- Седов В. В., 1988. Памятники археологии в “Своде памятников истории и культуры СССР” // Археологические памятники Европейской части РСФСР: методические материалы к “Своду памятников истории и культуры СССР”. М.
- Скиндер В. А., 1906. Опыт археологической разведки. Пятигорск.
- Скрипникова М. И., Савенко С. Н., Магомедов К. М., 1999. Антропогенно-преобразованные земельные ландшафты Северного Кавказа // Генеза, географія та екологія ґрунтів: Зб. наукових праць Міжнар. конф. (Львів, 16–18 версеня 1999 року). Львів.
- Смирнов Н. А., 1951. Кабарда и реакционное восстание шейха Мансура накануне русско-турецкой войны 1787–1791 гг. // Сб. по истории Кабарды. Нальчик.

- Смолин В. Ф., 1928. Катакомбы на Рим-Горе близ Кисловодска // Краеведение на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону. № 1–2.
- Соснина Е., 1993. Жак-Шарль де Бесс. Тогда был Константиногорск // Кавказская здравница. № 129. 18 августа.
- Соснина Е. Л., Кузнецов В. А., 1997. Путешествие Яна Потоцкого по Северному Кавказу и его труд как исторический источник // Мат. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Т. М. Минаевой. Ставрополь.
- Спицын А. А., 1899. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. СПб. Т. XI. Вып. I–II.
- Спицын А. А., 1909. Историко-археологические разыскания // ЖМНП. № 1.
- Стеллецкий И., 1931. По забытому Кавказу. Л.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981. (Археология СССР.)
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1989. (Археология СССР.)
- Текеев Г. Х.-У., Биджиев Х. Х., 1974. Экспедиция Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея // АО 1973 г.
- Текеев К. М., 1989. Карачаевцы и балкарцы: традиционная система жизнеобеспечения. М.
- Тереножкин А. И., 1973. Бронзовые кинжалы и мечи предскифского времени // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Тереножкин А. И., 1975. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев.
- Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Терехова Н. Н., 1983. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в ранне-скифский период // СА. № 3.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Тизенгаузен В. Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л. Т. 2.
- Толстов С. П., Андрианов Б. В., Игонин Н. И., 1962. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. № 1.
- Турчанинов Г. Ф., 1971. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Уваров А. С., 1873. О признаках народности могильных насыпей // Тр. Московского археологического общества. Т. III. Вып. III.
- Уварова П. С., 1902. Коллекция Кавказского музея. Тифлис. Т. V. Археология.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1970. Ранние булгары на Северном Кавказе: из истории Карачаево-Черкесии // Тр. КЧНИИ. Ставрополь. Вып. VI. (Сер. ист.)
- Федоровский А. С., 1929. Следы доисторического поселения в окрестностях г. Кисловодска // Терек. № 188. 18 августа.
- Ференц Л., 1960. Вопросы хронологии некоторых спорадических находок коллекции Зичи // *Azıparmuveszetu Museum evkonyve. Budapest.* III–IV.
- Фиркович А., 1857. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского археологического общества. СПб. Т. IX.
- Флеров В. С., 1985. Кобанские и аланские памятники под Кисловодском // АО 1983 г.
- Флеров В. С., 1986. Кобанские и средневековые памятники Клинь-Яра // АО 1984 г.
- Флеров В. С., 1987. Работы в урочище Клинь-Яр близ Кисловодска // АО 1985 г.
- Флеров В. С., 1989. Клинь-Ярская экспедиция в 1983–1985 гг. (памятники VIII–VII вв. до н. э. и II–VIII вв. н. э.) в Кисловодске // Археологические исследования на новостройках. (КСИА. Вып. 196.)
- Флеров В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: Обряд обезвреживания погребенных // Тр. Клинь-Ярской экспедиции. М. I.

- Флеров В. С., Дубовская О. Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. - Кисловодске // Вестник Шелкового пути: археологические источники. М. Вып. 1.
- Флеров В. С., Нахаметян В. Е., 1988. Работы в Клин-Яре // АО 1986 г.
- Фоменко В. А., 1989. О смоловидном веществе в погребениях I–IV вв. района Пятигорья // Студенческие археологические открытия, 1987–1988 гг.: Тез. докл. конф. Грозный.
- Фоменко В. А., 1992а. О некоторых типах металлических украшений из каменноостско-березовских могильников Кисловодской котловины (по материалам А. П. Рунича) // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск.
- Фоменко В. А., 1992б. О своеобразии предкавказского звена киммерийско-карасукской общности // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Докл. республ. науч. конф. Омск. Ч. 2.
- Фоменко В. А., 1998. Эшаконский могильник // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 2.
- Харузин Н., 1895. Движение и изучение России среди французских археологов // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М. № 7–8.
- Цулая Г. В., 1982. Из истории кавказоведения (этнограф и педагог А. И. Стоянов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М. Т. 9.
- Цуцкин Е. В., 1987. Некоторые направления космической археологии // Археологические исследования в Калмыкии. Элиста.
- Цуцкин Е. В., Елина А. И., Елин М. Л., 1982. Использование космических снимков в археологических целях // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста.
- Челеби Э., 1979. Книга путешествий. М.
- Чеченов И. М., 1974. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // АЭС. Вып. 1.
- Членова Н. Л., 1978. Раскопки под Султан-горой // АО 1977 г.
- Членова Н. Л., 1981. Раскопки памятника Султан-Гора III // АО 1980 г.
- Членова Н. Л., 1984. Могильник VI в. до н. э. Султан-Гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Шишкин К. В., 1966. Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников / СА. № 3.
- Шишкин К. В., 1982. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей // СА. № 3.
- Шрайбман В. И., Серкерев С. А., Сидельникова Т. А., Флеров В. С., 1988. Новое в применении магниторазведки и электроразведки при исследовании грунтовых погребений на Северном Кавказе // СА. № 1.
- Щеглов А. Н., 1993. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь.
- Энеолит СССР. М. 1982. (Археология СССР.)
- Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М. 1994. (Археология.)
- Эрлих В. Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
- Afanas'ev G., 1998. The experience of application of aerial photo-analysis at the Middle Don region in Russia // 26th computer applications in archaeology. Barcelona.
- Afanas'ev G. E., 2000. Aerospace analysis at the Middle Don region in Russia // Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording Systems for Archaeological Projects. Bournemouth; M. (School of Conservation Sciences. Research Report. 6.)
- Afanas'ev G. E., 2002. Settlement structures of the Khazar Khaganate: New perspectives from the analyses of aerial images // Primi Popoli d'Europa. All'Insegna del Giglio. Bologna.

- Afanas'ev G. E., Zot'ko M. R., Korobov D. S.*, 1997. The Experience of Application of Aerospace Probing Methods in the Study of Mayatsk Settlement // News from CINECA's ICARUS Project. № 9. January.
- Agache R.*, 1970. Détection aérienne de vestiges protohistoriques gallo-romains et médiévaux dans le bassin de la Somme et ses abords // Bulletin de la Société de Préhistoire. № 7.
- Aronoff S.*, 1989. Geographic Information Systems: A Management Perspective. Ottawa.
- Arzhantseva I., Savenko S.*, 1998. Problems of Conservation of the Archaeological Heritage in North Caucasus // 4th Annual Meeting of European Association of Archaeologists (Göteborg, Sweden, September 23–27, 1998). Abstracts Book. Göteborg.
- Aston M.*, 1997. Interpreting the Landscape: Landscape Archaeology and Local History. Routledge.
- Beaseley G. A.*, 1919. Air Photography in Archaeology // Geographical Journal. May.
- Belinsky A., Härke H.*, 2000. New excavations in the Iron Age to early medieval cemetery of Klin Jar (North Caucasus), 1994–1996 // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age. (Colloquia Pontica. V. 5). Leiden; Boston; Köln.
- Berezin J. B., Dudarev S. L.*, 1999. Neue präskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasien. Berlin. Bd. 5.
- Carmichael D. L.*, 1990. GIS predictive modeling of prehistoric site distributions in central Montana // Interpreting Space: GIS and Archaeology. L.; N.-Y.; Philadelphia.
- Carr C.*, 1985. Introductory remarks on regional analysis // For Concordance in Archaeological Analysis: Bridging Data Structure, Quantitative Technique and Theory. Kansas City.
- Chantré E.*, 1886. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris. Pt. I. V. II.
- Chartrand J. A. H.*, 2000. New tools and old tasks: Surveying with GPS in archaeology // Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording Systems for Archaeological Projects. Bournemouth; M. (School of Conservation Sciences. Research Report. 6.)
- Crawford O. G. S.*, 1923. What Air Photography Means to the Future of Archaeology // Christian Science Monitor. 21 December.
- Crawford O. G. S.*, 1929. Air Photography for Archaeologists. L.
- Dassie J.*, 1970. Manuel d'archéologie aérienne. Paris.
- Ebert J.*, 1984. Remote Sensing Applications in Archaeology // Advances in Archaeological Method and Theory. N.-Y. V. 1.
- Ensign GPS: User's Manual. Austin, Texas. 1993.
- Gill S. J., Howers D.*, 1985. A Geographical Information System approach to the use of surface samples in intra-site distributional analysis // UISPP Commission IV Symposium on Data Management and Mathematical Methods in archaeology. Denver.
- Goguy R.*, 1968. De l'avion à l'archéologie. Paris.
- Gojda M.*, 1993. Bohemia from the air: Seven decades after Crawford // Antiquity. V. 67. № 257. December.
- Green S. W., Zvelebil M.*, 1990. The colonization and agricultural transition of Southeast Ireland // Proceedings of the Prehistoric Society of London. October.
- Jarman M., Vita-Finzi C., Higgs E. S.*, 1972. Site catchment analysis in archaeology // Man, Settlement and Urbanism. Duckworth.
- Kirkinen T.*, 1997. Center in the Wilderness Area Using a GIS in modeling late Iron Age Settlement in Eastern Finland // Archaeological Application of GIS. Sydney University Archaeological Methods Series. № 5.
- Kohler T. A., Parker S. C.*, 1986. Predictive models for archaeological resource location // Advances in Archaeological Method and Theory. N.-Y. V. 9.
- Kossack G.*, 1998. Towards Translating the Past // Selected Studies in Archaeology: Ten Essays from the year 1974 to 1977. Ränden
- Kouznetsov V., Lebedynsky I.*, 1997. Les Alains, cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase. Paris.

- Kouznetsov V., Lebedynsky I.*, 1999. Les chrétiens disparus du Caucase: Histoire et archéologie du christianisme au Caucase du Nord et en Crimée. Paris.
- Kuznecov V. A.*, 1990. Nordkaukasische tonkessel // Die keramik der Saltovo-Majaki kultur und ihrer Varianten. (Varia Archaeologica Hungarica. III).
- Kuznecov V. A.*, 2000. Deux tombes alaines des Ve – VIe s. à Hasaut et à Klin-Jar (Caucase du Nord) // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age. (Colloquia Pontica. V. 5). Leiden; Boston; Köln.
- Kvamme K. L.*, 1985. Geographic Information Systems techniques for regional archaeological research // UISPP Commission IV Symposium on Data Management and Mathematical Methods in archaeology. Denver.
- Madry S. L. H.*, 1987. A Multiscalar Approach to Remote Sensing in a Temperate Regional Archaeological Survey // Regional dynamics: Burgundian Landscapes in Historical Perspective. San Diego.
- Madry S. L. H., Crumley C. L.*, 1990. An application of remote sensing and GIS in regional archaeological settlement pattern analysis: the Arroux River valley, Burgundy, France // Interpreting Space: GIS and archaeology. L.; N.-Y.; Philadelphia.
- Martlew R.*, 1996. The Contribution of GIS to the Study Landscape Evolution in the Yorkshire Dales, UK // *Analecta Praehistorica Leidensia*. № 28. February.
- Matsumoto Sh., Vinson I.*, 1996. Introduction to the International Space Archaeology Programme // Space Archaeology Newsletter. V. 1. № 1.
- Pallas P. S.* Bemerkungen auf eine Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches in den Jaren 1793 und 1794. Leipzig, 1799–1801.
- Rhind D. W.*, 1988. A GIS Research Agenda // *International Journal of Geographical Informational Systems*. № 2.
- Roper D. C.*, 1979. The method and theory of site catchment analysis: A review // *Advances in Archaeological Method and Theory*. N.-Y. V. 2.
- Savage S. H.*, 1989. Projecting Settlement Patterns with Geographic Information Systems and the Archaeological Resource Management System // *First Annual World Archaeological Congress*. Baltimore.
- Savage S. H.*, 1990. GIS in archaeological research // *Interpreting Space: GIS and Archaeology*. L.; N.-Y.; Philadelphia.
- Tomlinson R. F., Marble D. F., Calkins H. W.*, 1976. Computer Handling of Geographic Data // *UNESCO Natural Resource Research Series*. № 13.
- Turova I., Bronnikova V., Chichagova O.*, 2001. Slope terracing as an example of early medieval landscape exploitation and transformation in piedmonts of the North Caucasus // *Proceedings of the 1st International Conference on Soils and Archaeology*. Szzazhatombatta.
- Warren R. E.*, 1990. Predictive modeling of archaeological site location: A case study in the Midwest // *Interpreting Space: GIS and Archaeology*. L.; N.-Y.; Philadelphia.
- Williams I., Limp W. F., Briuer F. L.*, 1990. Using geographic information systems and exploratory data analysis for archaeological site classification and analysis // *Interpreting Space: GIS and archaeology*. L.; N.-Y.; Philadelphia.
- Zichy E.*, 1897. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. Budapest. Pt. I–II.

СПИСОК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

- Абрамова М. П.*, 1973*. Отчет о раскопках Подкумского могильника в 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 5157.
- Абрамова М. П.*, 1974*. Отчет о раскопках Подкумского могильника близ г. Кисловодска в 1974 г. // Архив ИА. Р-1. № 5469.
- Абрамова М. П.*, 1975*. Отчет о раскопках в центральных районах Северного Кавказа в 1975 г. // Архив ИА. Р-1. № 5989.
- Абрамова М. П.*, 1977*. Отчет о раскопках могильника Директорская горка в районе г. Кисловодска в 1977 г. // Архив ИА. Р-1. № 7050.
- Аржанцева И. А.*, 1995*. Отчет о работах на городищах “Горное Эхо” (г. Кисловодск) и Ачипсинская крепость (Красная Поляна, район Большого Сочи) в 1995 г. // Архив ИА. Р-1. № 19517, 19518.
- Аржанцева И. А.*, 1997*. Отчет об археологических работах на памятнике “Горное Эхо” и в долине р. Аликоновка (Кисловодская котловина) в 1997 г. // Архив ИА. Р-1. № 21232, 21233.
- Аржанцева И. А.*, 1998*. Отчет об археологических работах на памятнике “Горное Эхо” и в долине р. Аликоновка (Кисловодская котловина) в 1998 г. // Архив ИА. Р-1. № 21234–21236.
- Аржанцева И. А.*, 1999*. Отчет об археологических работах на памятнике “Горное Эхо” и в долине р. Аликоновка (Кисловодская котловина) в 1999 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Аржанцева И. А.*, 2000*. Отчет об археологических работах на памятнике “Горное Эхо” и в долине р. Аликоновка (Кисловодская котловина) в 2000 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Аржанцева И. А.*, 2001*. Отчет об археологических работах на памятнике “Горное Эхо” и в долине р. Аликоновка (Кисловодская котловина) в 2001 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Аржанцева И. А.*, 2002*. Отчет об археологических работах на памятнике Горное Эхо (Кисловодская котловина, Ставропольский край) в 2002 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Афанасьев Г. Е.*, 1973*. Отчет о работе археологической экспедиции Пятигорского музея краеведения по изучению катакомбного могильника в Мокрой балке близ Кисловодска в 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 5959.
- Афанасьев Г. Е.*, 2001*. Отчет о разведках Кисловодского отряда Института археологии РАН в 2001 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Белинский А. Б.*, 1988*. Отчет о работе в урочище Клинь-Яр под Кисловодском (памятники кобанской культуры и средневековья) в 1988 г. // Архив ИА. Р-1. № 12918, 12920.
- Белинский А. Б.*, 1991*. Отчет о работе Кисловодской археологической экспедиции в 1991 г. // Архив ИА. Р-1. № 16613–16615.

- Белинский А. Б.*, 1993*. Отчет о раскопках Кисловодской археологической экспедиции на могильнике Клинь-Яр близ города Кисловодска в 1993 г. // Архив ИА. Р-1. № 18187.
- Белинский А. Б.*, 1994*. Отчет о раскопках могильника Клинь-Яр III под Кисловодском в 1994 г. // Архив ИА. Р-1. № 18859, 18860.
- Белинский А. Б.*, 1995*. Отчет о раскопках могильника Клинь-Яр III близ г. Кисловодска в 1995 г. // Архив ИА. Р-1. № 20624, 20625.
- Белинский А. Б.*, 1996*. Отчет о раскопках могильников Клинь-Яр-III и Клинь-Яр-IV близ г. Кисловодска в 1996 г. // Архив ИА. Р-1. № 19371, 19372
- Белинский А. Б., Самойленко В. Г., Бабенко В. А.*, 1989*. Отчет о работе археологической экспедиции СГПИ в 1989 г. // Архив ИА. Р-1. № 15182, 15183.
- Березин Я. Б.*, 1978*. Отчет о работе 6-го отряда Предгорно-Плоскостной экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета совместно с Кисловодским филиалом краеведческого музея им. Г. К. Праве в 1978 г. // Архив ИА. Р-1. № 7459, 7459а.
- Березин Я. Б.*, 1981а*. Отчет о раскопках и разведках в Предгорном районе Ставропольского края / Виноградов В. Б., Петренко В. А., Березин Я. Б., Савенко С. Н. Сводный отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Ставропольском крае в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8710, 8710в.
- Березин Я. Б.*, 1981б*. Отчет о раскопках могильника Кольцо-Гора близ г. Кисловодска в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8462, 8462а.
- Березин Я. Б.*, 1982*. О работах первого объединенного отряда археологической экспедиции Ставропольского краевого краеведческого музея и Предгорно-плоскостной экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета на территории Предгорного района Ставропольского края в окрестностях г. Кисловодска в 1982 г. // Архив ИА. Р-1. № 9383.
- Березин Я. Б.*, 1983*. Отчет об археологических работах за 1983 г. // Архив ИА. Р-1. № 9885.
- Березин Я. Б.*, 1984*. Отчет об археологических работах 1984 г. // Архив ИА. Р-1. № 12046, 12046а.
- Березин Я. Б.*, 1987*. Отчет о спасательных археологических работах в урочище Клинь-Яр под г. Кисловодском в 1987 г. // Архив ИА. Р-1. № 12539, 12539а.
- Березин Я. Б.*, 1989. Отчет об археологических разведках в Ставропольском крае в 1989 г. // Архив ИА. Р-1. № 14306–14308.
- Березин Я. Б.*, 1990*. Отчет о разведках на территории Ставропольского края в 1990 г. // Архив ИА. Р-1. № 15177–15179.
- Березин Я. Б.*, 1991*. Отчет об археологических работах в Ставропольском крае за 1991 г. // Архив ИА. Р-1. № 16744–16746.
- Березин Я. Б.*, 1992*. Разведки и раскопки в Ставропольском крае в 1992 г. // Архив ИА. Р-1. № 17176, 17112.
- Березин Я. Б.*, 1994*. Отчет о разведках и раскопках в районе г. Кисловодска в 1994 г. // Архив ИА. Р-1. № 18872, 18873.
- Бобин В. В.*, 1955*. Отчет о раскопках четырех каменных ящиков на территории санатория им. М. Горького в г. Кисловодске // Архив ИА. Р-1. № 1075.
- Виноградов В. Б., Михайлов Н. Н.*, 1969*. Отчет об археологических работах в г. Кисловодске в 1969 г. // Архив ИА. Р-1. № 4669.
- Дударев С. Л.*, 1977*. Отчет о работах 4-го (Кисловодского) отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета и Кисловодского филиала Ставропольского краевого музея им. Г. К. Праве, проведенных в 1977 г. // Архив ИА. Р-1. № 6757а.
- Дударев С. Л.*, 1978*. Отчет о работах 4-го (Кисловодского) отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета и Кисловодского филиала Ставропольского краевого музея им. Г. К. Праве, проведенных в 1978 г. // Архив ИА. Р-1. № 7290.

- Дударев С. Л., 1980*. Отчет о работах 2-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР и Ставропольском крае в 1980 г. / Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Чахкиев Д. Ю., Савенко С. Н., Ерзункаева К. З. Сводный отчет о полевых исследованиях в 1980 г. // Архив ИА. Р-1. № 7768в, г.
- Егоров Н. М., 1947*. Письмо А. А. Иессену от 15.01.47 г. // Рукописный архив А. А. Иессена. Папка № 16 "Ставропольщина и Пятигорье II".
- Егоров Н. М., 1953*. Отчет о раскопках на р. Эшкакон (первый большой правый приток р. Подкумок), Ставропольский край // Архив ИА. Р-1. № 873.
- Егоров Н. М., 1959*. Письмо А. А. Иессену от 23.01.59 г. // Рукописный архив А. А. Иессена. Папка № 16 "Ставропольщина и Пятигорье II".
- Иессен А. А. Рукописный архив. Папка № 13 "Северный Кавказ" // Архив ИИМК.
- Иессен А. А. Рукописный архив. Папка № 16 "Ставропольщина и Пятигорье II" // Архив ИИМК.
- Ковалевская В. Б., 1969*. Отчет о работе Средневекового отряда Северо-Кавказской экспедиции // Архив ИА. Р-1. № 4240.
- Ковалевская В. Б., 1971*. Отчет о работе Средневекового отряда Северокавказской экспедиции летом 1971 г. // Архив ИА. Р-1. № 5433.
- Ковалевская В. Б., 1973*. Отчет о работе Средневекового отряда Северокавказской экспедиции в 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 5779.
- Ковалевская В. Б., 1975*. Отчет Средневекового отряда Северокавказской экспедиции в 1975 г. // Архив ИА. Р-1. № 5403.
- Ковалевская В. Б., 1976*. Отчет Средневекового Мало-Карачаевского отряда за 1976 г. // Архив ИА. Р-1. № 6209.
- Ковалевская В. Б., 1977*. Научный отчет об археологических исследованиях в зоне затопления проектируемого Эшкаконского водохранилища Мало-Карачаевского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА. Р-1. № 6904.
- Ковалевская В. Б., 1978*–1979*. Научный отчет о работах Мало-Карачаевского отряда Ставропольской экспедиции в зоне сооружения плотины Эшкаконского регулирующего водохранилища в 1978–1979 гг. // Архив ИА. Р-1. № 8271.
- Ковалевская В. Б., 1980*. Отчет о полевых работах Средневекового отряда Северокавказской экспедиции в Ставропольском крае. 1980 г. // Архив ИА. Р-1. № 8204.
- Корневский С. Н., 1982*. Отчет о раскопках на Кавминводах, Ставропольский край // Архив ИА. Р-1. № 9059а–г.
- Корневский С. Н., 1983*. Отчет о работах на Кавминводах в Предгорном районе Ставропольского края // Архив ИА. Р-1. № 9659а–г.
- Корневский С. Н., 1984*. Отчет о работах Ставропольской экспедиции на Кавминводах в 1984 г. // Архив ИА. Р-1. № 10552а–г.
- Корневский С. Н., 1986*. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в 1986 г. // Архив ИА. Р-1. № 10926а–в.
- Корневский С. Н., 1987*. Отчет о разведке у г. Кисловодска в 1987 г. // Архив ИА. Р-1. № 14493.
- Корневский С. Н., 1988*. Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1988 г. // Архив ИА. Р-1. № 14135–14138.
- Корневский С. Н., 1989*. Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1989 г. Ч. 1 // Архив ИА. Р-1. № 14472, 14473.
- Коробов Д. С., 1996*. Отчет о разведке в окрестностях г. Кисловодска в 1996 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Коробов Д. С., 1998*. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 1998 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.

- Коробов Д. С., 1999*. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 1999 г. // Архив ИА. Р-1. № 22239, 22240.
- Коробов Д. С., 2000*. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 2000 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Коробов Д. С., 2001*. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 2001 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Коробов Д. С., 2002*. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 2002 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Коробов Д. С., 2003*. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 2003 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Михайлов Н. Н., 1957*. Личный архив. Папка “Гора Казачка, 1957 г.”.
- Михайлов Н. Н., 1962*. Личный архив. Папка “Станичная, 38 – Кисловодск. 1962 г.”.
- Михайлов Н. Н., 1963*. Личный архив. Папка 1963 г., 1966 г. (хранится у Г. Е. Афанасьева).
- Михайлов Н. Н., 1964*. Письмо Е. И. Крупнову от 9 декабря 1964 г. // Крупнов Е. И. Рукописный архив // Архив ИА.
- Михайлов Н. Н., 1966а*. Личный архив. Папка 1966 г. (хранится у Г. Е. Афанасьева).
- Михайлов Н. Н., 1966б*. Личный архив. Папка “Ж. д. ст. Подкумок – 1966 г., могильник “Скиф””.
- Михайлов Н. Н., 1968*. Личный архив. Папка “Клин-яр – 1968 г. Находки А. Агачева и И. Сапожникова”.
- Михайлов Н. Н. Личный архив. Папка “Клин-яр”.
- Михайлов Н. Н. Личный архив. Папка “Павильон Г. В. Ф.”.
- Рунич А. П., 1957*. Отчет об археологических разведках в районе Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска и Минвод в 1957 г. // Архив ИА. Р-1. № 1480.
- Рунич А. П., 1958*. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1958 г. // Архив ИА. Р-1. № 1720.
- Рунич А. П., 1959*. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1959 г. // Архив ИА. Р-1. № 2036.
- Рунич А. П., 1962*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1962 г. // Архив ИА. Р-1. № 2454.
- Рунич А. П., 1963*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1963 г. // Архив ИА. Р-1. № 2694.
- Рунич А. П., 1964*. Отчет о полевых исследованиях по району Кавминвод за 1964 г. // Архив ИА. Р-1. № 2869.
- Рунич А. П., 1965*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1965 г. // Архив ИА. Р-1. № 3033.
- Рунич А. П., 1966*. Отчет об археологической разведке в районе Кавминвод за 1966 г. // Архив ИА. Р-1. № 3251.
- Рунич А. П., 1968*. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 1968 г. // Архив ИА. Р-1. № 3636.
- Рунич А. П., 1969*. Отчет о полевых исследованиях в районе г. Кисловодска // Архив ИА. Р-1. № 5244.
- Рунич А. П., 1970*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1970 г. // Архив ИА. Р-1. № 4179.
- Рунич А. П., 1971*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 г. // Архив ИА. Р-1. № 4633.
- Рунич А. П., 1972*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1972 г. // Архив ИА. Р-1. № 4684.

- Рунич А. П.*, 1973*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 5009.
- Рунич А. П.*, 1974*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 г. // Архив ИА. Р-1. № 5249.
- Рунич А. П.*, 1975*. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 г. // Архив ИА. Р-1. № 5624.
- Савенко С. Н.*, 1980*. Отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Кавминводах в сезон 1980 г. / *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Чахкиев Д. Ю., Савенко С. Н., Ерзункаева К. З.* Сводный отчет о полевых исследованиях в 1980 г. // Архив ИА. Р-1. № 7768е.
- Савенко С. Н.*, 1981*. Отчет об охранных и разведочных работах в районе г. Кисловодска / *Виноградов В. Б., Петренко В. А., Березин Я. Б., Савенко С. Н.* Сводный отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Ставропольском крае в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8710б.
- Савенко С. Н.*, 1982*. Отчет о работах объединенного отряда Предгорно-плоскостной экспедиции ЧИГУ и СГОКСМ в районе г. Кисловодска и в долине р. Подкумок // Архив ИА. Р-1. № 9361.
- Савенко С. Н.*, 1983*. Отчет об археологических работах на могильнике Кольцо-Гора у г. Кисловодска в Ставропольском крае // Архив ИА. Р-1. № 11049.
- Савенко С. Н.*, 1984*. Отчет об археологических работах на могильниках Кольцо-Гора и Рим-Гора в районе г. Кисловодска Ставропольского края в 1984 г. // Архив ИА. Р-1. № 10954.
- Савенко С. Н.*, 1992*. Работы на могильнике у городища Отстойник и поселения Десять пещер в городской черте г. Кисловодска в 1992 г. // Архив ИА. Р-1. № 17111.
- Савченко Е. И.*, 1992*. Отчет о работе Северокавказской экспедиции в 1992 г. // Архив ИА. Р-1. № 17943, 17944.
- Флеров В. С.*, 1984*. Отчет о работе в урочище Клинь-Яр под Кисловодском (поселение и могильник кобанской культуры, могильник средневековый) // Архив ИА. Р-1. № 9399.
- Флеров В. С.*, 1985*. Раскопки в урочище Клинь-Яр в 1985 г. // Архив ИА. Р-1. № 11402.
- Флеров В. С., Нахапетян В. Е.*, 1986*. Раскопки в урочище Клинь-Яр (г. Кисловодск) в 1986 г. // Архив ИА. Р-1. № 11278.
- Фоменко В. А.*, 1989*. Отчет об археологических разведках Пятигорского музея краеведения в районе Кавказских Минеральных Вод за 1989 г. // Архив ИА. Р-1. № 14357.
- Фоменко В. А.*, 1990*. Отчет о работах Пятигорского археологического отряда на территории городов Железноводск, Лермонтов и Предгорного района Ставропольского края в полевой сезон 1990 г. // Архив ИА. Р-1. № 15417.
- Фоменко В. А.*, 1991*. Отчет о работе Пятигорского отряда на территории Предгорного района Ставропольского края в 1991 г. // Архив ИА. Р-1. № 16638.
- Формозов А. А.*, 1969*. Отчет об археологических разведках в Ставропольском крае // Архив ИА. Р-1. № 3850.
- Членова Н. Л.*, 1976*. Отчет о работах Кабардино-Пятигорской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА. Р-1. № 6253а.
- Членова Н. Л.*, 1977*. Отчет о раскопках Кабардино-Пятигорской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА. Р-1. № 8005.
- Чухаркин А. Л.*, 2002*. Об археологических разведках на территории г. Кисловодска Ставропольского края в 2002 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия. М.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЭС	– Археолого-этнографический сборник
ВВ	– Византийский временник. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВИ	– Вопросы истории. М.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
КБНИИ	– Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КЧНИИ	– Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
МАД	– Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МАДИСО	– Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России
МИСК	– Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь
РА	– Российская археология. М.
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СГАИМК	– Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
СГПИ	– Ставропольский государственный педагогический институт
СКНЦВШ	– Северокавказский научный центр и высшая школа. Ростов-на-Дону
СЭ	– Советская этнография. М.
ЮОНИИ	– Южно-Осетинский научно-исследовательский институт

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

- Автовокзал, грунтовый могильник – № 126
Автосервис, поселение – № 121
Агачевский, грунтовый могильник – № 210
АЗС (Кольцо-гора 1), курганная группа – № 147, 148
Аланская Крепость (Подкумское 1), укрепление – № 192
Аланская Крепость 1, грунтовый могильник – № 190
Аланская Крепость 1, поселение – № 189
Аланская Крепость 2, грунтовый могильник – № 193
Аланская Крепость 2, поселение – № 191
Аликоновская Левобережная 1, курганная группа – № 378
Аликоновская Левобережная 2, курганная группа – № 478
Аликоновский Левобережный 3, одиночный курган – № 479, 480
Аликоновская Левобережная 4, курганная группа – № 485
Аликоновская Левобережная 5, курганная группа – № 486
Аликоновская Левобережная 6, курганная группа – № 487, 488
Аликоновская Левобережная 7, курганная группа – № 489, 490
Аликоновская Левобережная 8, курганная группа – № 494
Аликоновская Левобережная 9, курганная группа – № 499
Аликоновская Левобережная 10, курганная группа – № 500, 501
Аликоновский Ручей (Аликоновское 1, Аликоновский Карьер), поселение – № 271
Аликоновское 1, поселение – № 338
Аликоновское 2, поселение – № 208
Аликоновское 14, поселение – № 377
Аликоновское 14, укрепление – № 376
Аликоновское 15, поселение – № 548, 549
Аликоновское 15, укрепление – № 492
Аликоновское 16, укрепление – № 493
Арбакол, грунтовый могильник – № 272
Арбакол 1, укрепление – № 317
Арбакол 2, укрепление – № 555
АТХ, поселение – № 124
АТХ 1, грунтовый могильник – № 125
АТХ 2, грунтовый могильник – № 123

- Аул Махуков, поселение – № 407
Аэрофлот (Вокзальный 1), грунтовый могильник – № 55
Балка Сова 1, поселение – № 612
Барановская Горка (Кисловодское), поселение – № 46
Беловодское 1, поселение – № 518
Беловодское 1, укрепление – № 520
Беловодское 1а, поселение – № 516
Беловодское 2, поселение – № 533
Беловодское 2а, поселение – № 517
Белоглинское, поселение – № 408, 409
Белоглинское, укрепление – № 410, 411
Белореченский 1, грунтовый могильник – № 60
Белореченский 2, грунтовый могильник – № 180
Белореченский 3, грунтовый могильник – № 389
Белореченское 1 (ПАТП), поселение – № 181
Белореченское 2, поселение – № 175
Белый Уголь (Орленок), поселение – № 366
Белый Уголь, укрепление – № 367, 368
Березовский 1, грунтовый могильник – № 232
Березовский 2, грунтовый могильник – № 234
Березовский 3, грунтовый могильник – № 429
Бермамытская 1, курганная группа – № 675
Бермамытский 1 (Ул. Ломоносова), грунтовый могильник – № 255
Большое Седло 1, поселение – № 597
Боргустанское 1, поселение – № 635, 636
Боргустанское 1, укрепление – № 640
Боргустанское 2, поселение – № 642
Боргустанское 2, укрепление – № 641
Боргустанское 3, укрепление – № 643
Боргустанское 4, укрепление – № 644
Боргустанское 5, укрепление – № 677
Боргустанское 6, укрепление – № 678
Броненосец, грунтовый могильник – № 676
Броненосец 1 (Аликоновское 2, Аликоновское 3), укрепление – № 22
Броненосец 2 (Миноносец), укрепление – № 21
Буденновская Слобода 1, грунтовый могильник – № 58
Буденновская Слобода 1, поселение – № 59
Васюкова Балка, грунтовый могильник – № 553
Верхнеаликоновская 1, курганная группа – № 502, 503
Верхнеаликоновская 2, курганная группа – № 504, 505
Верхнеаликоновская 3, курганная группа – № 506
Верхнеаликоновская 4, курганная группа – № 507
Верхнеаликоновская 5, курганная группа – № 546, 547
Верхнеаликоновская 6, курганная группа – № 550, 551
Верхнеаликоновские Коши, поселение – № 633
Верхнеаликоновское 1, поселение – № 593
Верхнеаликоновское 2, поселение – № 594

- Верхнеаликоновское 3, поселение – № 632
Верхнеберезовская 1, курганная группа – № 682
Верхнеберезовское 1, поселение – № 680, 681
Верхнеберезовское 2, поселение – № 683
Верхнеольховская 1, курганная группа – № 566
Верхнеольховская 2, курганная группа – № 567
Верхнеольховская 3, курганная группа – № 575
Верхнеольховский 4, одиночный курган – № 576
Верхнеольховский 5, одиночный курган – № 598
Верхнеольховское 1, поселение – № 519
Верхнеольховское 1, укрепление – № 554
Верхнеольховское 2, поселение – № 565
Верхнетеплушкинский 1, водосбор – № 772
Верхнетеплушкинский 2, водосбор – № 773
Винзавод, грунтовый могильник – № 200
Водонапорный, грунтовый могильник – № 303
Водопадное (Аликоновское 11), укрепление – № 381
Водораздел 1, курганная группа – № 621
Водораздел 2, курганная группа – № 622
Водораздел 3, курганная группа – № 623
Водораздел 4, курганная группа – № 627
Волчи Ворота, курганная группа – № 211
Воровские Балки 1, курганная группа – № 540, 541
Воровские Балки 1, поселение – № 545
Воровские Балки 1, укрепление – № 495, 496
Воровские Балки 2, укрепление – № 497
Воровские Балки 3, укрепление – № 498
Воровские Балки 4, укрепление – № 542
Воровские Балки 5, укрепление – № 543
Воровские Балки 6, укрепление – № 544
Высокогорное 1, поселение – № 401, 402
Высокогорное 1, укрепление – № 399, 400
Высокогорное 2, поселение – № 101
Высокогорное 2, укрепление – № 100, 801
Высокогорный 1, грунтовый могильник – № 98, 99
Высокогорный 2, грунтовый могильник – № 403
Высокогорный 3, грунтовый могильник – № 94
Георгиевское Плато 1 (Санаторий им. Орджоникидзе), грунтовый могильник – № 7
Гипотетическое 1, укрепление – № 728
Гипотетическое 2, укрепление – № 729
Гипотетическое 3, укрепление – № 730
Глухая Балка 1 (Малое Седло 1), поселение – № 310
Глухая Балка 1 (Малое Седло 1, Джинальское 1), укрепление – № 309
Глухая Балка 2, поселение – № 791
Глухая Балка 2, укрепление – № 308
Гора Солдатка, одиночный курган – № 426, 427
Горное Эхо, поселение – № 18

- Горное Эхо (Аликоновское 1, Отстойник), укрепление – № 11
Горное Эхо 1, грунтовый могильник – № 17
Горное Эхо 2, грунтовый могильник – № 19
ГПТУ-29, курганный группа – № 64, 65
ГПТУ-29, поселение – № 66
Граничный, грунтовый могильник – № 117, 118
Дачи, поселение – № 319
Дачно-Березовское 1, поселение – № 417, 418
Дачно-Березовское 2, поселение – № 425
Десять Пещер, поселение – № 197
Джагинская 1, курганный группа – № 653, 654
Джагинский 1, скальный могильник – № 650
Джагинский 2, одиночный курган – № 657
Джагинский 2, скальный могильник – № 651
Джагинский 3, одиночный курган – № 662
Джагинский 3, скальный могильник – № 652
Джагинский 4, одиночный курган – № 679
Джагинское, укрепление – № 711
Джагинское 1, поселение – № 655
Джагинское 2, поселение – № 656
Джагинское 3, поселение – № 658
Джагинское 4, поселение – № 661
Джагинское 5, поселение – № 684
Джагинское 6, поселение – № 712
Джинал, поселение – № 1
Джинальский 1, одиночный курган – № 585
Джинальский 2, одиночный курган – № 663
Джинальское 1, поселение – № 584
Дзержинка, поселение – № 603
Дзержинка, укрепление – № 602
Директорская Горка (Аликоновский катакомбный 1), грунтовый могильник – № 14
Директорская Горка (Аликоновское 1), поселение – № 231
Долгоруковский, грунтовый могильник – № 416
Долина Очарования, грунтовый могильник – № 154
Долина Очарования, укрепление – № 152
Долина Очарования 1, поселение – № 153, 182
Долина Очарования 2, поселение – № 605, 606
Железнодорожное, поселение – № 133
Железнодорожный Мост, грунтовый могильник – № 203
Железнодорожный Мост, поселение – № 132
Задвижка (Кисловодское Озеро 2, Аликоновский 4, Отстойник 2), грунтовый могильник – № 13
Замковое 1–4, поселения – № 24, 25, 48, 77
Замковое 1 (Аликоновское 3), укрепление – № 23
Замковое 2, укрепление – № 33
Замковый 1 и 2, грунтовые могильники – № 26, 27, 800
Замковый (Аликоновский, выше Замка), скальный могильник – № 442
Западный, грунтовый могильник – № 415

- Звездочка, поселение – № 284
Зеленогорские Сады (Нежинская 2?), курганная группа – № 206, 207
Зеленогорские Сады, поселение – № 395, 396
Зеленогорский 2, одиночный курган – № 269, 270
Зеленогорское, поселение – № 561
Зубчихинская 1, курганная группа – № 508
Зубчихинская 2, курганная группа – № 513
Зубчихинский (?), менгир – № 476
Зубчихинский (?), склеповый могильник – № 512
Зубчихинское 1, поселение – № 438
Зубчихинское 1, укрепление – № 439
Зубчихинское 2, поселение – № 474
Зубчихинское 2а, поселение – № 475
Зубчихинское 3, поселение – № 511
Зубчихинское 4, поселение – № 509, 510
Зубчихинское 5, поселение – № 514
Зубчихинское 6, поселение – № 515
Зуретинское, укрепление – № 775
Игорская Балка, грунтовый могильник – № 174
Игорская Балка, укрепление – № 173
Индустрия 1, курганная группа – № 167, 168
Индустрия 1, грунтовый могильник – № 282
Индустрия 1, поселение – № 169
Индустрия 2, одиночный курган – № 280, 281
Индустрия 2, грунтовый могильник – № 166
Индустрия 2, поселение – № 283
Индустрия 3, поселение – № 350, 351
Кабан-Гора, поселение – № 176, 177
Кабан-Гора, укрепление – № 178, 390
Кабан-Гора 1, грунтовый могильник – № 179
Кабан-Гора 2, грунтовый могильник – № 183
Кабаногорское Кольцо 1, поселение – № 577, 578
Кабаногорское Кольцо 1 (?), укрепление – № 579, 580
Кабаногорское Кольцо 2, поселение – № 581, 582
Кабардинка, скальный могильник – № 172
Кабардинка 1, поселение – № 349
Кабардинская 1 (Кичи-Балык 12 км), курганная группа – № 160, 161
Кабардинская 2, курганная группа – № 599
Кабардинская 3, курганная группа – № 601
Кабардинский 4, одиночный курган – № 613
Кабардинская 5, курганная группа – № 614
Кабардинская 6, курганная группа – № 615
Кабардинский 7, одиночный курган – № 616
Кабардинская 8, курганная группа – № 617
Кабардинская 9, курганная группа – № 618
Кабардинская 10, курганная группа – № 619
Кабардинская 11, курганная группа – № 620

- Кабардинский, грунтовый могильник – № 163
Кабардинское 1 (Индустрия 1), укрепление – № 170, 171
Кабардинское 2, укрепление – № 165
Казачий Пикет, укрепление – № 256
Казачий Редут (Пьяный Бугор), укрепление – № 149
Казачка 1, поселение – № 81
Казачка 2, поселение – № 82
Камышовая Балка 1, поселение – № 583
Камышовая Балка 1, укрепление – № 590
Камышовая Балка 2, поселение – № 588, 589
Камышовая Балка 3, поселение – № 591
Камышовая Балка 4, поселение – № 592
Катыхинская 1, курганная группа – № 325, 326
Катыхинский 1, грунтовый могильник – № 336
Катыхинский 1, скальный могильник – № 337
Катыхинский 2, одиночный курган – № 328, 329
Катыхинский 2а, скальный могильник – № 334
Катыхинский 2б, скальный могильник – № 382
Катыхинский 3, скальный могильник – № 335
Катыхинский 4 (Бачхакол), скальный могильник – № 327
Катыхинское 1, поселение – № 324
Катыхинское 1 (Аликоновское 7, Аликоновское 4), укрепление – № 332
Катыхинское 2, поселение – № 322
Катыхинское 2, укрепление – № 323
Катыхинское 3, поселение – № 331
Катыхинское 4, поселение – № 330
Катыхинское 5, поселение – № 333
Катыхинское 6, поселение – № 321
Катыхинское 7, поселение – № 562
Катыхинское 8, поселение – № 563
Катыхинское 9, поселение – № 645, 646
Кафе Космос (Вокзальный 2), грунтовый могильник – № 56
Кичи-Балык 1, курганная группа – № 521, 522
Кичи-Балык 2, курганная группа – № 523, 524
Кичи-Балык 3, курганная группа – № 525, 526
Кичи-Балык 4, курганная группа – № 527, 528
Кичи-Балык 5, курганная группа – № 529, 530
Кичи-Балык 6, курганная группа – № 531, 532
Кичи-Балык 7, курганная группа – № 628
Клин-Яр (Клин-яр 1), укрепление – № 219, 220
Клин-Яр 1, грунтовый могильник – № 229
Клин-Яр 1а, поселение – № 218
Клин-Яр 1б, поселение – № 223
Клин-Яр 2, грунтовый могильник – № 228
Клин-Яр 2, поселение – № 413
Клин-Яр 3, грунтовый могильник – № 221, 222, 258
Клин-Яр 3, поселение – № 414

- Клин-Яр 4, грунтовый могильник – № 224, 225
Клин-Яр 5, грунтовый могильник – № 212
Клин-Яр 6, грунтовый могильник – № 412
Клин-Ярская 1 (Нежинская 1), курганная группа – № 226, 227
Клин-Ярская 2 (Нежинская 3?), курганная группа – № 393, 394
Кольцо-Гора, грот – № 404, 405
Кольцо-Гора, укрепление – № 143
Кольцо-Гора 1, грунтовый могильник – № 144
Кольцо-Гора 1, поселение – № 145
Кольцо-Гора 2 (курганы Тепличные), курганная группа – № 142
Кольцо-Гора 2, грунтовый могильник – № 188
Кольцо-Гора 2, поселение – № 146
Комбинат Стройматериалов, грунтовый могильник – № 199
Комбинат Стройматериалов, поселение – № 201, 202
Коммунстрой, поселение – № 556
Конзавод 1, одиночный курган – № 354
Конзавод 1, поселение – № 685
Конзавод 2, курганная группа – № 355
Конзавод 2, поселение – № 686
Конзавод 3, курганная группа – № 356
Конзавод 3, поселение – № 687, 688
Конзавод 4, курганная группа – № 692, 693
Конзавод 4, поселение – № 689, 690
Конзавод 5, одиночный курган – № 695
Конзавод 5, поселение – № 691
Конзавод 6, одиночный курган – № 696
Конзавод 6, поселение – № 694
Конхуторский (Эчкивацкий, Эчки-Башинский), грунтовый могильник – № 311
Конхуторское 1 (Аликоновское 9), поселение – № 314, 315
Конхуторское 1 (Аликоновское 9), укрепление – № 312, 313
Конхуторское 2, поселение – № 674
Конхуторское 2, укрепление – № 709
Конхуторское 3, поселение – № 705
Конхуторское 4, поселение – № 706
Конхуторское 5, поселение – № 707
Конхуторское 6, поселение – № 708
Конхуторское 7, поселение – № 710
Конхуторское Правобережное 1, укрепление – № 779
Конхуторское Правобережное 2, укрепление – № 780
Кордон, одиночный курган – № 463, 464
Кордон, поселение – № 32
Коши Березовские, поселение – № 432
Красивый Курган 1, курганная группа – № 369
Красивый Курган 1, укрепление – № 357, 358
Красивый Курган 2, курганная группа – № 481, 482
Красивый Курган 2 (?), укрепление – № 370, 371
Красивый Курган 3, одиночный курган – № 483, 484

- Красная Площадь, грунтовый могильник – № 339
Красное Солнышко, укрепление – № 3
Красные Камни, грунтовый могильник – № 304
Красные Камни, поселение – № 423, 424
Красные Пески (Аликоновское 8, напротив Конхуторского), укрепление – № 359, 360
Крестовая Горка (Крестовое, Кисловодское), поселение – № 49, 50
Круглый, одиночный курган – № 373, 374
Кругозор, грунтовый могильник – № 5
Крымушкинская Балка 1, поселение – № 139, 140
Крымушкинская Балка 2, поселение – № 122
Кугульский 1, грунтовый катакомбный могильник – № 41
Кугульский 2, грунтовый катакомбный могильник – № 39
Кугульский 4, грунтовый могильник – № 42
Кугульский Восточный (Кугульский 3), склеповый могильник – № 45
Кугульский Западный (Кугульский 3), склеповый могильник – № 43
Кугульское (Кабардинское 1), укрепление – № 44
Кугульское 1, поселение – № 40
Кугульское 2, поселение – № 37, 38
Куян Балка 1, одиночный курган – № 713
Куян Балка 1, поселение – № 714
Куян Балка 2, одиночный курган – № 716
Куян Балка 2, поселение – № 715
Куян Балка 3, курганная группа – № 717
Куян Балка 3, поселение – № 718
Куян Балка 4, курганная группа – № 719
Левобережное Эшкаконское 1, укрепление – № 761
Левобережное Эшкаконское 2, укрепление – № 724
Левобережное Эшкаконское 3, укрепление – № 762
Левоберезовская, дорога – № 441
Левоберезовский 1, одиночный курган – № 624
Левоберезовский 2, одиночный курган – № 626
Левоберезовское 1, поселение – № 235
Левоберезовское 1, укрепление – № 794
Левоберезовское 2, поселение – № 236
Левоберезовское 3, укрепление – № 233
Левоберезовское 4, поселение – № 431
Левоберезовское 4, укрепление – № 430
Левоберезовское 5, поселение – № 440
Левоберезовское 5, укрепление – № 437
Левоберезовское 6, поселение – № 611
Левоберезовское 7, поселение – № 609
Левоберезовское 8, поселение – № 610
Левоберезовское 9, поселение – № 607
Левоберезовское 10, поселение – № 625
Левоберезовское 11, поселение – № 787, 788
Левоберезовское 12, поселение – № 789, 790
Левоберезовское 13, поселение – № 795

- Левоберезовское 14, поселение – № 796
Левоподкумский (У городской свалки ?), грунтовый могильник – № 187
Левоподкумское 1 (У городской свалки), поселение – № 186
Левоподкумское 1, укрепление – № 295, 296
Левоподкумское 2, поселение – № 297
Лермонтовская Дорога, грунтовый могильник – № 250
Лермонтовская Скала, святилище – № 102
Лермонтовская Скала (Ольховское 1), укрепление – № 103
Лермонтовская Скала 1 (Лермонтовская Скала 5), грунтовый могильник – № 97
Лермонтовская Скала 1, поселение – № 386, 387
Лермонтовская Скала 2 (Лермонтовская Скала 1а), грунтовый могильник – № 91
Лермонтовская Скала 2 (Лермонтовская Скала 1б), грунтовый могильник – № 92
Лермонтовская Скала 2, поселение – № 105, 106
Лермонтовская Скала 3 (У реки), грунтовый могильник – № 107
Лермонтовская Скала 3, поселение – № 93
Лесхоз (У городской свалки), грунтовый могильник – № 196
Лесхоз 1, поселение – № 194
Лесхоз 2, поселение – № 195
Ломоносовка (Бермамытское), укрепление – № 259, 260
Луначарка, поселение – № 318
Луначарка 1 (У совхоза им. Луначарского, Аликоновский 1), грунтовый могильник – № 9
Луначарка 2, грунтовый могильник – № 36
Луначарский (?), склеповый могильник – № 564
Малое Седло, грунтовый могильник – № 306
Малое Седло 1, укрепление – № 586, 587
Малое Седло 2, поселение – № 307
Малый Клин-Яр 1, грунтовый могильник – № 213, 214, 802
Малый Клин-Яр 1, поселение – № 215
Малый Клин-Яр 1 (Клин-яр 2), укрепление – № 216
Малый Клин-Яр 2, поселение – № 217
Мачты (Луначарка 2, Аликоновский 2, У совхоза им. Луначарского), грунтовый могильник – № 10, 797, 798
Мебельная Фабрика, поселение – № 128
Мебельная Фабрика 1, грунтовый могильник – № 127
Мебельная Фабрика 2, грунтовый могильник – № 141
Медовое (Аликоновское 12, Эчки-Башинское Правобережное), укрепление – № 375
Медовое Правобережное 1, укрепление – № 776
Медовое Правобережное 2, укрепление – № 777
Медовое Правобережное 3, укрепление – № 778
Мирный 1, одиночный курган – № 697
Мирный 1, грунтовый могильник – № 288
Мирный 1, поселение – № 293, 294
Мирный 1, укрепление – № 291, 292
Мирный 2, одиночный курган – № 700
Мирный 2, грунтовый могильник – № 298
Мирный 2, поселение – № 637
Мирный 2, укрепление – № 289, 290

- Мирный 3, одиночный курган – № 703
Мирный 3, поселение – № 638, 639
Мирный 4, одиночный курган – № 704
Мирный 4, поселение – № 698
Мирный 5, поселение – № 699
Мирный 6, поселение – № 659
Мирный 7, поселение – № 660
Мирный 8, поселение – № 701
Мирный 9, поселение – № 702
Митькин Кутан 1, поселение – № 34
Митькин Кутан 1, скальный могильник – № 35
Митькин Кутан 2, грунтовый могильник – № 570
Митькин Кутан 2, поселение – № 320
Митькин Кутан 3, поселение – № 445, 446
Мокрая Балка, святилище – № 453, 454
Мокрая Балка, склеповый могильник – № 461
Мокрая Балка 1, дорога – № 455, 456
Мокрая Балка 1, грунтовый могильник – № 28
Мокрая Балка 1, поселение – № 436
Мокрая Балка 1, укрепление – № 30
Мокрая Балка 2, дорога – № 459, 460
Мокрая Балка 2, грунтовый могильник – № 29
Мокрая Балка 2, поселение – № 452
Мокрая Балка 2, укрепление – № 435
Мокрая Балка 3, поселение – № 458
Мокрая Балка 3, укрепление – № 31
Мокрая Балка 4, поселение – № 722
Мокрая Балка 4 (?), укрепление – № 457
Молочная Горка, одиночный курган – № 209
Мосейкин Мыс 1, поселение – № 340
Мосейкин Мыс 1, скальный могильник – № 792
Мосейкин Мыс 1 (Березовское 2, Березовское 1), укрепление – № 342, 343
Мосейкин Мыс 2, поселение – № 341
Мосейкин Мыс 2, укрепление – № 419, 420
Мосейкин Мыс 3, поселение – № 344, 345
Набережная ул., д. 63, грунтовый могильник – № 552
Набережная, грунтовый могильник – № 70
Над Медовыми Водопадами, поселение – № 649
Напротив Катыхинской Балки 1 (Аликоновское 5), укрепление – № 384
Напротив Катыхинской Балки 2, укрепление – № 774
Напротив Катыхинской Балки 3 (Аликоновское 6), укрепление – № 383
Нарзанное, поселение – № 372
Нарзанный 1, грунтовый могильник – № 90
Нарзанный 2 (Игорская Балка), грунтовый могильник – № 385
Нарт-Башинский 1, грунтовый могильник – № 380
Нарт-Башинский 2, грунтовый могильник – № 491
Нарт-Башинское (Аликоновское 13), укрепление – № 379

- Ниязбековский 1, скальный могильник – № 769
Ниязбековский 2, скальный могильник – № 770
Ниязбековское, укрепление – № 727
Озерное, укрепление – № 15
Острый Курган, укрепление – № 448
Острый Курган 1, поселение – № 449, 450, 451
Острый Курган 2, поселение – № 447
Острый Мыс, скальный могильник – № 113
Острый Мыс (Подкумское 3), укрепление – № 112
Острый Мыс 1, грунтовый могильник – № 109
Острый Мыс 1, поселение – № 114, 115
Острый Мыс 2, грунтовый могильник – № 110
Острый Мыс 2, поселение – № 108
Острый Мыс 3, грунтовый могильник – № 116
Острый Мыс 3, поселение – № 111
Отстойник 1 (Кисловодское Озеро 1, Аликоновский 3), грунтовый могильник – № 12, 799
Очистное 1, грунтовый могильник – № 80
Очистное 1, поселение – № 79
Первомайская Поляна, поселение – № 421, 422
Первомайское 1, поселение – № 781, 782
Первомайское 1, укрепление – № 757
Первомайское 2, поселение – № 783, 784
Первомайское 2, укрепление – № 758
Первомайское 3, поселение – № 785
Первомайское 3, укрепление – № 759
Первомайское 4, поселение – № 786
Первомайское 4, укрепление – № 760
Перепрыжка 1, одиночный курган – № 534, 535
Перепрыжка 1, поселение – № 538, 539
Перепрыжка 2, курганная группа – № 536
Перепрыжка 3, курганная группа – № 537
Печоринский Склеп (Лермонтовская Скала 3), склеповый могильник – № 104
Пикет, поселение – № 257
Плодоовощная База, курганная группа – № 74
Подкумская 1, курганная группа – № 155, 156
Подкумская 2, курганная группа – № 150, 151
Подкумская 3, курганная группа – № 604
Подкумские Дачи, курганная группа – № 243
Подкумские Дачи 1, поселение – № 244
Подкумские Дачи 2, поселение – № 242
Подкумские Дачи 3, поселение – № 245
Подкумские Террасы, грунтовый могильник – № 71
Подкумские Террасы, поселение – № 72
Подкумский 1, грунтовый могильник – № 158
Подкумский 2, грунтовый могильник – № 159
Подкумский 3, грунтовый могильник – № 361
Подкумский 4, грунтовый могильник – № 406

- Подкумский Мост, поселение – № 131
Подкумское 1, поселение – № 157
Подсобное хозяйство Семашко 1, 2, грунтовый могильник – № 428
Попова Доля, грот – № 391, 392
Попова Доля (Ул. Станичная, 38), курганная группа – № 68
Попова Доля, поселение – № 69
Правобережная Эшкаконская 1, курганная группа – № 804
Правобережное Эшкаконское 1, укрепление – № 763
Правобережное Эшкаконское 2, укрепление – № 764
Правоберезовская 1, курганная группа – № 467
Правоберезовская 2, курганная группа – № 472
Правоберезовская 3, курганная группа – № 473
Правоберезовская 4, курганная группа – № 574
Правоберезовский, одиночный курган – № 278, 279
Правоберезовский (Березовский 7?), грунтовый могильник – № 346
Правоберезовский 5 (?), одиночный курган – № 629
Правоберезовское 1, поселение – № 162
Правоберезовское 1 (?), укрепление – № 470, 471
Правоберезовское 2, поселение – № 347
Правоберезовское 2, укрепление – № 348
Правоберезовское 3, поселение – № 465, 466
Правоберезовское 4, поселение – № 468, 469
Правоберезовское 5, укрепление – № 572
Правоберезовское 7, поселение – № 571
Правоберезовское 8, поселение – № 573
Правоберезовское 9, поселение – № 630, 631
Промзона 1 и 2, поселение – № 129, 130
Проспект Ленина (Реброва Балка 2), грунтовый могильник – № 52
Пятницкая Горка, одиночный курган – № 397, 398
Развилка, грунтовый могильник – № 239
Реброва Балка 1, грунтовый могильник – № 134
Решинка 1, поселение – № 62
Решинка 2, поселение – № 63
Рим-Гора, поселение – № 302
Рим-Гора, городище – № 300, 721
Рим-Гора 1, грунтовый могильник – № 299
Рим-Гора 2, грунтовый могильник – № 301
Рим-Гора 3, скальный могильник – № 739
Рыбные Пруды, курганная группа – № 205
Рыбные Пруды, грунтовый могильник – № 204
Санаторий “Москва”, поселение – № 61
Санаторий им. Горького (Крестовая Горка, Кисловодский), грунтовый могильник – № 47
Санаторий им. Орджоникидзе, грунтовый могильник – № 6
Санаторий Наркомтяжпром (Георгиевское Плато 2), грунтовый могильник – № 8
Санаторий “Смена”, грунтовый могильник – № 54
Сафоновский Родник, грунтовый могильник – № 73
Смена, поселение – № 53

- Сова 1, укрепление – № 720
Солдатская Балка, укрепление – № 263, 264
Солдатская Балка 1, грунтовый могильник – № 477
Солдатская Балка 1, поселение – № 261, 262
Солдатская Балка 2, поселение – № 265, 266
Солдатская Балка 2 (?), грунтовый могильник – № 267
Солдатское 1 (Зеленогорское 1), поселение – № 443, 444
Сосновая Горка 1, грунтовый могильник – № 237
Сосновая Горка 2, грунтовый могильник – № 238
Сосновый Бор, укрепление – № 352, 353
Спящая Красавица, поселение – № 362, 363, 462
Спящая Красавица, укрепление – № 364, 365
Султан-Гора, укрепление – № 85, 86
Султан-Гора 1, грунтовый могильник – № 83
Султан-Гора 2, грунтовый могильник – № 84
Султан-Гора 2, поселение – № 87, 88
Султан-Гора 3 (Узкая Балка), грунтовый могильник – № 89
Султанное, поселение – № 569
Султанное, укрепление – № 568
Сухая Балка (Лермонтовская Скала 4), грунтовый могильник – № 96
Сухая Ольховка, грунтовый могильник – № 95
Сухая Ольховка 1, поселение – № 600
Сырзавод 1, курганная группа – № 557
Сырзавод 2, одиночный курган – № 558
Сырзавод 3, курганная группа – № 559
Сырзавод 4, одиночный курган – № 560
Сырзавод 5, курганная группа – № 634
Тарный Склад (Подкумское 2), укрепление – № 198
Татарка, поселение – № 276, 277
Татарка (Березовское 1, Правобережное Березовское 2), укрепление – № 274, 275
Театральный (Курзал), грунтовый могильник – № 57
Теплушкинский, канал – № 771
Теплушкинское 1, укрепление – № 766
Теплушкинское 2, укрепление – № 767
Теплушкинское 3, укрепление – № 768
Тихий Уголок, грунтовый могильник – № 254
Тихий Уголок, поселение – № 253
Тихий Уголок, скальный могильник – № 251
Тихий Уголок, укрепление – № 252
Три Печи, грунтовый могильник – № 75
Тупой Мыс, курганная группа – № 240, 241
Тупой Мыс, поселение – № 248, 249
Тупой Мыс, укрепление – № 246, 247
Туркмения, укрепление – № 2
У моста через Аликоновку, скальный могильник – № 20
Указатель (Аликоновское 10), укрепление – № 273
Ул. Войкова, грунтовый могильник – № 388

- Ул. Киевская, грунтовый могильник – № 78
Ул. Коминтерна, 32 (Санаторий “Кисловодск”), грунтовый могильник – № 51
Ул. Кутузова (Горизонтальный), одиночный курган – № 16
Ул. Черняховского (Сувенирная Фабрика), курганная группа – № 67
Уллубаганалы 2 (Эшкаконское 2), поселение – № 743, 744
Уллубаганалы 2, грунтовый могильник – № 803
Учкекенский 1, скальный могильник – № 740
Учкекенский 2, грунтовый могильник – № 741
Хлораторный (Зеленогорский 1), грунтовый могильник – № 268
Храм Воздуха, поселение – № 305
Центральная Эшкаконская, курганная группа – № 805
Центральное Эшкаконское, укрепление – № 765
Церковная Горка, грунтовый могильник – № 4
Чабарня 1, поселение – № 595
Чабарня 2, поселение – № 596
Черкасский, грунтовый могильник – № 285
Черкасское, укрепление – № 286, 287
Шестой километр, поселение – № 164
Широкая Балка, грунтовый могильник – № 230
Школа № 9, курганная группа – № 76
Элькуш, грунтовый могильник – № 793
Элькуш, укрепление – № 433, 434
Элькуш 1, курганная группа – № 608
Эчкиваш, скальный могильник – № 316
Эчкиваш 1, поселение – № 647
Эчкиваш 2, поселение – № 648
Эчкиваш 3, поселение – № 665
Эчкиваш 4, поселение – № 666, 667
Эчкиваш 5, поселение – № 668
Эчкиваш 6, поселение – № 670
Эчкиваш 7, поселение – № 671
Эчкиваш 8, поселение – № 673
Эчкивашские Коши, поселение – № 664
Эчкивашский, одиночный курган – № 669
Эчкивашское, укрепление – № 672
Эшкаконская 6, курганная группа – № 750
Эшкаконская 7, курганная группа – № 751
Эшкаконский (Эшкаконский 8), грунтовый могильник – № 752
Эшкаконский 1 (Эшкаконский 20), скальный могильник – № 735
Эшкаконский 2 (Эшкаконский 19), скальный могильник – № 734
Эшкаконский 3 (Эшкаконский 18), скальный могильник – № 733
Эшкаконский 4, грунтовый могильник – № 747
Эшкаконский 4 (Эшкаконский 17), скальный могильник – № 732
Эшкаконский 5 (Эшкаконский 16), скальный могильник – № 731
Эшкаконский 6, грунтовый могильник – № 749
Эшкаконский 6 (Эшкаконский 22), скальный могильник – № 736
Эшкаконский 11, скальный могильник – № 738

- Эшкаконский 24, скальный могильник – № 737
Эшкаконское 1, поселение – № 742
Эшкаконское 3, поселение – № 745, 746
Эшкаконское 5, поселение – № 748
Эшкаконское 10, укрепление – № 754
Эшкаконское 12, поселение – № 755
Эшкаконское 13, поселение – № 753
Эшкаконское 14, поселение – № 756
Эшкаконское 15, укрепление – № 726
Эшкаконское 21, укрепление – № 725
Эшкаконское 25, поселение – № 723
Юбилейный, грот – № 119, 120
Ясли (Маркин Кош), грунтовый могильник – № 185
Ясли (Маркин Кош), укрепление – № 135, 136
Ясли 1 и 2, поселение – № 137, 138
Ясли 3, поселение – № 184